

ВАЛЕРИЙ СОЛДАТЕНКО

[illegible]

George M. S.

Edward

ГЕОРГИЙ ПЯТАКОВ: ОППОНЕНТ ЛЕНИНА, СОПЕРНИК СТАЛИНА

Солдатенко Валерий Фёдорович –

Родился 13 апреля 1946 г. в г. Селидово,
Донецкой обл. (Украина).

Окончил исторический факультет Киевского государственного
университета им. Т. Г. Шевченко.

Член-корреспондент Национальной академии наук Украины,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель
науки и техники Украины. Лауреат премии НАН Украины
им. Н. Костомарова и международной премии
им. В. Винниченко.

Сфера научных интересов – история общественно-
политического, революционного, национально-
освободительного движений XX века.

Важное место в исследованиях уделяется выяснению
различных аспектов исторической и национальной памяти,
генеалогии украинской идеи, опыту государственного
строительства, соборничества, международной
и военной политики, разработке проблем историографии
и методологии науки, современного украиноведения,
политологии.

Автор более 700 публикаций, 30 из которых – индивидуальные

монографии. В их числе: «Украинская революция:
концепция и историография» (в 2 т. К., 1997, 1999);

«Украинская революция. Исторический очерк» (К., 1999);

«Несломленный: жизнь и смерть Николая Скрыпника» (К., 2002);

«Георгий Пятаков: мгновения неспокойной судьбы» (К., 2004);

«Три Голгофы: политическая судьба Владимира Винниченко»

(К., 2005); «В поисках социальной и национальной гармонии.

(Эскизы к истории украинского коммунизма)» (К., 2006);

«Винниченко и Петлюра: политические портреты

революционной эпохи» (К., 2007); «Украина в революционную

эпоху: Исторические эссе-хроники» (в 4 т. Годы 1917–1920)

(Харьков, Киев, 2008–2010); «Проект “Украина” 1917–1920 гг.

Личности». (Харьков, 2011); «Революционная эпоха в Украине

(1917–1920 гг.): логика постижения, исторические личности,

ключевые эпизоды» (1 и 2-е изд. К., 2011, 2012);

«В водовороте революций и гражданской войны (актуальные

аспекты изучения 1917–1920 гг. в Украине)» (К., 2012);

«Украина. Год 1917» (К., 2012); «Гражданская война в Украине.

1917–1920 гг.» (М., 2012); «Национальная память

(ресурсы и ударения)» (К., 2016).

АЛЕРИЙ СОЛДАТЕНКО

**ГЕОРГИЙ ПЯТАКОВ:
ОППОНЕНТ ЛЕНИНА,
СОПЕРНИК
СТАЛИНА**

РОССПЭН

Москва

2017

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère
d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С60

Солдатенко В. Ф.

С60 Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина / Валерий Солдатенко. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 423 с. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-2112-8

Автор этой книги рассказывает о сложном и противоречивом жизненном пути большевика Г. Л. Пятакова, первого секретаря ЦК КП(б) Украины, председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, участника всех сколько-нибудь значимых событий революционного движения в Украине в начале XX века, а позднее – социалистических преобразований в СССР 20–30-х гг. Г. Л. Пятаков с молодых лет выступал одним из наиболее солидных оппонентов в интеллектуальных дискуссиях с Лениным и его сторонниками о сущности, характере мировых общественных процессов, месте и роли в них России, перспективах партийного и государственного строительства. Один из самых выдающихся партийно-политических деятелей первых послереволюционных десятилетий, Пятаков участвовал во фракционной борьбе на стороне оппозиции и являлся весьма крупным идейным соперником Сталина, в конце концов разделив судьбу многих жертв политических репрессий.

Издание рассчитано на всех, интересующихся отечественной историей.

В оформлении титула использован фрагмент фотографии членов ЦВРК Украины (на последней странице обложки она воспроизведена полностью), десятилетиями переходивший из издания в издание. Цель – не только устранить из жизни, но и вычеркнуть из нашего прошлого «нежелательные» имена, факты, события...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2112-8

© Солдатенко В. Ф., 2017
© Политическая энциклопедия,
2017

ВВЕДЕНИЕ

Ночь. Тишина. Просторная комната. В полутьме можно разглядеть стеллажи с многочисленными книгами, папки с рукописями. В углу – массивный дубовый стол под зеленым сукном. Свет настольной лампы выхватывает аккуратную стопочку чистой бумаги. Чернильница. Ручка. Больше ничего.

Но больше ничего и не нужно. Перо будет мерно опускаться в чернильницу. А на бумагу лягут – строка за строкой – годы, события, факты биографии человека, который будто в полузабытии застыл в кресле.

По внешности возраст хозяина сразу и не угадаешь. пышная рыжая шевелюра и густая, нельзя сказать, что очень ухоженная, косматая борода едва припорошены сединой и вроде бы дают основания думать, что мужчина этот уже достаточно зрелых лет. Однако через лохматые волосы, будто бы невзначай, прорываются – просматриваются очертания лица еще весьма молодого с виду человека. Но самая большая загадка – в глазах. Темные и блестящие (это видно даже через толстые стекла пенсне), это глаза молодого человека. Но столько в них бесконечной внутренней тоски, столько мудрости и какой-то тяжелой сосредоточенности, что сразу веришь: этому человеку довелось уже немало изведать в жизни, не раз сильно перестрадать, вынести не один моральный удар. И именно глаза, точнее их выражение, этот задумчиво-сосредоточенный взгляд придают всей внешности что-то неуловимо-трагическое и грустное, в то же время страстное и нерешительно-подозрительное, благородное и зловещее.

Он всем корпусом слегка склонился вперед, будто бы стремясь догнать свой же взгляд, не то напрягаясь что-то разглядеть в покрытой мраком дальней части комнаты, не то погружаясь куда-то значительно глубже, сразу во всю предыдущую жизнь, в попытке понять, почему его судьба, судьба Георгия Леонидовича Пятакова сложилась именно так, могло ли быть иначе, можно ли дать свершенному и пержитому простые, ясные, убедительные оценки...

Когда составители широко известного и очень авторитетного энциклопедического словаря «Гранат», издававшегося Российским библиографическим институтом, предложили Георгию Пятакову написать автобиографию и биографическую статью о его погибшем родном брате для очередного тома «Деятели СССР и революцион-

ного движения России», это его не порадовало и даже встревожило; интуиция и ум подсказывали: будет очень и очень нелегко.

Вовсе не из-за того, что писать было не о чем, и не потому, что вообще писать – не «его стихия». Те, кто еще вчера были «никем», а сегодня стали «всеми», вдохновенно и горделиво-легко «выстреливали» «пухленькие» очерки о себе, о собственных заслугах и здесь же начинали затяжные споры с литературными редакторами, не давая изменить «ни запятой» в своих далеко небезупречных, с достаточно большими субъективными наслоениями рукописях. А он, Георгий Пятаков, для которого писать стало профессией, глубокой внутренней потребностью, уже в который раз садится за стол, «погружается в себя», размышляет несколько часов подряд и... оставляет перо сухим, а бумагу нетронутой.

Просто не хотелось писать, и все. Каждый раз, едва он садился за стол, приходило ощущение острого недовольства судьбой. Какая-то она слишком уж нескладная, труднодостижимая. Это нелегко объяснить себе самому, а людям, многим людям – читателям – и подавно!

Отказаться, отмахнуться – не выход. Аргументов нет. И материал он все-таки напишет. Однако получится сухо и казенно, без души. А ночные размышления, яркие воспоминания так навсегда и останутся в нем. Сам он не пожелает ни с кем ими поделиться, не позволит никому, даже слегка, к ним прикоснуться и помочь лучше понять эту очень непростую личность, яркий самобытный, могучий талант, которому так не посчастливилось в жизни и раскрыться которому в полной мере не было суждено.

Так бывает. Человек живет, работает, борется. Действует осмысленно, целеустремленно, плодотворно, покоряет новые и новые вершины, поступает по правде, по справедливости, всего себя отдает служению высокой идее. Однако постоянно чувствует, что живет какой-то, вроде бы не совсем своей жизнью, каждый раз остается недовольным собой, критически оценивает созданное, достигнутое.

Почти сразу Г. Пятаков снискал себе репутацию – и она впоследствии за ним закрепилась – неудобной, конфликтной личности. Создавалось впечатление, что он всегда против всех воевал (прежде всего идейно), никогда ни с кем не мирился, был слишком непростым, некоммуникабельным. Поэтому не стоит удивляться практически сплошь негативному отношению к этому самонадеянному, самолюбивому, пусть и очень оригинальному, нетрадиционному, нетипичному, «нестандартному» политику, которое сформировалось у многих, кто с ним общался.

Ну и что с того, что природа так щедро одарила Георгия Пятакова умственными способностями (сомнений в этом ни у кого, кто хоть немножко знал его, обычно не возникало)? А на что он их направил, потратил?

Даже сам вождь большевизма В. Ленин посвятил критике взглядов Г. Пятакова столько трудов, сколько не удостоился ни один молодой партийный деятель его возраста, ранга и опыта.

А когда он был солидарен во всем с генеральной линией партии?.. В какие оппозиции не входил?.. Каких только антипартийных документов не подписывал?.. Недаром он, дважды избиравшийся первым секретарем Центрального комитета коммунистической партии (большевиков) Украины, оба раза не «дотягивал» до окончания установленного срока и увольнялся с самой высокой партийной должности. Та же история и с председательством во Временном рабоче-крестьянском правительстве Украины в конце 1918 – начале 1919 года.

А то, что его исключали из ВКП(б), правда, потом восстановили, но в конечном итоге репрессировали; десятки лет вспоминали лишь как злостного антипартийного оппозиционера, «врага народа» – одного из самых твердых, самых непреклонных, опаснейших?..

И в конечном итоге так и произойдет, что на протяжении десятилетий не выйдет ни одного биографического очерка о нем, а впоследствии в обобщающих трудах практически всегда его имя будет сопровождаться негативными эпитетами, оценками: антимарксист, оппортунист, троцкист, предатель, демагог и т. п.¹ Без критического элемента не обойдется ни одна справка в таких фундаментальных изданиях, как собрания сочинений В. Ленина, его биографическая хроника, протоколы и стенограммы съездов, конференций, пленумов ЦК партии.

Во время хрущевских реабилитаций очередь до Г. Пятакова не дошла, но, очевидно, и не могла дойти.

А в конце 80-х все произошло очень быстро, без напряжения – обыденно, «кампанейски». Верховный суд Союза ССР реабилитировал всех осужденных в январе 1937 года по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», в том числе и Г. Л. Пятакова. Казалось, пришло время торжества справедливости, и историки воздадут наконец должное такой незаурядной личности как первый секретарь ЦК КП(б)У, один из видных деятелей ВКП(б), СССР. И повод как раз выпадал достаточно удобный: приближалось 100-летие со дня рождения Георгия Леонидовича и можно было безо всяких предубеждений отметить юбилейную дату на солидном уровне, привлечь к этому событию внимание широкой общественности.

¹ См., напр.: Більшовицькі організації України в боротьбі за перемогу Великої Жовтневої Соціалістичної революції (Збірник статей). К., 1949. С. 12, 16, 40 и др.

Однако, возможно, в силу нехватки исследований совсем не простого жизненного пути, общественно-политических взглядов и наследия Г. Пятакова, априорно нелегкое дело распутывания слишком уж тугих и непонятных «узлов» его биографии. Публикаций, ему посвященных, вышло не так много, как в случае таких, практически равновеликих ему (или сравнительно соизмеримых), фигур в коммунистической партии и советском государстве, как Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Бухарин, М. Рыков, К. Радек, Х. Раковский.

Относительно большинства перечисленных, как и ряда других личностей, существовала достаточно обширная западная и эмигрантская литература. Ее достижения, как отправные, оперативно впитывались советской историографией, дополнялись чрезвычайно богатым и практически не использованным ранее архивным материалом, способствовали появлению буквально вала публикаций в советских центральных и местных издательствах, в периодике. Однако фигура самого Г. Пятакова по-прежнему оставалась в тени. То ли московские научные центры считали, что первое слово здесь должно быть за украинскими историками, то ли по какой-либо другой причине имя Георгия Леонидовича кроме как в так называемых «обоймах», тех, кто боролся с упрочением тоталитаризма в советском государстве и в конечном итоге стали его жертвами, не упоминалось. Разве что в новейших воспроизведениях некоторых раритетов¹.

Примечательно, что даже в 1987 г. готовившие специальную энциклопедию, посвященную Октябрьской революции, ее авторы-составители поместили очень краткую (буквально в несколько строк) справку о Леониде Леонидовиче Пятакове², погибшем от рук гайдамаков, но о его брате – Георгии Леонидовиче, безусловно более крупной политической фигуре, личности, оставившей несомненно более значимый исторический след, – даже не упомянули.

В Украине же к феномену Г. Пятакова обратились лишь два историка, по крайней мере только они обнародовали свои исследования, связанные с деятельностью Г. Пятакова. Это были статьи научного сотрудника Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (потом Института политических исследований ЦК Компартии Укра-

¹ См., напр.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное издание. М., 1989. С. 591–592; Валентинов Н. (Вольский.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. М., 1999; он же. Наследники Ленина. М., 1991.

² Пятаков Леонид Леонидович // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987.

ины) Михаила Сапуна и заведующего отделом историко-политических исследований того же института, автора данного труда Валерия Солдатенко.

Первый стремился понять феномен Г. Пятакова на протяжении всей жизни, пытался проследить все главные вехи его биографии, в частности в 1922–1937 годах (условно это время можно назвать послеукраинским периодом жизни героя)¹. Он планировал подготовить монографическую научную биографию Георгия Леонидовича Пятакова, однако преждевременно ушел из жизни, так и не успев реализовать интересный, многообещающий замысел.

Автор этих строк больше был сосредоточен на исследовании деятельности Г. Пятакова в Украине, то есть преимущественно в дореволюционное время, в 1917–1920 годах, когда Георгий Леонидович поднялся на вершину партийно-политической и государственной иерархии².

Собственно, публикации 80-х годов, в том числе и в соавторстве с М. Сапуном³ (от этого сотрудничества сохранились и совместно собиравшиеся и обрабатывавшиеся материалы, в том числе архивные, частично используемые в данном труде), стали органическим продолжением работы автора над историко-революционной проблематикой, к которой он был причастен на протяжении предыдущих десятилетий. Одной из примечательных черт тех проектов было постепенное и неуклонное введение в научный оборот фактов, документов и материалов, которые касались разных сторон деятельности Г. Пятакова⁴.

¹ Сапун М. «Видатний і відданий працівник»: Штрихи біографії Георгія Пятакова // Робітнича газета. 1989. 31 березня, 1 квітня; он же. Георгій Леонідович Пятаков // Під прапором ленінізму. 1989. № 8. С. 43–48; он же. Завжди в опозиції. Політичні погляди Г. Л. Пятакова // Маршрутами історії. К., 1990. С. 522–539; он же. Георгій Пятаков у Києві. До 100-річчя з дня народження // Український історичний журнал. 1990. № 8. С. 125–132.

² Солдатенко В. Ф. Г. Л. Пятаков: епізоди життя і діяльності на Україні // Український історичний журнал. 1989. № 4. С. 92–106; он же. На повороті історії. Епізоди життя і діяльності на Україні Г. Л. Пятакова // Радянська Україна. 1989. 4, 5, 6, 11, 14 травня; он же. Апрельские тезисы В. И. Ленина: процесс и итоги обсуждения в большевистской организации Киева // Дискусии в РСДРП(б). Сборник статей. М., 1990. С. 76–97.

³ См.: Сапун М. М., Солдатенко В. Ф. Секретар першого ЦК КП(б)У // Про минуле заради майбутнього. К., 1989. С. 209–236.

⁴ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Февраль 1917 г. – февраль 1918 г. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий. В 2 ч. Ч. 1. К.,

В. Солдатенко было доверено сделать научный доклад на собрании общественности республики по случаю 100-летия со дня рождения Г. Пятакова, подготовить ответственные биографические очерки о Георгии Леонидовиче для важных итоговых изданий энциклопедического характера¹, а также сопроводительные критические сюжеты к серии документальных публикаций².

Сложившаяся непростая политическая конъюнктура (после 1991 года) существенно затормозила начатую работу. Спорадические коротенькие справки и сюжеты в отдельных трудах³ лишь воспроизводили давно и хорошо известные вехи жизненного пути Г. Пятакова, демонстрировали желание их авторов избежать четких политических, а главное – научных оценок.

Создается впечатление, что российские историки «застыли» на одном уровне восприятия и оценки личности Г. Пятакова, почти не прилагают усилий, чтобы расширить знания о нем, скупно дозируя в

1977; Ч. 2. К., 1982; Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980; они же. Сплочение большевиков Украины на идейно-политической платформе Апрельских тезисов В. И. Ленина // Великой партии отряд. Из истории большевистских организаций Украины. К., 1983. С. 140–159; Солдатенко В. Ф. Идти впереди всех. Из опыта борьбы большевистской прессы Украины за победу социалистической революции. К., 1986; Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгун П. М. В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986.

¹ См.: Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. К., 1987. С. 458; Сторінки історії Компартії України. Запитання і відповіді. К., 1990; Комуністична партія України: з'їзди і конференції. К., 1991.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5–12 июля 1918 г.: Протоколы. К., 1988; Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. документов и материалов. К., 1990. С. 80; Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 г.: Протоколы. К., 1991; Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України 1–6 березня 1919 р.: Протоколи. К., 2002; Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України 17–23 березня 1920 р. Стенограма. К., 2003.

³ Колодежный В. Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 494; Українська революція і державність (1917–1920 рр.). К., 1998; Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. К., 1999; Пятаков Георгій Леонідович // Уряди України у XX ст. Науково-документальне видання. К., 2001. С. 342–344.

своих трудах давно известную информацию¹. Удивление вызывает, в частности, что в справочных материалах к изданию неизвестных документов В. Ленина бывшие сотрудники Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в настоящее время – Российский государственный архив социально-политической истории) даже не упоминают о деятельности Г. Пятакова на высших партийных и государственных должностях в Украине². Это в полной мере касается и детальной информации о высших органах власти СССР и их руководстве в фундаментальном энциклопедическом издании³. О чем-то более обстоятельном, нежели скупые фактологические справки, в российской историографии вообще речь не идет.

Как бы по инерции, даже в достаточно обширных трудах, таких как неоднократно переиздававшийся исторический очерк Д. Волкогонова о И. Сталине, Г. Пятаков вспоминается лишь в сюжетах, посвященных оппозиционной, фракционной деятельности тех или иных антипартийных групп, а также судебным процессам, массовым репрессиям 30-х годов⁴. До всесторонности, объективной взвешенности, комплексности подхода к анализу непростого жизненного пути, оценке истинной, реальной исторической роли неординарной личности дело не доходит.

Так получается, что с течением времени все же продолжает оставаться немало неопределенностей, касающихся исторической оценки личности Г. Л. Пятакова, его деятельности. Более того, подчас кажется, что в этих отношениях наблюдается своеобразный откат от, казалось бы, достигнутого, хотя бы в какой-то мере проясненного.

Вот и совсем недавно в серии «Николай Стариков рекомендует почитать» появилась книга «Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года)»⁵. Это, собственно, новое воспроизведение – перепечатка судебного отчета, вышедшего отдельным изданием в 1938 г. и ставшего сегодня библиографической редкостью.

¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 494.

² См.: В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922 гг. М., 1999. С. 636.

³ См.: Государственная власть СССР. Высшие органы управления и их руководители. 1923–1991. Историко-биографический справочник. М., 1999. С. 153, 488.

⁴ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989.

⁵ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С предисловием Николая Старикова. СПб., 2015.

Два тезиса, заявленные в аннотации и развитые в предисловии Н. Стариковым, не вызывают сомнений: 1) чтобы понять суть того, что происходило на процессе параллельного антисоветского троцкистского центра, предпочтительнее всего изучать сам документ – отчет; 2) растиражированную в Интернете версию необходимо для постижения истины «очистить» от появившихся впоследствии многочисленных наслоений – «дополнений», приведших к искажению, иначе говоря, к фальсификации подлинного, первоначального варианта стенограммы.

Однако настораживает, а может быть, и вообще вряд ли приемлемо, другое. В очевидном стремлении вызвать у читателя повышенный интерес к предлагаемой книге, Н. Стариков идет на сознательное заострение интриги, избрав для предисловия весьма странное, явно рассчитанное на эмоциональный эпатаж название: «Герои 1937 года – жертвы или настоящие предатели?». А в аннотации сформулированная дилемма как бы оправдывается утверждением, что «главный вопрос, который чаще всего задают историкам по поводу сталинского Союза ССР – были ли действительно виновны обвиняемые громких судебных процессов, проходивших в Советском Союзе в конце 30-х годов?».

Оставляя за скобками сомнительный для солидного документального издания «школьный» оценочный термин – «герои 1937 года» (наверное, тут сказался соблазн вписаться в контекст всепроникающей модной рекламной конъюнктуры), нельзя пройти мимо показного стремления автора прикрыться тогой объективности и не навязывать своего мнения («Читайте. Думайте. Документы ждут...»).

На самом же деле все оказывается не просто иначе, но даже «совсем наоборот».

Н. Стариков практически сразу отходит от первоначально заявленной дихотомичности восприятия действительно неоднозначных страниц отечественной истории и предлагает банально одностороннюю, отнюдь не беспристрастную смысловую конструкцию.

Перечислив три «больших открытых процесса над бывшими деятелями ВКП(б)» второй половины 30-х годов прошлого века, автор предисловия заостряет внимание на том, что «обвиняемые признали свою вину при том, что суд происходил совершенно открыто, а статьи были очень “тяжелые”. ...Ответ на вопрос “почему они признавались?”, неотделим от ответа на вопрос “чего они добивались?”. На оба вопроса ответил сам Сталин во время беседы с писателем Лионом Фейхтвангером»¹. И дальше на полторы страницы «убойная» и столь

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 7.

же избитая цитата от генерального секретаря ЦК партии, концентрированно-весомо доказывающая, что, несомненно, все репрессированные – «враги народа», социализма, страны¹.

В дополнение к сталинским сентенциям – довольно пространный абзац из речи Государственного обвинителя на процессе параллельного антисоветского троцкистского центра В. В. Ульриха. В области внешней политики это – стремление Г. Л. Пятакова и других обвиняемых спровоцировать войну против СССР враждебных, фашистских государств, подготовить поражение собственной страны. А внутри Советского Союза – это организация террористического акта против В. М. Молотова².

Вот, собственно, и все, на что «тонко», как бы между прочим, ориентируется (получает подсказку) читатель, хотя, очевидно, больше «для формы» говорится, что изучение оригинала стенограммы процесса «позволит сформировать собственное мнение о том, что же произошло в нашей стране в 1937–1938 годах»³.

В этом же ключе составлены пять кратких биографически-оценочных справок о Г. Л. Пятакове, К. Б. Радеке, Г. Я. Сокольникове, Л. П. Серебрякове, Л. Д. Троцком. Отметив, что «фамилии “первой тройки” обвиняемых, а ранее “пламенных революционеров” (...) мало что говорят», Н. Стариков акцентирует внимание на Л. Д. Троцком и находит необходимым предпослать собственно стенограмме процесса три материала, свидетельствующие об одиозности его личности. Прямой связи с логикой процесса в них не просматривается, зато они могут сыграть свою роль в выстраиваемых исторических параллелях как удобные аргументы в конкурентном противостоянии на историографическом поприще.

Что касается конкретно Г. Л. Пятакова, то кроме краткого перечисления некоторых, далеко не самых важных вех его биографии, основное внимание уделяется тем сторонам деятельности, которые расчетливо выводят на однозначно негативные характеристики и оценки, создают предпосылки для общего заключения об обоснованности репрессий против этого политика⁴.

Таким образом, пытаясь уложить очень многообразные и противоречивые общественные процессы прошлого в «прокрустово ложе» собственных, не лишенных предвзятости представлений, Н. Стариков

¹ Там же. С. 8–9.

² Там же. С. 9–10.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 10–11.

в отношениях с идеологическими оппонентами демонстрирует образцы мышления и поступков времен И. В. Сталина и А. Я. Вышинского.

Встречаясь с подобными подходами, можно подумать, что за почти восемь десятилетий в исторической науке не произошло абсолютно никаких подвижек, что она и ныне призвана только обслуживать мнимую политическую конъюнктуру да еще и в изрядно истлевшей субъективной обертке.

Отмеченное побуждает не столько молчаливо соглашаться с публичной попыткой добиться сатисфакции, сколько считать дополнительным аргументом и мотивацией необходимости дальнейшего научного постижения эпохи, в которую довелось жить и творить Г. Л. Пятакову и его поколению в целом.

Журнал «Коммунист Украины», стремясь ознакомить общественность с идеалами, политическими позициями, которые отстаивались выдающимися деятелями коммунистического движения, Компартии Украины в прошлом, поместил к 110-летию со дня рождения Г. Пятакова статью, которая синтезировала наработку предыдущих публикаций автора данной книги¹, а затем и подборку материалов, которые проливают свет на историю создания КП(б)У². Надо отметить, что в последние годы имя Г. Пятакова, его деятельность все чаще попадают на страницы публикаций историков Украины, появляются все новые подробности, корректируются оценки. Естественно, большая их часть написана на украинском языке³, исключения очень редки⁴.

¹ Солдатенко В. Ф. Георгій Пятаков: портрет без ретуші. До 110-річчя з дня народження // Комуніст України. 2000. № 4. С. 82–92.

² К вопросу о роли «правых» и «левых» в создании КП(б)У // Коммунист Украины. 2001. № 4. С. 72–84.

³ См.: Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки : У 4 т.: Т. I. Рік 1917. Харків, 2008; Т. II. Рік 1918. К., 2009; Т. III. Рік 1919. К., 2010; Т. IV. Рік 1920. К., 2010; он же. Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. К., 2011 (2-е вид., доповнене і перероблене. К., 2012); он же. «Мандаринські етикетки – набік!» (Г. Л. Пятаков) // Проект «Україна» 1917–1920 рр. Постаті. Харків, 2011. С. 243–267; он же. Пятаков Георгій Леонідович // Енциклопедія історії України. Т. 9. К., 2012. С. 74–76.

⁴ Солдатенко В. Ф. Георгий Пятаков – Георгий Плеханов: эпизоды совпадения политических позиций / VIII Плехановские чтения. Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. 30 мая – 1 июня 2008 г. Материалы к конференции. СПб., 2008. С. 51–57; он же. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.

Думается, что след, оставленный в судьбе Украины и всей советской страны такой масштабной, яркой личностью, которой был Георгий Пятаков, бесспорно, сам по себе уже заслуживает специального монографического биографического исследования, интересного для как можно более широкого круга читателей. Таким образом, будет не только дан ответ на целый ряд вопросов сугубо научного содержания и характера, но и сделан вклад в формирование объективной фактологически-теоретической базы для предметных, конструктивных дискуссий, которые ведутся в обществе вокруг роли коммунистов в нашей отечественной истории, особенно относительно трактовок сталинизма, внутрипартийной борьбы. Как известно, временами они приобретают чрезвычайно эмоциональный характер – происходит это еще и потому, что в своей основе имеют не столько достоверные факты и оригинальные документы, сколько измышления, произвольное, не всегда корректное препарирование исторического опыта и его уроков. Особенно наглядно мы видим это в публикациях, посвященных партийно-советской номенклатуре¹.

Как представляется, научная биография Г. Л. Пятакова может пролить дополнительный свет на весьма важные теоретические споры о перспективах мировых общественных процессов, месте и роли в них России, вышедшей на переломный рубеж своей истории в 1917 году, которые век тому назад вели российские интеллектуалы.

Небезынтересно с позиций практически столетнего опыта еще раз пристальнее посмотреть и попытаться объективнее, чем прежде, оценить опыт партийного и национально-государственного строительства накануне и после Октября, когда Г. Л. Пятаков оказался в эпицентре не только научных дискуссий, но и на острие практического решения сложнейших, острейших общественно-политических проблем. Принципиальные, объективные уроки из пережитого тогда могут оказаться весьма кстати для углубленного постижения многих актуальных проблем современности.

Возможно, труд о жизненном пути Г. Пятакова пригодится молодому поколению, которое, вступая в сознательную жизнь и избирая ориентиры, неизменно решает вечный вопрос: что хорошо и что плохо, чей пример достоин наследования, а чей – нет.

¹ Дорошко М. С. Компарти́но-державна номенклатура УСРР у 20-ті – 30-ті роки ХХ століття: соціо-історичний аналіз. К., 2004; Фролов Н. А. Политическая система Советской Украины 1920-х – 1930-х годов: особенности, механизмы формирования и функционирования. Дисс... д. и. н. Днепрпетровск, 2012.

Отмеченное в наибольшей мере и побуждало к работе над предлагаемой читателю книгой. В ее основу положено издание монографии «Георгий Пятаков: мгновения беспокойной судьбы», вышедшей более десяти лет назад в Киеве на украинском языке. Естественно, в данном случае речь идет не о простом переводе на русский язык предыдущего труда в расчете на расширение читательского круга, но и о его определенной переработке и дополнении, в том числе с учетом полученной автором в последнее время новой информации, наработанных материалов.

Кроме того, возникло и дополнительное обстоятельство, свидетельствующее в пользу необходимости издания предлагаемой книги. Значительная часть тиража упомянутой монографии, в общем-то единственной в мировой историографии, была в свое время приобретена для библиотеки Центрального комитета Коммунистической партии Украины. Однако в ходе известных событий первых месяцев 2014 года в Киеве здание ЦК было захвачено сторонниками «Майдана», несколько раз переходило из рук в руки не просто враждебно настроенных против компартии, но и конкурирующих, непримиримых между собой военизированных группировок. Конфликты между ними, среди прочего, привели к нескольким масштабным пожарам, которые уничтожили массу документов и литературы. Исчез и библиотечный фонд, в том числе и книги о Г. Пятакове.

Вообще же, события последнего времени в Украине, перманентные усилия высших органов власти, направленные на законодательный запрет коммунистической партии, осуждение коммунистической идеологии, небеспроблемная практика реализации пакета законов о декоммунизации обуславливают необходимость обращения к ключевым проблемам теорий общественного развития, реальной их проверке политической практикой, где свою нишу, несомненно, занимает и Георгий Леонидович Пятаков.

Глава I. СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

1. Семья

Когда супруги Пятаковы ожидали очередное пополнение семьи, они надеялись, что это будет девочка. Собственно, можно сказать и больше. Именно таким было пылкое желание обоих родителей, особенно матери, которая вынашивала под сердцем уже четвертого ребенка. В семье подрастало трое сыновей: Александр, Михаил и Леонид – последнему в то время шел второй год.

И опять – мальчик! Он появился на свет 6 (18) августа 1890 года. Счастливый от того, что все в конечном итоге хорошо окончилось, отец никакого разочарования не почувствовал. Предыдущие планы мгновенно куда-то улетучились. Четвертый парень! Для Леонида Тимофеевича это значило разве что – быть еще одному ребенку, и тогда уж непременно дочери. Таким было и мнение Александры Ивановны, выраженное в тайных разговорах с мужем о будущем семьи. Через три года после Георгия на свет появился тоже мальчик, которого называли Иваном. Девочка Вера родилась у Пятаковых лишь в 1897 году.

Рожденного четвертым назвали по желанию отца в честь библейского воителя Георгия Победоносца – Георгием. Самому Леониду Тимофеевичу военная служба не удалась – вышел в отставку в звании всего-навсего подпоручика, но что-то притягательное в военной карьере осталось на всю жизнь где-то глубоко в сознании. Не потому ли трое из его пяти сыновей с родительского благословения пошли по военной линии? К тому же они имели и высшее техническое образование.

Однако четвертого сына Пятаковых и семья, и друзья чаще называли Юрием. «Юрий» – таким станет один из самых первых и чаще всего употребляемых подпольных и литературных псевдонимов Георгия Леонидовича Пятакова. Как Юрий он будет фигурировать и в ходе последнего события своей жизни – второго большого московского процесса по делу «врагов народа». Под этим именем он будет расстрелян 1 февраля 1937 года, не дожив до своих 47 лет.

Местом рождения Георгия (Юрия) Леонидовича Пятакова было местечко Городище, Черкасского уезда, Киевской губернии, в настоящее время – районный центр в Черкасской области. Местечко, которое раскинулось на крутых, каменистых берегах правого притока Днепра – реки Малиновки, известно по письменным источникам XVI века. Оно возникло на месте древнего поселения – «городища», отсюда и его название. В 1649 году, во время освободительной войны (революции) против шляхетской Польши поселение стало сотенным местечком Черкасского полка, но через два десятка лет снова отошло к Польше, вернувшись под прежнюю власть. Местечко и прилегающие села дали немало участников Колиивщины 1768 года^{*}. А после воссоединения Правобережной Украины с Левобережной в составе Российской империи в конце XVIII века Городище превратилось в волостной центр Черкасского уезда.

Городище стало одним из центров сахарной промышленности Юга России. Еще в 1848 году молодые украинские предприниматели братья Яхненко и Ф. Симиренко построили здесь сахарный завод, который в 1860-х годах давал около 400 тысяч пудов сахара в год.

В 1876 году сюда проложили железнодорожную ветку, что способствовало бурному развитию здесь промышленности. В том же году открылся большой, оборудованный машинами и механизмами, Мариинский сахарный завод, на котором работало около тысячи рабочих.

Отец Георгия и был директором этого завода. Отставной подпоручик, инженер-технолог Леонид Тимофеевич Пятаков нашел себя на техническом поприще. Впоследствии он работал управляющим парового (с паровым двигателем) кирпично-черепичного завода в Городище.

Бракосочетание с Александрой Ивановной Мусатовой помогло Леониду Тимофеевичу осуществить свои заветные мечты об укреплении положения в обществе. Красавица Сашенька (гораздо младше своего мужа) была любимицей весьма зажиточных родителей, получила классическое образование, владела несколькими иностранными языками, в своем окружении прославилась профессиональной, филигранной игрой на фортепиано. Однако важнейшим из талантов Александры Ивановны Пятаковой оказался талант матери. Как и многие из представителей разночинной интеллигенции

^{*} Колиивщина (укр. Коліївщина) – восстание православного крестьянского и казацкого населения в Правобережной Украине против крепостнического экономического, политического, религиозного и национального гнета в Речи Посполитой. (Прим. ред.)

России второй половины XIX века, Пятаковы в рождении и высоком гражданском воспитании детей видели едва ли не самое главное свое общественное предназначение. Немало тревог и боли принесли они своим родителям, но Леонид Тимофеевич и Александра Ивановна имели все основания для того, чтобы по праву гордиться своими детьми, настоящими, глубоко порядочными, честными людьми, неординарными личностями.

Объединив свои, тогда еще очень скромные финансовые возможности со средствами тестя, Леонид Тимофеевич занялся предпринимательской деятельностью. Он стал компаньоном акционерного общества «Мусатов, Пятаков, Сиротин и компания», которое сначала арендовало Луганский свеклосахарный завод (владелец – И. Голинский), впоследствии общество приобрело небольшой завод по производству сахара в селе Лугань Шаровской волости на Орловщине.

Промышленный подъем начала XX века, в том числе бурное развитие сахарного производства, способствовал успехам предпринимательства Л. Пятакова. В 1900 году он стал одним из основателей и совладельцев акционерного «Общества Олимского свеклосахарного и рафинадного завода» с основным капиталом в 800 тысяч рублей. Завод общества находился в селе Благодать, Землянского уезда Воронежской губернии, неподалеку от станции Касторное Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. То было предприятие средней величины, на нем трудились 225 рабочих, в год здесь производилось сахара-песка и рафинада на 620 тысяч рублей.

Правление общества находилось в Киеве, в доме № 5 по улице Кузнецкой (в советское время – Горького, а теперь – Антоновича). Этот дом Пятаковы приобрели за несколько лет перед тем, и, поскольку Леонид Тимофеевич был директором-распорядителем Олимского общества, контора, конечно, располагалась именно здесь. Собственность была оформлена на Александру Ивановну, так что она выступала в роли домовладелицы.

Для получения дополнительных средств квартиры в этом доме какое-то время сдавались квартиросъемщикам, а семья Пятаковых проживала во флигеле, который находился во дворе. Здесь, в доме предпринимателя-сахарозаводчика, который за старательную службу и успехи в промышленной деятельности был удостоен личного дворянства, и его молодой, красивой, влюбленной в свою семью жены прошли юношеские годы Георгия Пятакова.

Семья процветала. В молодые годы Георгию, так же, как его братьям, не пришлось заботиться о куске хлеба. Высокоэрудированная женщина, Александра Ивановна приложила все усилия к тому, чтобы

ее дети подрастали любознательными, всесторонне образованными людьми, стремилась привить им настоятельную потребность в знаниях, неутомимую тягу к достижениям цивилизации. Она воспитывала детей в глубоком уважении к книге, к вдумчивому чтению. Изучение иностранных языков было обязательным для них с раннего возраста. Спустя много лет Георгий Леонидович в партийных, служебных анкетах будет указывать, что он украинец по национальному происхождению, его родной язык – русский, свободно владеет немецким, французским, английским. Постоянная тяга к знаниям, к активной умственной работе были заложены в нем еще в детстве. Общение с книгой в одиночестве (дружба со старшими братьями, с каждым в отдельности и со всеми вместе не складывалась) вело к тому, что парень рос несколько замкнутым, нелюдимым. К тому же он не отличался крепким здоровьем.

Однако были и бесподобные времена настоящего душевного блаженства – долгие часы музыки, волшебной маминой музыки, магической, обольстительной силы произведений Шопена, Листа, Глинки, Чайковского, Мусоргского, Лысенко, музыкой которых был постоянно наполнен дом Пятаковых. Георгий тоже учился игре на фортепьяно, неплохо им владел, хотя при этом, как правило, стеснялся – считал почему-то, что такое не очень подобает мужчине.

Что же касается политических взглядов Александры Ивановны, то они, по определению жандармов во время следствия по делу Киевского комитета РСДРП в 1912 году, были «уж слишком левыми». Даже делая определенную поправку на жандармское восприятие хоть сколько-нибудь радикальных настроений, прогрессивная ориентация интеллигентки, интеллектуалки остается несомненной. Наверное, это не могло не влиять на Георгия, в котором исподволь вызревали независимые, вольнодумные, бунтарские чувства и взгляды. Этому же способствовало и чтение демократической художественной литературы.

Леонид Тимофеевич хотел видеть своих сыновей мужественными, волевыми, настойчивыми, технически образованными личностями, наследниками его дела и, конечно, имущества. Поэтому Георгий, как и старшие сыновья Пятаковых, после основательного домашнего образования в 1902 году стал воспитанником Киевского реального училища святой Екатерины.

Это заведение возникло на базе реальной школы, основанной вместе с женской гимназией киевской лютеранской общиной на бывшей в ее собственности территории в тогдашнем аристократическом районе города – Липках, по улице Лютеранской, 20. Учебное заведение считалось престижным в условиях промышленного подъема первых

годов XX столетия, хотя, как и реальные училища царской России вообще, не было аристократическим – в отличие от большинства гимназий. Воспитанники училища получали среднее образование и одновременно приобретали технические знания и навыки. Система учебы была нацелена на подготовку будущих техников-механиков промышленных предприятий или студентов для высших технических учебных заведений, например, таких, как основанный в Киеве в 1898 году Политехнический институт – первое в России многопрофильное высшее техническое учебное заведение.

То, что училище когда-то подчинялось немецкой колонии – ее лютеранской общине в Киеве – не особенно смущало родителей Георгия. Православные по вероисповеданию, они, как водится, крестили своих детей, придерживались общепринятых ритуалов. Но оба, особенно Александра Ивановна, с ее скептически-нигилистическим взглядом на вещи, не отличались большой набожностью. И дети росли в целом в духе веротерпимости и уважения к чужим взглядам и убеждениям. А немецкая точность и пунктуальность, которые давали о себе знать через традиции, существовавшие в Екатерининском реальном, не могли не вызывать желания следовать поучительным примерам. Особенно, если учитывать высокие достижения немецкой техники.

2. Училище

Георгий с его достаточно высоким уровнем общеобразовательной подготовки был зачислен сразу в III класс училища. Учеба давалась любознательному от природы и привыкшему к систематической умственной работе парню легко. Высокие оценки по всем предметам он получал без особого труда, однако его подавляла довольно строгая дисциплина. Протестная энергия накапливалась постепенно, мало-помалу в душе Георгия – внешне спокойного, уравновешенного, даже флегматичного – вызревали мятежные настроения.

В 1904 году Георгий Пятаков стал членом ученического революционного кружка «неопределенного социал-демократического направления», как впоследствии он обозначит его в автобиографии¹. Вообще трудно представить, насколько социал-демократическим был тот кружок. Возможно, такая характеристика в определенной мере преувеличена. Однако подобные организации, как проявление оппозиционных настроений, были типичным явлением в жизни уче-

¹ Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь Гранат. С. 591.

нической молодежи предреволюционной России. Страна стояла на пороге первой революции.

В то время Георгий был 15-летним юношей. Высокого роста, с темно-рыжей шевелюрой и заметными признаками усов и бороды молодой мужчина выглядел несколько старше своего возраста. Эта особенность внешности отличала Георгия Леонидовича в течение всей его жизни.

Завершалось и формирование личности. Характер складывался беспокойным. Тяжелая задумчивость, молчаливость, самоуглубленность свидетельствовали о сложных внутренних переживаниях и поисках. Уже тогда Георгий чувствовал резкий контраст между материальным и духовным благополучием родного дома и нищетой простых людей, лишенных элементарных благ, даже житейских условий. Летние месяцы он, как правило, проводил на заводе под Городищем, когда там еще директорствовал отец. Юношу поражала нищета семей копателей сахарной свеклы и рабочих, с детьми которых он дружил в детстве. С ними Георгий легко находил общий язык, хотя и был для сверстников из бедных семей барчуком, «паньчем». Через несколько лет, когда Георгий Пятаков привлечет пристальное внимание киевских жандармов, они найдут в своих архивах агентурные сведения помощника начальника Киевского губернского жандармского управления в Черкасском уезде: «Во время своих приездов к отцу в Черкасский уезд Георгий Пятаков имел отношения с лицами неблагонадежными в политическом отношении... Вызывал подозрение своими дружественно фамильярными отношениями с рабочими и крестьянами»¹.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, которое стало началом первой русской революции, всколыхнуло всю Россию, могучим хлопотом возмущения всех прослоек общества отозвалось в Киеве. 12 января объявили забастовку 600 рабочих Южнорусского машиностроительного завода. За ними – 700 рабочих завода Гретера и Криванека. Забастовки длились здесь соответственно до 17 и 19 января. Подобное происходило и на других предприятиях. Непокойно было на селе. Леонид Тимофеевич с тревогой рассказывал дома о глухом недовольстве и мятежах, о неповиновении администрации, разгроме трехтысячной толпой крестьян сахарорафинадного завода на Хуторе Михайловском, который принадлежал «сахарному киту» – фабриканту Терещенко. Для подавления выступления крестьян вызвали войско...

¹ Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (ЦГИА Украины). Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 149.

Обеспокоенность отца была понятной. Еще в конце прошлого года, на Мариинском сахарном и кирпичном (Балашовой) заводах были обнаружены революционные брошюры: «Речь Петра Заломова на суде 28 октября 1902 года» и «Что такое политическая свобода». Весной 1905 года крестьяне Черкашщины громили помещичьи имения и экономии, захватывали земли, вырубали леса, забирали хлеб и сено. Жители села Вильхово Каневского уезда, соседнего с Городищенским, вооруженные вилами, тяпками, камнями, отбили нападение эскадрона гусар. Весной и летом здесь прошло более 60 забастовок сельскохозяйственных рабочих и свыше 120 крестьянских выступлений.

Бунтовало студенчество. Царские власти закрыли Киевский университет. На состоявшихся курсовых совещаниях, – сообщал ректор попечителю учебного округа, – шла речь о том, чтобы устроить многолюдную сходку для объявления забастовки против существующего государственного строя.

Не оставались в стороне гимназисты и «реалисты». Воспитанники 6-го класса Екатерининского реального училища устроили obstruction инспектору, в течение нескольких дней были сорваны занятия. Учеников видели на демонстрациях и митингах в городе. Старшеклассники бурно обсуждали между собой резолюцию студентов университета и политехнического института, в которой содержался призыв к революционному студенчеству организовать в вооруженный академический легион для защиты населения от реакционеров и присоединиться к требованиям пролетариата.

Одним из организаторов «смуты» был Георгий Пятаков. Он вошел в состав общеученического комитета, созданного для руководства выступлениями. Это он был в первых рядах настоящей манифестации в училище, во время которой реалисты протестовали против жестоких притеснений молодежи. Это он был одним из авторов петиции о невежестве некоторых учителей, которая ходила по рукам, и, как следовало ожидать, – попала к дирекции. Это его долговязую фигуру видели в апреле на собраниях литературно-артистического общества, где выступали большевики.

Какой восторг вызывали те события в душе юноши! Он руководил «училищной революцией»¹. Именно тогда он почувствовал ту могучую, зажигательную силу, которую имеет слово, брошенное во взбодраженную толпу вожак.

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

За участие в беспорядках и подрыв учебной дисциплины Георгий исключили из училища. Конечно, не обошлось без неприятностей, неловких объяснений дома. Особенно недоволен был отец. Еще бы, сын такого уважаемого горожанина, выходец из благополучной семьи – мятежник! Хотя мать, похоже, строго не осуждала, больше молчала. Конечно, и она была огорчена, побаивалась, чтобы сыну не перекрыли доступ к образованию: с его способностями это было бы не просто досадно. Для родителей это стало бы трагедией.

Поведение Георгия беспокоило, даже в чем-то раздражало, возмущало старших братьев, особенно Леонида, который только что окончил Екатерининское реальное училище и стал студентом-химиком Киевского политехнического института. Леонид интересовался исключительно химией, бывшей в то время единственным для него предметом жизни. Хотя нет, был Леонид Пятаков еще и активным «академистом» – сторонником студенческой группировки, которая настойчиво боролась за «учебный порядок», против привнесения «политики» в высшие учебные заведения. Так что в семье Георгий на сочувствие рассчитывать не мог, более того, оказался вроде бы в изоляции. Очевидно, бунтарство Юрия имело еще одну причину. Учеба в реальном и перспектива, которая открывалась в дальнейшем, не привлекали юношу. Он до времени молча повиновался желаниям семейства. Возможно, участие в «училищной революции» было в определенной мере протестом и против суровой воли отца. Сын предпринимателя вырастал революционером.

В том же 1905 году с Георгием Пятаковым произошло достаточно непростое событие, тревожное и волнующее. Он встретился с анархистами.

3. Анархо-бунтарство

Та встреча летом, когда исключенный из училища Георгий приехал к отцу в Городище, была случайной, но многое значила для зажигательного, романтически мечтательного юноши, свободного от учебы и материальных забот. Общая обстановка, в которой он пришел к осознанию своей силы, ситуация революционного подъема в стране как нельзя лучше способствовали выявлению его бунтарского духа. Не было ничего странного в том, что молодой человек, который просто не успел выработать в себе твердых моральных убеждений, сколько-нибудь устоявшегося мировоззрения, сразу, без колебаний погрузился в стихию романтических приключений, увлекся демонстративной, эпатажной революционностью, идеей анархизма.

Такие увлечения тогда не были редкостью. В частности, Дмитрий Фурманов писал о себе в автобиографии: «...Пламенные настроения, отсутствие политической школы, толкнули к тому, чтобы быть сначала максималистом, потом анархистом, и, казалось, новый желанный мир можно было создать с помощью бомбы, безвластия, добровольности всех и во всем...»¹

Через год, в 1906-м, Георгий вернется к учебе в реальном училище святой Екатерины, подчинившись непрестанным требованиям отца, молчаливым упрекам матери, призывам брата к добросовестности и добропорядочности. Но опять будет исключен из училища, в этот раз – за дерзкий спор со священником училища. Однако ходатайства Леонида Тимофеевича, который пользовался авторитетом в деловых кругах, поспособствовали тому, что ему все-таки дали возможность завершить учебу. В 1907 году Георгий сдал экзамены экстерном за весь курс училища, завершив таким образом среднее образование. Но то было не столь важным, если не второстепенным для него. Работа в анархистских группах в течение 1905–1907 годов поглощала все силы и энергию молодого человека².

Анархизм, продемонстрировав еще в 70–80-х годах XIX века свою несостоятельность как общественно-политического течения, обнаружив беспочвенность своих претензий на репрезентацию более или менее последовательной революционной теории и практическую бесплодность, в период первой революции в России в значительной мере оживился. К анархистскому движению примыкали рожденные в условиях бедности и политического мракобесия самоотверженные, готовые к жестокости ради справедливости представители мелкой буржуазии и интеллигенции. Идеал вселенской федерации свободных производственных ассоциаций – коммун – «анархический коммунизм», выработанный человеком мощного интеллекта и кристальной честности, князем Петром Кропоткиным, привлекал новых рыцарей.

Своей причастностью к анархизму Георгий Пятаков обязан, по всей вероятности, одному из представителей новой генерации этого движения Иустину Жуку. Жук был уроженцем Городища, происходил из бедной многодетной крестьянской семьи. Отличался большими способностями к учебе, окончил училище при Мариинском сахарном заводе, работал на заводе в химической лаборатории, учился в Прусской сельскохозяйственной школе, которая вскоре была разгром-

¹ Прожектор. 1926. 31 березня. № 6 (78).

² Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

лена полицией как ячейка «революционной крамолы». Вернувшись в Городище, Иустин Жук стал организатором и вожаком группы анархистов-максималистов.

На три года старше Георгия, Иустин был настоящим красавцем, отличался богатырским здоровьем, значительной физической силой, чрезвычайной храбростью. Он заражал своей горячностью, энергией всех, кто с ним связывался, был организатором нескольких анархистских групп, которые впоследствии вошли в Южную федерацию анархистов-коммунистов¹.

В конце 1908 года группа Жука с целью «экспроприации» кассы совершила вооруженное нападение на контору Мариинского сахарного завода, где работал Леонид Тимофеевич Пятаков. Георгий не имел отношения к этому «эксу». Схваченный через несколько месяцев, Иустин Жук с сообщниками был осужден и приговорен к смертной казни. Этот приговор заменили пожизненной каторгой. Освобождение известному на всю Россию анархисту, который отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, принесла только Февральская революция. Во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 года в Петрограде Жук был командиром шлиссельбургских красногвардейцев. А в октябре 1919-го И. П. Жук, комиссар Карельского участка Петроградского фронта, погиб в бою с белогвардейцами; посмертно был награжден орденом Красного Знамени².

Как свидетельствует в своей автобиографии Георгий Леонидович, в 1905-м он вел активную анархистскую работу среди крестьян и рабочих молодежи; был руководителем кружка в 50 человек. Из кружков Пятакова и Жука состояла экспроприаторская группа во главе с Жуком. После экспроприации, как это обычно было в практике анархистов, кружки распадались³.

Осенью 1907 года Георгий Пятаков присоединился к автономной группе киевских анархистов, которая в течение длительного времени готовила покушение на генерала В. Сухомлинова – командующего Киевским военным округом и одновременно Киевского, Волынского и Подольского генерал-губернатора. От покушения анархистов в Киеве удачливого карьериста спас перевод в декабре 1908 года в Пе-

¹ См.: Моршанская М. Иустин Жук. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927. С. 10–14.

² Там же. С. 14–58.

³ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

тербург и назначение начальником Генерального штаба, а через несколько месяцев – военным министром России.

В самых серьезных акциях И. Жука Г. Пятаков непосредственного участия не принимал. Но их общение было достаточно интенсивным. Вот как об этом свидетельствуют полицейские документы – сводки жандармов Киева за январь 1909 года: «...Иустин Жук стоял во главе Черкасской группы анархистов-коммунистов и был душой всех разбойных нападений, которые имели место в 1907 и 1908 годах в Черкасском уезде; он находился в самых тесных отношениях с членами Екатеринославской группы анархистов-коммунистов; принимал также участие в разбойном нападении на сахарный завод Матусовского в 1907 году, был участником перестрелок со стражниками возле городка Бурты (...), а также в Млеевском лесу. Жук имел постоянное общение с сыном директора Городищенского завода, причем последний привозил неоднократно в местечко Городище из Киева нелегальную литературу и оружие, а также вел преступную агитацию среди местных крестьян, которых Иустин Жук собирал на сходки...»¹

Пламенные настроения и риторика, постоянный риск привлекали, захватывали анархиста «Юрия», как его знали в разных группах. Он искренне верил, что новый, справедливый мир можно создать с помощью безвластия, общего стремления к личной свободе. Причастности Георгия к экспроприациям и к любым другим практическим действиям местных анархистов не обнаружено. Вполне возможно, что до этого просто не дошло. Однако он имел все возрастающее влияние среди товарищей. Даже Иустин Жук выделял Юрия за незаурядное умение пропагандиста, за изобретательность и упорство в отстаивании своей точки зрения. Очевидно, именно тогда сформировались экстремистские основы взглядов и закладывались краеугольные камни будущей левизны Пятакова как политика.

Однако вскоре наступил тяжелый внутренний кризис. Результаты работы, очевидно, оказались несущественными. «Анархист-коммунист кропоткинського сорта», которым считал себя тогдашний Георгий Леонидович, окончательно разочаровался в учении «абсолютной свободы». Через многие годы в автобиографии он сознается: «Анархистская практика отталкивала. Анархистская идеология... не удовлетворяла»². По-видимому, Георгий перенес анархизм как детскую болезнь. Однако она не прошла бесследно.

¹ Моршанская М. Иустин Жук. Очерк его жизни и деятельности. С. 10.

² Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

4. Увлечение марксизмом

Неугомонный ум, настырный нрав искали выхода. Бакунин, Кропоткин, Лавров были уже вчерашними кумирами. Они не давали ответов на вопросы, мучившие Георгия. Он пришел к вполне определенному выводу: идеи и методы анархизма ведут мимо того главного, могучего, что вызревало в России и было наглядно продемонстрировано революцией, – мимо пролетариата как потенциально мощной, перспективной силы. Все большее внимание привлекали социал-демократы. Марксизм представлялся фундаментальным, убедительным учением, а его глашатаи – передовыми отрядами общественного движения. И как уверенно они набирали силу! Каким внутренним убеждением веяло от большевистских брошюр и листовок, от речей агитаторов РСДРП! У этой небольшой партии, которая существовала сравнительно недолго, но уже смогла ярко и самобытно зарекомендовать себя в 1905–1907 годах, угадывалось большое будущее.

Читал Юрий запоем, без какой-либо системы. Заинтересовался учением Дарвина – разве можно не стать материалистом, познакомившись с трудами этого ученого, который так убедительно раскрывает всеобщие закономерности развития природы.

Но настоящим откровением оказалась работа Георгия Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Тысячи революционеров России пришли к марксизму благодаря этой книге. Решающим образом она повлияла и на Георгия Пятакова. Обстоятельностью, логичностью анализа понравилась и публикация Владимира Ильина «Развитие капитализма в России»¹. Очевидно, именно тогда сформировался устойчивый интерес Г. Л. Пятакова к вопросам политической экономии, который он пронес через всю жизнь.

Приверженность к анархизму в молодые годы, последующие разочарования, самостоятельное усвоение теории марксизма, отсутствие прочных связей с рабочей средой – все это не могло не отразиться на глубине усвоения революционной идеологии, на формировании характера и мировоззрения молодого марксиста. В марксизме Г. Пятакова больше всего привлекало то, что отвечало его тогдашним личным предпочтениям, идея революционного взрыва. Именно она станет путеводной пятаковской звездой в политической деятельности.

В 1907 году Георгий Пятаков стал студентом экономического отделения юридического факультета Петербургского университета – для этого пришлось предварительно сдать экстерном экзамен по

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

латинскому языку за курс классической гимназии, без чего нельзя было попасть в высшее учебное заведение¹. Но для юноши, который владел к тому времени немецким и французским языками, это не составляло большого труда.

Годы учебы в столичном университете были периодом напряженной умственной работы. Он изучал Карла Маркса, классиков политической экономии – Кене, Смита, Рикардо. Стал понятным и близким своей стройностью и выпуклостью стержневой идеи «Капитал» Маркса, который ранее казался неприступным Монбланом. Зачитывался новой экономической литературой. Большой интерес вызывала история народного хозяйства России. Увлекался статистикой, особенно математической статистикой. Открывал для себя Спинозу, Канта, Фихте, Гегеля. В автобиографии писал: «К 1910 г. я оформился вполне и бесповоротно в качестве ортодоксального марксиста»².

Российская социал-демократическая рабочая партия переживала тогда трудные времена. После поражения революции 1905–1907 годов именно на нее обрушились самые тяжелые удары охранного и карательного аппарата самодержавия. Наименее стойкие и выносливые элементы – меньшевики-ликвидаторы готовы были пожертвовать нелегальной партийной организацией. Однако в условиях полицейской царской России РСДРП, даже при условии использования любых возможностей открытой, легальной работы, не могла – в силу самой своей природы – не быть партией революционного подполья. Поэтому линия ликвидаторов означала отказ от партийной программы, принятой в 1903 году, от борьбы за демократию и социализм. Ликвидаторы выражали тенденцию к превращению партии революционного пролетариата в реформистскую организацию, утрате ею своего характера борца против эксплуататорского строя в России. С другой стороны, большевики-отзовисты – выразители «левых» взглядов – требовали отказаться от участия в легальных политических организациях, что грозило партии отрывом от массового рабочего движения, превращением ее в сектантское образование. Серьезным препятствием на пути консолидации марксистской партии в России, размежевания революционеров и оппортунистов являлась линия Л. Троцкого. Его попытки примирить и объединить большевиков с меньшевиками-ликвидаторами в конечном итоге играли на руку ликвидаторам. Часть меньшевиков во главе с Георгием Плеха-

¹ Там же.

² Там же.

новим выступали за сохранение нелегальной партии, против ликвидации. С этой целью они шли на сближение с большевиками. Их называли меньшевиками-партийцами, или «плехановцами».

В столичной организации РСДРП, где начинал свою деятельность как социал-демократ Г. Пятаков, объединенной студенческой организации партии не существовало. В некоторых высших учебных заведениях, в том числе в университете, действовали группы социал-демократов – студентов. Петербургский комитет, переживший многократные налеты охраны, имел связи со студенческими социал-демократическими группами и, таким образом, влиял на ученическую молодежь, осуществляя руководство через своего представителя.

В конце 1910 года Юрий Пятаков установил контакты с университетской группой и вступил в РСДРП, позже он считал этот факт началом своего членства в коммунистической партии. Во всяком случае, именно так он писал во многих собственноручно заполненных анкетах. И, видимо, это обстоятельство решающим образом повлияло на историков, когда они, например, в примечаниях к полному собранию сочинений В. И. Ленина, к публикациям стенограмм, протоколов партийных съездов и конференций, в сборниках документов, справочно-энциклопедической литературе помечали 1910 год как дату вступления Г. Пятакова в большевистскую партию¹.

Однако имеющиеся в распоряжении историков документы не позволяют с определенностью утверждать, каким именно было направление социал-демократической группы Петербургского университета и какие взгляды разделял Георгий Леонидович в первые месяцы своего пребывания в РСДРП. Учитывая линию поведения Г. Пятакова в следующем, «киевском» периоде его деятельности в 1911–1912 годах, можно допустить, что на первых порах он примыкал к меньшевикам-партийцам, во всяком случае, идейно был близок именно к этому течению, если даже организационно и не был с ним связан. (В конечном итоге практически к таким же выводам в последних публикациях пришел и исследователь М. Сапун, хотя сначала он также считал 1910 год годом вступления Г. Пятакова в большевистскую партию, не совсем оправданно отождествляя самооценку героя и определение им самим партийного стажа с организационным вхождением в большевистскую часть РСДРП.)

Вступление Георгия Пятакова в Российскую социал-демократическую рабочую партию совпало во времени с началом в России

¹ Великий Жовтень і громадянська війна на Україні. Енциклопедичний довідник. С. 458.

нового революционного подъема. Летом 1910 года значительно активизировалось забастовочное движение рабочего класса. Смерть Льва Толстого 7 ноября того же года дала толчок новым проявлениям революционной активности масс – политическим демонстрациям и забастовкам. Большевикам Петербурга, деятельность которых в то время направлял Я. Свердлов, удалось привлечь передовую часть столичного пролетариата к широкой политической кампании с требованием отмены смертной казни, которая оказала влияние на общественную жизнь всей России. 11 ноября на улицы Петербурга вышло не менее 10 тысяч манифестантов. 7 и 8 ноября в учебных заведениях города начались волнения, состоялись сходки студентов. Демонстрацию студентов на Васильевском острове и Невском проспекте разогнала конная полиция с казаками. Третьекурсник юридического факультета университета Г. Пятаков был одним из организаторов этой студенческой акции. Агенты охранки информировали, что энтузиазм, охвативший молодежь, напоминает 1905 год.

Конец 1910 года ознаменовался в политической жизни России «сазоновскими днями», названными так по имени Егора Сазонова, боевика партии социалистов-революционеров. 15 июля 1904 года Е. Сазонов бросил бомбу в карету министра внутренних дел России Плеве. Так по приговору эсеров был казнен жестокий и последовательный охранник самодержавия, душитель освободительного движения. Отбывавший наказание на Нерчинский каторге в Зерентуе, Егор Сазонов в знак протеста против издевательства тюремщиков над узниками 28 ноября 1910 года покончил жизнь самоубийством, выпив яд. Весть об этом событии стала катализатором нового взрыва возмущения передовой общественности России. «Сазоновские дни» продолжили «дни толстовские» в начале ноября 1910 года.

За активное участие в студенческом движении, в университетских «беспорядках» периода «толстовских» и «сазоновских» дней Г. Пятаков был впервые арестован. Три месяца он пробыл в тюрьме «в административном порядке», затем приказом министра образования в числе других студентов был исключен из университета. Дополнением к наказанию была высылка из Петербурга в Киев, на родину¹.

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

Глава II. В ПОИСКАХ БЕРЕГА

1. Среди киевских социал-демократов

У какого человека, возвращающегося после длительного отсутствия домой, к семье, не вздрогнет радостно сердце, не защемит душа, не нахлынут самые приятные воспоминания?

Однако Георгий Пятаков не мог отдаться этим чувствам сполна, не мог не испытывать естественной тревоги: как сложится общение в семье, где подобного, вовсе не триумфального возвращения совсем не ожидали. Но изменить уже ничего было нельзя. Да и Петербург, участие в подполье, в массовых выступлениях прибавили возмужалому 20-летнему юноше уверенности в себе, решительности. Поэтому стеснение он заглушил быстро, а убежденность в правильности избранного пути добавляла душевных сил.

Юрий приехал домой в конце апреля 1911 года. Пристав Лыбидского полицейского околотка добросовестно информировал начальника губернского жандармского управления, что бывший студент Санкт-Петербургского университета Георгий Леонидович Пятаков, который избрал местожительством Киев и находится под негласным надзором полиции в соответствии с предписанием господина Киевского полицмейстера от 5 мая 1911 года, поселился у своих родителей в доме № 5 по улице Кузнечной¹.

Контакты с партийной организацией Киева Георгий Пятаков установил на удивление быстро. От своих земляков, которые учились в Петербурге, он знал о местных социал-демократах и имел самые необходимые явки и рекомендации.

К тому времени Киевская организация РСДРП постепенно восстанавливалась после погромов и провалов периода реакции. На отдельных промышленных предприятиях удалось сохранить нелегальные организации и группы. Продолжал действовать общегородской партийный комитет, а при нем – пропагандистская коллегия, организа-

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3065. Л. 28.

ционная и профсоюзная комиссии. Работало не менее 10 партийных групп и пропагандистских кружков на заводах, фабриках, в мастерских, а кроме того действовали студенческие группы в университете, политехническом и коммерческом институтах, на высших женских курсах, партийные ячейки в легальных обществах и клубах.

Сохранением своего влияния в самые тяжелые времена преследований партия во многом была обязана профессиональным революционерам, высланным в Киев отбывать административные наказания за участие в революционном движении. Среди них выделялась группа рабочих из Сормова, в частности В. Романов, П. Керженцев, меньшевик-партиец В. Аверкин (впоследствии член Киевского комитета, с которым активно сотрудничал Георгий Леонидович), большевик И. Чугурин (в начале 1911 года его из Киева направили на учебу в ленинскую партийную школу в Лонжюмо во Франции). Их усилиями в конце 1909 года был создан Временный комитет РСДРП, который некоторое время возглавлял меньшевик-партиец Н. Кац-Капелинский. Однако в начале 1911 года, одновременно с запрещением легального журнала «Гудок», почти весь состав комитета был арестован.

17 апреля 1911 года случился новый провал. Было решено провести собрания, на которых планировалось обсудить ход подготовки к празднованию Первого мая под видом прогулки на лодках по Днепру. Но в результате бдительности полиции, которая «сидела на хвосте» у активных социал-демократов, «лодочников» арестовали в разгар водной прогулки-собрания.

Партийная организация продолжала работу. В состав комитета вошла Евгения Бош, к тому времени твердая большевичка, которая завоевала высокий авторитет в организации. В. Аверкин вспоминал: «Начиная от толстовских дней, которые прошли под боевыми лозунгами, на нашем рабочем горизонте появилась “Нина Павловна” – Бош Е. Б. Она сразу получила благосклонность со стороны пропагандистской коллегии, комитета и со стороны рабочих. К ее взглядам присоединялись, как к бесспорным, в ее доказательства верили... Она – эта “Нина Павловна” – умела перерождать людей...»¹ В. Аверкин описывает и празднование Первомая в Киеве 1911 года. В тот день, откликнувшись на призыв Киевского комитета, рабочие Южнорусского завода, завода Гретера и Криванека, других предприятий вышли на улицу, «...вместо флагов были красные цветы на груди и в руках; обе стороны Крещатика алели цветами. Полиция, – вспоми-

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві за роки піднесення (1910–1914 рр.). Зб. статей, спогадів і матеріалів. Харків, 1930. С. 81.

нал Аверкин, – нас не трогала, но больших скоплений не допускала. Здесь снова “т. Бош в первых рядах, – “Нина”, везде “Нина”» с рабочими, улыбается, разговаривает, пускает остроты и, в конце концов, не одно горячее сердце зажгла эта обворожительная “Нина Павловна”»¹.

Важную роль в укреплении Киевской организации РСДРП сыграли связи с В. Лениным и большевистским центром, который возобновил свою деятельность в конце 1910 года. Вскоре с лидером большевиков в Париже встретилась активистка Киевской организации, сестра Е. Бош Е. Розмирович (псевдоним – «Киевлянка»). Кроме важной информации, В. Ленин получил явки и адреса для связи с киевскими социал-демократами. Возобновилась переписка, наладилась пересылка литературы – центрального печатного органа РСДРП газеты «Социал-демократ» и популярного издания большевиков «Рабочей газеты», которую они выпускали совместно с меньшевиками-партийцами в Париже. «Осенью 1910 года, – писала впоследствии Е. Бош, – начинается регулярная переписка с Надеждой Константиновной [Крупской. – В. С.] и тов. Лениным»².

В Киевскую парторганизацию, а также ее комитеты разных составов входило немало меньшевиков-партийцев. Но ведущую роль играли большевики, и деятельность организации приобретала все более радикальный характер. Меньшевики-партийцы, несмотря на то, что от большевиков их отличало принципиальное несогласие в вопросах о перспективах диктатуры пролетариата, в тактических вопросах, в частности в отношении к ликвидаторству, поддерживали большевиков. В результате, Киевская организация твердо стояла на позициях партийности. Политическое лицо социал-демократов Киева ярко отображает, например, содержание листовки по случаю пятой годовщины царского манифеста 17 октября 1905 года. В ней говорилось, что рабочим необходимо «организоваться политически и под знаменем рабочей партии вести борьбу за свое политическое освобождение.

Только нелегальная рабочая партия в состоянии договорить то, чего не дано сказать легальным организациям. Только партия сможет в ответ на правительственные бесчинства поднять массовое движение, способное снести полицейские преграды и бесшабашный произвол кровавого правительства»³.

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві за роки піднесення. С. 82–83.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 202.

Внутри парторганизации фракционной борьбы практически не наблюдалось. И большевики, и меньшевики-партийцы, в основном, согласованно работали вместе. Меньшевик-партиец, член Киевского комитета Д. Шварцман в своих воспоминаниях объяснял это тем, что все внимание организации было сосредоточено на борьбе с ликвидаторами, которых расценивали как «агентов столыпинского режима». Свою роль играла и недостаточная осведомленность о тонкостях фракционных отношений в заграничных партийных верхах. Фракционную борьбу и многочисленность группировок киевские социал-демократы считали тогда исключительно результатом «эмигрантщины» – оторванности от российских организаций, незнания условий и потребностей местной работы.

Киевская организация поддерживала связь с Л. Троцким, редакцией газеты «Правда», которая издавалась в Вене, получала оттуда письма и социал-демократическую литературу. Однако влияние троцкистских взглядов в Киеве было ограниченным.

Ликвидаторы, или как их еще называли «легальные марксисты», «легалисты» – главным образом, представители интеллигенции – опирались на профессиональные союзы, на легальную организацию – «Клуб трудящихся лиц в конторских и торгово-промышленных заведениях», который после неоднократного закрытия полицейскими властями возобновил работу под названием «Научно-художественный клуб». Он стал ареной острой идейной борьбы с ликвидаторами. Активный участник Киевской организации того времени О. Росновский (Валентин) вспоминал: «Не было партийного собрания, на котором не оттенялось бы отрицательное значение ликвидаторов: во всякой резолюции по любому вопросу обязательно было хоть несколько слов о “столыпинских социал-демократах” (как в насмешку называли ликвидаторов). При проведении любой кампании созидательная работа партии всегда противопоставлялась разлагающей работе ликвидаторов...»¹

В такую непростую, даже противоречивую обстановку попал Юрий. Нужно было время, проверка теоретических представлений практическим опытом, чтобы окончательно определиться в политических ориентациях, надежно пристать к одному из берегов, почувствовать под ногами твердую почву, которая стала бы основой последующего поступательного движения. Правда, «бывший студент» не оставлял планов завершить учебу. Однако бурные события

¹ «Летопись революции». 1926. № 6. С. 116.

и захватывающая деятельность, которая пришлась ему явно по душе, все откладывали их реализацию, чтобы впоследствии и совсем перечеркнуть прежние замыслы.

В конечном итоге ему посчастливилось. Судьба свела Пятакова с действительно неординарными личностями, у которых можно было немало позаимствовать в дополнение к собственному арсеналу принципов мировосприятия, поведения, борьбы.

Сильное впечатление своей безудержной энергией, благородной импульсивностью произвел на него «товарищ Серго» – Георгий Орджоникидзе, который приезжал в Киев как представитель Большевицкого центра и уполномоченный ЗОК (Заграничной организационной комиссии) по подготовке общепартийной конференции РСДРП. В конце июля 1911 года Киевский комитет провел совещание, которое по докладу Серго одобрило мероприятия по подготовке конференции. Комитет поддержал идею образования РОК – Российской организационной комиссии и избрал в нее своего представителя – меньшевика-партийца Я. Соколина.

С этого времени Киев стал одним из центров подготовки VI партийной конференции. Киевляне наладили связи с парторганизациями в России, заграничными центрами. Работа по созыву общепартийной конференции, которая должна была положить конец нетерпимому далее состоянию разлада, началась, как отмечал В. Ленин, «с приглашения одной из наиболее сильных тогда организаций – *Киевской*»¹. Российская организационная комиссия (РОК) по созыву конференции, которая оформилась в октябре 1911 года и провела большую работу по подготовке конференции РСДРП в январе в 1912-го, стала итогом общих усилий парторганизаций, действовавших в России: вместе с Киевской – Екатеринославской, Тифлисской, Бакинской, Екатеринбургской. К ним вскоре присоединилось еще 20 организаций.

Среди новых знакомых Георгия была и Анна Николаевна Пригоровская, учительница музыки. Она принадлежала к старшему поколению социал-демократов – тогда ей исполнилось 50 лет – и являлась горячей сторонницей Г. Плеханова. Пригоровская много лет вела партийную работу в Киеве. В 1904 году ее «поймали на горячем»: полиция нагрянула к ней на квартиру как раз в тот момент, когда хозяйка с помощью ручного печатного станка размножала про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 211.

кламации к Первому мая. В 1909 году она была снова арестована в Москве и приговорена к трем годам заключения в крепости¹. С Александрой Ивановной Пятаковой у Пригоровской были общие интересы в сфере искусства, именно через маму Юрий и установил связь с Анной Николаевной, представительницей умеренной социал-демократии с многолетним опытом пропагандистской работы. У нее молодой марксист учился технике этой работы, приемам конспирации. Через Пригоровскую Юрий смог установить связь с Г. Плехановым, к чему давно стремился.

В лице другого своего знакомого, Давида Шварцмана, типографского наборщика по специальности, активного работника Киевской парторганизации, к мнению которого многие прислушивались, Юрий Пятаков получил образец сдержанности, осмотрительности, осторожности. Искусный конспиратор, Д. Шварцман не раз ловко выкручивался из филерских ловушек².

Но наибольшее влияние на Юрия оказала Евгения Бош. Как пишет в воспоминаниях О. Росновский (Валентин), она «была безусловно одной из самых важных в организации. Ее сравнительно старший возраст (у Е. Б. Бош в то время было две почти взрослых дочери), личные связи с руководителями – заграничными товарищами (Н. К. Крупской, В. И. Лениным и др.), чистосердечная преданность партии – все это обеспечивало ей высокий авторитет и общее уважение товарищей. Когда Е. Б., всегда скромно одетая, серьезная и сдержанная, появлялась на наших собраниях, разговоры как-то невольно приобретали деловой характер, и рабочие, особенно молодежь, серьезно брались за дело (...) Т. Бош не любила длинных разглагольствований, споров и дискуссий. Но ее каждое слово проникнуто было искренним убеждением и глубокой революционностью, из-за чего и трудно было ей противостоять в дискуссиях. Между собой мы всегда говорили, что Е. Б. Бош – “типичная большевичка” (...) И на самом деле, в ней сконцентрировано было все лучшее, что дал большевизм нашей партии – прямолинейность, чистосердечная преданность революции, непреклонная вера в окончательную победу пролетариата и идейная “твердокаменность”»³.

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 140–140 об.

² Там же. Л. 139, 147, 147 об.

³ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 75.

Она умела перерождать людей, – свидетельствует В. Аверкин, – «ярким примером чего есть то, что выдающийся тогда член организации т. Пятаков из плехановца стал ленинцем»¹.

В. Аверкин точно отметил сущность эволюции Георгия Леонидовича: «из плехановца стал ленинцем». Хотя, конечно, не сразу. Сложным и противоречивым оказался этот процесс. Самолюбие – тяжелые оковы сознания человека, которые мешают признать ошибочность своей позиции, сбивают на окольный путь. Так было в жизни Юрия не раз. Тогда, в Киеве 1911–1913 годов, в начале его революционной биографии, Евгения Богдановна стала для Юрия маяком. Мужественное поведение этой тяжело больной женщины после ареста в апреле 1912 года могло поразить кого угодно. Твердая в убеждениях и неутомимая в работе, способная поделиться последним и внимательная к каждому, кто работал рядом, нежная, любящая мать – Евгения Богдановна, оставив ради революционной работы богатого мужа, одна воспитывала двух дочерей – Ольгу и Марию, к тому времени им было по 14 и 15 лет; она обладала удивительным внутренним магнетизмом, притягивавшим к ней людей. У нее было нечто такое, что Юрий ощущал и ценил в своей матери: сочетание боевитости, целеустремленности и хрупкости, женственности.

Г. Пятакова и Е. Бош объединило глубокое чувство, в основе которого было искреннее и большое взаимное уважение. Спустя некоторое время, в сибирской ссылке, они станут супругами, хотя и не обвенчаются – оформление брака в церкви было для них неприемлемым, а иной формы не существовало. Они вместе пройдут через испытания и тяготы эмиграции, вместе неутомимо будут работать для партии, для революции. Общими будут у них и предубеждения.

2. Партийные будни

Без каких-либо осложнений Г. Пятаков органично влился в работу киевских социал-демократов. Образованность, юношеская энергия, настойчивость, умение общаться с людьми в самых сложных условиях, с любой, самой сложной аудиторией позволили ему сразу занять заметное место среди новых коллег.

Юрию доверили работу пропагандиста городского районного партийного комитета, по тогдашнему наименованию – «района», одного из трех в Киевской организации. В него Г. Пятаков вошел как представитель общегородского комитета партии. Поджарую фигуру

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві за роки піднесення. С. 81.

«товарища Петра» с лохматой рыжей шевелюрой (за которую он получил одну из кличек у филеров наружного наблюдения – «Рыжий») часто можно было видеть на заводе Гретера и Криванека в районе Арсенала, где активно действовал рабочий кружок «звездистов» – читателей и пропагандистов легальной газеты «Звезда», выходившей в Петербурге и игравшей заметную роль в агитационной и пропагандистской работе марксистов. Регулярно бывал «товарищ Петр» и в «Клубе трудящихся лиц...» Пятаков – пропагандист городского района был обычно спокойным, сосредоточенным, немного мрачным, пока не начинал говорить – то размерено, то вспылчиво, однако всегда доходчиво и убедительно. Тогда он перевоплощался: вся его фигура оживала, глаза загорались.

Клуб, находившийся в доме 63 по улице Большая Владимирская, объединял около 600 членов, среди них – много социал-демократов, рабочих разных предприятий Киева. Несколько комнат, скромно, даже бедно обставленных, по вечерам наполняла шумная рабочая масса. Здесь читали рефераты, обсуждали последние новости, вели бурные дискуссии. К услугам посетителей – газеты, библиотека. Клуб использовался многими политическими силами для встреч, деловых разговоров. Его существование поддерживалось интеллигенцией города, в среде которой было немало меньшевиков-ликвидаторов, они же доминировали в правлении. Но как благотворительная образовательная организация клуб играл роль нейтрального пункта, который был нужен и ликвидаторам, и плехановцам, и большевикам, и украинским либерал-прогрессистам.

Посещать клуб было не вполне безопасно, поскольку он находился под пристальным присмотром полиции. Ответственные работники, известные охране, бывали здесь редко. Но новичку Юрию, хоть он и находился под негласным надзором, опасность броситься в глаза жандармам, по крайней мере некоторое время, не угрожала. Поэтому он бывал в клубе часто. Деятельная, живая атмосфера поднимала настроение. Даже фигуры филеров, которые шастали у входа, как-то по-особенному бодрили, «тренировали» нервы.

Г. Пятаков стал членом пропагандистской коллегии – «мозгового стержня» организации. Собиралась коллегия регулярно, практически еженедельно, рассматривала вопросы отношений с ликвидаторами, работы в клубах и профсоюзах, издания и распространения рабочей прессы, организации пропагандистских кружков, страхования, международной политики и тому подобное. На заседаниях коллегии обсуждали темы выступлений массовок и собраний, анализировали те из них, что уже состоялись. Когда началась большая работа по подго-

товке избирательной кампании в IV Государственную думу, каждому члену коллегии была назначена тема, которую он должен был вернуть в реферат. Обсуждались также проблемы марксистской философии, политической экономии, этики. Г. Пятаков здесь особенно выделялся, он неизменно попадал в центр внимания, захватывая слушателей широтой эрудиции, безукоризненностью логических конструкций в горячих диспутах по поводу модных тогда философских течений – эмпириокритицизма, эмпириомонизма.

Сравнительно не столь интенсивно работала литературная коллегия, в которую на протяжении длительного времени Г. Пятаков входил вместе с О. Росновским. Подготовленные здесь тексты прокламаций передавались на рассмотрение и утверждение комитета. Наладить доставку прокламаций от заграничных партийных центров в нужном количестве не удавалось, а привлечь литературные силы из числа киевских литераторов нечего было и думать – там безраздельно господствовали ликвидаторы.

Немало внимания уделял Г. Пятаков делу печатной пропаганды. Эта работа, традиционно широкая и активная в Киеве, была поставлена на серьезную основу, что в значительной мере определяло эффективность влияния Киевского комитета РСДРП в массах. Немного тогда было в партии организаций, которые в условиях нелегального существования, под постоянными тяжелыми ударами полиции развили при помощи печатного слова столь масштабную агитационную работу, как киевская. Подавляющее количество листовок и прокламаций изготовлялось в частных типографиях на добротной технике. Большинство рабочих-печатников принадлежали к РСДРП, связь с ними комитет налаживал через Давида Шварцмана. Охранка, имевшая дело не с отпечатанными на гектографе простенькими листками, а с прекрасно изданными прокламациями, долгое время не могла выйти на след таинственной «типографии Киевского комитета РСДРП» – так обозначался каждый экземпляр его полиграфической продукции. Конечно, это особенно злило жандармов. На изданиях часто указывалось и количество экземпляров: конечно, 4–5 тысяч.

На все значительные события текущей жизни киевские социал-демократы откликались прокламациями. Они звали трудящихся к сплочению вокруг РСДРП, к созданию крепкой нелегальной партии, к активной борьбе за свои права. С помощью листовок в значительной мере готовились и направлялись забастовки, важные политические кампании.

Г. Пятаков все чаще принимал участие в подготовке текстов прокламаций, получая все большее признание. Один из тесно сотруд-

ничавших тогда с Георгием Леонидовичем, О. Росновский позже писал о своем товарище: «С не меньшим уважением и любовью [чем к Е. Бош. – В. С.] относились в организации и к секретарю Киевского комитета т. “Петру” – Георгию Леонидовичу Пятакову.

Он был человек еще совсем молодой. Года 1910 [в действительно-сти 1911-го. – В. С.], исключили его со второго курса юридического факультета Петербургского университета за участие в студенческих волнениях. О Г. Пятакове рассказывали, что в Петербурге профессора пророчили ему ученую карьеру. И действительно, т. “Петр” имел к тому все данные – широко образованный, в совершенстве зная иностранные языки, имея большую эрудицию, особенно в вопросах политико-экономических, прекрасную память и необычные способности, т. Пятаков в области теоретического знания безусловно стоял в то время выше всех членов киевской организации. Но эти широкие знания не глушили в нем живого духа борьбы, а только делали еще более ясным и широким его революционное мировоззрение. Характерной чертой т. Пятакова была полная терпимость и отсутствие какого-либо предвзятого взгляда»¹.

3. Определение позиции

13 ноября 1911 года состоялась общегородская партийная конференция Киевской организации РСДРП. Сначала обсуждали вопрос оценки момента, конференция констатировала, что ближайшей задачей рабочего класса и его партии является свержение царизма и установление демократической республики, была также подчеркнута необходимость изолировать ликвидаторов, укреплять нелегальную марксистскую партию, энергично использовать в своей деятельности легальные организации трудящихся. Было положительно оценено участие Киевского комитета в подготовке общепартийной конференции, делегатом от Киева на нее избрали Д. Шварцмана. Заслушав отчет предыдущего комитета, конференция избрала новый его состав, секретарем комитета стала Евгения Бош. Выражением доверия к молодому партийцу, который недавно вошел в организацию, надежд на усиление его общественной активности и одновременно признанием заслуг стало избрание в комитет Георгия Пятакова.

Резолюции киевской конференции были напечатаны в «Социал-демократе» и «Рабочей газете» – эти печатные органы имели общепартийное значение и звучание.

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 75–76.

Киевские социал-демократы развернули деятельную подготовку к общепартийной конференции. Было создано восемь новых партийных групп на предприятиях. Укреплялись районные комитеты – городской, за который перед Киевским комитетом отвечал Г. Пятаков (его отчеты несколько раз одобрялись руководящим органом общегородской организации); Подольский – один из самых старых в городе, его «опекала» Евгения Бош. Возобновила свою деятельность Шулявская (прежняя Заводская) районная организация. Началась работа по оформлению еще одного района – Демеевского. Стала более активной идейно-политическая работа комитета. В открытках, изданных в конце 1911 – начале 1912 года, содержались призывы к борьбе против самодержавия, к укреплению партийных организаций. Состоялись активные политические выступления: митинг протеста рабочих против расправы царизма над социал-демократической фракцией Государственной думы; по инициативе киевлян был организован сбор средств в помощь голодающим Поволжья.

Выполняя поручение Киевского комитета РСДРП, в январе 1912 года Юрий осуществил поездку в Петербург – поводом для нее стало обустройство личных дел в столичном университете. Вообще, поездка была грубым нарушением постановления о высылке Г. Пятакова в Киев и не прошла незамеченной. На молодого революционера накапливался компромат...

Значительным событием в истории партии стала VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП в январе 1912 года. Созванная усилиями большевиков, которые объединили в борьбе с ликвидаторами, примиренцами, троцкизмом все действительно партийные элементы в РСДРП, конференция покончила с формальным объединением в одной партии революционеров и оппортунистов.

Общепартийная конференция означала коренной поворот и в судьбе Юрия Пятакова. Пражские решения, поставившие вне партии меньшевиков-ликвидаторов, восстановили руководящий партийный центр, вооружили рабочее движение программой работы в условиях революционного подъема. Для многих членов партии, в том числе и плехановца Г. Пятакова, признание решений VI конференции стало пробным камнем, на котором проверялось их отношение к партии, к революции. Георгий сделал свой выбор, хотя решение далось нелегко, сопровождалось болезненным разрывом с давними симпатиями к почтенному учителю и наставнику – Г. Плеханову, авторитет которого для него прежде был непререкаемым.

В феврале 1912 года началось обсуждение решений Пражской конференции в Киевском комитете. В город вновь приехал Серго,

избранный в Центральный комитет. Членом ЦК стал и киевский делегат Шварцман. Большевистское руководство придавало большое значение представительству Киевского комитета в ЦК РСДРП, для чего кандидатура тогдашнего плехановца Д. Шварцмана казалась особенно подходящей; он олицетворял укрепление союза большевиков с меньшевиками-партийцами в местных организациях.

Решения Пражской конференции вызывали большой интерес и были одобрены Киевской организацией. 24 февраля Г. Орджоникидзе писал В. Ленину: «Везде и всюду просят резолюций, только жаль, что их нет в большом количестве, шлите по несколько экземпляров по имеющимся адресам. В Киеве очень крепко. Ежедневно выходят листки и ведется работа (...) Признана единогласно общепартийность»¹.

Резолюция Киевского комитета по докладу своего делегата на VI конференции дает четкое и полное представление о его позиции. Изданная в Киеве в виде листовки, она была распространена во многих организациях партии. В Закавказье ее привез Г. Орджоникидзе. Несколько районных организаций Москвы приняли киевскую резолюцию как свою собственную.

В этом документе констатировалось, что на Пражской конференции были представлены все важнейшие местные организации РСДРП. Приглашенные в Прагу национальные организации – так называли Социал-демократию Королевства Польского и Литвы, Социал-демократию Латышского края и Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в России, Литве и Польше), – не прислали своих делегатов на конференцию: не столько ввиду нежелания своих членов, сколько из-за директив центров. Киевский комитет приветствовал конференцию как «первый серьезный шаг на пути к объединению всех, признающих программу РСДРП, как всероссийской организации сознательного пролетариата», а также признал конференцию, и «избранный ею Центральный Комитет учреждениями общепартийными, а их директивы обязательными для себя»².

Наряду с отмеченными в документе содержались и другие положения, которые указывали на плехановские настроения их авторов. В резолюции, в частности, говорилось, что обстановка раздора и взаимного недоверия в партии накануне конференции не способ-

¹ Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России (июнь 1907 г. – февраль 1917 г.). Сб. документов. К., 1960. С. 392.

² Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 62–63.

ствовала ее созыву. Отсутствие на форуме делегатов национальных организаций и отказ от участия в его работах представителей ряда течений внутри российской социал-демократии (Г. Плеханов и другие), – констатировалось в постановлении, – стало серьезным тормозом на пути к объединению социал-демократии. Исходя из этого, его авторы определяли важнейшую задачу, стоявшую перед новоизбранным Центральным комитетом: сделать все, что в его силах, для объединения всех партийных элементов российской социал-демократии, не останавливаясь для этого перед созывом в ближайшее время новой общепартийной конференции при участии всех местных российских организаций, всех «националов» и представителей всех внутрипартийных направлений¹.

Значительное влияние на текст постановления оказал Г. Плеханов, который занимал уклончивую позицию относительно Пражской партийной конференции, участия в ней не принял и еще в декабре 1911 года фактически разорвал союз с большевиками. Под предлогом борьбы против «фракционности» большевиков-ленинцев и против раскола РСДРП он пытался примирить радикалов с умеренными элементами. В 1912 году плехановцы вместе с троцкистами, бундовцами и ликвидаторами осудили решения Пражской конференции РСДРП.

Колебания имели место и на самой Пражской конференции. Из восемнадцати ее делегатов шестнадцать были большевиками, двое (Д. Шварцман от Киева и Я. Зевин от Екатеринослава) – плехановцами. В. Ленин впоследствии охарактеризовал поведение последних на конференции следующим образом: «Были всего два меньшевика-партийца: от Киева держался архикорректно и, в целом, шел со всеми. От Екатеринослава – держался архисклочно, но и он не покинул конференцию, а только вносил “протесты” в духе Плеханова»².

Влияние Плеханова скажется и на поведении «товарища Петра», когда он в апреле–июне 1912 года будет работать секретарем Киевского комитета РСДРП. Но это будет позже.

Сразу же после Пражской конференции Киевская организация партии стала одной из опорных для Центрального комитета РСДРП. Через нее для парторганизаций России пересылались важнейшие документы, нелегальная литература, листовки. Весной 1912 года киевляне получили листовку ЦК «За партию», ленинскую «Изби-

¹ Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. С. 410–412.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 49.

рательную платформу РСДРП», брошюру «Всероссийская конференция Российской Социал-демократической Рабочей Партии в 1912 г.». Часть этой литературы привез в Киев в марте Серго. Поступала она и через контролируемые Г. Пятаковым подставные адреса нейтральных лиц или тех, кто сочувствовал социал-демократам. После ареста Георгия в июне жандармы сумели расшифровать одно из писем из-за границы, найденных во время обыска: «Возьмите немедленно литературу по адресу: Киев, Первая Слободка, Крещатинская набережная, дом двести двадцать пять (черного), кв. Абрамовича, спрос[ить] Сарру от Надежды Конст[антиновны]»¹.

Трудящиеся Киева первыми в Украине примкнули к общероссийскому движению протеста против жестокой расправы 4 апреля 1912 года над рабочими, бастовавшими на золотых приисках на реке Лена, в Сибири, получившей известность как «Ленский расстрел». По призыву Киевского комитета РСДРП 9 апреля прекратили работу пролетарии Южно-российского машиностроительного и Днепровского механического заводов. Киевский комитет постановил призвать всех рабочих города к однодневной забастовке-протесту. Забастовки состоялись 11–12 апреля 1912 года, охватили свыше 20 самых крупных предприятий. Дружно забастовали рабочие типографий, организацию которых взял на себя Юрий. Работники одной из них, по предложению «товарища Петра» приняли резолюцию-протест, которая 12 апреля была опубликована в газете «Звезда»: «Мы, рабочие типографии Лубковского в Киеве, прекратив на один день работу, присоединяемся к общему протесту, поднимаемому рабочим классом России, против зверского убийства наших товарищей на Ленских рудниках. Просим, чтобы вы, наши представители в Государственной думе, требовали немедленно расследовать это вопиющее преступление и привлечь к открытому суду его виновников...»

Апрельские стачки слились с первомайскими. Аресты партийных комитетов, проведенные жандармами 16–17 апреля, ослабили забастовочное первомайское движение, но не сорвали его. В Киеве стачки сопровождались собраниями и массовками. Все забастовки на Украине от 9 апреля до 1 мая 1912 года (всего 65, 26 тысяч участников) имели политический характер. В основе политических требований забастовщиков лежала революционная платформа, выдвинутая Пражской конференцией РСДРП.

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 89 об.; Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. С. 431–432.

4. Под неусыпным жандармским оком

Деятельность киевских социал-демократов беспокоила и III отделение Министерства внутренних дел. 17 марта 1912 года начальнику Киевского охранного отдела поступило оттуда письмо: «Ввиду того, что господин киевский губернатор послал экземпляр прокламации от 8 февраля под заглавием “Как вести выборы в Думу”, напечатанный от имени Киевского комитета РСДРП, Департамент полиции просит вас сообщить, какие сведения есть в вашем распоряжении о составе Киевского комитета, месте хранения типографии, которая изготовляла прокламации, а также о лицах, которые составляли и распространяли настоящие документы...»¹

Работать в российских охранных ведомствах умели. Да что там умели! Многие историки считают, что в свое время это были самые профессиональные институты в мире. Редко кому из революционеров удавалось скрывать свою деятельность больше трех-шести месяцев. Опыт, тотальная слежка, филигранные навыки филеров и провокаторов делали свое дело.

Поэтому не удивительно, что к моменту появления упомянутого письма причастные к составлению киевских прокламаций (среди них – Е. Бош, Д. Шварцман, Г. Пятаков и др.) были не только известны. Практически каждый их шаг контролировался. А если и были «послабления» – с обысками, арестами не спешили – то сознательные: не дать до поры до времени революционерам уловить, что они уже не свободны в своих действиях, следить ними «на расстоянии» и установить их контакты с теми, кто только начинал политическую работу, чтобы разоблачить таким образом всю сеть.

Однако и революционная работа – это не застывшая рутина, ее методы постоянно развиваются, совершенствуются, нередко опережая даже представления о них «заинтересованных» наблюдателей; в своих действиях революционеры решительно опережали тех, кто в своеобразном «соревновании по специальности» стремился не отставать. Ведь чего стоят способности тех личностей, которые прибегают к противоправным, антигосударственным действиям! Потому и приходилось нередко догонять, исправлять то, что «проворонили», а то и вовсе не смогли предусмотреть.

19 марта 1912 года начальник Харьковского губернского жандармского управления «совершенно секретно» сообщает своим киевским коллегам: «По сведениям, полученным мною из агентур-

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 6.

ного источника, которому можно верить, в киевской социал-демократической организации проводится в данное время серьезная работа»¹.

Жандармы имели несколько «агентурных источников». Одни из них – добровольные, чаще всего анонимные информаторы, которые сообщали о действиях и планах революционных партий, организаций. Обычной, достаточно распространенной практикой являлась перлюстрация почты лиц, подозреваемых в антигосударственной деятельности. Перлюстрация была для охраны нелегальным, запрещенным законодательством методом добывания информации. Ее использование в розыске сопровождалось строгой тайной, доступ к ней имел узкий круг полицейских чинов. Свое представление начальнику Киевского губернского жандармского управления полковнику Шределю данных об участии Георгия Пятакова в студенческом движении во время его учебы в столице Департамент полиции сопроводил письмом со стандартным набором предостережений: «Отправляя при этом, совершенно конфиденциально, исключительно для личных рассуждений при проведении Вами розыска, агентурные сведения за № 669, имею честь информировать Ваше Высокоблагородие, что сведения эти ни в коем случае не могут быть предъявлены посторонним лицам, невзирая на служебное их положение, и, понятно, не могут быть привлечены к следствию или переписке, которые проводятся в порядке Положения о государственной охране. В случае, если содержание этих сведений вызывает необходимость следственных действий, то такие могут осуществляться, но при обязательном условии сохранения в тайне источника, которое послужило основанием для употребления тех или иных мероприятий»².

Наиболее надежным, точным и эффективным источником информации служила агентура в среде революционных партий и организаций. Естественно, ее создание было делом кропотливым, поэтому прибегали к ее услугам осторожно, чаще всего – в случае крайней необходимости. В начале апреля 1912 года Охранный отдел в Киеве в своем донесении Департаменту полиции вынужден был признать: «Отсутствие пока что у отдела агентуры, которая удовлетворительно знала бы состав местного комитета РСДРП, а также технику этой организации и лиц, которые в настоящее время проводят активную

¹ Там же. Л. 21.

² Там же. Д. 365. Л. 252.

работу в Киеве, не позволяют дать определенный ответ на приказ за № 97788. Прорабатывая в настоящий момент совершенно секретные документы, придется снова останавливать внимание на членах “Научно-художественного клуба”, открытого по инициативе основателей “Клуба трудящихся лиц...”»¹

В ответ поступает приказ из столицы: «Систематический выпуск прокламаций Киевского комитета РСДРП в течение последних трех месяцев свидетельствует о существовании в Киеве крепкой социал-демократической организации (...) Признавая прекращение преступной деятельности Киевского комитета полностью безотлагательным делом, Департамент полиции считает вполне необходимым просить Ваше Благородие немедленно принять самые энергичные меры к тому, чтобы приобрести партийную агентуру и как можно быстрее ликвидировать упомянутую организацию»².

Но подготовка серьезной агентуры – дело не одного дня, решается нелегко, нередко значительными финансовыми средствами. Поэтому Киевское охранное отделение, не тратя время попусту, прибегло к самому доступному и простому методу – наружному наблюдению. Дневники, которые вели жандармы, свидетельствуют, в частности, о наблюдении с декабря 1911 года за жилищем Е. Бош на Большой Подвальной улице, дом 25, ее посетителями. Квартира из четырех комнат в глубине большого, с несколькими выходами двора была удобной для встреч, но ее заблокировали филеры. Возможно именно из-за этого обширного двора они и дали Евгении Богдановне кличку наружного наблюдения «Дворкина». 1 апреля 1912 года, после собрания работниц в прачечной на Фундуклеевской, дом 57, филеры взяли под круглосуточное наблюдение члена комитета большевика Михаила Зарницына, студента Киевского университета.

Особо важную для политического сыска информацию: об активном участии Киевского комитета РСДРП в подготовке Пражской партийной конференции, избрании его члена-делегата в Центральный комитет РСДРП; о том, что член ЦК «Серго» – это Г. Орджоникидзе, который по поручению ЦК объезжает парторганизации в России и бывает в Киеве; о том, что человек по имени «Михаил», получающий нелегальные письма от Ленина в Киеве, это в действительности Евгения Богдановна Бош – эти сведения охранка получила от делегата Пражской конференции, члена ЦК РСДРП, впоследствии депутата

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 365. Л. 252.

² Там же.

IV Государственной думы, провокатора Московского охранного отделения Романа Малиновского. Благодаря его донесениям, а также информации, поступавшей от другого провокатора, также делегата Пражской конференции – О. Романова, жандармы были неплохо осведомлены о положении в партийных организациях РСДРП, в том числе Киевской.

Знала охранка и о поездках Шварцмана в города Юга России летом 1912 года. Начальник Харьковского жандармского управления информировал 7 июля, что из агентурных источников (сотрудник Иванов) ему известно о приезде в Харьков докладчика по делу общепартийной конференции (а им был Шварцман), что 1 июля в лесу за Холодной Горой состоялись собрания (имена участников известны), на которых докладчик рассказывал о партийной конференции РСДРП за рубежом. «Докладчика нельзя было ликвидировать в Харькове, – пишет харьковский жандарм, – потому что это грозило бы агентуре немедленным провалом»¹.

Меткость и эффективность ударов охранки по Киевской организации РСДРП в 1912 году можно объяснить удачным сочетанием нескольких каналов добывания информации: материалов наружного наблюдения, результатов перлюстрации почты подозреваемых, а после ареста – подследственных, а также сведений, поступавших от агентов охранки в партийных организациях.

Документы Киевского губернского жандармского управления по «Делу о ликвидации Киевского комитета РСДРП в 1912 году» свидетельствуют, что охранка имела безымянных информаторов в трех важных явочных пунктах: Политехническом институте, типографии «Прогресс», прачечной «Нимфа». Эти явки контролировались жандармами. Имелась агентура и внутри самого Киевского комитета. В августе 1912 года, уже после арестов, сотрудники киевского охранного отделения докладывали Департаменту полиции в Петербург: «Принятые отделением мероприятия в выяснении личного состава комитета и главных деятелей Киевской организации путем приобретенной агентуры, дали о себе знать тем, что агентура отметила заметных работников, которые имеют организационные клички “Петр”, “Федор”, “Никодим”»².

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 102.

² ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 141.

5. Секретарь Киевского комитета РСДРП

В ночь с 17 на 18 апреля 1912 года охранка нанесла серьезный удар по Киевской организации РСДРП. Были арестованы многие социал-демократы, в том числе члены комитета – Е. Бош, Я. Шильган, М. Зарницын. В ходе обысков изъяты документы, неоспоримо доказывавшие их отношение к руководящему ядру организации: обнаружена подпольная типография, много листовок.

Удар был прицельным. Кроме того, возможно, из полицейского расчета, для «прикрытия» (в ошибку верится с трудом) «за компанию» арестовали и группу активных ликвидаторов.

Оставшиеся на свободе члены комитета не стушевались, не свернули деятельность, а напротив, подхватили эстафету и продолжили работу, пытаясь сделать ее более активной. Именно тогда Георгий Пятаков стал секретарем Киевской организации РСДРП. Произошло это, очевидно, путем кооптации. Никто из других членов комитета роли секретаря исполнять не мог. Николай Михайлович Погосов (Погосьянц, «Федор») накануне арестов 18 апреля выехал из Киева. Давид Шварцман находился в поездке по организациям Юга России, был загружен общепартийной работой как член ЦК РСДРП. Василий Аверкин, Григорий Серебряников, кооптированный Рувим Левик не проявляли большой активности, а их способность осуществлять общее руководство организацией была ограниченной.

В. Аверкин позже вспоминал: «Поражена организация была в самое сердце, но мы быстро сориентировались и не показывали, что Бош является центром нашей жизни – во весь рост становится в партийной работе т. Пятаков, новый секретарь организации. Массы и Комитет благосклонно относятся к “Петру” (так называли Пятакова), и мы, не покладая рук, работаем дальше. Одна из наших типографий ликвидируется; ее переводят ко мне, и я прячу ее в надежных тайниках (в лаборатории на курсах Перминова, где я работаю электротехником), а зачастую просто у себя на квартире. Я начал работать на гектографе; материал для печати поставлял Пятаков, он же забирал напечатанное»¹.

К сожалению, упомянутый тайник в лаборатории на Киевских электротехнических курсах Перминова (ул. Большая Владимирская, 92) оказался ненадежным. Через несколько недель после июньских арестов, во время технического осмотра лаборатории шрифт и

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 85.

прокламации, в которые он был завернут, были обнаружены, и охранники благополучно приобщили их к вещественным доказательствам.

На Юрия легли новые, непростые обязанности. Теперь он нес ответственность за всю городскую организацию, хотя работа ее после апрельских арестов объективно все же не могла не затормозиться.

Была проведена оперативная кооптация в районные комитеты новых работников, согласованы их функции. Приближалась к завершению организация четвертого района городской организации – Демеевского. Много сил и времени отнимала деятельность пропагандистской коллегии, которая не снизила своей активности. В первую очередь речь шла о проведении массовок, приуроченных к Первомаю. Секретарь взялся написать прокламацию по случаю праздника, организовать ее обсуждение на коллегии пропагандистов, обеспечить печать и распространение.

В целом объем работы секретаря комитета РСДРП был действительно громадным. «Нужно было возрождать всю работу, что и было сделано, – писал Георгий Леонидович в автобиографии, – мне лично пришлось быть одновременно и секретарем комитета, и хранить нелегальную литературу, и руководить нелегальной типографией, и писать прокламации и печатать их, и восстанавливать связи и вести кружки; одним словом, для нелегальных условий – чересчур “разнообразная работа”»¹.

Первомайская прокламация, написанная Юрием, была, как и всегда в Киевском комитете, бодрой и светлой, он призывал восстанавливать организацию, подключать к ней новые силы, вселять в души людей надежду, оптимизм: «В этот день пролетариат всего мира громко и гордо заявляет, что он не сложит оружия, не покинет поля битвы до тех пор, пока не уничтожит позорное иго наемного рабства и ужасы нищеты, – в этот день он возглашает во всеуслышание, что несет человечеству освобождение от оков капитализма и что близко уже то время, когда на развалинах разрушенного царства эксплуатации и насилия построит он светлое царство труда, свободы и равенства...»²

...Приближалась избирательная кампания в IV Государственную думу, которая открывала перед социал-демократической партией возможности для расширения легальной работы. Необходимо было размножить полученную из-за границы «Избирательную платформу

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

² Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 223.

РСДРП». Однако Киевскому комитету удалось выпустить только два избирательных листка, хотя потребность в них была особенно острой именно здесь, на Киевщине, поскольку закон о выборах лишал губернию возможности иметь рабочую курию – в отличие от Харьковщины и Екатеринославщины. Перспективы провести в Думу на собрании избирателей, в составе которых преобладали бы пролетарские представители, своего рабочего депутата (а им намечался большевик К. Чекеруль-Куш) не было никакой.

И все же кое-что сделать удалось. Киевский комитет наращивал авторитет, неуклонно проводя партийную линию, выраженную в одной из резолюций: «Киевская организация, решив принять участие в предвыборной работе [кампании. – В. С.] в IV Государственную думу, ставит своей задачей старые лозунги партийной программы: 1. Свержение монархии и замена ее демократической республикой на основе общего, равного и непосредственного избирательного права с прямым голосованием. 2. Государственное страхование рабочих за счет специального фонда, образованного специальным налогом на капиталистов. 3. Конфискация помещичьих земель и передача их крестьянам. 4. Революционное свержение “третьеиюньского” режима и созыв учредительного собрания...»¹

Заметным событием для киевских социал-демократов – как, впрочем, и для всей партии – стало начало издания 22 апреля в Петербурге газеты «Правда». Для распространения ежедневной рабочей газеты использовался «Научно-художественный клуб». Сюда прибывали представители предприятий из разных районов города, получали свежие номера «Правды», чтобы на следующий день раздать газету подписчикам. Делу распространения общероссийского печатного органа Г. Пятаков придавал особое значение, инстинктивно уловив перспективность «правдистского» движения. Почему-то верил и в то, что в стороне от сотрудничества с таким органом не останется и его кумир Г. Плеханов.

Однако старейшина российской социал-демократии не спешил делать решающий выбор, ограничиваясь позицией стороннего наблюдателя.

В письме к Анне Пригоровской в июне 1912 года Георгий Валентинович так характеризовал тогдашнее положение: избранный в Праге ЦК партии является не общепартийным, а фракционным органом, учрежденным В. Лениным. Меньшевики-партийцы не должны при-

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 60.

соединяться ни к ЦК В. Ленина, ни к Организационному комитету Л. Троцкого. В результате разрыва Г. Плеханова с большевиками, его отказа принять участие в Пражской партийной конференции среди меньшевиков-партийцев, в том числе и в Киеве, начались колебания. Объективно выходило так, что каждый должен был делать выбор индивидуально. Давид Шварцман, например, сделал его в пользу линии В. Ленина.

С Г. Пятаковым было сложнее. Его крепко держали в своих тисках старые предпочтения, изменить которым человеку чести казалось предательством. Не было рядом с «товарищем Петром» и Евгении Бош, чье мнение и советы много значили для недостаточно опытного политика, все еще находившегося в поиске собственного берега и искренне стремившегося сделать столь непростой оптимальный выбор. При участии Г. Пятакова – как секретаря комитета – в июне 1912 года осуществляются шаги по пересмотру ряда предыдущих решений. Комитет, в частности, принял обращение к ЦК РСДРП, текст которого воспроизвел полицейский переписчик. В документе отмечалось: «Обсудив отягчающее положение, которое сложилось в настоящее время в партии, комитет Киевской организации РСДРП считает своей обязанностью обратиться к “ЦК”, избранному на январской конференции части РСДРП с таким письмом: Уважаемые товарищи! Как социал-демократы мы не должны закрывать глаза на действительность. Как партийцы мы должны прежде всего заботиться об интересах партии в целом. Учитывая это мы открыто заявляем: “ЦК” январской конференции как Центрального Комитета партии не существует. Мы поддерживали его, поскольку считали и считаем его создание на пути к объединению всей партии...»¹

Учитывая аресты, прошедшие в Киеве в июне и июле (Давид Шварцман после посещения Харькова 2 июля вернулся в Киев в «сопровождении» филеров Харьковского жандармского управления по кличке «Дополнительный» и был арестован 8 июля), обращение осталось единственным документом, который развития не получил и существенного практического значения не имел.

Однако не вызывает сомнения, что его автором или по крайней мере одним из авторов был Юрий Пятаков. Об этом убедительно свидетельствуют его письма к Георгию Плеханову в мае–июне 1912 года

¹ ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 51.

(для их пересылки были использованы парижские каналы Пригоровской)¹.

Всего писем было не менее четырех. Первое, датированное самим Г. Пятаковым 22 мая, и второе, датированное публикатором «маем–июнем 1912 года», были опубликованы в сборнике «Нелегальная организация РСДРП в Киеве во времена подъема», который вышел в 1930 году². Найденное в полицейских документах изложение еще одного письма, датированного 8 июня 1912 года, позволяет считать его четвертым. Оно начинается так: «Глубокоуважаемый Георгий Валентинович! Я послал Вам и Вашим друзьям уже три письма, не знаю, получили ли Вы их, но до сих пор никакого ответа не имею...»³ Следовательно, было и третье письмо, содержание которого до этого времени неизвестно. По трем же имеющимся документам можно достаточно предметно проследить, над чем билась тогда мысль секретаря Киевского комитета РСДРП, под давлением каких сомнений он терзался.

«Киевский комитет, – пишет Юрий, – решил обратиться к Вам с предложением войти с нами в переписку по важнейшим вопросам партийной жизни. 2) Киевский Комитет считает, что разногласие в вопросе о Январской конференции не может быть помехой, поскольку в основных взглядах на организационную работу и на тактическую линию РСДРП он, в своем большинстве, соглашается с взглядами партийных меньшевиков, идейным вождем которых являетесь Вы»⁴.

В определении партийной линии Г. Пятаков полностью доверял Г. Плеханову. Поэтому игнорирование последним решений VI конференции РСДРП, его примиренческая позиция вовсе не расценивались молодым марксистом как что-то опасное для существования партии. Следует сказать, что и В. Ленин в тот момент (возможно, и из тактических соображений) публично демонстрировал большое уважение Г. Плеханову, мягко упрекая его на страницах партийной прессы за «нейтральность» относительно Пражской конференции,

¹ Подробнее об этом см.: Солдатенко В.Ф. Георгий Пятаков – Георгий Плеханов: эпизоды совпадения политических позиций // VIII Плехановские чтения. Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. 30 мая – 1 июня 2008 г. Материалы к конференции. СПб., 2008. С. 51–57.

² Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 177–179.

³ ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 49.

⁴ Там же.

всячески поддерживая осуждение Георгием Валентиновичем дезорганизаторских действий Л. Троцкого.

«Киевский комитет считает, – продолжал Г. Пятаков, – что в данный ответственный момент воссоздания и укрепления партии идейно и практически необходимо теснее связаться, чтобы более дружно перейти к работе и успешно провести тяжелое и важное дело восстановления партии и центрального аппарата ее». Неуверенность автора письма, противоречивость его позиции, предопределенная в частности и необходимостью считаться с взглядами большинства Киевской организации, ясно просматривается в следующих строках: «Мы считаем, что отказ появиться на конференцию [в Праге. – В. С.] “националов” и Вас означает послабление ее престижа, но никак не говорит о фракционности ее созыва. Созывалась она как общепартийная. Мы считаем своей обязанностью поддержать первую попытку созыва общепартийной конференции и избранный ею центр. Мы это и сделали. Первая попытка новым успехом не увенчалась. Нам нужно предпринять следующий шаг: еще одну конференцию»¹.

Итак, по мнению Г. Пятакова, Пражская конференция задумывалась и созывалась не как фракционная. Если же на практике она не стала общепартийной, то виноваты в этом не ее инициаторы, дело которых стоит продолжать. Что же касается «новой конференции», то здесь секретарь Киевского комитета, бесспорно, исходил из мартовской, самой первой резолюции комитета, которая одобряла, поддерживала конференцию в Праге, признала ее общепартийной, а решение новообразованного ЦК считала обязательными для себя, но в то же время содержала предостережение: киевляне полагали, что важнейшая задача, стоявшая тогда перед ЦК, это сделать все, что в его силах, для объединения всех партийных элементов социал-демократии России, не останавливаясь ради этого в ближайшем будущем перед созданием Организационного комитета для созыва следующей общепартийной конференции, которая действительно объединила бы всю партию².

В письмах к Г. Плеханову видна и политическая наивность Г. Пятакова, который выражал надежду, что «блок – плехановцы, ленинцы, большевики-примиренцы – сумеет развить значительную центростремительную силу, которая притянет остальных», в том числе ликвидаторов, если они перестанут быть таковыми.

¹ ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 49.

² Там же. Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 177–178.

Не обошлось и без переоценки собственных возможностей. В письме от 22 мая 1912 года Юрий пишет о намерении Киевского комитета предложить ленинскому ЦК установить связь с меньшевиками-партийцами, которые еще не присоединились к ЦК, а также с «националами» и венской «Правдой» Л. Троцкого, чтобы совместно образовать новый организационный комитет, который не имел бы ликвидаторского характера. Если ЦК не фракционный центр, – полагал лидер Киевской организации, – он признает необходимость такого шага и согласится на это, если же нет, «у нас имеется возможность почти заставить его сделать это, ибо фракционный центр мы поддерживать не станем»¹.

Что ж, молодой марксист искал, колебался, предлагал свои решения проблем – так, как он их видел, руководствуясь добрым намерением – объединение всей партии, – не понимая нереальности этой задачи. «Если ответите, – заканчивал Георгий свое последнее письмо Плеханову, – то поможете нам ориентироваться в запутанном лабиринте, в котором из всех углов раздаются злые голоса фракционных противников, зовущие каждый к своему коротенькому тупичку...»²

В тех письмах – весь Пятаков: независимый, взволнованный, противоречивый, нацеленный на поиск собственной линии, готовый принципиально ее отстаивать.

Возможно, в его поведении проявляется и такая черта характера как честолюбие. Однако абсолютизировать ее, как это делает М. Сапун, объяснять поступки Г. Пятакова примитивной завистью, желанием взять реванш у Е. Бош и Д. Шварцмана за их более высокий авторитет в организации и хотя бы в чем-то превзойти их³, думается, не стоит. Уже тогда молодой революционер стоял выше обывательских стандартов, действительно «выше летал».

Киевская организация, к тому времени одна из самых сильных, не могла не привлечь внимания тех политических сил, что боролись против пражских решений января 1912 года. Однако, когда агент Л. Троцкого Адольф Йоффе прибыл в Киев с целью привлечения местного комитета к участию в новой, ликвидаторской конференции, ему ответили, что киевляне примут предложение только при усло-

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 177.

² ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Ч. II. Д. 2573. Л. 49 об.

³ См.: Сапун М. М. Завжди в опозиції. Політичні погляди Г. Л. Пятакова // Маршрутами історії. С. 523–524.

вии представительства на ней ЦК и организаций, представленных на Пражской конференции. Как сообщал Д. Шварцман, А. Йоффе в Киве «сильно отчитали».

Л. Троцкий от имени редакции своей венской газеты обратился к Киевской организации с письмом, в котором упрекал киевлян за то, что они встали на путь поддержки ленинской фракционной конференции и фракционного центра и пытался склонить их на сторону своего организационного комитета и новой партийной конференции. Но эти попытки успеха не имели. Открытое письмо Троцкого, опубликованное в венской «Правде» 23 апреля 1912 года, вызвало возмущение и большевиков, и плехановцев в Киевской партийной организации, которая недавно понесла тяжелые потери в результате ареста жандармами группы партийцев, в том числе членов комитета.

Ответ Л. Троцкому по поручению комитета написал секретарь, и подписался «Товарищ Петр». Письмо, отправленное в Вену в Центральный печатный орган РСДРП газету «Социал-демократ» и в «Рабочую газету», детально обсуждалось, его одобрила коллегия пропагандистов Киевского комитета.

«В нашей организации, – говорилось в письме, – дружно работают и м-ки, и б-ки, и правдовцы [сторонники венской “Правды” Л. Троцкого. – В. С.], отстаивая свои взгляды, ведя честную идейную борьбу, но никогда не прибегая к таким приемам, которые могли бы привести к так называемой фракционной драке, – истребительной междоусобной войне внутри нашей организации до сих пор не было места (...). Очевидно, вам неприятно такое положение нашей организации (...). Вы хотите разрушать то, что с таким трудом создалось в течение нескольких лет, вы не имеете права этого делать (...). Там, за границей, вы можете себе драться и ругаться, сколько угодно, нам это больно и обидно, что энергия стольких уважаемых и талантливых товарищей ухлопывается не на принципиальные вопросы и споры, не на выяснение важных вопросов партийной и общественной жизни, а на руготню, фракционную драку и взаимообвинения (...). Сюда же вы не смеете вносить ваши нравы и ваши приемы, не только вам и заграничникам, всем посмеющим прибегать к подобным приемам, сеять смуту в наших рядах ради достижения своих сепаратных целей и тормозить нашу и без того затрудненную работу создания организации мы скажем: руки прочь...»¹

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 188–192.

Ответ был достойным. В письме четко и недвусмысленно отмечались и беспочвенность претензий Л. Троцкого и его окружения на выражение единственно правильной (по их мнению) точки зрения, и шумный, скандалистский, неконструктивный характер их поведения, и губительность их методов для судьбы партии.

Письмо Г. Пятакова в «Правду» Л. Троцкого было творением меньшевика-партийца. С одной стороны, он снова утверждал: Пражская конференция созывалась как общепартийная, Киевская организация такой ее и считает. Однако, с другой стороны, приводя положение резолюции комитета, в котором признается общепартийный характер Пражской конференции и новоизбранного ЦК, а также обязательность его решений, Г. Пятаков повторяет предостережение, оставляющее возможность для отхода с этой позиции: поскольку часть партийных организаций и течений по тем или другим причинам не принимала участия в конференции и не присоединилась к ней, ЦК должен предпринять максимум усилий для объединения всех партийцев, ради чего Киевский комитет предлагает «не останавливаться перед созывом следующей конференции». Если ведущие партийные организации присоединятся к ЦК («а это, по всему так и будет», – уверенно писал Г. Пятаков, хотя оснований для подобного оптимизма было очень мало), то Киевский комитет признает необходимость созыва в ближайшее время следующей конференции как органа, представляющего все внутрипартийные течения, имеющиеся в России.

Далее «товарищ Петр» всячески открещивался от прозвучавших у Л. Троцкого в адрес Киевского комитета обвинений в ленинском характере. Почему вы, товарищи из Вены, – спрашивает Г. Пятаков, – считаете нас, киевлян, ленинцами? «Не потому ли, что мы по данному частному вопросу пошли вместе с товарищем Лениным? А если вы идете в организа[ионный] комитет [по подготовке будущей “августовской” конференции ликвидаторов. – В. С.] вместе с ликвидаторами, то неужели вы от этого становитесь ликвидаторами?» Неужели расхождения между большевиками и меньшевиками ограничиваются лишь признанием или непризнанием Пражской конференции общепартийной? – опять задает вопрос «товарищ Петр» и выражает мнение, что эти расхождения более глубоки, более существенны¹.

Так был дан категорический отпор претенциозным атакам Л. Троцкого, его попыткам привлечь на свою сторону Киевскую пар-

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 190, 191.

торганизацию. Это было первое, пока еще заочное столкновение (в сущности, конфликт) Г. Пятакова и Л. Троцкого. Принцип партийности взял верх над откровенным интриганством...

При том, что Г. Пятаков прокладывал независимый, собственный путь к истине, взгляды его не были исключением. Во всяком случае близкими к ним были позиции многих меньшевиков-партийцев (плехановцев) и примиренцев («большевиков-партийцев» – группы большевиков, которая организационно оформилась в июне 1911 года), они также считали Пражскую партийную конференцию лишь шагом к объединению РСДРП в более широком, общероссийском масштабе.

Стержнем подобных взглядов было неприятие тезиса, согласно которому VI конференция РСДРП означала окончательный разрыв с меньшевиками-ликвидаторами, фактическую консолидацию большевистской партии. Из этого вытекали опасения «сектантства», «отдельности» и «фракционности» решений VI конференции, избранного на ней Центрального комитета. Отсюда и осторожность в отношении решительности и категоричности всего духа «ленинской» конференции – в данном случае термин «ленинская» имел оттенок осуждения.

Май–июнь 1912 года для Георгия Пятакова оказался временем выбора партийно-политической ориентации. Он стоял на перепутье. Неполных два года прошли с того момента, как молодой марксист примкнул к РСДРП, оказавшись в кругу меньшевиков-партийцев. С ними он активно сотрудничал, начиная с мая 1911 года в Киеве, считался плехановцем. Привлекли внимание Георгия Леонидовича и забияки-троцкисты, с которыми он общался: Адольф Иоффе, Моисей Урицкий, а за ними – кипучая и импозантная фигура самого Льва Троцкого. Но в последних настораживала и даже отталкивала склонность к авантюрам, скандализм, склонность, нарочитая самоуверенность, неуважение к политическим оппонентам.

Решающую для Г. Пятакова роль в этом выборе сыграли несколько факторов. Во-первых, напряженная партийная работа в Киевском комитете РСДРП, постоянное общение с рабочими. Во-вторых, сильная притягательная сила такой неординарной личности, как Евгения Бош. Наконец – арест в июне 1912 года, судебный процесс в Киеве в ноябре 1913-го. Именно после этого Г. Пятаков стал большевиком, избрав этот путь, очевидно, в значительной мере в результате стечения обстоятельств.

И здесь – так же, как в период разрыва с анархизмом в 1907 году – колебания, поиски, неуверенность...

6. Арест. Следствие. Суд

Дом Пятаковых на улице Кузнечной, 5, после ареста Евгении Бош превратился в одну из основных баз Киевского комитета, сюда был переведен его архив, склад нелегальной литературы, здесь действовала переносная типография. Контора предпринимателя Леонида Тимофеевича Пятакова служила неплохим легальным прикрытием. На лето Александра Ивановна с младшим ребенком – Верой – выехала в Крым, Леонид Пятаков тогда пребывал на армейской службе в Ростове, Михаил проживал где-то в далеком Мурмане.

Однако и оплачиваемые защитники режима не дремали, вскоре дом Пятаковых стал объектом пристального внимания со стороны Киевского охранного отделения. Недавно назначенный его новый начальник – отдельного корпуса жандармов подполковник Леонтьев – быстро убедился: акция под названием «Ликвидация Киевской организации РСДРП», проведенная, казалось, весьма успешно 17 апреля 1912 года, все же к прекращению деятельности эсдеков в городе не привела. Слабовато сработала внутренняя партийная агентура – люди в организации второстепенные, далекие от ее руководства. Нечего было ожидать от них серьезной информации¹. Хотя кое-что привлекало внимание. Так, один из агентов сообщал, что во время сходов в Золотоворотском сквере 15 июня и на Трухановом острове 17 июня присутствовали преимущественно печатники киевских типографий, члены забастовочного комитета. Доносил, что обсуждались вопросы устройства общегородской стачки печатников, и что организатором и руководителем обеих сходов был «товарищ Петр». Эти данные подтверждались и материалами внешнего наблюдения за «товарищем Петром»².

Выйти на него удалось еще 9 июня в результате удачного «улова» агентурных сведений через почтовую службу. Там работали аккуратные, внимательные люди, мимо них не прошло незамеченным, что казачка Елена Макаренко, проживавшая по адресу улица Жилинская, дом 56, квартира 3, вела партийную переписку, частично зашифрованную, получала из-за границы литературу от какого-то «Ивана Николаевича», недавно выехавшего из Киева в Цюрих. К тому же «Иван Николаевич» общался с эсдеками, в том числе с «важной фигурой» в организации РСДРП – «Анной Николаевной». Партийную переписку

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2970. Л. 361–361 об.; Ф. 442. Оп. 863. Д. 23. Л. 1–2 об.

² Там же.

ску и нелегальную литературу Е. Макаренко передавала по назначению – «Анне Николаевне» и «товарищу Петру»¹.

Обыск у Елены Макаренко дал жандармам убедительные доказательства: письма. Из них выяснилось, что «Анна Николаевна» является наследственной почетной гражданкой Анной Николаевной Пригоровской, проживающей по Большой Васильковской улице, 186. Это была «старая знакомая» охранного отдела².

Взяв след, усердные служаки сразу почувствовали – пахнет новым большим уловом. После обысков 9 и 11 июня на квартире Пригоровской жандармы, удостоверившись, что находятся на верном пути, оставили Пригоровскую и Е. Макаренко на свободе для «разработки связей» и выяснения личности «товарища Петра». Результат оказался практически сразу: уже 10 июня наблюдение за Пригоровской позволило обнаружить ее «деловую связь» с «каким-то интеллигентом», который проживал по улице Кузнечной, 5, квартира 3³.

Все совпадало довольно четко. По описаниям филеров внешнего наблюдения, тот же «интеллигент» с улицы Кузнечной, 5 попал в их поле зрения под кличкой «Рыжий» еще 22 мая. Тогда в Киеве был с молниеносным визитом «Шатун» (он же «Египтянин») – известный деятель одесских эсдеков Моисей Урицкий, бывший студент Киевского университета, он в течение двух дней общался с молодым интеллигентом с Кузнечной. В тот день в Киеве зарядил дождь, и филеры дали спутнику «Шатуна» кличку «Дождевой»⁴. Вначале этому контакту почему-то не придали должного значения, а, возможно, просто выжидали, накапливая материал. Этот же «Дождевой», он же, по данным внутренней агентуры, «товарищ Петр», был организатором июньских сходов в Золотоворотском сквере и на Трухановом острове⁵. Сомнений не оставалось. Теперь можно было наносить удар наверняка – нагрянуть в дом 5, что на Кузнечной. Но так существовал риск оборвать нити связей «товарища Петра» с сообщниками. Зачем же пугать «добычу» преждевременно? Поэтому за домом № 5 по Кузнечной с 10 июня был установлен круглосуточный надзор⁶. И он принес неплохие результаты. В течение нескольких дней

¹ ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 132.

² Там же. Л. 132 об.

³ Там же. Л. 32 об.–133.

⁴ Там же. Л. 133, 142, 143.

⁵ Там же. Л. 133.

⁶ Там же.

не замечавший «хвоста» «Дождевой» «подарил» охранке несколько ценных «деловых связей»: с электромонтером Василием Аверкиным (кличка наблюдения «Мокрый») – он жил неподалеку, на Большой Васильковской, его контакты с «Дождевым» были особенно частыми; 15 июня в Золотоворотском сквере агенты «взяли» от «Дождевого» Боруха Шлосберга («Громового»), наборщика типографии Круглянского. Все они были участниками упомянутой сходки на Трухановом острове. Подтвердились и частые контакты «Дождевого» с Анной Пригоровской. Между тем в адрес последней пришло письмо из Парижа, автором которого оказался Георгий Плеханов. Получить свою корреспонденцию Пригоровская не успела.

Лишь 13 июня «Дождевой» заметил слежку, занервничал, засуетился. Весь следующий день он – вместе с пожилым мужчиной лет 60-ти (как оказалось, Леонидом Тимофеевичем Пятаковым) – посетил визитам в городскую Думу, к присяжному поверенному Слуцкому, в банк, магазин. Несколько раз «Дождевой» встречался с «Мокрым», бывал у Пригоровской.

Все вырисовалось точно: «Рыжий», «Дождевой», «товарищ Петр» – одно и то же лицо, а его настоящее имя – Георгий Леонидович Пятаков¹.

Теперь медлить было уже ни к чему. И в ночь с 19 на 20 июня 1912 года в Киеве были проведены обыски². А уже утром подполковник Леонтьев готовил победный рапорт, который телеграфом отправил в столицу, директору Департамента полиции:

«Ночь на двадцатое сего июня в Киеве данными полностью секретных документов разработанных внешним наблюдением и агентурных сведений проведена ликвидация лицам стоящих во главе Киевской организации эсдеков точка Проведены двадцать два обыска, арестовано четырнадцать лиц точка У прежнего студента Петербургского университета Георгия Леонидова Пятакова найдена партийная переписка Центральным комитетом и Плехановым запятая большое количество нелегальной партийной литературы выданных Центральным и Киевским комитетами прокламаций также рукописи заготовленных призывов точка Результатом обысков документально устанавливается что Пятаков является секретарем Киевского комитета под кличкой Петр есть основания считать что среди задержанных члены того же Комитета точка Независимо этого обысками найден типо-

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2970. Л. 113–181; Оп. 4. Д. 46. Л. 79–88.

² Там же. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 133; Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 8 об.

графский шрифт масса гектографа бумага заготовленная для техники также обширная переписка точка Разработка материалов проводится подробности донесением точка»¹.

Первые недели после ареста Георгий Пятаков провел в одиночной камере полицейского околотка.

Это был проверенный жандармами прием. До вынесения решения о последующих мерах пресечений так «испытывали» почти всех, привлекавшихся по политическим делам: в полицейских участках арестованных специально сажали вместе с бандитами, ворами, проститутками и другими представителями преступного мира, социального дна. Считалось, что это служит неплохой психологической подготовкой «политических» к будущему следствию, в действительности же было жестоким моральным шантажом.

Правда, на особенно «важных птиц» из числа политических это не распространялось. А Георгий Пятаков был именно таким. По этой причине его удерживали в полицейском участке в одиночной камере.

...Первый допрос, по горячим следам, ротмистр Голембиевский провел в тот же день, 20 июня, когда Г. Пятакова арестовали. К удивлению ротмистра арестованный сразу же заявил: «Я принадлежу к РСДРП по собственному убеждению». Впрочем, сомнений у следствия и без того быть не могло. Ведь у Г. Пятакова во время обыска в большом чемодане из желтой кожи были изъяты сто экземпляров текста «Избирательная платформа Р.С.Д.Р.П.», изданной Центральным комитетом, брошюры «Всероссийская конференция Рос. Соц. Дем. Раб. Партии 1912 года», напечатанной в Париже, номера нелегальной «Рабочей Газеты», листовки и прокламации Киевского комитета РСДРП, наконец собственные письма арестованного в адрес зарубежных центров эсдеков. Но признание не под давлением доказательств, без попыток «вывернуться», добровольное, с достоинством – такое в практике бывалого служаки случалось нечасто. Однако опыт подсказывал ему и еще кое-что: именно с такими гордыми интеллигентами «работать» будет трудно. Взваливая вину на себя, они ни за что не соглашались давать свидетельства против товарищей, заводят следствие в тупик. Одним словом, «твердые орешки»...

Как и ожидалось, всякие связи с сообщниками Г. Пятаков решительно отрицал: «От кого, каким способом получил все у меня най-

¹ ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2573. Л. 17.

денное, назвать отказываюсь (...) Рисунок печатной кассы на листке сделал я, чтобы заказать ее (...) Рукопись, которая начинается словами: Товарищи! Пора за дело браться! написал я для речи к рабочим-типографщикам...»¹

11 июля на допросе у подполковника Иванова Юрий в ответ на обвинение в антиправительственной деятельности отстаивал справедливость положений партийной программы, он сказал в частности: «Ни один союз не может свергнуть существующий политический и социально-экономический строй. Основная задача – облегчить муки рождения сознательного пролетариата, который может взять в свои руки собственную судьбу и совершить социальный переворот. Однако, чтобы пролетариат пришел к сознанию, нужна политическая воля, тем-то социал-демократия является только самым дальновидным авангардом пролетариата, что ближайшая его цель – полная демократизация России»².

Попытки уточнить детали, касающиеся вещественных доказательств, во время следующего допроса также не дали ничего существенного. «Относительно прокламаций, описанных в протоколе обыска, – говорил Г. Пятаков, – показываю такое: все отмеченные прокламации даны мне на хранение, когда и кем – назвать отказываюсь. Относительно рукописи, обозначенной в пункте 6, показываю такое: составлена эта рукопись мной, как набросок для произнесения речи перед собраниями рабочих одним из пропагандистов Киевской организации РСДРП. Как в этом случае, так и в будущем, членов партии называть отказываюсь...»³

Да, Юрий проявлял незаурядную твердость. Знал, на что шел, и был готов к любым испытаниям. «Дорогой папа! – писал он отцу на листке со штемпелем “Контора Киевской губернской тюрьмы”. – Вот опять пришлось писать на штемпелеванной бумаге [Юрий напомнил свой первый арест в Петербурге, когда впервые писал домой через тюремную контору. – В. С.]. Что делать? Теперь уже надолго. Понятно, ты крайне неудовлетворен, но в какой мере? Будешь ли ты мне помогать?.. Прости, дорогой папочка, за хлопоты, но... такая очевидно, моя судьба... Чувствую себя хорошо, только без книг трудно... Теперь для меня главное беспокойство – выйти

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2969. Л. 310.

² Там же. Л. 311.

³ Там же. Л. 312.

из тюрьмы здоровым духом и телом... Впрочем, за тобой право от-
речься от непокорного сына...»¹

Леонид Тимофеевич не отрекся от мятежного сына. Он сделал все, чтобы облегчить его положение в тюрьме, чтобы к нему попала хоть какая-то литература. Сполна использовал все свои связи для освобождения сына из-под ареста. Вместе с женой они не раз обращались к разного рода чиновникам с просьбой изменить меру пресечения относительно сына и освободить его из тюрьмы до суда. Мотивировали это крайне расстроенным состоянием здоровья².

Медицинское обследование подтвердило опасения родителей: соответствующим актом было засвидетельствовано общее ослабление организма арестованного, потеря веса, боль в груди, катар легких туберкулезного характера, малокровие, нервное расстройство. Неутешительным был и общий вывод: в условиях заключения болезнь легких может развиваться, и состояние Юрия непременно ухудшится³.

Однако все ходатайства были отклонены «из-за тяжести обвинений против Георгия Пятакова» и грозящих ему наказаний⁴.

Но родители не прекращали усилий, подключали знакомых высоких должностных лиц, ссылались на обострение болезни сердца у матери – Александры Ивановны⁵ и в конце концов добились своего. 24 января 1913 года Георгию Пятакову меняют предохранительную меру – его выпускают под залог в 40 тыс. рублей до суда⁶. Л. Пятаков-старший нашел очень солидную по тем временам сумму, хотя это поставило его на грань банкротства.

Мимо внимания подполковника Леонтьева не прошла и светлая нежность, трепетное беспокойство, которое внешне мрачный, ершистый узник питал к матери. В самом первом письме из Лукьяновки от 29 июня 1912 года Юрий писал отцу: «Мамочка! Вот мысль, которая мучает меня превыше всего. Что с ней? Как она переживает мой арест? Что в настоящий момент делает? Где? Как здоровье?.. Она,

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2969. Л. 150 об.

² Там же. Л. 115, 119, 172.

³ Там же. Л. 117, 118.

⁴ Там же. Л. 121.

⁵ Там же. Д. 2971. Л. 185.

⁶ Там же. Д. 2969. Л. 2, 173, 174; Оп. 4. Д. 365. Л. 365.

наверное, в Крыму, – пусть там побудет подольше, ведь со мной, бедненькая, еще наместся...»¹

Среди документов, захваченных во время обыска 20 июня, было письмо матери Георгия, в котором она выражала критические соображения относительно политического режима России, писала о самодурстве и тупости правящих кругов, о подавлении свободы, о преследовании лучших людей, нередко вынужденных оставлять родину и выезжать за границу. Но 20 июня обыскали только флигель, где жил «Дождевой» – квартиры родителей, которые были в отъезде, не коснулись: то ли не решились, то ли взяли такую богатую «добычу» во флигеле, что забыли о возможности обыскать и родительское жилье. А, может быть, просто устали. Изложенные же в письме матери собственные взгляды наталкивали на мысль о возможной солидарности Александры Ивановны Пятаковой со своим сыном в его антигосударственной деятельности. Во всяком случае начальник Киевского охранного отделения подполковник Леонтьев направил 14 августа 1912 года письмо директору Департамента полиции, в котором сообщал: «Прорабатывая материалы, взятые во время обыска у арестованного Г. Л. Пятакова, жандармский подполковник А. А. Иванов, проводивший дознание, обратил внимание на собственноручное письмо матери Пятакова Александры Ивановны, урожденной Мусатовой, которое хотя и относится к 1906 г., но очень обнаруживает уж слишком левые ее политические взгляды на вещи. Письмо отделение взяло на проработку – ввиду того, что, делая обыск 20 июля у Г. Л. Пятакова, не обыскали комнаты А. И. Пятаковой и ее мужа Л. Г. Пятакова, потому что они на лето выехали из Киева»².

23 июля 1912 года, не дождавшись конца курортного сезона, обеспокоенная мама вернулась из Крыма в Киев. Несмотря на убедительные просьбы Георгия Пятакова, родные известили ее об аресте сына, и она, естественно, не смогла спокойно продолжать отдых.

Не удивительно, что Леонтьеву пришла в голову хитрая, «многообещающая» идея: использовать для получения дополнительной информации первое же свидание матери с сыном в тюрьме. Ввиду особенно теплых отношений между ними, учитывая неизбежную эмоциональность желанной встречи, можно было надеяться на то, что родные люди проявят беспечность и коснутся интересующих следствие вещей.

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 150 об.

² Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 103.

Расчет оказался точным. На свидании 25 июля 1912 года переодетый в форму тюремного надзирателя охранник подслушал: Александра Ивановна действительно была в курсе партийных дел своего сына. Георгий в порыве откровенности рассказал ей то, чего ни за что не сказал бы на допросах: хотя во время обыска у него изъято немало документов организации, полиция, к счастью, не добралась до архивных материалов комитета, в частности переписки, которые хранились в комнате матери.

Одновременно с возвращением А. И. Пятаковой из Лукьяновской тюрьмы домой туда же прибыл и отряд полиции. Во время обыска в ее комнате нашли немало революционных материалов...¹

Вообще-то Георгия трудно было выбить из седла. Он имел прямо-таки завидное самообладание. Да, буквально через день после ареста он написал просьбу разрешить держать в камере свою книгу – учебник английского языка, поскольку «находясь в одиночном заключении я не имею решительно никакого дела». При невозможности дать такое разрешение он просил как можно быстрее перевести его в губернскую тюрьму – Лукьяновскую².

Воспользовавшись правилами пребывания в заточении, которыми позволялось самообучение, он составил обширную и напряженную программу занятий. Излагая ее в письме к матери, писал: «До конца августа рассчитываю свободно читать по-английски». Среди книг, которые просил передать ему, были Морган и Гегель, Смит и Рикардо, Моль, Родбертус, Фейербах и Энгельс, книги по истории экономики России и Западной Европы. «Я рассчитываю на длительный период: тюрьма ли, крепость ли, каторга или ссылка, – все равно, занятия свои я буду всеми силами поддерживать...»³ Конечно, неволю он переживал трудно. Помогала поддержка товарищей по заключению, родных. «Мамочке напиши, – просит Юрий в письме к отцу, – что я вполне хорошо себя чувствую и буду втрое лучше себя чувствовать, если буду знать, что и она не падает духом и относится к моей отсидке более-менее спокойно»⁴. Обратил внимание на то тяжкое впечатление, которое произвела тюремная обстановка на младшую сестру, 15-летнюю Веру, во время свидания. «Знаешь, родная, – писал матери, – на последнем свидании меня досадно огор-

¹ Там же. С. 103.

² ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 6.

³ Там же. Л. 1503.

⁴ Там же. Л. 1508.

чили глаза Веруши: хорошо ли ты сделала, что привела ее? На нее тюрьма, возможно, сильно повлияла? Так вообще-то тюрьма извне более страшна; человек живуч, проживет и не в таких условиях!» Он успокаивал и себя, и мать тем, что «человек живуч», по-мальчишески вспоминая Лилию Карклин, дружбу сына с которой мать одобряла: «Представляю Лилькину физиономию, когда она узнала, что меня забабахали!»¹

Следствие шло сложно, медленно. Жандармы не торопились, пунктуально подбирали факты, документы, не упуская никаких мелочей, рассчитывали подвести обвинение к возможно наиболее тяжелому приговору. Захваченный во время обысков архив Киевской организации РСДРП прорабатывался очень тщательно. 25 июля задержали Ивана Шильгана, кооптированного в состав комитета; в ноябре 1912 года прошли новые аресты.

К ответственности были привлечены семь самых активных членов организации: Е. Бош, Г. Пятаков, М. Зарницын, В. Аверкин, Д. Шварцман, А. Пригоровская, Л. Карклин. Им вменялось в вину преступление, за которое надлежало наказание в соответствии со 102 статьей Уложения о наказаниях. Согласно этой статье суд мог вынести два приговора: каторга – «тяжелый» или пожизненная ссылка на поселение – «легкий». Указанные лица, говорилось в обвинительном акте, «присоединившись к союзу, который взял себе название Киевская организация РСДРП, и сознательно поставив себе задачу свергнуть царское самодержавие, созвать революционным способом учредительное собрание, заменить постоянную армию вооружением народа, уничтожить частную собственность на землю, а чтобы достичь этой цели, пытался путем пропаганды и агитации привести население к сознанию, которое не может быть ни в каком согласии с царем и его правительством»², предрешили свою участь. Правда, подсудимые сами облегчили процедуру особому присутствию Киевской Судебной палаты, которое рассматривало дело 7 ноября 1913 года. Они признали свою принадлежность к РСДРП, что, согласно тогдашней практике судопроизводства, предreshало статью обвинения.

При этом немало сомнений и споров вызывал вопрос о привлечении к процессу судопроизводства адвокатов. Георгий Леонидович считал такой шаг нецелесообразным. В письме к матери из тюрьмы писал «о Калачевском [популярный киевский адвокат. – В. С.] нужно

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2971. Л. 1503.

² Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 97.

подумать, стоит ли приглашать, ведь это будет стоить больших денег, а я не хочу, чтобы на меня много тратили (...) Я, очевидно, буду защищаться сам, и мне нужен бы был адвокат, который помог бы понять юридически догматическую сторону дела»¹. Евгения Бош намеревалась поручить свою защиту тогда уже известному адвокату Александру Керенскому, который дружил с ее братом Александром Майшем. Но, в конце концов, от профессиональных адвокатов было решено отказаться, чтобы использовать суд как трибуну для пропаганды социал-демократических, революционных взглядов.

Однако это намерение реализовать не удалось. Судебная палата предварительно постановила слушать дело на закрытом заседании, допустив со стороны подсудимых лишь одно лицо. Ведь в случае присутствия в зале, широкая публика могла узнать о содержании присовокупленных к делу прокламаций, ознакомиться с подстрекательскими текстами, а от подсудимых – по сути самого дела – можно было ожидать заявлений, которые задевали бы достоинство государственной власти, оскорбляли существующий режим.

Подсудимые, кроме Лилии Карклин, признали свою принадлежность к РСДРП, поэтому суд ограничился слушанием свидетелей лишь относительно Карклин. Она была оправдана – Евгении Бош в ходе следствия удалось убедить жандармов в непричастности младшей подруги к делам Киевского комитета РСДРП. Кроме того, Лилия недавно родила ребенка – это обстоятельство суд также учел.

Для шестерых: Е. Бош, Г. Пятакова, Д. Шварцмана, М. Зарницына, В. Аверкина, А. Пригоровской – приговор был суровым: лишение всех прав и пожизненная ссылка в Сибирь².

20 февраля 1914 года руководителей Киевской парторганизации РСДРП проводжали в ссылку. «На улицах Киева в направлении вокзала, – вспоминал Василий Аверкин, – скопились тысячи киевских рабочих. Эти проводы имели демонстративный характер – и рабочие и работницы задиристо вели себя с полицией и жандармами»³.

Александра Ивановна Пятакова всячески помогала сыну и его товарищам. Тот же В. Аверкин свидетельствует: «Благодаря ей мы имели в тюрьме и книги, и деньги. Перед ссылкой нас к Сибири она нам, из отдельного заказа, пошила руками свободных партийных и белье,

¹ Там же. Л. 1501.

² Там же. Л. 261.

³ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 86.

и халаты, и сумки и положила в них наш арестантский гардероб...»¹ Относительно вероятного приговора мать Георгия откровенно признавалась: ссылка – это было бы хорошо, потому что ее сын непременно убежит оттуда, такой уж у него нрав...

Эти предшествовавшие аресту и ссылке четырнадцать киевских месяцев – с апреля 1911 до конца июня 1912 года – сыграли особенную роль в судьбе Георгия Пятакова. Молодой энергичный марксист ворвался в круг самых активных участников политической борьбы в РСДРП – одной из ключевых в то время организаций, познал наслаждение успешной агитационной и пропагандистской работы в массах, нашел в ней свое призвание, почувствовал причастность к решению масштабных общепартийных революционных дел. Большое уважение к Г. Плеханову, искреннее стремление сохранить беспристрастность в сложных перипетиях внутрипартийной борьбы, что удивительным образом сочеталось с нехваткой сил для противодействия значительному влиянию меньшевиков-партийцев в Киевской партийной организации, привели его в ряды плехановцев. Неприятие Г. Пятаковым как скандальной, политически нечистоплотной линии сторонников Л. Троцкого, так и слишком категоричной и радикальной с его точки зрения позиции большевиков-ленинцев – все это вынуждало его искать свою, как свято верилось – объективную, в интересах единства партии платформу. Это же неприятие тогда мешало понять, что путь к желанному единству лежит лишь через решительное разграничение как с приспособленчеством ликвидаторов, так и с примиренчеством троцкистов. Этим объясняются довольно настойчивые попытки Г. Пятакова пересмотреть предыдущие решения Киевской парторганизации о признании и поддержке Пражской конференции РСДРП, когда он непродолжительное время возглавлял местный комитет партии.

Поиск берега, к которому можно было бы окончательно пристать, продолжался, обнаруживая симптомы политического поведения, которые со временем перерастут в нечто большее и серьезнейшее – станут неотъемлемыми чертами характера и далеко не всегда будут помогать Г. Пятакову в сложных обстоятельствах жизни, а временами и значительно усложнять и без того нелегкую судьбу.

¹ Нелегальна організація РСДРП у Києві. С. 86.

Глава III. К НОВЫМ МАСШТАБАМ ПАРТИЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Кругосветная «Одиссея»

В апреле 1914 года Георгий Пятаков прибыл к назначенному ему месту пожизненной ссылки – Иркутская губерния, Верхотенский уезд, Баяндаевская волость. Как политический ссыльнопоселенец, он имел право добираться до места на собственные средства, чем, конечно, и воспользовался. Благодаря этому удалось захватить с собой в Восточную Сибирь значительный багаж, большую часть которого составляла научная литература. Правда, долго жить в сибирских краях он не собирался, но задуманную работу об истории экономического развития России и капитализма на его новейшей стадии планировал продолжить. Особенный интерес для него представляла разработка методов математической статистики, которая открывала наглядные возможности для применения новых эффективных подходов к экономическому анализу.

Деревня Баяндай, как и соседние от волостного центра селения – Качуг, Манзурка, Тутур, давно и активно осваивалась ссыльными. Жизнь здесь была чрезвычайно трудной. Не имея никакого дохода – найти заработок было практически невозможно, – Пятаков мог существовать лишь благодаря финансовой помощи родителей.

Местом ссылки Евгений Бош стало недалекое (по сибирским масштабам) от Баяндай село Качуг, также волостное. Но вскоре, в мае 1914 года ее перевели в Усолье, за 60 верст от губернского центра. Сюда же смог переехать и Георгий.

Конечно, это не было случайностью. К тому шло давно, хотя в личной жизни Г. Пятакова все складывалось тоже очень непросто.

Еще в Киеве нужды партийной работы свели его с весьма симпатичной молодой женщиной – Лилией Карклин. Она обладала журналистским талантом, была знакома с печатным делом, нелегально содержала миниатюрную печатную машину в Святошине и не раз вручала Киевский комитет РСДРП во время затруднений. Очевид-

но, у молодых людей постепенно возникло желание не ограничиваться деловыми контактами, проявились взаимные душевные порывы. Во всяком случае, после освобождения из Лукьяновской тюрьмы по решению суда Лилия на короткое время поехала в Вознесенск, Херсонской губернии, где ее маленький сын Евгений воспитывался у бабушки (Лилиной мамы). Забрав малыша, Л. Карклин направилась в Сибирь, к Г. Пятакову.

Маленький Женья очень привязался к Георгию Леонидовичу. Однако отношения как-то не складывались. А может, жертвовать личным ради дела для революционеров уже стало привычным... Лилия вернулась домой, сохранив хорошие отношения с мамой Юрия, самим Юрием и Евгенией Бош (о чем свидетельствует их переписка¹). Такие люди, в случае необходимости, могли укрощать свои чувства, не давать волю эмоциям. Но понять, какую драму пережила Лилия в связи с отъездом Г. Пятакова, можно только догадавшись, что осталось невысказанным, было написано между строками их писем.

А для самого Георгия в то время не было дела важнее, чем побег из ссылки. Уже было решено, что бежать он будет вместе с Евгенией Бош. Можно понять, с какой радостью Георгий и Евгения встречали в Усолье в июне 1914 года целую «делегацию» из Киева: Александру Ивановну Пятакову вместе с дочерьми Евгенией Богдановны Ольгой и Марией, которым исполнилось соответственно 15 и 14 лет. Неугомонная Александра Ивановна, организатор этой поездки, нашла для нее средства, не остановили ее и трудности дальнего пути. Она же привезла сыну и деньги, необходимые для побега из ссылки.

Между Ольгой и Марией Бош и Г. Пятаковым еще в Киеве сложились особенные, теплые, больше чем товарищеские отношения. В ссылке Юрий среди своих книжек хранил фотокарточку, на которой они были сняты втроем. Гости провели в Усолье три летних месяца. 18 сентября они отбыли в Киев, зная, что беспокойных родственников – ссыльных – ожидают новые испытания, и встреча может состояться нескоро.

Начало мировой войны усложнило и одновременно ускорило побег. Призыв в армию Юрию не угрожал – из-за катара легких туберкулезного характера еще в 1908 году врачи признали его непригодным к военной службе; он был зачислен в призывники 2-й категории. В сибирской глуши при таких условиях его очередь подошла бы очень нескоро. В автобиографии Георгий Леонидович так писал о мотивах

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 4. Д. 365. Л. 494.

своей эмиграции: «За границу бежал потому, что хотел разобраться в крахе II Интернационала и в международных перспективах, ибо с первых дней войны занял резко интернационалистскую антивоенную позицию»¹.

Можно допустить и, наверное, даже утверждать, что это не вся правда, и объяснение относится только к одной сфере – идейно-теоретической. Ведь если бы война и не началась, а краха II Интернационала не случилось, Г. Пятаков все равно пытался бы бежать из ссылки. Кстати, о разногласиях внутри II Интернационала в далекой Сибири знали не так уже и много, и к моменту побега (октябрь 1914 года) социал-демократические ячейки находились лишь на стадии первых подходов к оценке скудной информации, приходившей из-за границы. «Во весь рост» эта проблема встанет перед сибиряками значительно позже – при выработке отношения к Циммервальдской конференции левых социалистов 1915 года.

Природа войны, ее характер Пятакову были предельно ясны. Обстоятельно изучая новейшую стадию развития капитализма, он, как и многие другие революционеры, считал вооруженную борьбу за передел разделенного мира имманентной тогдашнему европейскому обществу, неотвратимой исторической закономерностью. Избежать ее было невозможно. Однако в такой же мере, по его твердому убеждению, война должна была стать мощным катализатором революционного движения во всем мире, обязательно привести к мировой пролетарской революции. Поэтому Г. Пятаков так рвался в Европу, он стремился успеть оказаться в центре невиданных прежде, грандиозных событий.

Правда, попасть в страны Старого света, разделенные многочисленными фронтами, через Европейскую Россию в условиях драконовских законов военного времени было практически невозможно. Поэтому он выбрал окружной, чуть ли не кругосветный, маршрут: через Владивосток в Японию, оттуда – в Соединенные Штаты Америки, и уже затем – в Швейцарию.

Начало побега оказалось очень удачным. Евгения Бош и Георгий Пятаков тайно оставили Усолье, а их жандармские «опекуны» так и не спохватились и узнали о беглецах только после перлюстрации письма Л. Карклин к дочерям Е. Бош Ольге и Марии от 7 декабря 1914 года. «С неделю тому, – сообщала Лилия, – я получила от Евгении Богдановны и Юрия открытку из Японии. Вы, по-видимому, уже

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

знаете, что с ними и где они. Они пробрались благополучно. Рада за них...»¹

Одного взгляда на дату письма достаточно, чтобы понять: если к началу декабря Л. Карклин уже из Японии получила открытку, значит беглецы добрались до этой страны если не в октябре, то, по крайней мере в ноябре 1914 года. И хотя для Е. Бош и Г. Пятакова Япония была лишь транзитной страной, за ними надолго закрепилось неизвестно кем впервые употребленное шутовское прозвище «японцы».

Успешно преодолев Тихий океан, киевские социал-демократы в двадцатых числах ноября прибыли в США.

9 декабря 1914 года (по новому стилю) Евгения Бош отправила из Сан-Франциско в Киев своей матери Марии Парфентьевне Майш почтовую открытку – телеграмма стоила очень дорого. Аккуратная служба полицейской перлюстрации почты (наблюдение за адресами беглецов в Киеве велось тщательным образом) сохранила среди жандармских документов содержание сообщения: «Обо мне, родная, не беспокойся – пока что все идет очень хорошо, а худшее уже позади», – писала Е. Бош матери. Но по всему видно было, что жилось им нелегко: «... Денег у нас в обрез. Каждый доллар экономим, поскольку найти работу в настоящее время невозможно, а остаться здесь без гроша – боязно...»²

Открытку Елене Розмирович – сводной сестре Евгении Бош – в швейцарский Кларан отправили уже из Нью-Йорка. Об этом Елена сообщала матери в Киев 26 января 1915 года: «Ожидаем мы сюда со дня на день Женю. Какая радость была, когда я получила от нее открытку из Америки... В настоящий момент она и Пятаков в Нью-Йорке. Думают скоро двинуться в наши края. Я ужасно рада, что увижу Женю, что она будет жить здесь...»³

А 28 февраля Юрий впервые телеграфировал матери – Александре Ивановне – уже из Швейцарии, хорошие вести поступили из Лозанны.

2. Европа. Первые разногласия

Еще когда «японцы» находились в Нью-Йорке, на имя Е. Бош пришла телеграмма, отправленная по поручению В. Ленина. Руководите-

¹ ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 4. Д. 365. Л. 494.

² Там же.

³ Там же. Л. 504.

лей Киевской парторганизации приглашали на первую конференцию заграничных секций РСДРП, которая должна была открыться в конце января 1915 года в швейцарском Берне.

По всей вероятности, такой шаг со стороны ЦК РСДРП был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, за границу попали в одночасье два лидера одной из самых авторитетных, ключевых партийных организаций России. Во-вторых, было известно о поддержке Киевской организацией принципиально важных для В. Ленина решений VI (Пражской) конференции РСДРП. На Евгению Бош вообще рассчитывали как на сторонницу В. Ленина. Что же касается Г. Пятакова, то, возможно, стало известно о его окончательном разрыве с Г. Плехановым, который своей поддержкой войны с первых дней оттолкнул от себя не одного своего сторонника.

Существовали и расчеты более прагматичного порядка. Катастрофически недоставало средств – неясно было, хватит ли их даже на проведение конференции. А Г. Пятаков, семья которого имела приличный по тем временам достаток, мог располагать определенной суммой денег. Поэтому даже открытие партийного собрания специально откладывали в надежде на финансовое подкрепление, которое прибудет вместе с «японцами».

Г. Пятакову приглашение очень пришлось по душе: ему давно уже хотелось примкнуть к делам общепартийного масштаба.

Однако, как выяснилось, путь через второй, Атлантический океан из Америки в Европу оказался значительно тяжелее, чем через Тихий. Непогодило, штормило. Евгения Богдановна очень страдала от качки, но мужественно преодолевала «морскую болезнь». К тому же свирепствовали немецкие подводные лодки, уничтожая гражданские суда. В целом путь пароходом занял четырнадцать суток, только в конце февраля Е. Бош и Г. Пятаков прибыли в Швейцарию.

Конференция заграничных секций РСДРП открылась 27 февраля 1915 года (по российскому календарю – 14 февраля) в швейцарском городе Берне и была посвящена обсуждению новых важных проблем, возникших в революционном движении в связи с войной. Созвать съезд заграничных организаций партии было невозможно: не существовало постоянной связи между секциями и группами РСДРП, разбросанными по разным странам, да и, как упоминалось, из-за недостатка средств. Между тем положение в заграничных организациях партии требовало выработки четкой и последовательной программы действий в новых условиях. Оторванность от России, от Центрального комитета мешала многим членам партии занять верную позицию в первые месяцы войны. На конференции присутствовали представи-

тели ЦК РСДРП, Центрального органа партии – газеты «Социал-демократ», заграничных секций – парижской, лондонской, цюрихской, бернской, лозаннской, женевской, а также божийской (от названия городка Божь, что неподалеку от Лозанны).

В состав последней входили Николай Крыленко, Елена Розмирович, ее муж Александр Трояновский, а также Николай Бухарин, который подружился с тремя молодыми большевиками в конце 1914 года. Между «божийцами» (группа не была официально утвержденной ЦК единицей, а входила в состав лозаннской секции) и Центральным комитетом сложились непростые отношения. Проявляя самостоятельность, обладая литературными силами (имелся в виду прежде всего Бухарин) и некоторыми средствами, группа решила издавать свою газету, хотя ее членам было предложено работать в «Социал-демократе».

Имея родственные связи с сестрой Евгении Богдановны Еленой Розмирович, «японцы», естественно, тяготели к божийцам, и встреча с ними состоялась уже в поезде по пути на конференцию из Лозанны в Берн. Выяснилось, что божийцы в своих издательских планах также рассчитывали на Е. Бош и Г. Пятакова. Делегат Бернской конференции Г. Шкловский писал по этому поводу: «...Тов. Бухарин (жил в Кларане), Крыленко и Розмирович “брюзжали”, искали поводы к разногласиям и мечтали об издании своей собственной газеты, независимой от ЦО. В этом смысле они, по-видимому, возлагали большие надежды на “японцев”, которые могли бы им помочь не только своим литературным участием, но что было гораздо важнее при нашей бедности – у них были кое-какие денежные связи, и могли бы помочь газете деньгами. По этой причине божийцы явно уклонялись от участия в конференции без японцев и всячески уговаривали нас ждать их приезда»¹.

Действительно, 1 марта 1915 года, когда в Берне состоялось уже более половины заседаний конференции, Николай Бухарин писал из Лозанны в Берн, что его приезд задерживается ввиду его занятости, а также из-за того, что не приехали Юрий Пятаков и Евгения Бош из Америки. «Надеюсь, что все же приедем с “американским дядюшкой”»².

¹ Шкловский Г. Л. Бернская конференция 1915 г. // Пролетарская революция. 1925. № 5. С. 185.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 10. Д. 27394. Л. 1.

Этим «американским дядюшкой» был, конечно, Юрий, потому что ехал из Америки и, по предварительной информации, имел средства на издание газеты. Остается неясным происхождение этих денег – а они фигурировали не только в связи с планировавшимся Н. Бухариным и его товарищами изданием газеты «Звезда», которое, впрочем, так и не состоялось, но и позднее, когда готовился журнал «Коммунист» (его издание действительно финансировали Г. Пятаков и Е. Бош), и еще позже, в связи со «Сборником социал-демократа». Можно предположить, что это были деньги старших Пятаковых – вспомним те сорок тысяч рублей, внесенные в качестве залога при освобождении Юрия из-под ареста в январе 1913 года, а также, что Александра Ивановна Пятакова в свой приезд к сыну в Иркутскую губернию привезла деньги, необходимые для побега из ссылки и выезда за границу. Очевидно, в Соединенных Штатах эти деньги или составляли «неприкосновенный запас», или получить их Юрий мог при каких-то определенных условиях (в открытке Евгении Богдановны в Киев из Лос-Анджелеса было: «мы экономим каждый доллар»).

Владимир Ленин, узнав о планах божийцев издавать собственную газету (подобные намерения имела и парижская секция) от Инессы Арманд, реагировал мгновенно и крайне негативно. Действительно, в затруднительных финансовых обстоятельствах, в которых приходилось издавать Центральный орган партии, инициатива Н. Бухарина и божийцев казалась мальчишеством и недопустимой роскошью. На Бернской конференции по этому вопросу удалось прийти к согласию. В резолюции о Центральном органе партии и новой газете говорилось о полной солидарности с позицией «Социал-демократа» и его идейным направлением, а также о поддержке идеи создания ежедневной популярной газеты под редакцией ЦО при условии обеспечения основной задачи: «правильной постановки ЦО». В дополнении к резолюции, которое не подлежало оглашению, говорилось: «По поводу проекта товарищей из Божи издавать новую газету конференция находит, что было бы очень нежелательно и неосторожно раздроблять немногочисленные силы большевиков за границей, и выражает надежду, что все товарищи сплотятся вокруг общепартийных предприятий, намеченных в резолюциях конференции»¹.

Насколько реальными были надежды Н. Бухарина на поддержку Г. Пятаковым его намерений относительно издания собственной газеты? Евгения Бош в своих позднейших воспоминаниях не раз катего-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1898–1917. М., 1970. С. 417–418.

рически отрицала это. Однако все поведение Юрия после Бернской конференции свидетельствует о его солидарности с Николаем Бухариным.

Е. Бош и Г. Пятаков присутствовали на конференции с совещательными голосами. Приглашенные Центральным комитетом по предложению В. Ленина, они формально не представляли никакой партийной организации, хотя, конечно, и олицетворяли Киевский комитет, мнение о котором, как и о работе самой Евгении Богдановны, было высоким. Они недавно – по сравнению с другими участниками конференции – работали в России. Поэтому В. Ленин и предложил их пригласить. Как писал Г. Шкловский, «В. Ильичу естественно хотелось, чтобы эти ответственные российские товарищи приняли участие в конференции и своим присутствием внесли хоть немного “свежего”, “русского” духа в наши эмигрантские ряды»¹.

Божийцы вместе с «японцами» приехали в Берн уже под конец работы конференции, когда почти все вопросы были обсуждены. Но с их приездом дискуссии развернулись с новой силой, поскольку у Николая Бухарина в предложенных им тезисах «божйской группы» наметились определенные расхождения с ленинскими предложениями. В. Ленин выступил на конференции с докладом по важнейшему и самому злободневному вопросу – о войне, в основе которого лежал манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», опубликованный в первые месяцы мировой войны. Ленин также написал восемь резолюций по этому вопросу, каждая из которых была посвящена отдельной конкретной проблеме войны и мира и определяла задачу партии. Эти резолюции были одобрены конференцией.

Разногласия В. Ленина и Н. Бухарина по основным вопросам партийной политики на Бернской конференции не имели неприимимого характера. Об этом свидетельствуют результаты работы комиссии по подготовке текста заключительной резолюции, в которую вошли В. Ленин, Г. Зиновьев и Н. Бухарин. Резолюция была принята единогласно, хотя этому предшествовали двухдневные дискуссии с Н. Бухариным. Его «божйские» тезисы на конференции никто (в том числе Г. Пятаков) не поддержал, что очень огорчило Н. Бухарина. Вспоминая обсуждение бухаринских тезисов на Бернской конференции, В. Ленин позже писал: «Я резко напал. Юрий и Евг. Бош слушали и остались довольны мной, что я не даю

¹ Шкловский Г. Л. Цит. соч. // Пролетарская революция. 1925. № 5. С. 185.

падать влево (они заявили тогда свое полное несогласие с Н. Ив.) [Н. Ив. – Бухарин. – В. С.]»¹.

Бухаринская позиция, пусть не поддержанная в Берне Г. Пятаковым, представляет немалый интерес, поскольку в ней, как покажут последующие события, закладывались основы взглядов двух молодых теоретиков РСДРП. И взгляды эти вскоре, буквально через несколько месяцев В. Ленин назовет «империалистическим экономизмом».

Прежде всего, Н. Бухарин протестовал против ленинской апелляции к крестьянству – «мелкой буржуазии» – как важной силе в реализации большевистских программных положений. Бухарин считал, что в революционной ситуации мелкий собственник непременно займет сторону капитала и будет выступать против пролетариата. Отрицание революционной роли крестьянства было общим для всех «левых» в большевистской партии. Если Н. Бухарин откажется от этого тезиса в период Октябрьской революции, то Г. Пятаков никогда не сойдет с избранной позиции.

В то время ленинское большинство в ЦК считало актуальной задачу реализации общедемократических требований (партийной программы-минимум), а, по мнению Н. Бухарина, на повестку дня уже выходили социалистические лозунги и цели (программа-максимум РСДРП).

Поддерживая лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, божийцы были против исключения из идейно-политического употребления пацифистских лозунгов, поскольку они апеллировали к антивоенным чувствам широких масс. В бернских резолюциях пацифизм и абстрактная проповедь мира классифицировались как одна из форм обмана рабочего класса.

В вопросе о создании нового, III Интернационала Н. Бухарин и его единомышленники, поддерживая ленинские планы в целом, настаивали на включении в него всех нешовинистов, всех социал-демократов антивоенной ориентации, в том числе и левых меньшевиков, которые группировались вокруг Л. Троцкого, с тем, чтобы новая международная пролетарская организация была как можно шире².

Таким образом, при сопоставлении бухаринской (а, следовательно, и пятаковской – в зародыше) ленинской позиций мы видим, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 194.

² «Большевик». 1920. № 15. С. 86–88; «Историк-марксист». 1929. № 11. С. 38.

разногласия между ними при желании можно было преодолеть, прибегнув к разумным компромиссам. Не существовало и оснований для квалификации первой как «антиленинской», «антипартийной».

В. Ленин внимательно присматривался к Юрию. Молодой, молчун, больше слушает, чем говорит... Хотя, когда говорит, чувствуется незаурядная эрудиция, обстоятельность. Конечно, В. Ленин знал киевского «Петра» заочно – по рассказам Давида Шварцмана, а также из переписки. Знал, что он плехановец. В. Ленин и сам уважал Г. Плеханова (невзирая на все их теоретические споры и разногласия) и одобрял тех социал-демократов, кто не спешил дистанцироваться от своего учителя, каким для многих и многих революционеров был первый марксист России.

Вообще эта неординарная супружеская пара – Евгения Бош и Георгий Пятаков – привлекала внимание многих людей. Евгения Богдановна была намного (на целых одиннадцать лет) старше Юрия, но эта разница почти не замечалась. Е. Бош рядом со своим другом расцветала внутренним теплом счастливой жены, хотя кроткостью характера она не отличалась. А Юрий – лохматый, с буйной бородой – всегда выглядел старше своих лет. Интерес, проявлявшийся Владимиром Ильичем к «японцам», понятен: он всегда жадно «набрасывался» на людей, которые приехали из России, подробно расспрашивал их о делах на родине – они были одним из главных источников информации о партийной работе на местах. Это сначала удивляло Евгению Богдановну. В мемуарах она впоследствии писала: «В день приезда в Монтрё [Швейцария, куда Г. Пятаков и Е. Бош прибыли из Франции. – В. С.] по телефону вызвал тов. Зиновьев и передал, чтобы я немедленно выезжала в Берн, так как по настоянию Владимира Ильича конференцию отложили, чтобы дожидаться приезда, но все товарищи съехались и ждут уже несколько дней. Это сообщение меня немало удивило и даже смутило, хотя из переписки я могла сделать вывод, что Владимир Ильич очень считается с работниками на местах и чутко прислушивается к их мнению. Но 2 года я просидела в тюрьме и уже около 3 лет была оторвана от местной работы»¹. И все же для В. Ленина Е. Бош и Г. Пятаков были товарищами из России, к тому же руководителями Киевского комитета партии.

В тот первый день, когда они присутствовали на Бернский конференции, вспоминает Бош, Владимир Ильич, который пришел с Надеждой Константиновной, подошел, поздоровавшись будто бы со

¹ Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 156–157.

старыми знакомыми, расспрашивал, как доехали, почему задержались... Доклад Ленина о войне – по самому сложному и запутанному для многих вопросу – отличался простотой, ясностью изложения, четкостью выводов. Когда обсуждали вопрос о лозунге Соединенных Штатов Европы, Владимир Ильич предложил ввести «японку» в комиссию по подготовке текста резолюции.

А вечером после заседания была встреча в тесном кругу. В. Ленин и Н. Крупская предложили: «Если не устали, идемте к нам чай пить...» «По пути, – пишет Е. Бош, – Владимир Ильич подробно расспрашивал о России, об отношении ссылки к войне, о позиции американских товарищей и работе большевистской группы и так ставил вопросы, что заставлял говорить только о самом существенном. И когда мы уселись за чайным столом, все, что я могла сказать, было уже сказано, и Владимир Ильич перевел разговор на информацию о работах и решениях заграничной части ЦК партии, коснулся заграничных с.-д. группировок и подробно рассказал все дело Малиновского и суд над ним... Беседа затянулась до 5-ти часов утра»¹. Такой была первая встреча Г. Пятакова с В. Лениным. «“Японцы” нам понравились, – писала Н. Крупская. – Их приезд несомненно укреплял наши заграничные силы»².

3. В эпицентре внутрипартийных разногласий

Внимание В. Ленина – тогда уже бесспорного лидера партии, безусловно сильной, яркой личности – вызвало у Г. Пятакова приятные чувства. Однако молодой революционер стремился не допустить и ограничения своей роли, не желая быть лишь исполнителем чужой воли и решений. Ему хотелось реализовывать и собственные замыслы, которые, казалось, обещали серьезный идейно-политический эффект, могли пригодиться в деле подготовки революции. Он уже давно мечтал о создании печатного органа, который давал бы возможность широкого и яркого изложения своих взглядов, активного влияния на революционные процессы. Теперь его мечты, во-первых, совпали с намерениями Николая Бухарина, позиция которого представлялась Пятакову убедительной, перспективной, да и просто нравилась; а, во-вторых, приобрели реальные очертания в связи с определенными материальными возможностями, которыми Юрий хотел распоря-

¹ Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем. С. 158.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. Воспоминания родных. М., 1979. С. 413.

даться, конечно, по своему усмотрению. Так начиналась история с журналом «Коммунист», по поводу которой Г. Пятаков спустя многие годы немало будет сожалеть.

Исходными мотивами, которыми руководствовался Георгий Леонидович при создании нового печатного органа, были самостоятельность, независимость от авторитетов. Он хорошо запомнил слова Фридриха Энгельса, который в 1892 году писал Августу Бебелю по поводу предложения правления немецкой социал-демократии съезду партии выкупить все вновь создаваемые социал-демократические газеты и превратить их в официальные органы партии (это предложение было отклонено. – В. С.): «Быть зависимым, даже от рабочей партии, – тяжкий жребий. Но даже отвлекаясь от денежной стороны дела, быть редактором газеты, принадлежащей партии, – неблагодарный пост для каждого, кто обладает инициативой. Маркс и я всегда были согласны в том, что *никогда* не займем такого поста, а сможем только издавать газету, независимую в денежном отношении даже от партии»¹. Именно такая возможность, благодаря стечению благоприятных обстоятельств, открывалась в 1915 году Г. Пятакову.

В. Ленин – в интересах идейной борьбы против соглашательства лидеров европейской социал-демократии, их шовинистических взглядов – также поддерживал идею нового партийного издания. В мае 1915 года он писал левому голландскому социал-демократу, публицисту Герману Гортену, занимавшему интернационалистскую позицию: «Было бы безусловно очень хорошо, если бы удалось основать интернациональный с.-д. журнал... Мы должны бороться против гнусной манеры “Neue Zeit” защищать оппортунизм худшей марки при помощи софизмов.

Вопрос только в том: найдется ли у нас достаточно денег и литературных сил, чтобы тотчас же основать журнал?»²

И то, и другое нашлось. Инициатива организации журнала принадлежала, по-видимому, Г. Пятакову, как обладателю денег. По словам Н. Крупской, «японцы» (товарищи Бош и Пятаков) приехали к «Ильичам» в Берн с проектом создать за границей толстый нелегальный журнал, где можно было бы обстоятельно обсуждать все наиболее важные вопросы. Договорились о том, что журнал, названный «Коммунист», будет выходить под эгидой Центрального органа партии газеты «Социал-демократ». В состав редколлегии журнала, кроме

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 38. С. 441.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 74.

редакторов «Социал-демократа» («стариков» – В. Ленина, Г. Зиновьева, Н. Крупской) вошли трое «молодых»: Н. Бухарин, Г. Пятаков и Е. Бош, последние двое имели псевдоним «П. и Н. Киевские».

Практическая работа началась приблизительно в середине мая 1915 года. До мая отдельным листком вышло «Сообщение об издании журнала “Коммунист”», написанное при участии В. Ленина, оно было разослано партийным организациям в России и за рубежом, а также левым западноевропейским социал-демократам.

В своих воспоминаниях Евгения Бош воссоздает атмосферу первого заседания редколлегии, которое состоялось в середине мая: «Помню учредительное собрание нашей редакции и издательства, происходившее в лесу. Владимир Ильич вел собрание ускоренным темпом, добивался четких решений, не упускал ни малейших деталей и, вместе с тем, меткими замечаниями, тонкими юмористическими шутками и заразительным, тихим смехом сглаживал сухой, деловой тон обсуждений и создавал теплую, товарищескую обстановку дружеской беседы.

В трудные моменты, когда в тоне возражавших товарищей начинали звучать нотки раздражения, Владимир Ильич с добродушной улыбкой перебивал оратора: “Молодым пора в кусты! В кусты!..” И настроение сразу менялось.

В следующий раз, когда на все доводы “молодые” продолжали возражать против выдвинутого положения, Владимир Ильич, так же добродушно улыбаясь, обращался к Зиновьеву и Надежде Константиновне: “А теперь ‘старики’, пожалуйста в кусты” и, смеясь, вставал с травы и, сопровождаемый шутливыми замечаниями, которые не оставлял без ответа – шел в сторону для совещания...”¹

Отношения в редколлегии «Коммуниста» складывались нелегкие. Вопреки мнению В. Ленина, Г. Пятаков и Е. Бош направили приглашения сотрудничать в журнале Льву Троцкому, острый, полемический талант которого был по нраву и Н. Бухарину, и Г. Пятакову.

Реакция Л. Троцкого была показательной: 4 июня 1915 года в его газете «Наше слово» было напечатано «Открытое письмо в редакцию журнала “Коммунист”» с отказом сотрудничать и с резкими выпадами против большевиков.

План издания «Коммуниста» разработал В. Ленин. Последнее обстоятельство и обусловило сложности в переговорах между «стариками» и «молодыми». На первых порах принципиальные разногласия

¹ Бош Е. Указ. соч. С. 160–161.

не проявлялись, пока речь шла об объеме и периодичности издания – журнал должен был выходить один раз в два месяца как орган, целью которого является теоретическое освещение проблем революционного движения, быть «толстым», то есть объемом не меньше шести печатных листов. Обсуждались кандидатуры авторов, а также темы материалов для первого номера журнала. «Коммунист» родился в результате соглашения редакции Центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ» с Г. Пятаковым и Е. Бош, которые учреждали «Издательство П. и Н. Киевских» именно с этой целью. Позже, почти через год, в одном из своих писем В. Ленин отмечал, что соглашение между «Социал-демократом» и «японцами» было необходимо, поскольку иначе нельзя было осуществить создание журнала. «С издателями мы заключили, – писал он, – временную “федерацию”, так и назвав это “федерацией” и оговорив совершенно определенно ее временный характер, “в виде опыта”»¹.

Вероятно, тогда же обсуждали и согласовали «Сообщение» о создании журнала, подписанное «От редакции» и выпущенное отдельным листком 20 мая 1915 года. Этот же текст, в котором излагалась идейно-политическая программа издания, был опубликован в качестве вводной части в первом номере журнала «Коммунист». Содержание документа не вызывает сомнений в причастности к его подготовке лидера большевизма: отдельные положения сущностно повторяются или нашли развитие в его трудах периода Первой мировой войны. «Бесспорно миновали те времена, – говорилось в “Сообщении”, – когда социалистические партии могли сравнительно спокойно вести легальную подготовительную работу, просвещая и организовывая все более широкие массы рабочих. Началась эпоха социальных потрясений, массовых экономических и политических стачек, революций, военных конфликтов, эпоха, которая обостряет в наибольшей мере противоречия между трудом и капиталом, увеличивает в многократно неминуемых в буржуазном обществе нужду, необеспеченность и удрученность трудящихся масс и ставит перед западноевропейским пролетариатом с неумолимой неизбежностью вопрос о борьбе за власть, о свержении господства буржуазии, о социалистической революции»².

Обращает на себя внимание категоричность, бескомпромиссность в характеристике кризиса международного социализма, проявлений

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 230.

² Коммунист. 1915. № 1–2. С. 1.

оппортунизма и примиренчества в его рядах, постепенно формировавшихся в эпоху «мирного» развития революционного движения от Парижской коммуны до Первой мировой войны, и приведших к краху II Интернационала с ее началом. «Большинство официальных социал-демократических партий, одобряя “защиту отечества”, присоединились, так или иначе, к буржуазии и к правительствам своих стран... Защита колоний, концессий и других привилегий “своего” национального капитала, в надежде на получение крошек от этих привилегий известными прослойками мелкой буржуазии и аристократии (или бюрократии) рабочего класса – такую политику повели на деле эти партии»¹.

Ленинская рука чувствуется и в резких дефинициях, когда речь идет о позиции лидеров международной социал-демократии и примиренчестве Карла Каутского: «Когда великий кризис 1914-го года обнажил все противоречия и отбросил все условности, оппортунистов поддерживали колеблющиеся элементы – в том числе, так называемый “центр” Немецкой социал-демократической партии с Каутским во главе – и стали открыто на сторону буржуазии против революционного пролетариата, который в Штуттгарте и Базеле нелегально готовился использовать войну для усиления революционной пропаганды и перехода к революционным действиям вплоть до гражданской войны»². Для иллюстрации отхода руководства II Интернационала от тактики в отношении войны, зафиксированной в решениях Штуттгартского и Базельского конгрессов, редакция опубликовала в первом выпуске «Коммуниста» под рубрикой «Забытые слова» Манифест Базельского международного социалистического конгресса и аналогичную резолюцию Хемницкого (1912 года) съезда германской социал-демократической партии.

В то же время в компромиссном, по сути, «Сообщении» об издании журнала «Коммунист» нашли отражение идеи, характерные для позиции Н. Бухарина и Г. Пятакова, которые в ближайшее время (а для Г. Пятакова навсегда) станут предметом их разногласий и расхождений с В. Лениным. Основная из этих идей сводилась к тезису, что «производственные силы буржуазного общества переросли узкие рамки современных буржуазных государств»³. Справедливое по своей

¹ Коммунист. 1915. № 1–2. С. 1–2.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 1.

глубинной сущности, это положение вскоре приведет «молодых» к движению такого нереалистичного лозунга, как «Прочь границы!».

Прокламируя свои цели и задачи, издатели журнала «Коммунист» утверждали, что главную опасность для рабочего движения представляет защита и оправдание социал-патриотизма и оппортунизма официальными вождями марксизма. Теория «авторитетов» II Интернационала, по их мнению, только украшала национал-либеральную рабочую политику и выдавала ее за совместимую с социализмом. Эта теория была равнозначна отказу от революционных действий и их подготовки в данный момент. Поэтому ей должна быть объявлена решительная война во имя коммунистического учения К. Маркса.

«Коммунист» звал под свои знамена всех интернационалистов, которые поняли ложь и мерзость официального социал-патриотизма: «Война создала и все углубляет революционную ситуацию. Война учит пролетариат революционным действиям. Пусть поможет наш журнал опровержению софизмов, которые мешают этому развитию. Пусть поможет он разъяснению истин коммунистического учения Маркса и лучшему пониманию задачи эпохи, которую ожидает пролетариат, эпохи революционной борьбы за демократическую республику в России и за социалистический переворот в Европе»¹.

Подготовка первого выпуска журнала «Коммунист» затягивалась. Трудно говорить с определенностью обо всех причинах этого промедления – очевидно, здесь были и технические трудности, и о них неоднократно упоминалось в переписке В. Ленина с Г. Зиновьевым и О. Шляпниковым. Николай Бухарин занимался подготовкой большой и серьезной статьи под названием «Мировое хозяйство и империализм». По-видимому, были определенные сознательные оттяжки со стороны Г. Пятакова. Через месяц после учредительного собрания редколлегии (между 14 и 24 июня 1915 года) В. Ленин из Зеренберга послал Григорию Зиновьеву (тот жил в Швейцарии, в Гертенштейне) свою заметку для журнала «Империализм и социализм в Италии», сообщая в прилагавшемся письме: «Юрию послал вчера открытку на Friedrichstrasse: если не пришла, пусть востребует с почты. Я возмущен, что Юрий не отвечает, а я не вижу статей для “Коммуниста”»².

В первые дни июля 1915 года (примерно 5-го) к В. Ленину и Н. Крупской в Зеренберг приезжали из Берна Елена Розмирович, Евгения Бош и Георгий Пятаков. За некоторое время до этого боль-

¹ Коммунист. 1915. № 1–2. С. 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 84.

шевицкий лидер направил письмо и телеграмму Е. Розмирович с приглашением приехать, а о цели он параллельно писал Зиновьеву: «...Мириться, конечно, надо и мы давно “миримся”...»¹ За этим проглядывают разногласия между В. Лениным и группой Н. Бухарина (термин «группа», употреблявшийся в литературе чаще всего относительно объединения Н. Бухарина, Е. Розмирович, Е. Бош, Г. Пятакова, не означал определенной организационной единицы, такой термин никогда не употреблял и В. Ленин).

Гости из Берна привезли В. Ленину материалы для первого номера «Коммуниста» – для ознакомления и редактирования. Среди них была и статья Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». Николай Иванович спешно закончил работу над рукописью перед своей поездкой в Швецию с целью укрепления важного звена подпольной связи Центрального комитета с Россией и для установления более тесных контактов с левыми шведскими социал-демократами. Статья Н. Бухарина получила одобрительный отзыв В. Ленина. Так же положительно оценил он работу «Абрама» (Николая Крыленко) «Кому выгодно?» Но из-за возражений Г. Пятакова она так и не была напечатана в первом выпуске журнала. Среди материалов была статья Карла Радека – молодого левого марксиста, активного деятеля польской и германской социал-демократии – «Четверть века развития империализма». Она вызвала споры, в частности, предостережения В. Ленина, который считал неприемлемыми теоретические взгляды автора и настаивал на переработке материала.

Тогда, в начале июля 1915 года в ходе переговоров в Зеренберге сравнительно легко удалось достичь взаимопонимания. В. Ленин писал Г. Зиновьеву по этому поводу: «Мириться не пришлось, ибо гости были архимирны (...). Сговорились отлично (...). Гости убедили меня, что в печати говорить о наших разногласиях в редакции “Коммуниста” (что я и Вы голосовали против Троцкого) не стоит. Они правы»².

Участница тех переговоров Евгения Бош – член редакции «Коммуниста», активное действующее лицо во всей истории журнала – отмечает уважительное и корректное отношение В. Ленина к товарищам, несмотря на серьезные разногласия с ними в теоретических вопросах. Она пишет: «Во все время совместной работы в редакции, и даже в период серьезных разногласий по национальному вопросу, когда

¹ Там же. С. 87.

² Там же. С. 87–88.

Владимир Ильич ничуть не стеснялся в “сильных” выражениях в споре с “молодыми”, отношения Владимира Ильича ко всем членам редакции оставались неизменно по-товарищески простыми...»¹

Тем не менее в ходе подготовки первого номера журнала противоречия между «японцами» и Н. Бухариным, с одной стороны, и В. Лениным и редакцией «Социал-демократа», следовательно, ЦК РСДРП – с другой, углубились. Причем это касалось не столько теоретических разногласий, сколько финансовых вопросов. Здесь нагляднее проявилось самоуверенное стремление Георгия Пятакова и Евгении Бош к самостоятельности в издательских делах. Г. Пятаков высказался против (вопреки предыдущему решению редакционной коллегии) публикации в первом номере «Коммуниста» некоторых материалов, ссылаясь на нехватку средств – журнал «разбухал». Конечно, все имеет свой предел, и опытный В. Ленин это прекрасно понимал. Однако еще больше он понимал весомость первого номера нового международного журнала как трибуны самого широкого круга интернационалистов разных стран. В конце июля в письме к Г. Зиновьеву, который часто общался с «японцами» и относился к ним снисходительно, В. Ленин указывал: «Насчет “Библиографии и заметок” [раздел журнала. – В. С.] я за вменение. Ну, что стоит 100–200 (меее) frs [франков. – В. С.] лишних?

Важна цельная книжка. Важны *отовсюду* (...) голоса против социал-шовинистов»².

Поведение Г. Пятакова – к тому времени, кроме бухгалтерских «нестыковок», у них не было идейно-теоретических разногласий, во всяком случае, судя по письмам, он на них ни разу не ссылаясь – вызывало новые разочарования и сетования со стороны В. Ленина. Еще бы! Не выполнялись решения относительно выпуска журнала, а его так хотелось обязательно приурочить к международной социалистической конференции, ее подготовка шла очень активно. Время уходило, а «П. и Н. Киевские» все занимались подсчетами, мудрили, что-то явно не договаривали. Тогдашняя реакция В. Ленина зафиксирована в его письме к Г. Зиновьеву: «Прилагаемое письмо Юрия (верните) – нахальное, глупое кулачество. *Формально* решено здесь поместить Голэя и Варина [материалы, против включения которых в первую книжку журнала выступал Г. Пятаков – В. С.]. “Издательская комиссия” *обязана* выполнить решение. А они самодурствуют!!

¹ Бош Е. Указ. соч. С. 161.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 109.

“Моя мощна, я самодур”. Ясно, что так работать нельзя (...). Это же издевательство!..»¹

В. Ленин отказывался понимать Г. Пятакова: «Юрию я не хочу и отвечать: невыносимо его глупое, купечески-нахальное письмо. Где же предел? Обещания, формальные решения – и “Я хозяин, я не заплачу!” Нет, есть мера всему! Это уже лганье донельзя бесстыдное!»²

В августе В. Ленин высказывается еще более резко, называет Е. Бош и Г. Пятакова «жуликами»: «Два дурака, занятые счетом денег, могли бы в 3 месяца сосчитать, сколько стоит 100 рублей на фрз или сколько стоит №1. Это – *простейшие* отговорки, которые *смешно* слушать. Они будут по 10 фрз выписывать из России, кормя нас завтраками...»³

Бесспорно, характеристики весьма язвительные. Конечно, нужно учесть, что слова большевистского лидера адресовались исключительно Григорию Зиновьеву. А частное письмо, естественно, не рассчитывалось на публикацию. Впервые упомянутый документ был напечатан только в полном собрании сочинений В. Ленина в 1970 году.

Очевидно, Ленина больше всего беспокоило, что поведение «японцев» таило в себе опасность фракционности, угрожало расколом – на этом он неоднократно заострял внимание в переписке с Г. Зиновьевым, А. Шляпниковым (связным между российским и заграничным бюро ЦК РСДРП, на которого Ленин уповал больше всего и с мнением которого считался) и Н. Бухариным.

В конце концов «Коммунист» вышел в последние дни августа 1915 года сдвоенным номером (1–2). В редакционном примечании указывалось: «Из причин чисто технического характера мы вынуждены выпустить первую книжку “Коммуниста” в двойном размере. В дальнейшем журнал будет выходить 1 раз в два месяца размером 5–6 листов». Были опубликованы три работы В. Ленина: программная статья «Крах II Интернационала» и две заметки: «Честный голос французского социалиста» и «Империализм и социализм в Италии»; статьи: Н. Бухарина и Г. Зиновьева «Русская социал-демократия и русский социал-шовинизм»; К. Радека «Четверть века развития империализма»; голландского левого социал-демократа А. Паннекука «Империализм и задачи пролетариата», а также заметки О. Коллон-

¹ Там же. С. 108.

² Там же.

³ Там же. С. 124

тай, О. Шляпникова (А. Беленина) и еще одного левого, участника революционного движения М. Бронского (Варшавского).

Перу Г. Пятакова (за подписью «Петр Киевский») принадлежала заметка «Собрать по оружию» – о первом номере ежемесячника «Интернационал», который издавали Роза Люксембург и Франц Меринг. Издание в Берлине этого журнала, запрещенного военными властями сразу после выхода первого номера, свидетельствовало об укреплении позиций интернационалистских сил, о новых решительных голосах протеста против политики руководителей социалистических партий в условиях мировой войны. «Мы приветствуем товарища по оружию, – писал П. Киевский, – потому что ставим себе такие же цели, как и он – разоблачать “подвиги” русских, французских и вообще союзных по Антанте холопов, “которые держат стремя империалистических сеньоров”, так же как обанкротившиеся лидеры германской социал-демократии превратились в “оруженосцев германского империализма”». Журнал “Коммунист” солидаризировался с гневным разоблачением Розой Люксембург лицемерной линии “теоретика болота” Карла Каутского, который лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” дополнил и исправил на: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и режьте друг другу глотки во время войны!”»

Солидаризовавшись с боевыми лозунгами Розы Люксембург, Георгий Пятаков формулировал свое *credo*: «С Марксом и Энгельсом, ничего не забывая, критически анализируя, видя выход только в непрестанной, беспощадной борьбе пролетариата, борьбе рабочих масс, вперед к решению проблемы: империализм или социализм».

Выход «Коммуниста» стал заметным событием в борьбе интернационалистов против социал-шовинизма. Боевой азарт «молодых» марксистов, их «революционное нетерпение» («империализм или социализм», «непрестанная, беспощадная борьба пролетариата») нашли яркое проявление на его страницах. Однако, в тогдашних условиях это могло иметь и определенное положительное значение: «молодая кровь» авторов «Коммуниста» помогала сыграть активную роль в отстаивании идеалов и лозунгов революционного марксизма, в сплочении всех радикальных элементов против социал-шовинизма и каутскианства.

Правда, едва начавшись, перспективная кампания «захлебнулась» на первом же шаге. Третий номер журнала, хотя и готовился длительное время, так и не вышел.

Началось с того, что на титуле первой книжки под названием «Коммунист» стояло: «Издание П. и Н. Киевских». Это означало стремление тех, кто финансировал журнал, отмежеваться от Центрального

органа партии, и было сделано без согласования с остальными членами редакции. Отвечая на понятное удивление и недовольство В. Ленина, Юрий так объяснял свой расчет: «“Коммунист”, стоя на позициях “Социал-демократа”, сохранил бы относительно него определенную самостоятельность, был бы соратником, а не оруженосцем его (...). В нашу задачу входило и входит привлечение товарищей, которые с опаской относятся к Центральному Комитету и Центральному Органу, как к центральным партийным учреждениям. Таких товарищей на Юге России немало. Необходимо облегчить им путь к нам (...). Учитывая именно российские отношения, мы считали нужным отметить, что “Коммунист” издается не ЦО, а “группой товарищей”»¹.

Очевидно аргумент Г. Пятакова относительно «товарищей на Юге России» имел определенные резоны, и В. Ленин готов был с этим считаться. Возможно, поэтому в переписке с Г. Зиновьевым в сентябре 1915 года он предлагал (очевидно, речь шла о направленном для согласования письме к Г. Пятакову и Е. Бош): «Письмо к японцам так не годится, по-моему. Тон на разрыв: если рвать, то не из-за этого. Либо пошлите такое от себя, либо переделаем совершенно (в тоне дружеского увещевания и *осторожного* указания ошибки)»².

В. Ленин стремился сохранить товарищеские отношения с «молодыми», ценил их сотрудничество в такой важной отрасли партийной работы, как печатная пропаганда. Те финансовые возможности, которыми располагали Е. Бош и Г. Пятаков, использовались на партийное дело – это Владимир Ильич учитывал, даже когда беспощадно корил «японцев» за «кулачество». В его письмах, наряду с нелицеприятными и резкими эпитетами и оценками в адрес Юрия и Евгении Богдановны, нет-нет да и прорывалось беспокойство о них: как там Юрий, едут ли они, когда? («Японцы» собирались переехать из Швейцарии в Скандинавию вслед за Николаем Бухариным, который осенью в 1915 году перебрался в Стокгольм.) Позже В. Ленин приложил все усилия для освобождения Г. Пятакова и Н. Бухарина из стокгольмской тюрьмы, куда они попали за антимилитаристскую пропаганду в нейтральной Швеции. За содействием в этом деле он обратился к центрису Д. Рязанову, с которым в идейно-теоретической сфере вел принципиальную полемику. 10 апреля 1916 года Владимир Ильич с удовлетворением сообщал Д. Рязанову об освобождении из тюрьмы Лялина (один из псевдонимов Г. Пятакова) и просил о содействии в

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 602. Л. 2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 153.

освобождении Mosea Dolgolewsky (имя М. И. Бухарина по нелегальным документам. – В. С.)¹.

В какой-то степени В. Ленин готов был понять и честолубие Г. Пятакова в связи с финансированием им журнала «Коммунист». Впоследствии, когда разрыв с «японцами» и Н. Бухариным уже стал свершившимся фактом, большевистский лидер замечал в письме к ним: «Вы пишете, что вопрос о деньгах “неприятный”. Не всегда. Когда к деньгам относятся партийно, партии это приятно. Когда из денег делается *орудие* против партии, это действительно “неприятно” и даже хуже, чем неприятно»². Попытка Г. Пятакова усилить свое влияние, занять самостоятельную позицию, используя деньги как рычаг, была осуждена как непартийная. В. Ленин писал: «...Также несерьезны и хуже того: антипартийны Ваши доводы за “свободный” (от программы партии? от центральных учреждений партии?) журнал»³. Тогда, в процессе переговоров о дальнейшем ведении журнала «Коммунист», в частности в ходе подготовки его третьего номера, Г. Пятаков прямо заявил, что Центральный комитет партии не имеет права вмешиваться в редакционную работу, что журнал вправе занять по тому или другому конкретному вопросу позицию, которая расходится с позицией ЦК, открывая в таком случае на своих страницах дискуссию по данному вопросу.

Трудные переговоры между Г. Пятаковым, Е. Бош и Н. Бухариным, с одной стороны, и В. Лениным и Г. Зиновьевым, как редакторами Центрального органа о продолжении издания «Коммуниста» – с другой, длились до лета 1916 года. Положительного результата они не дали. Это был сложный, однако, в целом, внешне малозаметный процесс в мощном потоке политической борьбы, но он породил и укрепил движение сторонников радикальных, интернационалистских взглядов на международной арене, которые нашли свое выражение на Циммервальдской (сентябрь 1915 года) и Кинтальской (апрель 1916 года) конференциях социалистов, в появлении и развитии «циммервальдской левой». Прямо или опосредованно в тех переговорах принимали участие и левые из европейской социал-демократии, которые разделяли взгляды Н. Бухарина и Г. Пятакова: Роза Люксембург, Карл Радек, Антони Паннекук, как, впрочем, и кооптированный в ЦК РСДРП Александр Шляпников. Письма Геор-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 213; Вопросы истории КПСС. 1989. № 9. С. 73.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 214.

гия Пятакова к Владимиру Ленину и Григорию Зиновьеву оставляют привкус разочарования, вызывают неприятные впечатления из-за очевидной мелочности, упрямого акцентирования явно второстепенных вопросов, капризности и тому подобного. Особенно волновало «молодых», считали В. Ленин и Г. Зиновьев, возрождение «Коммуниста» «...возобновлением товарищеского сотрудничества, или случайным практическим соглашением с чужеродными элементами»¹. Г. Пятаков настойчиво добивался детальной разработки условий редакционной работы и возможности «партийного обсуждения» несогласий в вопросах программы и политики партии.

Для В. Ленина же программа РСДРП, ее революционный дух и характер оставались святым делом, и прощать любые отступления от них, тем более нападки, попытки пересмотра он никогда бы и никому не позволил.

4. На острие злободневных дискуссий

Расхождения между В. Лениным и Н. Бухариным по отношению к войне, в вопросах о соотношении общедемократических и социалистических задач рабочего класса и месте национально-освободительной борьбы в условиях империализма, которые обозначились еще на Бернской конференции, продолжали углубляться. В ноябре 1915 года, после переезда Г. Пятакова и Е. Бош в Стокгольм, они вместе с Н. Бухариным направили в редакцию «Социал-демократа» документ под названием «Тезисы стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение» (опубликованы в первом томе «Очерков по истории Октябрьской революции», в 1927 году и в журнале «Пролетарская революция» – в 1930 году, № 1). «Тезисы» были реакцией на ленинскую статью «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», которая в то время была опубликована не полностью. Именно эти «Тезисы» и стали камнем преткновения. «Молодые» большевики дали в них свое видение проблем демократии, национального вопроса, партийной программы-минимум вообще.

В ответ редакция «Социал-демократа» в начале декабря 1915 года направила Н. Бухарину, Е. Бош и Г. Пятакову письма с отказом от последующего участия в «Коммунисте», ссылаясь на невозможность

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 675. Л. 1 зв.; См.: Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 594. Л. 1–2; Д. 602. Л. 1–2; Д. 620. Л. 1; Д. 675. Л. 1–1 об.; Д. 691. Л. 1; Д. 724. Л. 1–1 об.; Д. 726. Л. 1–1 об.

нести партийную ответственность за соредакторов, которые непартийно относятся к делу, а также написанный В. Лениным «Проект постановления ЦК РСДРП о прекращении издания журнала “Коммунист”» (документ «не для печати» увидел свет только в полном собрании сочинений Ленина)¹. Одновременно лидер большевиков направил письмо стокгольмским коллегам, в котором писал, что Н. Бухарин, Е. Бош и Г. Пятаков «спелись» «втроем на “тезисах”, за которые мы ни прямо, ни косвенно – даже за соседство с ними в нашей партии, не говоря уже о равноправии – ответственности взять не можем»².

В то же время «стокгольмские большевики» попытались оформиться организационно. 8 ноября 1915 года Г. Пятаков направил В. Ленину и Г. Зиновьеву письмо, в котором затронул вопрос об официальном утверждении группы в составе Г. Пятакова, Н. Бухарина, Е. Бош и Я. Боровского (последний был секретарем большевистской группы в Стокгольме, ведал транспортировкой нелегальной литературы в Россию; в 1916 году за растрату средств из партийной кассы и за нарушение партийной конспирации был исключен из партии). «Стокгольмцы» добивались согласия на создание особой комиссии при ЦК РСДРП и требовали мандат на право и полномочия для связей с Россией, на доступ к информации, касающейся иностранных дел, на установление контакта со шведскими левыми социал-демократами³.

Как и следовало ожидать, ответ Заграничного бюро Центрального комитета был отрицательным. Тем не менее, Г. Пятаков и Н. Бухарин осуществили попытку установить самостоятельную связь с Бюро ЦК РСДРП в России. Однако и в этом их постигла неудача. После этого Юрий направил 3 декабря 1915 года из Стокгольма письмо на имя В. Ленина и Г. Зиновьева, в котором сообщал о «самороспуске» стокгольмской группы. В мотивации решения чувствуется обида: «Учитывая явно недоверчивое Ваше отношение к нашей группе, учитывая техническую невозможность руководствоваться параграфами предлагаемого Вами устава (например, при экстренной оказии невозможно направить информационное письмо в Россию без предварительного просмотра Вами), ввиду того, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 279–281.

² Там же. С. 214.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. 1912–1917. М., 1972. С. 405.

существование группы препятствует Вашей деятельности как члена партии...»¹

В конце концов, в ноябре 1916 года Бюро ЦК РСДРП по предложению А. Шляпникова обсудило разногласия внутри редакции «Коммуниста» (журнал формально продолжал существовать). Была принята резолюция: «Заслушав заявление т. Зеленина (Шляпникова) относительно разногласий в коллегии сотрудников партийной прессы по отдельным пунктам программы и тактики партии, Бюро ЦК считает необходимым довести до сведения заграничной редакции ЦО следующее: 1) Бюро ЦК в России, заявляя о своей полной солидарности с основной линией ЦК, проводимой в ЦО «Социал-демократ», выражает пожелание, чтобы все издания ЦК редактировались в строго выдержанном направлении, в полном соответствии с линией ЦК, занятой им от начала войны. 2) Бюро высказывается против превращения изданий ЦК в дискуссионные. 3) Бюро находит, что расхождение сотрудников по отдельным вопросам программы-минимум с редакцией ЦО не может быть препятствием к участию этих лиц в изданиях ЦК, и предлагает редакции ЦО принимать их сотрудничество по другим вопросам, стоящим вне разногласий. 4) Бюро предлагает для выяснения и ликвидации разногласий использовать *частные издательства* как России, так и за границей, путем выпуска специальных сборников дискуссионного характера»².

Решение Бюро ЦК РСДРП поставило последнюю «точку» в истории журнала «Коммунист». В то же время оно оставляло открытой дверь для сотрудничества «молодых» с В. Лениным, другими партийными публицистами. Георгия Пятакова и его коллег приглашали к участию в выпуске издания ЦО РСДРП «Сборник «Социал-демократа»» – и как авторов, и как издателей. Невзирая на все колебания и сложности характера Юрия и его друзей, даже серьезные теоретические расхождения, В. Ленин, ЦК РСДРП продолжали ценить сотрудничество с ними. Например, в письме к Инессе Арманд от 13 марта 1917 года В. Ленин сообщал: «С Юрием и К^о кончены переговоры об издании *ими* с утверждением заграничной части ЦК брошюрок. *Это приятно!*»³ Однако тщеславные устремления к самостоятельности помешали «молодым» использовать и новые возможности как можно лучше.

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 620. Л. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 529–530.

³ Там же. С. 383; В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 209.

Позже в автобиографии Георгий Пятаков, уже с на основе собственного опыта, весьма самокритично оценивал свою роль в истории журнала «Коммунист», позицию по отношению к ЦК РСДРП: «Мы трое [Г. Пятаков, Е. Бош и Н. Бухарин. – В. С.] заняли неверные позиции»¹.

Столь самокритичную оценку Г. Пятаков распространял и на свою роль в «конфликте по национальному вопросу»². В. Ленин, со своей стороны, квалифицировал тогдашние взгляды Г. Пятакова как «империалистический экономизм». «Старый экономизм, 1894–1902 годов, – писал вождь большевизма, указывая гносеологические и социально-экономические корни явления, – рассуждал так. Народники опровергнуты. Капитализм в России победил. Значит, о политических революциях думать не приходится. Практический вывод: либо “рабочим экономическая, либералам политическая борьба”. Это – курбет вправо. Либо – вместо политической революции всеобщая стачка для социалистического переворота. Это – курбет влево...»³

Теперь рождается новый «экономизм», – продолжал В. Ленин, оперируя двумя аналогичными курбетами, – «вправо» – мы против права наций на самоопределение; «влево» – мы против партийной программы-минимум (то есть против борьбы за демократию и за реформы), потому что это противоречит социалистической революции. Так недвусмысленно излагал он суть взглядов двух молодых большевиков – Николая Бухарина и Георгия Пятакова⁴. Приблизительно одного возраста (Бухарин был на два года старше Георгия), они почти одновременно включились в политическую борьбу, хотя и различными путями, но пришли к марксистским идеям. Оба представляли в партии молодое поколение революционеров, обоих отличал радикализм в идейных убеждениях и в практической деятельности. Даже по отношению к партийным центрам, к признанному лидеру большевиков – В. Ленину – оба проявляли похожую назойливость, предприимчивость, неуступчивость, агрессивность. Их объединяли и общие теоретические поиски и колебания. Поэтому понятен такой интерес, внимание – иногда слишком пристальное – к ним В. Ленина. А когда наступит час последнего слова В. Ленина, в своем политическом заве-

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 591.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 59

⁴ Там же.

щании, в характеристике наиболее выдающихся, самых талантливых руководителей партии «из молодых членов ЦК» он выделит именно Н. Бухарина и Г. Пятакова, и они опять окажутся рядом...

Николай Иванович и Георгий Леонидович крепко подружились. Основой их дружбы стала совместная научная работа и если не тождество, то принципиальная близость политических взглядов. «Перед войной был арестован в Австрии, – писал Н. Бухарин в автобиографии, – ...был выслан в Швейцарию; с большими трудностями перебрался потом (с промежуточным арестом в Нью-Кестле) в Швецию, где вместе со своим ближайшим другом Пятаковым усиленно работал в библиотеках...»¹

Юрий запоем изучал исследования экономистов, которые были достаточно широко представлены в тамошних библиотеках, продолжал овладевать премудростями математической школы политической экономии.

Взгляды Н. Бухарина и Г. Пятакова на современное им капиталистическое общество были кое в чем близки ленинской концепции, изложенной в труде «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако, их различала методология, которая у «молодых» объяснялась влиянием революционного радикализма, что порождало преувеличения, переоценки. Так, в теории «государственного капитализма» наиболее целесообразным казался его анализ сквозь призму в высшей степени развитого аппарата классового принуждения, концентрированного проявления насилия буржуазии над пролетариатом.

Подобная категоричность, оперирование политически крайне острыми понятиями при одновременном абстрагировании от широкого разнообразия жизненных реалий приводило к построению упрощенных теоретических конструкций, хотя нередко представлялось адекватным концентрированным воспроизведением глубинных общественных процессов, функционирования обуславливающих эти процессы механизмов. Такой подход, когда тенденции общественного развития выражались чрезвычайно кратко, практически схематически, в виде огрубленной формулировки, затушевывал эмпирическую конкретность явления в его связи с другими процессами. Так было и с вопросом о праве наций на самоопределение в условиях империализма. Отсюда же вытекала общая с Н. Бухариным переоценка темпов оформления государственно-капиталистических тенденций

¹ Деятели СССР и революционного движения России. С. 374.

тогдашнего общества, выводов об ускоренном вызревании предпосылок социалистической революции.

Предвидя, как и Н. Бухарин, социалистический характер грядущей революции, Г. Пятаков игнорировал специфические особенности такой крестьянской страны как Россия, неизбежное переплетение задач социалистического строительства и осуществления буржуазно-демократических преобразований.

Здесь сказалась теоретическая близость с взглядами Л. Троцкого, прежде всего – в отрицании революционных потенций крестьянства в условиях социалистической перспективы. Л. Троцкий считал, что общественное развитие идет по пути дальнейшего приуменьшения возможности революционной роли мелких собственников, приходил к выводу, что национальная буржуазная революция в России невозможна, речь может идти только о завоевании власти российским пролетариатом, а все надежды на успех этой борьбы в силу относительной слабости и подготовленности российских рабочих определенным образом связаны с борьбой международного пролетариата.

Н. Бухарин неоднократно подчеркивал близость, совпадение своих взглядов в области политической экономии с взглядами Г. Пятакова, хотя последний не создал столь фундаментальных трудов, как бухаринский «Мировое хозяйство и империализм» (работа написана в 1915 году, но полностью опубликована лишь в 1918 году). Издавая в 1919 году другой свой большой труд «Политическая экономия рантье», написанный в 1914–1915 годах, Н. Бухарин писал в предисловии: «Я считал необходимым выразить здесь благодарность своему другу, Юрию Леонидовичу *Пятакову*, с которым мы неоднократно обсуждали вместе разного рода вопросы, касающиеся теоретической экономии, и ценные указания которого всегда принимались мною во внимание»¹.

В Швеции, куда Г. Пятаков и Е. Бош переехали осенью 1915 года (в значительной мере потому, чтобы быть вместе с Н. Бухариным), их содружество и совместная партийная работа продолжались. Единство взглядов на перспективы революционного движения молодых большевиков довольно ярко проявилось в дискуссии по вопросу о лозунге права наций на самоопределение, которая приобрела международный характер.

Вообще, в национальном вопросе Г. Пятаков был откровенным сторонником Розы Люксембург, которая утверждала, что в эпоху им-

¹ Бухарин Н. Политическая экономия рантье: Теория ценности и прибыли австрийской школы. М., 1988. С. 6.

периализма, когда общество в масштабах всей планеты трансформируется в единое экономическое содружество, национальные границы, как и вообще все национальное, устарели. Н. Бухарин также был убежден, что в условиях империализма экономический и политический национализм, а следовательно – национально-освободительное движение и национально-освободительные войны являются анахронизмом. Эпоха империалистических войн, по его определению, есть насильственное перекраивание политической карты в направлении ее все большей государственной однородности, следствием чего станет ликвидация самостоятельных мелких государств.

Отрицая лозунг права наций на самоопределение, включенный в программу РСДРП в 1903 году, «стокгольмцы» утверждали, что подобное требование является прежде всего утопическим, поскольку не может быть реализовано в рамках капитализма, и даже вредным, так как порождает иллюзии. По их мнению, империализм создал условия для осуществления мировой социалистической революции. Поэтому, когда практически поставлен вопрос о мобилизации в международном масштабе пролетарских сил для свержения капитала, отвлечение внимания пролетариата в сторону решения «национальных» задач становится чрезвычайно вредным. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах марксисты не должны поддерживать правительство великодержавной нации, подавляющей стремление к свободе угнетенной нации, однако в то же время они не должны выдвигать лозунг права наций на самоопределение при организации рабочего класса для борьбы за социалистическую революцию. Поэтому задача революционных социал-демократов – мобилизовать пролетариат обеих наций (и угнетаемой, и угнетающей) вместе с другими социальными группами под лозунгом гражданской, классовой войны за социализм и противодействовать их мобилизации под лозунгом права наций на самоопределение¹.

В. Ленин, который настойчиво и последовательно отстаивал программный лозунг права наций на самоопределение, называл эти взгляды бессмыслицей, «верхом бессмыслицы», «верхом ненаучности», «предательством». «Молодые» обиделись. Они апеллировали к такой логике: если многочисленные левые во всем мире единодушно выступили против лозунга самоопределения, неужели все они «изменники»?

¹ Тезисы Стокгольмской группы большевиков о лозунге права наций на самоопределение // Пролетарская революция. 1930. № 1. С. 45–46.

Со своей стороны, Ленин считал взгляды Н. Бухарина, Г. Пятакова и Е. Бош не только теоретической бессмыслицей, но и проявлением политической неустойчивости. Однако при всей резкости и категоричности своих оценок, он считал нецелесообразным разводить масштабную публичную дискуссию, предлагал дать «молодым» время для того, чтобы «поучиться и подумать». Если же они будут настаивать, писал В. Ленин, «*доведут* дело до полемики в печати; и я тогда вынужден назвать их «империалистскими экономистами», показать их полную пустоту, *полную* несерьезность и непродуманность. Полемика в печати *на долгие годы* оттолкнет их»¹. Подобное развитие событий, несомненно, не входило в его намерения. Но большое политическое значение затронутого вопроса вынуждало его еще и еще раз предупреждать младших товарищей, что они оказались в политическом болоте и их идеи не имеют ничего общего ни с марксизмом, ни с революционной социал-демократией. При этом Г. Пятакова В. Ленин считал «главным злодеем» в спорах по поводу самоопределения наций, и потому именно на нем концентрировал основной огонь своей бескомпромиссной и безжалостной критики.

Думается, что для обеих сторон спор имел принципиальный характер (наверное, так они сами и считали). При этом небезынтересно обратить внимание на имеющее достаточно глубокий смысл наблюдение московского историка А. В. Шубина. Он считает, что для Г. Л. Пятакова, как и его соратников (в том числе, Н. И. Бухарина) «стройность идеи была важнее тактических уступок. Ленин выступал за гибкую политику союзов. Однако, когда большевики возьмут власть, выяснится, что тактические противоречия ведут к системным конфликтам, и коммунистам придется снова и снова делать выбор между продвижением к своей модели коммунистического общества и уступкам среде, в которой развивается их «постимпериалистический» проект. Они сами станут центром, которому придется бороться не только с империализмом в союзе с периферией, но и с самой этой периферией в интересах новой красной «империи»»².

В последний, «скандинавский» период своей эмиграции Юрий много работал. Тогда он написал статью по поводу положения в экономике России, вызванного войной («Дороговизна в России» – одно из нескольких ее названий), которая предназначалась для третьего

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 195.

² См.: Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007. С. 569.

номера журнала «Коммунист». Статья вышла отдельным изданием. Вместе с Н. Бухариным Е. Бош и Г. Пятаков писали и издавали листовки, печатались в европейской социал-демократической прессе. Многочисленные публикации Г. Пятакова выходили под псевдонимами «Петр Киевский», «Кий», «Лилин», «Zialin», «Юрий», «Японец». Свои предназначенные к печати работы Г. Пятаков и Н. Бухарин в рукописи нередко направляли В. Ленину, Г. Зиновьеву, обсуждали с А. Шляпниковым, когда тот бывал в Стокгольме. В свою очередь, статьи В. Ленина, Г. Зиновьева, других партийцев, подготовленные к печати в «Социал-демократе», для журнала «Коммунист», для «Сборника “Социал-демократа”» или органа Циммервальдской левой Vorbote («Предвестник»), присылали «стокгольмцам», как и другим сотрудникам, для обсуждения и редактирования. Это, вообще, была одна из характерных черт литературно-публицистической работы большевиков в эмиграции. Открытость мысли – насколько это было возможно в условиях военной и политической цензуры, стремление выяснить позицию товарищей до публикации того или иного материала – формировали атмосферу творческого взаимодействия. И все это – несмотря на острые разногласия в теоретических вопросах.

Так было и с основным произведением Г. Пятакова того периода «Пролетариат и “право наций на самоопределение” в эпоху финансового капитала» (время написания – август 1916 года). Предназначенная для публикации в третьем номере «Сборника “Социал-демократа”» (не вышел), статья привлекла особое внимание В. Ленина – Юрий прислал ее большевистскому лидеру в рукописном виде. Реакцией на эту работу стали две ленинских статьи «Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову)» и «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”», также для третьего «Сборника “Социал-демократа”». В декабре 1916 года во втором «Сборнике» был опубликован анонс о материалах, поступивших для публикации в следующем номере, в том числе статья Г. Пятакова и две ответные статьи В. Ленина.

В рукописном виде статья «Пролетариат и “право наций на самоопределение” в эпоху финансового капитала» и упомянутые две ленинские статьи были широко известны среди большевиков в эмиграции и левых европейских социал-демократов. Во время дискуссии по национальному вопросу В. Ленин посылал свои статьи коллегам для «теоретического взаимопонимания».

Статья Г. Пятакова вообще не публиковалась и хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории¹. Ленинские статьи в то время тоже не появились в прессе. Следовательно, до открытой дискуссии, которую лидер большевизма считал нежелательной («полемика в прессе на долгие годы оттолкнет» Н. Бухарина, Г. Пятакова, Е. Бош), не дошло. Статьи В. Ленина были опубликованы впервые в 1924 и 1929 году и тогда в полной мере использованы для доказательств «оппортунистических», «оппозиционных», «антипартийных» и «антиленинских» взглядов и действий Н. Бухарина и Г. Пятакова в прошлом.

При подготовке к публикации второго «Ленинского сборника» Л. Каменев, возглавлявший редакционный совет издания, направил членам Совета Института Ленина Н. Бухарину, Г. Зиновьеву и А. Рыкову записку, в которой сообщал, что в корреспонденции А. Шляпникова и А. Коллонтай обнаружены семь писем, «чрезвычайно резко характеризующих т. Пятакова и Е. Бош» и связанных с вопросом финансовой зависимости издания «Коммуниста» от упомянутых лиц (в РГАСПИ они хранятся и сегодня – Ф. 2. Оп. 5. Д. 594, 602, 620, 675, 691, 724, 726). Л. Каменев предложил отложить эти письма и не публиковать впредь до выяснения всех обстоятельств. Г. Зиновьев, Н. Бухарин и А. Рыков согласились, но, ознакомившийся с их мнением И. Сталин, написал: «Ничего не могу сказать, пока не увижу писем. Нельзя ли их получить на час?»² Заинтересованность И. Сталина в данном случае понять несложно: ведь Г. Пятаков был одним из видных сторонников Л. Троцкого, и в переписке вполне можно было обнаружить дополнительные аргументы для усиления своей позиции в борьбе с весьма влиятельным течением в партии. Однако, в действительности они «пригодились» в другом случае: в 1929 году, в разгар борьбы с правым уклоном, письма были опубликованы в журнале «Пролетарская революция»³. Правда, во вводной статье к ним о финансовых разногласиях не упоминается (наверное, в тот момент этот сюжет показался второстепенным), а акцент делается на утверждении, что «Ленин не только вскрывает ошибки Бухарина –

¹ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 108. Л. 19.

² Цит. по: Мосолов В. Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010. С. 131.

³ Там же. С. 130–131.

Пятакова по основным вопросам, но и вскрывает ошибочность их методологии»¹.

В сложной обстановке мировой войны, безудержного разгула шовинизма, измены официального руководства II Интернационала В. Ленин считал чрезвычайно важным согласованность взглядов революционных эмигрантов, выработку четкой теоретической линии поведения, преодоление разнобоя в подходах к принципиальным составляющим политики. Ситуация же здесь настораживала. Н. Крупская отмечала: «Были разногласия с Розой Люксембург, Радеком, голландцами, с Бухариным, Пятаковым, отчасти с Коллонтай. Наиболее резкие разногласия были с Пятаковым (П. Киевским)...» Прочитав его статью в рукописи, «...Ильич засел сейчас же строчить ему ответ – целую брошюру...»²

Воспоминания жены В. Ленина написаны в конце 20-х годов. Источником их, конечно, была, в первую очередь, память. Однако Надежда Константиновна перепроверяла каждую деталь, со всей тщательностью взвешивала оценки. Н. Крупская справедливо отмечала непримиримость Владимира Ильича в спорах с «молодыми» о праве наций на самоопределение. И хотя среди «молодых» были и Н. Бухарин, и К. Радек, и голландские левые социал-демократы, основным виновником разногласий в партии по этому поводу, по мнению вождя большевиков, был все же Петр Киевский.

«Брошюра написана в очень сердитых тонах, – повествует далее Н. Крупская, – и именно потому, что к тому времени у Ильича уже вырабатывался очень ясный, определенный взгляд на соотношение между экономикой и политикой в эпоху борьбы за социализм. Недооценку политической борьбы в эту эпоху он характеризовал как “империалистический экономизм”. Игнорирование роли демократии в борьбе за социализм было недопустимо...»³ Горячность В. Ленина в спорах о праве наций на самоопределение, – писала его ближайший соратник, – становится понятной, если рассматривать этот вопрос в связи с общей ленинской оценкой демократизма. Отношение к вопросу о самоопределении наций было для него пробным камнем, на котором проверялось умение правильно подходить к демократическим требованиям вообще, на чем заострял внимание и Л. Троцкий⁴.

¹ Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 6.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 434.

³ Там же. С. 434–435.

⁴ Троцкий Л. Перманентная революция. М., 2005. С. 360–361.

Ленинская критика позиции Г. Пятакова несет на себе несомненный отпечаток сочувствия к младшему коллеге, который не приобрел еще необходимой закалки в исследовании чрезвычайно сложных, противоречивых теоретических проблем, растерялся в экстремальных условиях мировой бойни. Как и всякий серьезный кризис, война надламывает одних, закаляет и просвещает других. Эта истина сказалась и в сфере социал-демократических размышлений о войне. Можно было глубже вдуматься в предпосылки и значение империалистической войны, в задачи социал-демократии, в причины ее кризиса. А можно было позволить войне подавить свою мысль, перестать рассуждать и анализировать под гнетом ужасных впечатлений и тяжелых последствий войны. Действительный источник всех курьезных логических ошибок, всей путаницы во взглядах П. Киевского, – писал В. Ленин, – «состоит в том, что его мысль *придавлена* войной и в силу этой придавленности в корне извращено отношение марксизма к демократии вообще»¹.

Чтобы показать ошибочность логики Г. Пятакова, В. Ленин следующим образом излагает ход его мыслей, построение теоретических схем: Ю. Киевский исходил из того, что империализм – это высококоразвитый капитализм, та его стадия, на которой дело объективно доходит до отрицания демократии. То есть, демократия якобы в принципе невозможна при империализме. Империалистическая война является вопиющим нарушением любой демократии и в отсталых монархиях, и в передовых республиках. Следовательно, совершенно беспочвенны разговоры о правах, то есть о демократии. Войне можно противопоставить лишь социализм, выход – только в социализме. Значит, выдвигать демократические лозунги в партийной программе-минимум (то есть еще при капитализме) равноценно обману, является иллюзией, отдалением лозунга социалистического переворота. В этом В. Ленин видел корень ошибок своего младшего товарища. Последний же этого не осознавал и провозглашая лозунг «Прочь из империализма!», в действительности «бежал» от жизненных реалий, от их объективного осмысления и неизбежных выводов-уроков.

Импульсивно отбрасывая требование – лозунг права наций на самоопределение, считая его неосуществимым при империализме и ненужным в условиях социализма, молодой марксист вместе со своими друзьями называл В. Ленина и его единомышленников «талмудистами самоопределения». Самоопределение, писал Юрий, «врезается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 70.

клином, пытаюсь национально сплотить народы, то есть объединить буржуазию и пролетариат данной нации и разъединить пролетариат разных наций». Марксисты говорят массам, – возражал ему Ленин, – вас обманывают, отправляют на войну ради империалистского капитализма, оправдывая ее великими лозунгами демократии. Вы должны вести и вы поведете войну против буржуазии действительно демократически и с целью настоящего построения демократии и социализма. «Провозглашение равных прав всех наций для буржуазии стало обманом, для нас оно будет правдой, которая облегчит и ускорит привлечение на нашу сторону всех наций. Без демократической организации отношения между нациями на деле, – а следовательно, и без свободы государственного отделения – гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии невозможна»¹.

В теоретических дискуссиях Г. Пятаков довольно рьяно позиционировал себя как приверженца политики форсирования развития общества в социалистическом направлении. Это он убедительно демонстрировал и в подходе к вопросу о самоопределении наций и в представлении собственного видения и характеристики эпохи. Не похоже ли самоопределение на право бесплатного получения 10 тысяч десятин на Марсе? – иронически спрашивал он. Согласно его оценкам выходило, что очень даже похоже, поскольку «эпоха кануна гибели капитализма» и «эпоха гибели национального государства» – одна эпоха. Умозрительно доказывал, что в условиях неизбежного наступления социализма (и этот процесс начинается) национальное государство должно отмереть. А это, в свою очередь, порождало стремление к ускоренной интернационализации общества, имманентной социализму.

Подобные подходы Г. Пятаков демонстрировал в вопросе о государстве. Он считал социалистический строй строго демократической централизованной системой хозяйства, при которой государство, как аппарат господства одной части общества над другой, исчезнет. Однако демократия является также господством (по крайней мере – управленческим руководством) одной части населения над другой, то есть тоже является формой государства. В чем же тогда проявляется отмирание государства при социализме? Г. Пятаков разъяснял: «Социальную революцию мы мыслим как объединенное действие пролетариев всех стран, которые разрушают границы буржуазного государства, сносят пограничные

¹ Там же. С. 74.

столбы, взрывают в воздух национальную общность и устанавливают общность классовую». Непосредственно в ходе социалистической революции, по его предположениям, незамедлительно произойдет слияние наций.

Однако рассуждать так, игнорируя объективные условия революционного развития, столь отличные в разных регионах планеты, особенно с точки зрения экономической зрелости и готовности к социальной революции, — значит откладывать социализм «до греческих календ». «Социальная революция, — подчеркивал Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетаемых нациях»¹.

Порожденные «революционным нетерпением» ошибки отрицания права наций на самоопределение, игнорирование диалектики межнациональных отношений, попытки «перескочить» через неминуемые этапы развития, через необходимость последовательной реализации демократических требований Г. Пятаков разделял и в дальнейшем.

Нельзя не отметить, что В. И. Ленин, весьма авторитетный не только в российском освободительном движении, но и в среде международной социал-демократии, признанный и почитаемый ее лидерами, в том числе тогдашними ведущими теоретиками социализма, уделял просто поразительное, вызывающее чувство естественного удивления, внимание этому молодому, по существу, начинающему политику. Ведь в 1915–1916 годах Г. Л. Пятакову было всего 24–26 лет. Однако в ленинских работах июля 1916 – февраля 1917 года (именно на это время приходится апогей теоретической дискуссии с Ю. Киевским) имя последнего упоминается более 70 раз, значительно чаще, чем, скажем, Г. Плеханова и К. Либкнехта. По этому, конечно же условному, показателю Г. Пятаков уступал в эти годы только К. Каутскому².

В. И. Ленин регулярно переписывался с Г. Л. Пятаковым и очень часто (сравнимо с И. Арманд, Н. Бухариным, Г. Зиновьевым, А. Коллонтай, К. Радеком, А. Шляпниковым) обращался к нему по разным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 112.

² Там же. С. 506–507, 509–510, 520, 522; Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 36; Ленинский сборник. XXXVIII. М., 1975. С. 167–169; Ленин. В. И. Известные документы. 1891–1922.

поводам, в том числе по важнейшим идейно-теоретическим проблемам. Затрагиваемые Г. Пятаковым вопросы В. И. Ленин неоднократно обсуждал также с ближайшим окружением, коллегами по партии. За неполные два года (с 24 июня 1915 года до 29 мая 1917 года) в официальной и частной переписке вождь большевиков упоминает молодого марксиста около 80 раз¹.

Думается, что такое внимание можно объяснить (наряду с другими возможными причинами) также тем, что В. И. Ленин усматривал в высказываниях и теоретических работах Ю. Киевского пусть ошибочные и общественно опасные, но при этом весьма привлекательные, весьма серьезно аргументированные идеи, лозунги, концепции, способные стать популярными и влиятельными.

Как знать, а может быть при практически полной уверенности в своей правоте, в своем таланте, выдающихся научных, мыслительных способностях В. И. Ленин в процессе тщательнейших и мучительных размышлений оставлял крохотное место для сомнений: вдруг Г. Пятаков в чем-то, пусть даже самом малом, стоит ближе к истине. Ведь его логика, система доказательств совсем не просты, опровергать их далеко не так легко, как позиции других, казалось бы, гораздо более опытных, весьма и весьма зрелых людей...

В Швеции, где Юрий пробыл с октября 1915 года до августа 1916 года, он активно участвовал в работе левых шведских социал-демократов, левых циммервальдцев. Весной 1916 года Г. Пятаков, Н. Бухарин, Е. Бош вместе с молодыми шведами готовили полулегальный социалистический конгресс в Стокгольме, который было решено созвать в связи с опасностью втягивания нейтральной Швеции в мировую войну. Однако Н. Бухарина и Г. Пятакова арестовали. Правда, официальное обвинение было несуразным: будто бы российские большевики собирались «бросать бомбы, высаживать в воздух мосты». После кратковременного заключения арестованных просто депортировали в Норвегию.

Там, в Христиании (Осло) Георгия застала радостная весть об отречении царя.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 84–440, 658.

Глава IV. В РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОДОВОРОТЕ

1. Вдохновитель оппозиционной платформы

В феврале 1917 года в России разразилась революция. Царское самодержавие настолько прогнило, настолько потеряло какую-либо поддержку в обществе, что буквально на протяжении нескольких дней было разбито вдребезги, сметено восставшим народом.

Из далеких сибирских ссылок, из эмиграционных центров в европейскую Россию, полной грудью вдохнувшую свежий воздух свободы, ринулись политические деятели, временно оторванные от отечественного освободительного движения. Всем им хотелось как можно скорее окунуться в практическую работу по закреплению революционных завоеваний, развитию демократических процессов, реализации программных планов.

В числе первых вернуться из Скандинавии в Россию, правда, не без дополнительных трудностей (шведские власти на несколько дней задержали Георгия на границе¹), смогли Г. Пятаков и Е. Бош. Хотя первым важным пунктом их остановки была столица, где политические страсти раскалились до предела, супруги твердо решили направиться в Киев. Там, по их мнению, они, с их опытом и связями, были нужны больше, чем где-либо, и там можно было принести наибольшую пользу революционному делу.

Судьба распорядилась так, что именно личная позиция Георгия Пятакова во многом повлияла на линию поведения киевских большевиков, на их выбор ориентаций, привела в конечном итоге к серьезной попытке оформления самой значительной оппозиции общепартийному курсу.

Позиция Г. Пятакова довольно ясно проявилась уже в отношении к телеграмме В. Ленина большевикам, отъезжающим в Россию, от 6 марта 1917 г. «Наша тактика: полное недоверие, никакой под-

¹ См.: Коллонтай А. В тюрьме Керенского // Каторга и ссылка. 1927. № 7 (36). С. 27.

держки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями...», – наставлял В. Ленин¹. Из тех, кто входил в состав группы большевиков, которым была адресована эта телеграмма, Г. Пятаков и Е. Бош сразу же выступили против идей, в ней изложенных.

На заседании Бюро ЦК 13 марта Е. Бош сделала доклад о полученных от В. Ленина директивах. Зачитав телеграмму, она сообщила, что Владимиру Ильичу был направлен запрос в связи с тем, что последние два пункта показались недостаточно ясными. Здесь же было предложено начать дискуссию о тактике, и после короткого обсуждения решили выработать платформу, которая бы раскрывала лозунги, предложенные Бюро ЦК. Однако комиссия, которой это было поручено, не выполнила намеченной работы. На заседании Бюро ЦК 22 марта при обсуждении вопроса о платформе получили одобрение резолюции «О Временном правительстве», а также «О войне и мире», опубликованные с введением «Наша платформа» в «Правде» (№ 18, от 26 марта 1917 года). Эти документы содержали положения, характерные для тогдашней позиции Бюро ЦК (о контроле Советов над деятельностью Временного правительства, требование к Временному правительству, которому была дана довольно расплывчатая характеристика, отказаться от захватнических планов, предложить всем воюющим странам мир и так далее)². Принципиальную тактику по таким важнейшим вопросам не смогло выработать и мартовское совещание партийных работников.

В момент обсуждения ленинской телеграммы Бюро ЦК в Петрограде находилась представитель Киевского комитета РСДРП Д. Иткинд. Она получила этот документ как директиву и привезла в Киев. Позиция Бюро ЦК относительно ленинской телеграммы, возможное знакомство Д. Иткинд с взглядами по данному вопросу Г. Пятакова и Е. Бош, возглавлявших в прошлом Киевскую организацию, непоследовательная позиция части руководителей комитета по ключевым вопросам революции, наметившаяся к тому времени, предрешили характер принятого Киевским комитетом РСДРП решения по итогам поездки своего представителя в Петроград. На заседании 19 марта, комитет постановил не обнародовать на следующем собрании пар-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 7.

² Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б). Март 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 145, 147, 151.

тийной организации привезенную Д. Иткинд «Телеграмму большевикам, отъезжающим в Россию». В связи с этим Д. Иткинд не включила информацию о послании В. Ленина в свой доклад о результатах командировки в Центральный Комитет партии, с которым она выступила на собраниях 21 марта¹.

Тем временем в Киев прибыли Г. Пятаков и Е. Бош и без промедления погрузились в работу.

Одна из некогда самых влиятельных в ленинской партии Киевская организация РСДРП(б) вышла из подполья и сразу же развернула активную деятельность. Уже 1 марта 1917 года состоялось первое легальное совещание большевиков города – около 200 человек, но буквально с каждым днем их ряды росли. Сложились районные звенья городской парторганизации, действовали семь районных комитетов: Подольский, Печерский, Демеевский, Городской, Шулявский, Соломенский и Железнодорожный. 14 марта вышел первый номер легальной большевистской газеты «Голос социал-демократа». 2–3 марта представители заводов и мастерских избрали Совет рабочих депутатов.

Киевские большевики встретили Г. Пятакова и Е. Бош с радостью. Вчерашние эмигранты почувствовали, что приехали домой. После стольких скитаний вдали от родины, по чужим жилищам, изведавшие порядки не только американских и европейских гостиниц и пансионатов, но и стокгольмской тюрьмы, они ощутили прилив обычного человеческого счастья. В родительском доме на улице Кузнечной Юрий нашел целехонькой свою довольно большую библиотеку, которую был вынужден оставить три года тому назад.

Но главное – партийная работа, для которой открывались широкие горизонты, легальная, без страха полицейской слежки. Людей не хватало, хотя интеллигентские силы в парторганизации были: это и Макс Савельев, агент ЦК РСДРП в Киеве; и Ляля (Елена) Розмирович, задержавшаяся на некоторое время в городе; и Владимир Затонский, только что перешедший из лагеря меньшевиков-интернационалистов к большевикам; и старые знакомые – Вадим Быстрянский (Ватин), Дора Иткинд с сестрами, совсем юный 19-летний Исаак Крейсберг. Включение в работу Евгении Бош и Георгия Пятакова – опытных, испытанных деятелей организации значительно умножили силы и влияние киевских большевиков комитета.

¹ Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март–ноябрь 1917 г.). Сб. документов и материалов. К., 1957. С. 228, 230.

23 марта 1917 года оба авторитетных партийца выступили на заседании с докладами «О платформе ЦК и сзываемом на 28 марта партийном совещании»¹. Под влиянием их докладов было решено создать специальную комиссию для выработки платформы Киевского комитета. В ее состав вошли Е. Бош, В. Быстрянский, И. Крейсберг, Г. Пятаков, М. Савельев (Петров). На следующий день комитет заслушал доклад комиссии для выработки платформы, принял предложенный проект и поручил Г. Пятакову осуществить окончательную редакцию документа для представления общему собранию организации². Однако 29 марта, после обмена мнениями, было решено отложить принятие предложенного Г. Пятаковым документа до очередного собрания в связи с тем, что представитель организации М. Савельев находился в то время на совещании партийных работников в Петрограде. С целью уточнения позиции большевиков по войне комитету было поручено в дополнение к платформе разработать специальную резолюцию. Интересен тот факт, что, не ожидая одобрения платформы очередными собраниями, комитет на своем заседании 1 апреля 1917 года поручил В. Быстрянскому и А. Горвицу созвать объединенное заседание пропагандистов и агитаторов, прочитав им доклад о платформе Киевского комитета и предложить «в своих выступлениях держаться этой платформы»³. Не повлияла на позицию Г. Пятакова и его сторонников и перепечатка в «Голосе социал-демократа» (номера за 25, 28 и 30 марта) опубликованной «Правдой» статьи В. Ленина «Письма издалека. Письмо 1. Первый этап первой революции».

Члены организации проявили принципиальность, отложив большинством голосов рассмотрение предложенного В. Быстрянским проекта резолюции о войне, автоматически сняв вопрос об одобрении платформы комитета на общем собрании 4 апреля.

Тем не менее Г. Пятаков и его единомышленники пытались во чтобы то ни стало осуществить свои планы. Собрав большинство в комитете, они 6 апреля вновь внесли на утверждение собрания резолюцию о войне и одобрении платформы комитета. Частое проведение собраний приводило к тому, что в них не всегда могло принимать участие большинство членов организации. Состав присутствующих

¹ См.: Бош Е. Б. Год борьбы. 2-е изд. С прилож. биогр. писем автора. К., 1990. С. 28.

² Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. I. С. 59, 61.

³ Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року // Літопис революції. 1931. № 4. С. 155.

тоже менялся. На собрании 6 апреля, как показывает подсчет резолюций по результатам голосования, было всего 323 человека, то есть не более $\frac{1}{4}$ состава организации. В таких условиях Г. Пятакову и его единомышленникам удалось добиться одобрения разработанных ими документов¹ (9 апреля они были опубликованы в «Голосе социал-демократа»).

Основная идея платформы содержалась уже во вступительном абзаце: «Мы считаем, – говорилось в документе, – что развитие производительных сил и социальная мощь пролетариата не достигли в России того уровня, при котором рабочий класс может совершить социалистический переворот. Установление социалистического строя, являющееся конечной целью всей нашей деятельности, не входит поэтому в число задач, стоящих перед нами в ходе совершающейся революции»².

Вся политическая работа большевиков должна была, согласно платформе, сводиться к реализации программы-минимум РСДРП. Любопытно, что еще в декабре 1916 года в замечаниях на статью Г. Зиновьева о максимализме В. Ленин назвал в корне неверной идею автора о том, что требования программы-минимум, в целом, означают переход к принципиально иному общественному строю. «Думать так значит принципиально перейти на позицию реформизма и покинуть точку зрения революции социалистической.

Программа-минимум есть такая программа, которая принципиально *совместима* с капитализмом, *не выходит* из его рамок»³.

Таким образом, судьба предоставила Г. Пятакову и Е. Бош шанс первыми донести до революционной России сущность новой ленинской тактики. Однако они сделали многое, чтобы посеять недоверие к ней в центральных органах партии и противопоставить им свою позицию в Киевской организации.

Можно допустить, что на тогдашней позиции Г. Пятакова отразился и авторитет Георгия Плеханова. Первый марксист России не только не воспринял ленинский политический курс, но и неоднократно резко негативно высказывался в адрес В. Ленина, его Апрельских тезисов. Ему, в частности, приписывают известные слова, что «российская история еще не смолола той муки, из которой со временем

¹ Там же. С. 168; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. С. 72, 88.

² Большевистские организации Украины... (март–ноябрь 1917 г.). С. 239.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 385–386.

будет испечен пшеничный пирог социализма». А в качестве аргумента основатель российской социал-демократии приводил следующее высказывание: «Социалистический строй предусматривает по меньшей мере два обязательных условия: 1) высокая степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознания у трудящегося населения страны. В России нет ни того, ни другого». Раз так, – считал Г. Плеханов, – значит вести речь «об организации социалистического общества в нынешней России значит прибегать к несомненной и при этом крайне вредной утопии». Таким образом, социалистическую перспективу в России 1917 года отрицал и Плеханов.

Впрочем, одобрение Киевской организацией платформы комитета не означало окончательного торжества антиленинских взглядов. Им еще предстояло войти в открытое столкновение с ленинскими идеями.

7 апреля в Киев вернулся с общепартийного совещания М. Савельев. Перед отъездом из Петрограда, скорее всего 5 апреля, он получил один экземпляр подготовленного к печати в «Правде» варианта тезисов. Правда, это могло произойти и несколько ранее, скажем, 3 апреля, когда М. Савельев вместе с другими большевиками встречал возвращавшегося из Швейцарии В. Ленина в Белоострове¹. «Я списал их [тезисы. – В. С.] карандашом на отдельную записку, – вспоминал представитель Киевского комитета большевиков, – и вот с этим новым евангелием революционного коммунизма приехал в Киев»².

Сравнение документа, с которым ознакомился в Петрограде Максимилиан Александрович, с текстом тезисов, опубликованных в «Правде», и подготовительными материалами, которые хранятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), позволяет выдвинуть предположение: М. Савельев скопировал один из первых вариантов ленинского труда, возможно, в момент ознакомления еще даже не завершенного. Вероятно и другое. М. Савельев по неизвестным причинам (например, не успел почему-то) переписал только первые 8 из 10 тезисов и далее оперировал именно тем неполным документом,

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март–октябрь 1917. М., 1973. С. 55; РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 737. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 178; Український історичний журнал. 1957. № 1. С. 129.

который со временем приобрел такой вид из-за многоразового копирования, как завершенный.

Важно и то, что М. Савельев присутствовал на первых ленинских выступлениях после возвращения лидера партии с эмиграции и обнародования тезисов на собрании большевиков 4 апреля, а также на объединенном собрании большевиков и меньшевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце¹.

Сразу по приезде в Киев, уже вечером 7 апреля 1917 года М. Савельев сделал доклад, в котором развернуто охарактеризовал свою поездку в Петроград, осветил ход работы мартовского партийного совещания, Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, рассказал о сути предложенной В. Лениным линии поведения в революции. Савельев охарактеризовал ленинский доклад на объединенном собрании большевиков и меньшевиков как мощный удар по объединительным тенденциям.

Далее М. Савельев зачитал упомянутые 8 тезисов и изложил ленинскую аргументацию в их развитие. К сожалению, на этом черновик протокола заседания комитета от 7 апреля обрывается. Однако обсуждение доклада было продолжено на заседаниях 9 и 10 апреля в обстановке острой полемики. Савельеву пришлось достаточно долго отвечать на многочисленные вопросы, которыми его буквально засыпали члены комитета. Причем, в большинстве вопросов просматривалось неприятие ленинских идей, априори критическое отношение к ним. Савельев спокойно и принципиально отстаивал верность ленинских положений. В ряде случаев ему пришлось высказать и собственные взгляды относительно сложных теоретических проблем, и они, в целом, совпадали с выводами, которые были сформулированы В. Лениным позже.

Часть протокола по вопросу «О позиции, которую занял т. Ленин» завершается четкой записью: «Тов. Савельев (Петров) вполне присоединяется к тезисам Ленина и находит, что они в связи с тем, что капитализм зашел в тупик, вполне оправдываются в международной социальной революции»².

¹ Савельєв М. О. Ленін В. І. Жовтень // Український історичний журнал. 1977. № 10. С. 112.

² Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року. С. 180; Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 30–31; 33–34 об.

Единственным человеком, кто поддержал тогда М. Савельева и пришел ему на помощь в разъяснении ленинских ориентиров, была агент ЦК РСДРП Е. Розмирович.

Однако большая часть членов Киевского комитета – Г. Пятаков, Е. Бош, В. Быстрянский, А. Горвиц, Д. Иткинд, М. Кугель и др. выступили против Апрельских тезисов. Основной их аргумент – незрелость России для социалистической революции¹.

«Свержение правительства, социалистический переворот невозможен, так как нет всех экономических предпосылок, – утверждал М. Кугель. – (...) Тов. Ленин не прав, принимая буржуазно-дем. переворот за переворот социалистический». «Диктатура пролетариата сейчас невозможна, т. к. массы политически не воспитаны, не подготовлены к организации хозяйства, к предотвращению продовольственного кризиса», – вторил ему А. Горвиц. «В нашей платформе, – настаивал Г. Пятаков, – говорится определенно, что мы сейчас не идем к социализму, а т. Ленин зовет к захвату власти. Ленин все-таки против У. С., но для нас ясно, что сейчас может быть только У. С., а не Республика Советов Раб. Солд. и Батр. Деп.» Е. Бош также акцентировала внимание на том, что платформа Киевского комитета коренным образом отличается от ленинских тезисов. «Тов. Ленин, – подчеркивала она, – находит возможным социалистический переворот, у нас возможен только демократический переворот. Говоря о соц. перевороте, мы поддерживаем контрреволюцию. Тов. Ленин говорит – долой В. П., а киевск. организация говорит: – мы критикуем В. П., мы боремся с ним, разоблачаем, но не сталкиваем. Тов. Ленин говорит – не У. С., – а мы требуем У. С. (...) Мы должны поддерживать резолюцию киевского комитета, теперь время настолько серьезное, что придерживаться авторитетов невозможно»².

В позиции противников перехода к социалистической революции проявилось неверие в революционные потенции российского пролетариата, в возможность привлечения крестьян на сторону социалистической революции. А. Горвиц, например, утверждал, что в «России главная масса населения мелкобуржуазная и поэтому реакционная. Дальнейшее развитие революции наметит расхождение между пролетариатом и крестьянством». Д. Иткинд также пыталась доказать, что «тезисы преждевременны ввиду дезорганизации и неподготов-

¹ Протоколи Київської організації РСДРП (більшовиків) 1917 року. С. 171–180; ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–45 об.; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. К., 1928. С. 33, 37, 44.

² Там же.

ленности масс, несознательности солдат». Она считала, что в социалистической революции широкие массы крестьянства не пойдут за пролетариатом. М. Кугель пророчил: «Если бы пролетариат взял в свои руки власть в нашей аграрной стране, революция была бы проиграна»¹.

В. Быстрянский и А. Горвиц в своих рассуждениях отстаивали мнение, что революция в России невозможна без социалистической революции на Западе, поэтому тезисы В. Ленина неприемлемы.

Г. Пятаков и его сторонники недооценивали роль советов в революционном процессе и продолжали выступать в поддержку Временного правительства. Аргументация при этом была не во всем проблематичной. Так, М. Кугель утверждал, что «переход власти к Совету невозможен, потому что Советы – власть революции и при установлении республики они упразднятся. (...) Мы, конечно, не можем доверять правительству, но пока еще терпим его (...). Тов. Ленин говорит о свержении правительства, но правительство опирается на С.Р.Д., и значит нужно свергнуть С.Р.Д.» Г. Пятаков объяснял свое непринятие ленинских идей так: «В тезисах говорится о передаче власти Советам Р.Д. и Р.С.Д., т. е. о диктатуре пролетариата, которая невозможна при капитализме»².

Отрицалась и ленинская тактика относительно империалистической войны. Так, братание М. Кугель назвал утопией, а А. Горвиц – «не марксистским способом ликвидации войны, а анархическим». Высказывались сомнения и относительно экономической платформы партии большевиков (М. Кугель: «национализация земли – опасный эксперимент»³. Не удивительно, что в процессе дискуссии Н. Лебедев внес и обобщающее предложение: «Киевский к-т не согласен с тезисами Ленина»)⁴.

Уже 10 апреля 1917 года Киевский комитет РСДРП принял резолюцию: «Считая тезисы т. Ленина еще недостаточно обоснованными и развитыми, Киевск. к-т воздерживается пока от принятия резолюции по тезисам, оставляя их в пределах дискуссии»⁵.

Учитывая стремление единомышленников Г. Пятакова затянуть, а то и вовсе сорвать обсуждение Апрельских тезисов, скрыть их содержание от рядовых членов партии, М. Савельев ознакомил с ленинским

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 33, 37, 44.

² Там же. С. 33–37.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 34.

документом самую многочисленную в Киеве Городскую районную партийную организацию (объединявшую около 1000 из общего числа 1500 членов партии). Собрание большевиков Городского района, обсудив тезисы В. Ленина, одобрило их большинством голосов¹.

Активно поддержала Апрельские тезисы революционная молодежь Киева. Так, 9 апреля М. Савельев выступил с сообщением об Апрельских тезисах на встрече с инициативной группой молодых рабочих по созданию союза социал-демократической рабочей молодежи. Участники встречи приняли решение заслушать аналогичный доклад М. Савельева на собрании рабочей и студенческой молодежи города. Через два дня такое собрание состоялось. После завершения выступления Савельева было решено послать поздравительную телеграмму В. Ленину. Молодежь, в частности С. Мальчиков, И. Лапидус, Мишухина и другие с большим энтузиазмом пропагандировали тезисы, выступали за их признание, боролись против их противников в комитете и организации².

По инициативе М. Савельева привезенный им вариант тезисов (с несущественными, вызванными, скорее всего техническими причинами, сокращениями) был размножен на гектографе и распространен в городе листовкой. Это была единственная в стране перепечатка одного из первых вариантов документа В. Ленина. Ценность данного издания возрастает в связи с тем, что других листовок с текстом Апрельских тезисов не обнаружено (оригинал единственного экземпляра листовки находится на хранении в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (бывшем архиве Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала ИМЛ при ЦК КПСС – Ф. 57. Оп. 2. Д. 56а. Л. 1). Очевидно, листовка увидела свет между 10 и 12 апреля 1917 года. Позже она скорее всего была бы перепечатана из «Правды». Данных о тираже листовки нет, хотя сведения, что дошли до наших дней из воспоминаний участников событий, в частности С. Мальчикова, которые в свое время, к сожалению, не были записаны, были документально оформлены; размножили листовку в количестве 2 тыс. экземпляров. Так, вопреки маневрам Г. Пятакова, усилиями М. Савельева возможность ознакомиться с ленинским произведением получила значительная часть партийцев еще до решающего этапа его обсуждения.

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 179–180; Український історичний журнал. 1957. № 1. С. 129; Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні. Зб. спогадів учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції. К., 1957. С. 85.

² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 154, 155, 178, 184, 193.

К этому моменту в Киев поступила и «Правда» от 7 апреля 1917 года (№ 26), в которой была напечатана работа В. Ленина (в Киеве в это время получали более чем 100 экземпляров печатного органа ЦК РСДРП). Все это не могло не отразиться на характере последующей дискуссии сторонников радикальной стратегии и тактики с представителями иных, более умеренных взглядов.

На заседании комитета 11 апреля решили вынести обсуждение Апрельских тезисов на общее собрание 15 апреля. 13 апреля такое же решение было принято относительно повестки дня совещания большевиков Юго-Западного края, назначенного также на 15 апреля¹.

Однако 14 апреля на заседании комитета сторонники Г. Пятакова 7 голосами против 4 провели решение, в котором отмечалось: «Киевский комитет выслушав и обсудив тезисы В. И. Ленина находит их в общем неприемлемыми и остается при своей прежней платформе и резолюции о войне»². На следующий день на общем собрании было отклонено предложение Е. Розмирович – представителя Центрального Комитета – о том, чтобы все-таки обсудить тезисы «по существу»³.

Тогда же, заслушав доклад М. Савельева о Всероссийском совещании Советов, а также резолюцию комитета от 14 апреля, собрание приняло (по предложению Е. Розмирович) постановление: «Считая вопросы, поднятые в тезисах Ленина, очень важными и сложными, общее собрание Киевск. организации РСДРП(б) не находит возможным принять без детального обсуждения определенную резолюцию о своем отношении к ним, для чего назначает особое собрание в ближайшие же дни». Собрание решило также опубликовать тезисы В. Ленина в очередном номере газеты «Голос социал-демократа»⁴. Следует отметить, что Г. Пятаков, В. Быстрянский и Н. Лебедев, входившие в состав «узкой редакционной коллегии» и решавшие, по существу, все вопросы, связанные с ведением органа, не выполнили постановления собрания, и тезисы так и не были опубликованы в газете. Более того, сторонники Г. Пятакова добились, что «Голос социал-демократа» перестал перепечатывать статьи из «Правды», а комитет принял реше-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. С. 103, 107.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 36.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же.

ние о сокращении объема публикаций в газете по общетеоретическим вопросам¹.

15–17 апреля в Киеве состоялось окружное совещание большевиков Юго-Западного края. На нем присутствовали делегаты от большевистских организаций и групп: Киевской, Волынской, Полтавской, Подольской, Черниговской губерний, а также представитель Гомельской группы большевиков. В работе совещания приняли участие представители Бюро ЦК РСДРП Е. Розмирович, М. Савельев, И. Шварц. Совещание заслушало и детально обсудило доклады о войне и об отношении к Временному правительству. Содокладчиком по обоим вопросам выступал М. Савельев, который изложил в ходе выступлений основные идеи Апрельских тезисов В. Ленина. Совещание (на нем был избран окружной комитет во главе с Е. Бош, в который вошел и Г. Пятаков) одобрило резолюции в духе ленинских постановлений и выводов².

Постановления совещания, не принимая во внимание некоторых незначительных теоретических несовершенств, свидетельствовали о том, что подавляющее большинство членов партии – представителей организаций пяти губерний – одобрили ленинский стратегический курс.

В этих условиях деятельность Г. Пятакова и его сторонников начала все явственнее приобретать черты фракционности. 19 апреля на общем партийном собрании (присутствовали, правда, не более чем 300 из 1900 членов организации) комитет заявил, что слагает свои полномочия. Но собрание 221 голосом против 6, при 22 воздержавшихся, отклонило это заявление³. Тогда, опять-таки с целью давления на рядовых членов организации, комитет согласился сохранить свои полномочия до завершения обсуждения Апрельских тезисов. При переходе собрания к рассмотрению этого вопроса поступило решительное требование: «...выяснить общему собранию, по каким соображениям комитет вынес резолюцию, отвергающую тезисы». В поддержку тезисов выступили рядовые большевики. В частности, солдат Петров внес резолюцию об одобрении Апрельских тезисов В. Ленина с требованием «проводить их в жизнь»⁴. Д. Иткинд впо-

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. За. Л. 11–112 об.

² Большевистские организации Украины... (март–ноябрь 1917 г.). С. 193–209.

³ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 37, 43–44.

⁴ ЦГАОО України. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14; Д. 3. Л. 103–106.

следствии вспоминала: «Было страшно бурное заседание. Особенно протестовала молодежь, возглавляемая тов. Мальчиковым и большая группа Городского района»¹. Неудовлетворенные таким поворотом событий, Г. Пятаков и его сторонники, под предлогом затягивания прений, добились решения о перенесении обсуждения вопроса на следующее собрание, а затем практически саботировали его, заявив от имени комитета об отказе обсуждения принципиальных политических вопросов в связи с тем, что временно исполняют функции руководящего органа. Большинство членов комитета помешали проведению очередного партийного собрания, которого требовали члены организации и часть членов комитета².

В такой обстановке большинство комитета предприняло сомнительный – даже с этической точки зрения – шаг. Не считаясь с волей, и даже решительными протестами значительного числа членов организации, они добились на собрании 19 апреля переизбрания делегата на VII партийную конференцию. Вместо М. Савельева делегатом была избрана Е. Бош.

На своем заседании 20 апреля комитет одобрил инструкцию для делегатов конференции, в соответствии с которой делегатам от Киевской организации было предложено руководствоваться платформой комитета³. Это решение так и не было донесено до всей партийной организации, большинство в которой, как видно из вышесказанного, не разделяло взглядов Г. Пятакова и его сторонников. Об этом свидетельствует и решительная поддержка взглядов вождя партии инициативной группой молодежи города, направившей 19 апреля В. Ленину новую телеграмму: «Союз молодежи, – говорилось в ней, – горячо приветствует тов. Ленина как идейного руководителя революционного пролетариата, как настоящего и стойкого борца против гнета

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 42. Л. 184.

² Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника... Ч. 1. С. 147. Выборы делегатов на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б) были проведены Киевской организацией 15 апреля на общем собрании. Кроме М. А. Савельева делегатами были избраны Е. Горбачев, М. Майоров и Г. Пятаков. 19 апреля М. А. Савельев не присутствовал на собрании, поскольку как делегат конференции и агент ЦК уже выехал по делам партии в Петроград. См.: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 181, 184.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Хроника. Ч. 1. С. 126.

капитала, за социализм и приветствует в его лице революционных борцов Интернационала»¹.

22 апреля «Голос социал-демократа» опубликовал статью «Поход буржуазии против революционной социал-демократии», которая свидетельствовала о высоком авторитете в партийных массах как В. Ленина, так и выдвинутых им лозунгов.

Ленинские идеи завоевали общепартийное признание. Это красноречиво засвидетельствовала VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), в работе которой приняли участие 17 посланцев от 11 большевистских организаций Украины, насчитывавших свыше 8,5 тысяч членов партии. Подавляющее большинство делегатов от партийных организаций Украины, как и делегаты из других регионов страны, с первых же заседаний активно поддержали ленинскую позицию. В этих условиях Г. Пятаков и другие участники конференции от Киевской организации не решились выступить против выкристаллизовавшейся общепартийной линии. Г. Пятаков противопоставил ленинским идеям свои взгляды только в одном вопросе – национальном.

Этот вопрос стоял в порядке дня предпоследним, его рассматривали на заключительном, девятом заседании. Докладчиком был И. Сталин. Содокладчиком (в протоколе – «контр-докладчиком») – Г. Пятаков². Сославшись на дефицит времени, И. Сталин сократил свой доклад, изложив подходы и сущность положений большевистской программы, зачитывая параллельно пункты предлагаемого проекта резолюции. В заключении он лапидарно подытожил позицию партии в национальном вопросе, сведя ее к следующим пунктам: а) признание за народами права на отделение (в данном случае И. Сталин слова «народ» и «нация» употреблял как синонимы. – В. С.); б) для народов, остающихся в пределах данного государства, – областная автономия; в) для национальных меньшинств – особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства – «единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия»³.

Г. Пятаков сообщил, что по национальному вопросу работала специальная секция, которая предлагает свою, отличную от сталин-

¹ Історія КП(б)У. В матеріалах і документах. Хрестоматія. Вип. 2. 1917–1920. Харків, 1934. С. 66.

² См.: Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г. Протокольные записи заседаний ЦК от 10, 16 и 24 октября 1917 г. М.; Л., 1925. С. 129.

³ Там же. С. 132.

ской резолюцию (за ее поддержку высказалось 7 делегатов – членов секции, против – 2). Исходя из того, что в подходе к национальному вопросу на первое место следует выдвинуть задачу создания наиболее благоприятных условий для борьбы пролетариата с капиталом, Г. Пятаков сформулировал три главных, отличительных от сталинской позиции, тезиса:

1. «Социалистически организованное хозяйство должно охватывать весь мир, или достаточно большую часть мира, должно неизбежно охватить целый ряд наций. Поэтому, с чисто хозяйственно-экономической точки зрения независимость наций является моментом устарелым, отжившим. Требование независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять»¹.

2. «С точки зрения классового расчленения нового общества (...) постановка вопроса, данная товарищем Сталиным, неверна, ибо тов. Сталин ставит вопрос чисто метафизически, говоря о воле нации, а не о воле класса»².

3. «В настоящее время национальное государство является уже превзойденным моментом, и борьба за него является в настоящее время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма»³.

Подытоживая выдвинутые соображения, Г. Пятаков настаивал: «Иной борьбы за социализм, как борьбы под лозунгом “прочь границы”, борьбы за уничтожение всяких границ, мы и представить в данный момент не можем»⁴. В таком же духе был выдержан и предложенный им проект резолюции конференции⁵.

Позицию Г. Пятакова по существу поддержали Ф. Дзержинский и Ф. Махарадзе, а сталинскую – В. Ленин и Г. Зиновьев. Последние в своих выступлениях не просто упрекали Г. Пятакова в люксембургизме, а в том, что его точка зрения – это «невероятная путаница», «просто каша», начало «анархии», «отказ от тактики интернационализма», «точка зрения национализма» и пр.⁶

¹ Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 169–171.

⁶ Там же. С. 134–142.

В заключительном слове Г. Пятаков, ссылаясь на недостаточную разработанность национального вопроса, предложил провести по этой проблеме специальную партийную дискуссию¹.

При голосовании проекта резолюции, предложенного И. Сталиным, «за» было подано 56 голосов, «против» – 16, 18 делегатов воздержались. Соответственно, документ Г. Пятакова поддержали 11 человек, 48 были против и 19 воздержались².

Безусловно, выступление Г. Пятакова с радикальным лозунгом «Прочь границы!» внесло ощутимые колебания в позицию и настроения многих делегатов. Во всяком случае, именно против ленинско-сталинской резолюции по национальному вопросу – по сравнению с проектами по другим вопросам – было подано наибольшее количество голосов.

Очевидно, в данном случае можно говорить как об определенном влиянии в рядах большевиков взглядов близких к пятаковским³, тем более, что они воспринимались как подлинно интернационалистские, так и о том, что произошла хронологически первая очная публичная стычка Г. Пятакова со Сталиным. И вряд ли впоследствии генсек ЦК ВКП(б), считавший себя весьма сведущим именно в национальных проблемах, мог забыть такой вовсе не малозначимый эпизод и простить «вызывающее» поведение киевского делегата.

В то же время нет оснований соглашаться с утверждениями А. Арутюнова, согласно которым Г. Пятакову вместе с другими «умеренными большевиками» (Г. Зиновьевым, В. Ногиним, А. Рыковым, В. Милутиным, Л. Каменевым) удалось склонить большинство участников VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) к одобрению своей платформы, отвергнуть ленинскую тактику⁴.

Большевистские организации Украины за короткое время одобрили решения конференции, настойчиво пропагандировали их и приступили к работе по мобилизации масс на их выполнение.

Постепенно переходил на последовательно ленинские позиции и Киевский комитет РСДРП(б). Комитет заслушал полные отчеты всех

¹ Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г. Протокольные записи заседаний ЦК от 10, 16 и 24 октября 1917 г. М.; Л., 1925. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ См.: Почему победили большевики. Ответ фальсификаторам истории Великого Октября. М., 1987. С. 246–248.

⁴ См.: Арутюнов А. А. Ленин. Личностная и политическая биография. Т. 1. М., 2003. С. 113–114.

делегатов конференции и представителя ЦК РСДРП(б) М. Савельева на специальном заседании, которое состоялось 8 или 9 мая. М. Майоров и М. Савельев отклонили попытки Г. Пятакова и его сторонников превратно представить ход работы конференции, приуменьшить значение принятых решений (в «Голосе социал-демократа» были опубликованы только 2 резолюции, принятые VII конференцией РСДРП(б): о войне и по аграрному вопросу, – гораздо меньше, чем в других большевистских изданиях Украины). Подводя итог характеристике важнейших резолюций конференции, М. Савельев отметил, что «под конец [конференции. – В. С.] большевизм вышел освеженным, единым, как никогда. Дальнейшее развитие большевизма пойдет как раз по этой линии»¹.

Даже те члены Киевского комитета, которые раньше занимали антиленинские позиции, как, например, Д. Иткинд, признали, что после ознакомления с результатами работы Всероссийской конференции в комитете вырабатывается «ясная линия» по коренным вопросам революции². Все активнее начинали бороться за ленинскую политическую линию Е. Бош, М. Майоров и другие руководящие работники Киевской организации, которые еще совсем недавно поддерживали Г. Пятакова. В течение мая–июня большевики Киева приняли ряд решений в духе резолюций Апрельской конференции.

В газете «Голос социал-демократа» была напечатана статья М. Зарницына «Борьба с хозяйственной разрухой». Автор активно отстаивал ленинскую экономическую платформу партии большевиков. «Теперь, – отмечалось в статье, – революция создала в лице Сов. Раб., Солд. и Крестьянских депутатов такие органы самодеятельности революционного народа, которые с успехом могли бы осуществить контроль над общественным производством и распределением продуктов. Тов. Ленин первый указал на это тотчас по приезде в Россию в известных своих «тезисах». 7 и 8-й тезисы гласили:

“7. Слияние немедленно всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Не “введение” социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов”.

Эти тезисы показались тогда чем-то “страшным” и “ужасным” не только представителям мелкобуржуазных партий народников и меньшевиков, но и некоторым большевикам.

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 57; Д. 3. Л. 124–130.

² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 42. Л. 128, 129.

Жизнь, однако, быстро показала, насколько был прав в данном случае тов. Ленин»¹.

Следует отдельно отметить тот факт, что процитированные ленинские тезисы касались сути рабочего контроля – вопроса, которого не смогла понять секретарь окружного комитета РСДРП(б) Е. Бош даже после разговора с В. Лениным на VII общепартийной конференции. С этой точки зрения симптоматична и концовка статьи, подкрепленная ссылкой на материалы конференции: «Только переход всей власти в руки Сов. Раб. Солд., Крест. и Батрацких Деп. даст возможность осуществить в общегосударственном масштабе в интересах народа, а не против народа, контроль над производством и распределением и трудовую повинность.

До тех пор, пока этот переход не осуществился, указанные мероприятия могут осуществляться в отдельных местах “местными революционными органами всенародной власти, когда к этому представляется возможность” (Резол. Всеросс. Конф.)»².

2 и 23 июня состоялись заседания общегородской конференции большевиков Киева (периодические заседания конференции пришли на смену общим партийным собраниям, ставшие невозможными в связи с численным ростом организации. – В. С.). В ходе обсуждения вопроса о национально-освободительном движении Г. Пятаков и его сторонники потерпели решительное поражение. Конференция одобрила резолюцию VII конференции РСДРП(б) по национальному вопросу³.

Общегородская конференция, состоявшаяся 21 и 28 мая, приняла решение о широкой перепечатке брошюр центрального партийного издательства «Прибой», и о том, чтобы печатный орган комитета – «Голос социал-демократа» соответствовал духу «Правды»⁴. А конференция, проходившая 30 июля, после доклада о «Голосе социал-демократа», констатировала, «что направление газеты вполне соответствует постановлениям последней общепартийной конференции и совпадает с мнением комитета»⁵.

Итак, в Киеве обсуждение вопросов, связанных с выработкой и принятием нового стратегического курса партии большевиков, уси-

¹ Голос социал-демократа. 1917. 25 мая.

² Там же.

³ Там же. 23 и 25 июня.

⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 51. Оп. 1. Д. 3. Л. 182 об., 183.

⁵ Там же; Голос социал-демократа. 1917. 7 мая.

лиями Г. Пятакова и его сторонников вылилось в острое противоборство сторонников разных подходов к оценке перспектив революции. По остроте эта борьба не имела себе равных в партии. Достаточно сказать, что вопросы, связанные с обсуждением Апрельских тезисов, семь раз ставились в повестку дня заседаний комитета, дважды – общих партийных собраний, окружного партийного совещания Юго-Западного края, а платформа Киевского комитета, не согласного с тезисами, по три раза выносилась на обсуждения заседаний комитета и общих собраний. В ходе борьбы комитет, имевший периодический печатный орган, воспрепятствовал перепечатке на его страницах тезисов В. Ленина, на что сторонники ленинской позиции ответили публикацией листовки с текстом этого ленинского документа.

Конкретно исторически сложилось так, что представители именно Киевской организации смогли получить более полную, по сравнению с любой другой периферийной организацией, информацию о сущности ленинских стратегических и тактических установок. За малым исключением, вряд ли кто из местных большевиков, кроме киевских, мог, например, уже в двадцатых числах марта знать о ленинской телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию. Не известно, привез ли кто-нибудь, кроме М. Савельева, в свою организацию вариант тезисов еще до появления в своем городе экземпляра «Правды» с текстом ленинского документа. Не так много было и делегатов с мест, которые слушали доклады В. Ленина о стратегии и тактике партии в первые дни апреля и оперативно, подобно М. Савельеву, доносили их содержание до товарищей по организации. Однако ленинским выводам немедленно противопоставлялись взгляды Г. Пятакова и его сторонников, которые имели временное преимущество в Киевском комитете. Можно предположить, что теоретическая дискуссия в Киеве в апреле–мае 1917 года была продолжением споров, которые вели В. Ленин и Г. Пятаков относительно основных вопросов революционного движения в 1915–1916 годах. Несомненно, она вылилась в наиболее крупную в стране откровенную оппозицию ленинским идеям.

Собственно, полемика вокруг Апрельских тезисов до VII Всероссийской конференции РСДРП(б) так и не была завершена. Более того, предпринимались попытки даже дискредитировать принятый конференцией стратегический курс партии, в частности, снова противопоставить ему собственные планы действий.

Нигде, кроме Киева, непринятие ленинских предложений не привело к созданию собственной, альтернативной платформы для вынесения ее на форум партии как идейно-политической основы для

возможного организационного оформления группы (фракции) членов партии, которые придерживались отличных от ленинских взглядов.

В Киевской организации оказались неподготовленными к восприятию новых ленинских теоретических выводов не столько рядовые члены партии, сколько руководство комитета, что предопределило особый драматизм дискуссии, в которой большинство организации могло отстаивать свою линию только до определенного предела, чем ловко воспользовались Г. Пятаков, его сторонники, ставшие на путь фракционности.

Создание достаточно серьезной оппозиции «Апрельским тезисам» В. Ленина и противопоставление им «Платформы Киевского комитета РСДРП», воплотившей в себе взгляды и идеи Г. Пятакова, не были малосущественным фактом, не привлечшим внимание всей партии, что, в частности отметил в «Истории русской революции» Л. Троцкий¹.

Обсуждение в Киевской организации принципиального, стратегически важного ленинского документа отражало присущий тому времени демократизм отношений и внутрипартийной практики, когда общая политическая линия вырабатывалась в процессе свободного обмена взглядами при полной возможности их отстаивания. Достигнутая при таких условиях степень сплочения была особенно крепкой, так как по существу исключала навязывание кому-либо каких-либо решений.

2. Лидер киевских большевиков

Исходя из анализа событий 1917 года, несомненно, можно констатировать, что Георгий Леонидович Пятаков был одним из ведущих большевистских деятелей столь важного партийного центра, как Киев. Бесспорным является и то, что он был одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания 1917 года в городе. Однако почему-то эти серьезные эпизоды старательно замалчивались. Подлинная его роль в тогдашних событиях остается затененной критикой ошибок лидера киевских большевиков – как действительных, так и нередко мнимых.

Исходным моментом здесь снова служит то, что в вопросах перспектив пролетарской революции в России Г. Пятаков весной 1917 года был скептиком, разделяя консервативные взгляды части

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 350.

большевиков. Причем, вне поля зрения остаются вопросы: а не изменялись ли его взгляды, не происходила ли эволюция его точки зрения под воздействием различных факторов на протяжении лета и осени 1917 года, как в конечном итоге выкристаллизовалась его позиция по таким кардинальным проблемам, как отношение к войне, советам, Временному правительству, к ленинской стратегии и тактике?

И каким бы упрямым от природы не был Георгий Пятаков, он не мог не реагировать на то, что не только вся партия постепенно сплывалась на ленинской платформе, но и его родная организация, его друзья также все более явно и твердо поддерживали общепартийный курс.

Все это, естественно, вызывало серьезные размышления, вынуждало пересматривать, корректировать занятую позицию. Немалое значение имела, в частности, острая, принципиальная критика взглядов, поведения Георгия Пятакова со стороны Евгении Бош, которая возглавила окружной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края и все решительнее расходилась со вчерашним единомышленником. Противоречия между ними достигли критического предела, вылились даже в разрыв супружеских отношений. Евгения Богдановна не пропускала ни одного случая, чтобы не указать на непоследовательность политических действий своего бывшего мужа, что придавало конфликтам между ними особенную остроту и эмоциональную силу. Г. Пятаков реагировал на критику внешне бескомпромиссно и горячо, иногда, правда, прибегая в дискуссиях к нелепым и очевидно проигрышным доказательствам. И все же рассуждения товарищей толкали его к пересмотру спорных позиций. Он понимал, что избрание его председателем Киевского комитета РСДРП(б) 23 мая было проявлением большого доверия со стороны организации. А тот факт, что ровно через два месяца, 23 июля 1917 года, делегатом на VI съезд партии избрали не его, а Андрея Иванова, убедительно демонстрировал изменения в отношении к председателю городского парткома – авторитет Георгия Пятакова понес серьезный урон.

Главным же фактором позитивного влияния на эволюцию его взглядов был бурный ход событий политической жизни, в эпицентре которой Георгий Леонидович находился как один из руководителей большевиков Украины.

После Апрельской партконференции в центре внимания большевистских организаций оказались, главным образом, борьба за советы, за преобразование их в полномочные органы государственной власти. Активизировал свою деятельность в городском Совете Киевский комитет РСДРП(б). Большевистская фракция Совета рабочих

депутатов Киева была создана еще 23 марта. Через несколько дней была установлена связь с исполкомом Совета солдатских депутатов, который функционировал отдельно. В ней длительное время преобладающим влиянием пользовались эсеры, меньшевики, другие соглашательские элементы.

На заседаниях Киевского комитета большевиков, на городской партийной конференции регулярно обсуждались вопросы работы фракции в Совете. Большевики в советском органе оказались активнее, трудоспособнее, чем другие, все больше отвоевывая себе новые и важные функции. Эсер П. Незлобин, который на протяжении длительного времени возглавлял исполком Киевского Совета рабочих депутатов, признавал, что рабочее движение, будничная работа Совета и профессиональных союзов были делом, прежде всего, большевиков.

Киевская организация РСДРП(б) выделяла для работы в рабочем и солдатском советах лучшие свои силы. По многочисленным требованиям рабочих ряда предприятий в мае 1917 года состоялись перевыборы рабочего Совета, на которых большевики добились значительного успеха: их фракция увеличилась до 90 человек. Хотя партии эсеров и меньшевиков все еще занимали в Совете господствующие позиции, это была ощутимая победа большевиков. Газета «Голос социал-демократа» по этому поводу 25 мая 1917 года писала: «Выборы были поучительными. Они показали, что наша фракция успела сплотить около трети всех членов Совета рабочих депутатов».

24 мая на общем собрании Совета состоялись довыборы исполнительного комитета. В него вошло 11 большевиков (из 40 членов общего количества исполкома). В их числе был и Георгий Пятаков. В тот же день на собрании Совета рабочих депутатов в ходе обсуждения основного вопроса собрания – об отношении к коалиционному Временному правительству – Г. Пятаков выступил с докладом. Дебют удался на славу. Речь большевика произвела яркое впечатление, сопровождалась бурными аплодисментами многих присутствующих на собрании рабочих и солдат – не членов Совета.

Созданием 5 мая 1917 года коалиционного Временного правительства завершился первый после Февральской революции кризис государственной власти в России. Поводом к кризису стала известная нота министра иностранных дел П. Милюкова к союзникам по мировой войне, в которой декларировалась верность правительства России своим обязательствам продолжать войну «до победного конца». В России поднялась буря протестов против империалистической политики. Временное правительство висело на волосинке. В результате сложных политических маневров удалось, наконец, сформиро-

вать новый состав Временного правительства с участием нескольких политических партий – «министров-капиталистов», главным образом кадетов, и шести «министров-социалистов», деятелей партий меньшевиков, эсеров, трудовиков, народных социалистов, лидеров Петроградского Совета.

Против правительственной коалиции решительно выступили большевики, предвидя ее неминуемый крах. Позиция центра была оперативно поддержана на местах. Так, киевские большевики уже 7 мая заявили, что «новая комбинация будет не в состоянии задержать естественный ход революции, ведущей к переходу власти в руки революционного класса. Партии, пославшие своих представителей в новое министерство, смогут только себя скомпрометировать сотрудничеством с буржуазией»¹. Прогноз, как известно, полностью исполнился. Новое правительство оказалось еще менее способным к решению кардинальных проблем России, чем предыдущее, а меньшевики и эсеры взяли на себя ответственность за ухудшение положения в стране, дальнейшее обострение политической ситуации.

Именно об этом говорил Георгий Пятаков 24 мая, разоблачая киевских меньшевиков. Диаметрально противоположные интересы пролетариата и буржуазии, – заявил он, – невозможно примирить в коалиционном правительстве. Оно выгодно только буржуазии: имея в своем составе «заложников пролетариата», министров-социалистов, буржуазия под этим прикрытием проводит свою политику. Из практики английских и французских коалиционных министерств, – доказывал Г. Пятаков, – хорошо известно, что министры-социалисты вынуждены поддерживать буржуазную политику, изменяя тем самым интересам пролетариата.

Еще несколькими неделями ранее, 24 мая, упрямый противник ленинского курса на социалистическую революцию и лозунга «Вся власть Советам!» Г. Пятаков продемонстрировал солидарное со всей большевистской партией понимание стержневых проблем развития революции. Меньшевики и эсеры уверяли, что социалисты в правительстве, будучи в меньшинстве, сумеют опереться на мощь «организованной демократии» и осуществлять волю не буржуазии, а демократии. Коснувшись этих иллюзорных представлений, председатель Киевского комитета большевиков указывал: «Если демократия достаточно сильна, чтобы через министров-социалистов воздействовать на буржуазное большинство В. П., то она должна пойти дальше,

¹ 1917-й год на Киевщине. Хроника событий. С. 69.

должна добиться полного перехода всей власти в руки Советов Раб., Солд., Крест. и Батрацких Деп. Только тогда создастся единая, твердая государственная власть – власть большинства народа, которая сумеет справиться с надвигающейся хозяйственной катастрофой, и закончить в интересах мировой демократии кровопролитную бойню народов»¹.

Таким образом, Георгий Леонидович в данном случае совершенно недвусмысленно и вполне определенно высказался за социалистическую перспективу России и конкретную форму ее политического строя, основой которой станут советы. Советской власти он теперь отдавал предпочтение перед Учредительным собранием. Вызывал Г. Пятаков и воинственную готовность к наиболее жестоким проявлениям классовой борьбы. Нечего пугать гражданской войной, – говорил он, отвечая на один из главных тезисов соглашателей, – будто разрешение острого правительственного кризиса в конце апреля захватом власти Советами грозило бы гражданской войной и революцией. Гражданская война – неминуемый и естественный этап революции. Поэтому социалистам нужно взять власть и встретить гражданскую войну организованно.

Орудием достижения этой цели лидер киевских большевиков считал наличие вооруженных сил и поэтому, как и вся партия, отстаивал идею вооружения народа, создания рабочей Красной гвардии².

Одновременно с очевидными сдвигами в видении общественной перспективы Георгий Леонидович, как и раньше, связывал победу социалистической революции в России с революцией в Европе. Он не исключал возможности того, что социалисты в России не смогут удержать власть в своих руках, что международный капитализм задушит российскую революцию, «если в ближайшее время не загремит гром великой западно-европейской революции»³. Перспектива победы пролетарской революции в России, таким образом, ставилась в прямую зависимость от европейского рабочего класса, его борьбы. Но Г. Пятаков был убежден: социальная революция на Западе не за горами. Поэтому нечего бояться, социалисты России должны брать власть, ускоряя этим развитие революционного процесса в Европе.

3–4 июля 1917 года в Петрограде произошли события, которые привели к коренному повороту в развитии революции. Демонстра-

¹ 1917-й год на Киевщине. Хроника событий. С. 87.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

ции вооруженных рабочих, солдат и матросов, которые, однако, по замыслу и осуществлению являлись мирными, по приказу Временного правительства были расстреляны. Начались разгром революционных организаций трудящихся, травля большевистской партии, лидеров которой правительственные газеты обвинили в шпионаже в пользу Германии.

Среди киевских большевиков обсуждение вопроса о вооруженной демонстрации выявило различные, диаметрально противоположные позиции. Е. Бош, например, считала, что необходимо не только усилить пропаганду и агитацию, разоблачать контрреволюционную, по сути, политику соглашательских партий, но и «подлить масла в пожар революции революционными действиями»¹.

Таким образом, она фактически солидаризировалась с теми радикально настроенными элементами, которые были сторонниками немедленного вооруженного выступления в Петрограде, результатом которого мог стать захват власти большевиками. Георгий Пятаков и некоторые другие члены Киевского комитета РСДРП(б) высказывались против. Такая демонстрация, считали они, покажет врагам, что силы большевиков невелики, поскольку значительная часть киевского пролетариата и солдат тогда еще шла не за большевиками, а за соглашательскими партиями².

Так или иначе, но чего-то похожего на петроградские события в Киеве не произошло. Тем не менее, киевские большевики испытали немало ударов. Особенно активной в их преследовании была реакционная военщина.

Командование Юго-Западного фронта способствовало выступлению юнкеров в Киеве. Они захватили здание дворца, где находился Совет рабочих депутатов, арестовали некоторых членов его исполкома, членов Киевского комитета РСДРП(б). Среди арестованных, как свидетельствует в воспоминаниях Д. Иткинд, был и Г. Пятаков³, хотя другими источниками это не подтверждается.

Большевики – члены исполкома Совета рабочих депутатов – выступили с решительным протестом. В заявлении, направленном большевистской фракцией эсеро-меньшевистскому руководству Совета, отмечался факт установления власти контрреволюционной военщины

¹ См.: Из истории Октябрьской революции в Киеве: воспоминания участников. Харьков–Киев, 1927. С. 94.

² Голос социал-демократа (Киев). 1917. 13 июля.

³ 1917-й год на Киевщине. Хроника событий. С. 154–155.

в союзе с мелкобуржуазными партиями. Большевики требовали немедленно освободить помещение Совета и решительно противодействовать контрреволюции. В случае отказа исполкома Совета принять соответствующие меры, большевики, говорилось в документе, не могут поручиться за спокойствие в Киеве и снимают с себя ответственность за возможные последствия¹. Созванный меньшевиками и эсерами исполком Совета вынужден был выполнить большевистский ультиматум, арестованных большевиков освободили.

Июльские события в Петрограде обсуждались Киевским Советом рабочих депутатов 4 июля. Отклонив резолюцию большевиков, которая содержала призыв к передаче власти Советам, было принято соглашательское решение, осуждающее июльское выступление рабочих и солдат Петрограда. На объединенном с Советом солдатских депутатов заседании 11 июля резолюцию большевиков опять не приняли². Зато единогласно одобрили резолюцию по поводу внеочередного заявления Георгия Пятакова, который осудил самовольные обыски, аресты, самосуды, насилие над большевиками. Резолюция содержала призыв к «восстановлению и укреплению единства революционных сил в этот грозный час»³.

Внеочередное заявление Г. Пятакова, очевидно, было поддержано меньшевиками и эсерами, потому что содержало «реверанс» в их адрес: «единство революционных сил». В то же время не вызывало никакого сомнения, что расстрел демонстрации, кровопролитие в столице, травля большевиков произошли не без участия эсеров-меньшевистского руководства, поддержки им Временного правительства, и заявление Г. Пятакова стало очередным проявлением его склонности к заигрыванию с соглашателями.

Трудности, которые переживали большевики, проявились, конечно, и в Киеве. Д. Иткинд вспоминала: «Настроение киевских рабочих изменилось не в нашу пользу. Даже Арсенал, эта будущая цитадель большевизма, и тот не пожелал слушать нашего оратора, всегда ими уважаемого Георгия Пятакова»⁴.

¹ 1917-й год на Киевщине. Хроника событий. С. 155.

² Там же. С. 165–166.

³ Иткинд Д. Из воспоминаний о работе Киевской большевистской организации в 1917 г. // Из истории Октябрьской революции в Киеве (воспоминания участников). К., 1927. С. 95.

⁴ Там же.

Погромная агитация против большевиков серьезно осложняла их деятельность. Предвыборная кампания и выборы в городскую думу (23 июля 1917 года) проходили в обстановке откровенной травли большевиков, применялись даже прямые репрессии против них. Провокационные упреки звучали и в адрес Георгия Пятакова. Используя тот факт, что его отец был крупным предпринимателем-собственником, некоторые силы сделали попытку «запятнать» Георгия Леонидовича тем, что он, председатель Киевского комитета большевиков, в действительности сахарозаводчик. Однако подорвать авторитет Г. Пятакова этим не удалось.

Несмотря на трудные условия, большевики Киева продолжали работу по консолидации своих сил. 10–12 июля 1917 года состоялась областная конференция РСДРП(б) Юго-Западного края, на которой был образован областной партийный центр большевиков¹. В состав областного комитета партии, который возглавила как представитель Киевского комитета РСДРП(б) Е. Бош, вошел и Г. Пятаков².

В условиях резкого изменения положения в результате перехода в наступление либерально-консервативных элементов, необходимо было еще раз оценить стратегическую и тактическую линию большевиков. Это сделал VI съезд РСДРП(б) (26 июля – 3 августа 1917 года), взявший курс на подготовку вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства. Решения съезда, одобренные и практически повсеместно поддержанные, вызвали неоднозначную реакцию в Киевской партийной организации. Единства в оценке текущего момента не было. Г. Пятаков, не избранный делегатом на партийный форум, что также о чем-то свидетельствовало, как и раньше, продолжал отрицать возможность завоевания и удержания власти пролетариатом России без поддержки революции на Западе. Лозунг диктатуры пролетариата он считал преждевременным. На заседании городской партконференции 3 августа 1917 года (делегаты VI съезда партии от Киева еще не вернулись из Петрограда) он говорил: «Пока у нас есть хотя бы слабая надежда на переход мелкой буржуазии на сторону революции, мы должны сохранить лозунг “Вся власть Советам” [VI съезд РСДРП, как известно, этот лозунг временно снял. – В. С.], подчеркивая особенно его реальное практическое значение сейчас, как единственно возможный мирный выход

¹ Большевистские организации Украины (март–ноябрь 1917 г.). С. 667–671.

² Голос социал-демократа. 1917. 13 августа.

из создавшегося кризиса. Нам следует из тех же соображений вести крайне осторожную политику внутри страны, не отталкивая мелкобуржуазные массы неосторожными преждевременными уличными выступлениями. Наоборот – теперь перед нами период “длительного и настойчивого” разъяснения мелкобуржуазным элементам нашей революционной жизни...»¹

Очевидно, что точка зрения Г. Пятакова, которую разделяли и некоторые другие большевики, в том числе и среди руководящих деятелей партии, отражала сложность и неоднозначность положения летом 1917 года, нелегкий поиск соответствующей тактики. Так, согласно тогдашним оценкам руководителя Киевского комитета РСДРП(б), самой характерной чертой момента стала полная измена делу революции со стороны мелкой буржуазии. И в то же время он утверждал, что существуют шансы на сдвиг мелкой буржуазии влево. С одной стороны, Пятаков выражал готовность пойти на гражданскую войну в интересах революции, но вместе с тем ратовал за крайне осторожную политику партии². Г. Пятаков, бесспорно, ошибался, оценивая поведение мелкобуржуазных масс как контрреволюционное. В июле 1917 года отошли вправо от радикализма партии эсеров и меньшевиков, а не сами мелкобуржуазные массы, низы, которые упомянутые партии по большей части представляли. Неправ был Г. Пятаков и когда говорил о полной изоляции партии пролетариата.

Как и раньше, перспективу социалистической революции в России Г. Пятаков связывал с размахом борьбы за социализм в Европе. Здесь он был оптимистом: «Целый ряд фактов говорят о приближении социального взрыва в Западной Европе. И когда взрыв произойдет, мы сумеем, в союзе с западноевропейским пролетариатом, повести священную войну против российской буржуазии и всех ее союзников»³.

Следовательно, точка зрения Г. Пятакова на положение в стране, на неотложные задачи революции расходилась с буквой и духом решений VI партийного съезда. Если съезд определил генеральный курс на подготовку завоевания власти пролетариатом России, то Пятаков считал нужным выжидательное, осторожное поведение, больше полагаясь на социальный взрыв в Западной Европе. На заседании Киевского комитета РСДРП(б) 5 августа во время обсуждения до-

¹ Голос социал-демократа. 1917. 13 августа.

² Там же.

³ Там же.

кладов делегатов VI съезда партии Г. Пятаков и его единомышленники О. Горвиц, Я. Гамарник заявляли, что в резолюциях съезда они не усматривают решения о вооруженном восстании, что «захват власти», «когда мы в Советах в меньшинстве», – это «авантюризм», «бланкизм»¹.

На следующий день, на общегородской конференции, после докладов Е. Бош и А. Иванова, решения VI съезда РСДРП(б) не вызвали возражений у делегатов. Была принята резолюция, которая выражала полную поддержку этим решениям и призывала «приложить все силы к тому, чтобы привести киевский пролетариат и киевский гарнизон в полную боевую готовность, дабы не допустить торжества с каждым днем все более и более наглежащей кадетско-октябристской контрреволюции, не дать могильщикам революции, всем этим меньшевикам и народникам похоронить великое восстание пролетариата, укрепить пролетарское движение и довести его до победного конца»². Г. Пятаков свой проект резолюции снял, почувствовав бесперспективность его отстаивания в атмосфере нарастающего доверия к общепартийному курсу.

Непоследовательность Георгия Пятакова как лидера Киевской организации РСДРП(б) особенно ярко проявились в его отношении к национально-освободительному движению в Украине вообще и к Украинской Центральной Раде, как основному, определяющему фактору этого движения, в частности. Константой его теоретических и политических взглядов, как и раньше, оставалось представление, согласно которому национальный момент для тогдашней революционной борьбы является анахронизмом, нуждается в осуждении, отрицании, преодолении пролетарским движением. Национальные чувства в обстановке бурного нарастания национально-освободительного движения 1917 года, с его тенденцией к этнической консолидации Г. Пятаков воспринимал как враждебные социализму. Начиная с 1915 года, он всячески пропагандировал и утверждал буквальное прочтение лозунга К. Маркса и Ф. Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Лозунг основателей коммунистического учения, выражавший сущность движения, как долговременного процесса пролетарской борьбы за социальное освобождение, как его стратегическую цель, трактовался им как неотложная задача, дело

¹ Бош Е. Год борьбы. М., 1925. С. 39; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 189.

² Голос социал-демократа. 1917. 13 августа.

ближайшего будущего и конкретный призыв текущей борьбы против буржуазии. В таком контексте национальное воспринималось и истолковывалось как нечто буржуазное, националистическое.

Реальная же ситуация в Украине 1917 года значительно отличалась от подобных абстрактных, умозрительных соображений. Возникшая еще в начале марта Украинская Центральная Рада становилась все более влиятельным фактором всей общественной жизни в крае.

Политическое лицо Рады определяли украинские партии, загнанные царизмом после революции 1905–1907 годов в глубокое подполье, сильно обескровленные. После свержения самодержавия на волне общей демократизации они быстро возрождались и возглавляли национально-освободительное движение, которое латентно накапливало протестные потенции. Самой многочисленной в 1917 году стала Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) – партия украинского крестьянства. Ее организации существовали еще со времен первой российской революции, хотя учредительный съезд удалось провести только в начале апреля 1917 г. Лидерами УПСР были по большей части молодые по возрасту, а следовательно, политически малоопытные люди: М. Ковалевский, П. Христюк, Н. Шаповал. Именно к ним присоединился в 1917 году и один из лидеров Товарищества украинских постепенцев (поступовцев (*укр.*) – В. С.), авторитетный в украинских кругах общественный деятель, выдающийся ученый-историк М. Грушевский.

Наиболее интеллектуальные силы украинцев концентрировались, главным образом, в Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП) и вокруг нее. Это, прежде всего, самый популярный в начале века украинский писатель-романист, драматург В. Винниченко, талантливые литераторы, публицисты, ученые, профессиональные революционеры – Д. Антонович и Н. Порш. Возобновил свое членство в УСДРП в мае 1917 г. и известный прежде как журналист, литературный и театральный критик С. Петлюра.

Украинским социал-демократам удалось оттеснить от руководства в Центральной Раде даже Товарищество украинских постепенцев, которое после революции стало называться Украинским союзом автономистов-федералистов, а затем – Украинской партией социалистов-федералистов. Профессорская партия, как ее именовали, по существу – украинский аналог российских кадетов, имела в своих рядах таких выдающихся ученых-интеллектуалов, как С. Ефремов, Д. Дорошенко, А. Никовский, В. Прокопович, М. Туган-Барановский. Из этой же когорты вышел и М. Грушевский, который был заочно избран председателем Центральной Рады.

Сформировавшись вначале практически как киевская (городская) организация, Украинская Центральная Рада уже своим названием заявила о намерении стать ключевым фактором украинского освободительного движения. И на самом деле, к ней достаточно быстро обратились многочисленные взоры украинцев. Рада была переизбрана и значительно расширена на Всеукраинском национальном съезде (конгрессе) 6–8 апреля 1917 года. С этого времени она стала общеукраинским национальным органом, а после включения в конце июля в свой состав представителей наиболее многочисленных национальных меньшинств (русских, поляков, евреев) превратилась в краевой (территориальный) орган. Центральная Рада быстро росла (летом в ее рядах было около 700 членов) за счет делегирования в нее представителей от различных массовых форумов (солдатских, крестьянских, рабочего съездов) от кооперативных, профсоюзных организаций и тому подобное.

Вокруг Центральной Рады довольно быстро начала формироваться национально сознательная часть украинской общественности, которая расценивала момент после свержения самодержавия благоприятным для достижения давней цели национально-освободительного движения – ликвидация национального гнета, завоевание права самим управлять собственной жизнью, возрождение национальной государственности.

Идейно-политическая платформа, которую предложила Центральная Рада, а точнее ее лидеры – М. Грушевский, В. Винниченко, С. Ефремов и др., вобрала в себя доминантные традиции украинской общественно-политической мысли, определяющие положения программ украинских политических партий, главные стремления, настроения широких украинских масс, которые все больше проявлялись в условиях революционного подъема. Стратегическими направлениями избранного курса стали: 1) стремление к народовластию, уничтожению неравенства, эксплуатации, то есть к строю, который всеми левыми, прогрессивными партиями того времени в мире именовался социалистическим; 2) внедрение автономистско-федералистских принципов национально-государственного устройства; они конкретизировались в виде лозунга широкой национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной демократической республики Россия.

Реализация такой концепции, по мнению ее творцов, была бы весомым вкладом украинцев в демократическое переустройство России, закреплением революционных завоеваний и одновременно гарантировала бы украинскому народу возрождение во всех сферах

общественного бытия: экономической, политической, духовной, государственнической.

Целенаправленное движение украинцев по заранее выработанному плану (концепции) под руководством нескольких массовых политических партий во главе с координационно-организационным центром – Центральной Радой, с первых же дней после свержения самодержавия приобрело такие масштабы и специфические очертания, что его по праву стали именовать Украинской революцией. Порожденная общероссийским революционным процессом, будучи его органичной составляющей, Украинская революция в своих стремлениях с пониманием воспринималась демократическими слоями России и с враждебностью – врагами национальной свободы, независимости.

Взяв на себя роль определяющего фактора Украинской революции, Центральная Рада сначала надеялась, что Временное правительство, декларировавшее свою преданность демократии, само проявит инициативу в предоставлении всем народам бывшей «тюрьмы народов» права на самоопределение. Когда этого не произошло, а первые же проявления национально-политической жизни в Украине встретили яростное сопротивление со стороны великодержавников, вызвали злостные шовинистические нападки на украинцев, лидеры Центральной Рады попытались посредством переписки и переговоров доказать Временному правительству, что ничего ужасного они не добиваются, что реализация платформы Украинской революции не навредит единству государства, а лишь укрепит его, усилит демократические принципы, обеспечит им широкую поддержку. Однако эти попытки были грубо отвергнуты.

Только после этого и под давлением своих же масс Центральная Рада встала на путь осторожного внедрения автономии Украины, стараясь держаться в пределах легитимности. Объявив о своих намерениях в I Универсале (июнь 1917 года), одним из отправных пунктов относительно их осуществления Центральная Рада сформировала Генеральный секретариат – орган исполнительной власти, по сути – правительство Украины.

Не в силах далее бороться с украинцами репрессивными методами, Временное правительство вынуждено было, в конце концов, фактически признать и Центральную Раду представителем украинского народа, и Генеральный секретариат. Правда, за это признание пришлось довольно дорого заплатить: Центральная Рада приняла на себя обязательство не осуществлять больше явочным порядком шагов по реализации планов автономии до Всероссийского Учредительного собрания, прекратить украинизацию армии (то есть выделение из

частей российской армии на фронте и в тылу украинских воинов и формирования из них отдельных, национальных воинских единиц) и согласилась, чтобы Генеральный Секретариат стал органом Временного правительства в Украине. Эти позиции были зафиксированы после переговоров с представителями петроградской власти в специальном правительственном постановлении и во II Универсале Центральной Рады.

Лидеры украинства считали, что они поступают правильно, воздерживаясь от эскалации противоборства, от силовых методов выхода из перманентно конфликтной ситуации. Временное правительство, напротив, не снижало агрессивности. Временной инструкцией Генеральному Секретариату от 4 августа 1917 года оно крайне бесцеремонно и даже грубо ограничило состав и полномочия генеральных секретарей, признав их прерогативы только на половине украинских губерний – Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской.

Слабые, слишком умеренные, интеллигентные попытки Центральной Рады противостоять безудержному великодержавному своеволию ощутимых результатов не принесли. Да и не удивительно. Шовинистические действия Временного правительства решительно поддержали почти все общероссийские партии, которые имели довольно крепкие позиции и в самой Украине.

Единственной партией, которая решительно выступила в поддержку законных требований украинцев, их шагов по пути создания собственной государственности, были большевики. Их лидер В. Ленин в статьях «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», «Не демократично, гражданин Керенский!» и других, опубликованных в «Правде», со всей бескомпромиссностью клеймил «великорусских держиморд» за их позицию в украинском вопросе.

Прочитав в статье «Украина» положения I Универсала, которые касались требований решения национальной проблемы, В. Ленин отмечал: «Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти “всероссийского парламента”. Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов за *добровольное* объединение в одно государство двух народов. Именно безоговороч-

ное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»¹.

Решительно заклеив политикой Временного правительства, вождь большевиков показал ее полный крах относительно Украины, призывал соглашательские партии, заключившие коалицию с буржуазией, поддержать права украинцев вплоть до отделения собственного государства: «Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение»².

В. Ленин, большевики доказывали: путь к тесному интернациональному единению как идеала коммунистов лежит именно через безоговорочное признание всех национальных требований, сколь бы кардинальными они не были. «Мы не сторонники мелких государств, – писал лидер РСДРП(б). – Мы за самый тесный союз рабочих всех стран против капиталистов и “своих”, и всех в общем стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, *а завоевывая ее* отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм»³.

Деятели украинского политического лагеря высоко оценили эту принципиальную позицию.

Однако не все большевики имели одинаковые взгляды на сущность украинской проблемы и пути ее решения. Особенно рельефно разноречивой проявился в местных организациях. Так, руководство партийных организаций промышленных Левобережья, Донбасса, Юга (Э. Квинтинг, С. Гопнер, В. Юдовский, П. Старостин, А. Хмельницкий и др.)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 342.

не считали эти регионы однозначно украинскими, предлагали решать вопрос об их включении в состав Украины путем референдума¹.

Находясь в эпицентре украинского движения – Киеве, местные большевики очень сложно выстраивали свои отношения с Центральной Радой, украинскими партиями, их руководством. В действиях последних, наряду с демократическим содержанием в национальной сфере, усматривалось противодействие радикальным, максималистским интернационалистским настроениям и политике РСДРП(б) в главном вопросе – о свержении Временного правительства и установлении диктатуры пролетариата. А следовательно – позиция украинских лидеров расценивалась как реакционная, контрреволюционная, буржуазно-националистическая.

Однако закрывать глаза на процесс нарастания Украинской революции было бы абсолютно неоправданно. И Георгий Пятаков искал варианты компромиссного подхода.

На заседании Киевского комитета РСДРП(б) 4 июня 1917 года во время обсуждения вопроса об отношении к украинскому движению он высказался в поддержку прав и свобод украинского народа, требований, которые отстаивала Центральная Рада: «Мы поддержим украинцев в их протестах против различных циркулярных запретов правительства...» Однако предостерегал: «Вообще поддерживать украинцев нам не приходится, так как пролетариату это движение невыгодно (...). В этом движении можно усмотреть и борьбу национальной буржуазии против элементов социальной революции; она старается национальными узами связать революционное движение и повернуть вспять колесо истории. Это – движение против социальной революции»².

Таким образом, у Г. Пятакова вызревала, оформлялась паллиативная, отнюдь не безупречная тактика: соглашаясь с идеей референдума по вопросу о самоопределении Украины (эту идею поддерживал и В. Ленин. – В. С.), он выражал твердую уверенность, что население края никогда не выскажется за отделение от России. При таких обстоятельствах украинские проблемы должны решаться общероссийскими представительскими учреждениями, где большевики должны были отстаивать идею областной, территориальной автономии для

¹ См.: Варгатюк П. Л., Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. В. И. Ленин и большевистские организации Украины в Октябрьской революции. К., 1980. С. 208; Сила інтернаціоналістського гарту (Діяльність партійних організацій України по інтернаціональному вихованню трудящих). К., 1983. С. 55.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 104.

Украины. В этой части председатель Киевского комитета РСДРП(б) был, в сущности, солидарен с установками М. Грушевского, платформой, одобренной украинским национальным конгрессом.

Однако в отличие от Центральной Рады, которая надеялась на устраивание разветвленной системы местного самоуправления с ее краевым олицетворением – Украинским Учредительным собранием (соймом – сеймом), Г. Пятаков отрицал такую перспективу. «Отстаивая широкую областную автономию, – отмечал он, – мы будем противиться сейму, так как сейм может установить и таможенные стены, и стать, таким образом, опасным для пролетариата. Созывать же украинское учр. собр. по требованию одной только Ц. Р. без всенародного территориального голосования, немыслимо и технически неосуществимо»¹.

При этом популярность, массовость украинского движения, в значительной степени, очевидно, неожиданного для Георгия Пятакова в его теоретических соображениях и расчетах, вынуждала искать пути и средства влияния на это движение. И лидер киевской организации РСДРП(б) предлагает не однолинейную тактику: «Перед нами две задачи: протестовать против мер правительства и, в частности, Керенского, с одной стороны, и бороться с шовинистическими стремлениями украинцев – с другой»². Именно такой логикой, очевидно, и руководствовались киевские большевики, когда по инициативе Г. Пятакова послали своих представителей 9 августа 1917 года в Центральную Раду.

Этот акт получил в историографии прошлых лет негативную по большей части оценку, квалифицировался как неоправданный тактический шаг Киевского комитета РСДРП(б). Действительно, большевики вошли в состав Рады по ее приглашению как представители русского меньшинства в Украине. Вхождение осталось почти символическим: каких-либо более-менее серьезных действий в Раде не было осуществлено. Попытки использовать демократические потенции Центральной Рады оказались безрезультатными.

В тот же день на собрании Совета большевики огласили декларацию, приветствовавшую рабочий класс и беднейшее крестьянство Украины, констатировали банкротство идей национального единения с буржуазией. Декларация большевиков подчеркивала, что социального и национального освобождения трудящихся можно добиться на пути классовой борьбы, интернационального братства народов

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 105.

² Там же. С. 104–105.

России. Разоблачая шовинистическую политику Временного правительства, отстаивая широкую областную автономию для Украины, большевики настаивали: «Только тогда, когда у власти будут рабочие и беднейшие крестьяне, не заинтересованные в национальном насилии и гнете, только тогда добьется народ Украины своих чаяний, только тогда сумеет существовать действительно вольная Украина»¹.

Несомненно, Юрий имел прямое отношение к декларации, являлся одним из ее авторов. Достаточно сказать, что в документе обойден молчанием программный лозунг РСДРП(б) – право наций на самоопределение. И все же текст декларации свидетельствует: упрямый нигилист в национальном вопросе Г. Пятаков логикой политической борьбы вынужден был принять и разделить общепартийный взгляд на национально-освободительное движение, как составляющую борьбы за социализм.

Новые нелегкие испытания киевским большевикам принесли события, связанные с корниловским мятежом.

Как только вечером 27 августа 1917 года в Киеве получили сообщения о выступлении генерала Л. Корнилова, исполкомы Совета рабочих и Совета солдатских депутатов города одобрили разработанную Киевским комитетом РСДРП(б) при активном участии Георгия Пятакова программу мер против генеральского мятежа.

Утром 28 августа под давлением солдатских масс и рабочих был арестован начальник штаба Киевского военного округа Оболевеш, поддерживавший непосредственные связи с Л. Корниловым, и правительственный комиссар Киева кадет М. Страдомский.

Генерал Л. Корнилов послал в Киев письмо-приказ о контрреволюционном антиправительственном выступлении. Но специальный курьер, который должен был поднять верные Л. Корнилову войска Киевского военного округа, был задержан под Черниговом. Экстренное заседание исполкомов Советов при участии представителей партий сконструировало «Особый комитет охраны революции». В состав этого комитета вошел командующий Киевским военным округом, комиссар Временного правительства по городу Киеву, представители Советов рабочих и солдатских депутатов, различных политических партий, от Киевского комитета РСДРП(б) – Г. Пятаков.

29 августа на заседании городской думы лидер киевских большевиков так разъяснял сущность своей позиции: «Партия, которую я здесь представляю, далеко не является поклонницей того В. П., к под-

¹ Большевистские организации Украины... (март–ноябрь 1917 г.). С. 713; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 504.

держке которого нас призывали. Но в этот грозный час мы должны забыть все старые счеты, дабы объединиться для того, чтобы раздавить эту гадину, эту черную сотню; объединиться со всеми революционными партиями, которые стоят за решительную борьбу против контрреволюции. Я призываю к единству, которое может быть создано только при условии, чтобы для борьбы с контрреволюцией организовались только те группы, которые стоят за решительные меры против контрреволюции...»¹

Позиции политических сил, представленных в комитете охраны революции, оказались несовместимыми. Уже 2 сентября Георгий Пятаков жаловался, что начальник Киевского военного округа Оберучев и комиссар Временного правительства при штабе КВО Кириенко препятствуют вооружению рабочих. Когда же комитет воздержался от голосования по вопросу о снятии цензуры с черносотенного «Киевлянина», Г. Пятаков решил выйти из комитета².

Тактику участия Киевского комитета РСДРП(б) в «Особом комитете охраны революции» в дни корниловщины критиковал секретарь ЦК РСДРП(б) Я. Свердлов. 16 сентября он писал большевикам Киева: «Мы только из газет случайно узнали о ложной коалиции в Совете, в которой ваш комитет имел решающее значение. Очень сетуем на вас, что своевременно не написали нам о коалиции»³.

К тому времени киевские большевики и сами осознали свой просчет. 19 сентября в газете «Голос социал-демократа» они писали, что целью участия в Особом комитете охраны революции была координация действий против корниловцев. Однако комитет больше тормозил эту борьбу, чем содействовал ее развитию. Орган РСДРП(б) высказывался за решительную борьбу не только с контрреволюцией, но и с теми, кто ее своими действиями только усиливает⁴.

3. Председатель Киевсовета

После разгрома корниловщины положение страны претерпело существенные изменения. Все более широкие массы населения убеждались в банкротстве соглашательской политики эсеров и меньшевиков,

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 223.

² Там же. С. 229.

³ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март–октябрь 1917 г.). Сб. документов. Т. I. М., 1957. С. 39.

⁴ Голос социал-демократа. 1917. 19 сентября.

в их неспособности вывести Россию из кризиса. Активизировалась работа советов, в которых авторитет умеренных социалистов стремительно падал, усилилась большевизация советов. В первые дни сентября большевистские резолюции о власти впервые приняли Петроградский и Московский советы.

Новые настроения не обошли и Киев. Заседание Киевского Совета рабочих депутатов 8 сентября 1917 года было особенным. В зале театра Шанцера царила торжественная, возвышенная атмосфера. Все фракции представленных в Совете политических партий мобилизовали своих лучших ораторов. Присутствовали многочисленные делегации от предприятий города. Председательствовал на заседании Г. Пятаков. Центральное место занял вопрос о кризисе власти. Первый докладчик, один из лидеров Бунда Л. Золотарев доказывал, что без коалиции с буржуазией нельзя обойтись в деле формирования твердой власти. Мы настаиваем на коалиции потому, – говорил он, – что считаем невозможным осуществление социалистического строя в настоящий момент. Меньшевики и бундовцы в который раз рекомендовали «устроить честную коалицию с представителями буржуазии», исключая кадетов и корниловцев, еще раз «поискать честных буржуа, которых можно было бы пригласить в кабинет министров».

Но на этот раз большинство депутатов Совета, ранее голосовавших за эсеро-меньшевистские резолюции, не поддержали умеренных социалистов. Бурными аплодисментами собравшиеся сопровождали выступление содокладчика – Георгия Пятакова. Дело в том, – заявил он, – чтобы революция наша от слов перешла к делу. Большевики предлагают программу, в которую включены требования передачи земли крестьянам, контроля над производством, разрыва с империалистическими правительствами, отмены тайных договоров. Нужна диктатура рабочих, крестьян и солдат¹.

Большинством в 119 голосов депутатов Киевского Совета рабочих депутатов против 66 собрание приняло резолюцию большевиков, разработанную на основе резолюции Петроградского Совета «О власти». В ней указывалось: единственный выход из положения – создание власти из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства².

Таким образом, в вопросе о власти Киевский рабочий Совет впервые принял резолюцию, предложенную партией большевиков.

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 235–236.

² Там же. С. 236, 510, 511.

Решение Киевского Совета рабочих депутатов, свидетельствовавшее о больших сдвигах в настроениях трудящихся Киева, отметил центральный орган РСДРП(б) – газета «Рабочий путь»: «Мы приветствуем Киевский Совет рабочих депутатов на этом новом революционном пути. Мы призываем киевских рабочих сплотиться вокруг своих избранных органов и в первую очередь вокруг Совета рабочих депутатов»¹.

24 сентября большевики добились нового успеха. В этот день по их предложению Совет рабочих депутатов проголосовал за переизбрание исполнительного комитета Совета, «тактика которого, построенная на принципе соглашательства с буржуазией, не отвечает настроению Киевского пролетариата»². В новом составе исполкома большевики получили 14 мест из 30. Большинство руководящих постов в комиссиях перешли к большевикам³. А 5 октября 1917 года Георгий Леонидович Пятаков был избран председателем исполкома Киевского Совета рабочих депутатов⁴. Так, Киевсовет впервые в его истории возглавил большевик, что явилось отражением общей закономерности.

В сентябре 1917 года, в обстановке нарастания революции партии эсеров и меньшевиков, теряя влияние, осуществили попытку провести тонкий маневр – подменить съезд Советов, где эти партии уже не могли рассчитывать, как раньше, на большинство, Всероссийским Демократическим совещанием. Созванное по решению эсеро-меньшевистского ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Советов крестьянских депутатов в Петрограде, совещание состоялось 14–22 сентября 1917 года. На нем присутствовало 1582 делегата от советов, профессиональных союзов, организаций армии и флота, кооперативных, национальных учреждений, политических партий, в том числе: эсеров – 532, меньшевиков – 172, трудовиков – 55. Одним из 136 большевиков был делегат от Киевского комитета РСДРП(б) Юрий Пятаков.

Демократическое совещание, по замыслу его организаторов, призвано было своим авторитетом подкрепить новую коалицию со-

¹ Рабочий путь (Петроград). 1917. 3 октября.

² Борьба за власть Советов на Киевщине. Сб. документов и материалов. К., 1957. С. 315.

³ Бражинский И. Киевский Совет рабочих депутатов // Летопись революции. 1929. № 3. С. 71–74.

⁴ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 279.

циалистов-соглашателей с буржуазией. Эсеры и меньшевики предполагали также выделить из состава Демократического совещания Временный Совет республики – Предпарламент – как своеобразную замену Учредительному собранию. Это была попытка сыграть на конституционных иллюзиях, создать впечатление, будто в России введен парламентский строй. В. Ленин писал по этому поводу: «Единственное назначение предпарламента – надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетаемых классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией...»¹

Демократическое совещание продемонстрировало провал политики соглашательских партий. Так, эсерово-меньшевистская резолюция, одобрявшая коалицию с буржуазией, собрала только 183 голоса (813 против, 80 воздержалось)².

В. Ленин, пребывавший в подполье в Финляндии и имевший ограниченные возможности влияния на ход событий, оперативный выбор поведения большевиков, их тактических шагов, расценивал участие большевиков в демократическом совещании и Предпарламенте как ошибку³.

Вместе с тем вполне можно допустить и то, что Демократическое совещание и Предпарламент были для России одним из последних не использованных шансов на ответственное разрешение назревших проблем мирным путем, на предотвращение нового витка конфронтации, который вел к вооруженной борьбе, насилию, крови. Ни одна из социалистических партий, руководствуясь лишь собственными политическими амбициями и интересами, не выразила желания и умения искать путь к спасительному компромиссу, который, возможно, мог уберечь страну от кошмаров широкомасштабной гражданской войны. Хотя и малоперспективная, но все же подобная альтернатива оставалась.

Учитывая это, не такими уже и однозначно негативными выглядят взгляды и действия Георгия Пятакова в том, что касалось Демократического совещания. Он был в числе тех деятелей партии, которые выступали за участие в совещании и Предпарламенте. На заседании Киевского Совета рабочих депутатов 8 сентября при обсуждении вопроса о Демократическом совещании он предостерегал

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 260–261.

² См.: Демократическое совещание // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 146.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 252–253, 257, 261–262, 488 и др.

против излишних иллюзий относительно совещания, его возможностей и перспектив. Не вызывает сомнения, что он имел представление о подлинном характере и целях этой затеи. Вместе с тем, стремясь использовать потенциальные возможности для того, чтобы толкнуть социалистов-соглашателей «влево», он выступал за то, чтобы послать представителей на совещание. Очевидно, теми же соображениями руководствовался Г. Пятаков, когда считал нужным принять участие в Предпарламенте, членом которого его избрали. И если участие в совещании и Предпарламенте большевиков (они вышли из Предпарламента, выступив с соответствующей декларацией в день открытия, 7 октября 1917 года) было ошибочным, то это не персональная ошибка Г. Пятакова, а партии, ошибка, которую нужно и можно было исправить.

В вопросе об отношении к Демократическому совещанию и Предпарламенту позиция Г. Пятакова вызывала сопротивление со стороны меньшинства Киевского комитета РСДРП(б) во главе с Е. Бош, которая высказывалась против вхождения представителей партии в Предпарламент. По ее требованию 24 и 26 сентября была проведена экстренная общегородская конференция, которая признала участие в совещании и вхождение в Предпарламент глубоко неверным, высказалась за партийный бойкот этих органов. Было решено немедленно отозвать Георгия Пятакова с Демократического совещания¹. Делегированный на совещание по решению комитета Георгий Пятаков, отстаивал необходимость участия в нем вместе с другими деятелями партии – Л. Каменевым, Г. Зиновьевым, О. Рыковым, В. Ногиным и другими, но не противился решению Киевского комитета о своем отзывании. Кстати, как должное он воспринял и резолюцию ЦК РСДРП(б), признавшую ошибочной позицию всей фракции на Демократическом совещании. Он присутствовал с правом совещательного голоса на заседании Центрального Комитета 23 сентября 1917 года². Что касается Киевского комитета, то такое решение, очевидно, не содержало осуждения самого председателя за его действия, не сопровождалось выражением политического недоверия ему лично. Дополнительное свидетельство этого – избрание Юрия в новый состав комитета и выдвижение его без каких-либо возражений, на

¹ Бош Е. Год борьбы. С. 40; Голос социал-демократа. 1917. 29 сентября; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. Ч. 1. С. 556.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 66–67.

первое место в списке кандидатов на выборах в Учредительное собрание на этой же конференции киевских большевиков¹.

Вскоре имя Г. Пятакова было внесено в число 40 кандидатов от РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание. В списке оказались все лидеры большевизма: В. Ленин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Бухарин, Л. Троцкий, И. Сталин, А. Коллонтай, А. Луначарский и другие. 15 октября, выступая на объединенном заседании рабочих и солдатских Советов Киева, Георгий Леонидович говорил, что на пресловутом Демократическом совещании эсеры и меньшевики вели борьбу с революцией, ЦИК Советов демонстрировал политику соглашательства с контрреволюционной буржуазией. Всероссийский съезд Советов, – подчеркивал Г. Пятаков, – который социалисты-соглашатели пытались подменить Демократическим совещанием, – суверенный орган революционной демократии, именно он должен решить вопрос о верховной власти. Съезд должен быть созван без промедления².

Бесспорно, такая позиция полностью отвечала общепартийной линии, которая все рельефнее оформлялась осенью 1917 года в требование передачи власти II Всероссийскому съезду Советов. А поскольку противники такой перспективы мирно сделать этого не желали, большевики подготовили план и осуществили вооруженное восстание.

О свержении Временного правительства в результате победного выступления рабочих, солдат и матросов Петрограда в Киеве стало известно около 2-х часов дня 25 октября 1917 года. Местные большевики не сразу встали на путь решительных действий. Долгие часы продолжались собрания, совещания, консультации с представителями различных политических органов и группировок. Их обязательным участником был председатель Киевского Совета рабочих депутатов Георгий Пятаков. Ожесточенные дебаты развернулись на объединенном заседании исполкомов рабочего и солдатского Советов. В большевистской фракции отсутствовали четыре члена, отбывшие в Петроград на II Всероссийский съезд Советов. Поэтому между большевиками и их оппонентами возникло численное равновесие³. Голоса разделились пополам. Шестичасовые прения не дали практического результата. Да и не могли дать. Весь пыл тратился на слова, тогда как нужны были действия.

¹ Бош Е. Год борьбы. С. 40.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 295.

³ Там же. С. 309–311.

Ситуация сложилась неустойчивая, скорее – взрывоопасная. Ячейкой свергнутого в столице Временного правительства в Киеве был штаб Киевского военного округа, располагавший значительным контингентом консервативно настроенных войск. В городе концентрировались также вооруженные силы Центральной Рады, занявшей выжидательную позицию. По сравнению с этими силами формирования Красной гвардии, революционные отряды солдат казались слабыми и недостаточными для решительного боя за советскую власть.

В ночь с 25 на 26 октября в результате длительных межпартийных дискуссий практически под руководством Центральной Рады был образован «Краевой комитет по охране революции»¹. Как наглядный результат компромисса, а в большей степени – взаимного недоверия и опасений, комитет, очевидно, был предназначен не столько для решения каких-либо вопросов, а для того, чтобы сдерживать возможную инициативу, особенно радикального характера, связать все политические силы «круговой порукой». Три большевика – Г. Пятаков, И. Крейсберг и В. Затонский – вошли в состав этого комитета. «Помню, – пишет В. Затонский в воспоминаниях, – ночью, возвращаясь с какого-то собрания, надумал зайти в комитет [РСДРП(б). – В. С.] узнать, нет ли каких новостей. По дороге встретил комитетчиков с Пятаковым во главе. – Вот, – говорят, – кстати, ты по-украински говоришь. Идем! Спрашиваю: – В чем дело?.. Говорят: Пойдем в Центральную раду. От имени украинских с.-д. приходили в комитет Касьяненко Евгений и Неронович и предлагали согласоваться с Центральной радой»².

Так большевики при активном участии Г. Пятакова еще раз пошли на сотрудничество с радовцами, обязавшись со своей стороны не предпринимать активных действий в Киеве. Вот как, например, объясняет в своих, написанных в 1920 году воспоминаниях, мотивы и цели вхождения в конце октября 1917 года в Центральную Раду и созданный ею «Краевой комитет по охране революции» большевистских представителей тот же В. Затонский: «Основное наше требование к Раде было такое – не выпустить с Украины, а также с Юго-Западного и Румынского фронтов ни единой воинской части на подавление революции в Москве и Петрограде. Дело в том, что эти фронты были для нас наиболее ненадежными, и мы знали, что керенщина, объединившаяся в борьбе против революции с корниловщиной, делает по-

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 311.

² Затонський В. Уривки з спогадів про Українську революцію // Літопис революції. 1929. № 4. С. 142.

пытку опереться на части, которые стоят на Украине. Эту задачу, так сказать, пассивной помощи революционным центрам, мы могли бы легко осуществить в союзе с Радой, если бы она честно выполняла свои обязательства»¹.

Таким образом, тактика киевских большевиков, их действия заключались в расчете на союз с Центральной Радой как организацией революционной и демократической.

Однако уже 26 октября Центральная Рада приняла резолюцию, в которой осуждала большевиков и восстание рабочих и солдат Петрограда. В резолюции говорилось, что Рада будет «энергично бороться со всякими попытками поддержки этого восстания на Украине». Только тогда большевики Киева решили выйти из Рады. Здесь же, на заседании Малой Рады Георгий Пятаков заявил: «Бой на улицах Петербурга продолжается уже 3 дня. Это свидетельствует о том, что там восстание не большевиков, а революционного пролетариата и войска. Карл Маркс высказывался против восстания парижского пролетариата в 71-м году, однако, когда Парижская Коммуна взяла власть, он был на ее стороне. Высказываясь здесь против восстания петербургского пролетариата и войска, вы этим ударили и по нашей партии, и потому мы выходим с М. Рады, считая себя свободными. Но знайте, что, несмотря на все это, в тот момент, когда вы будете погибать под ударами российского империализма, мы будем с вами с оружием в руках»². Последние слова были поддержаны громкими аплодисментами.

27 октября на объединенном заседании Совета рабочих и Совета солдатских депутатов в театре Бергонье председательствовавший Георгий Пятаков выступил с пространной речью. «Ц. Рада вонзила нож в спину революционного Петрограда, – заявил Георгий. – Это запомнится. Если Советы будут раздавлены, если Керенский в крови затопит восстание петроградских рабочих и солдат, то украинский народ надолго должен забыть о праве на самоопределение. К вам, товарищи-украинцы, рабочие и солдаты, обращаюсь прежде всего с горячим призывом не следовать за вступившей на путь позорного соглашательства Ц. Радой, а всеми силами поддержать восставших петроградских товарищей»³.

¹ У дні Жовтня: Спогади учасників боротьби за владу Рад на Україні. К., 1967. С. 3.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 322–323.

³ Там же. С. 324–325.

Заседание приняло предложенную большевиками резолюцию с выражением сочувствия действиям петроградских рабочих и солдат и уверениями в готовности поддержать их. Документ завершался постановлением: «Сорганизовать ревком Советов, передать ему всю полноту власти по Киеву, поручить ему всемерно проводить в жизнь постановления съезда Советов и подчинить его действия высшему контролю Киевских Советов Р. и С. Д., имеющих полное право переизбрать его в любой момент»¹.

В состав ревкома, за исключением нескольких левых эсеров, вошли только большевики, возглавил его Г. Пятаков². Ревком перебрался в бывший царский дворец на улицу Александровскую, превратил его в свою опорную базу, завез туда 200 винтовок. Однако ничего больше сделать не удалось.

Вечером 28 октября здание было окружено войсками. Делегация от Центральной Рады, городской думы, меньшевиков, эсеров и бундовцев потребовала сдать оружие и освободить дворец. Г. Пятаков, учитывая расстановку сил и неудачное расположение Мариинского дворца (удаленного от Арсенала и других пунктов концентрации революционных отрядов), склонялся к принятию выдвинутых условий, тем более что требования прекратить борьбу не выдвигалось³.

С мнением Г. Пятакова согласились все члены ревкома, и во дворец вошли 12 юнкеров для принятия оружия. Однако «вдруг ворвалась во дворец огромная пьяная толпа вооруженных казаков, офицеров, юнкеров и с угрожающим воем стала уничтожать все, что попадалось под руку:

– Бей большевиков, убить Пятакова! – слышались выкрики, – вспоминал член ревкома И. Кулик. – Юрия Пятакова захватили на верхнем этаже и, заперши в какой-то комнате, стали голосовать: повесить ли его «на этом самом» ремне, или убить другим способом.

Мы бросились наверх...

– Отдайте нам товарища Юрия! – требовали мы.

Но пьяная, разъяренная толпа загнала нас, обезоруженных (среди нас были и женщины), в другую комнату и там стали издеваться над

¹ Киевская мысль. 1917. 28 октября.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 325.

³ См.: Кулик И. Октябрьские дни в Киеве // Летопись революции. 1922. № 1. С. 40–41.

нами, целясь из револьверов, приставляя к груди штыки, замахиваясь бомбами...»¹

Арестованных под конвоем переправили в штаб Киевского военного округа. Тем временем группа членов комитета, избежавшая ареста (А. Иванов, В. Затонский и другие), создала новый ревком и начала восстание. В его ходе важно было разгромить штаб округа, но там находились в качестве заложников 14 большевиков, чем и попытались воспользоваться их противники, они даже оказывали давление на членов ВРК. Как вспоминала член Киевского комитета РСДРП(б) Дора Иткинд, «комиссар штаба КВО Кириенко пытался уговорить наших уполномоченных тт. Пятакова и Бакинського дать подписку о том, что мы отказываемся от всякого участия в выступлениях против Вр. Пр-ва, обещая нам за это свободу. Он нас уверял, что в Петрограде все события ликвидированы. Но мы не поддались этой провокации и отказались подписать какое-бы то ни было соглашение.

Дня через два к нам пришли на свидание моя сестра Маня Иткинд и жена Яна Гамарника. Они спрашивали нас, как быть с нами, если по ходу боя штаб придется брать приступом. Мы, даже не спрашивая своих товарищей (не могло быть сомнений, что все они с нами согласятся), ответили, что из-за 14 человек, кем бы они ни были, нельзя погубить дело революции и приостановить наступление»².

Той же ночью добился встречи с заложниками и А. Иванов. Офицеры вынуждены были согласиться на этот шаг, надеясь хоть таким способом, на время переговоров оттянуть свой окончательный разгром. По утверждению И. Кулика, встреча А. Иванова с Г. Пятаковым состоялась в присутствии прокурора. Они обменялись всего тремя фразами, но Иванов понял, что Г. Пятаков высказывается за доведение восстания до победного конца³.

Контрреволюционеры из штаба все же втайне надеялись, что арсеналы и авиапарковцы не будут стрелять по зданию штаба округа, в котором находились их товарищи. Но большевики прибегли к военной хитрости. А. Иванов – с группой рабочих и солдат – подобрался поближе к штабу и открыл стрельбу. Офицеры приняли это за пу-

¹ Кулик И. Октябрьские дни в Киеве. С. 42.

² Иткинд Д. Из воспоминаний о работе Киевской большевистской организации в 1917 г. // Из истории Октябрьской революции в Киеве (воспоминания участников). К., 1927. С. 100.

³ Кулик І. Указ. раб. С. 42; Іванов А. В. Центральна Рада і Київська Рада в 1917 році // Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні. Зб. Спогадів учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції. К., 1957. С. 75.

шечный обстрел, который предшествует штурму, и согласились освободить 14 членов ревкома и горкома, обменяв их на пленных, которые были в руках восставших.

И сегодня большой интерес вызывает то, как происходил «акт обмена». «Нам было предложено собраться, – рассказывал Я. Гамарник, – и под конвоем сербского отряда идти на угол Александровской и Левашовской улиц, где нас должна была ожидать рабочая делегация. Когда нас выводили из комнаты и затем повели по Банковой улице, мы слышали непрерывный звериный вой офицерско-юнкерской стаи, которая в бессильной ярости готова была ринуться на нас, разодрать в куски. Офицеры не хотели выпустить большевиков, но дисциплинированный сербский отряд не допускал их к нам, он исполнял приказ командующего округом [И. И. Кириенко. – В. С.].

На углу Левашовской и Александровской улиц арестованных юнкеров не было, но под наше слово чести, что юнкера будут освобождены, нас отпустили»¹.

Пожалуй, вспомнится, что в это же время «под слово чести» в Петрограде отпустили захваченного генерала П. Краснова, вместе с А. Керенским поднявшего мятеж против власти рабочих и крестьян. Такими были нравы первых дней революции – честность, благородство, порядочность... И в то же время способность на самопожертвование. Я. Гамарник продолжает: «Помню, как один из арсенальцев говорил мне: “Сегодня в первом часу ночи мы решили бить по штабу на Банковой улице. До сих пор мы не делали этого из-за вас четырнадцати, а сегодня решили, что для революции придется вами пожертвовать и разгромить артиллерией белогвардейский штаб”»².

Г. Пятаков и другие освобожденные из-под ареста большевики влились в ряды повстанцев, внесли и свой вклад в победу над войсками штаба Киевского военного округа. Но в этой запутанной ситуации лучше всего смогла сориентироваться Центральная Рада. Не втягиваясь в военные действия, удачно маневрируя политически, она заняла позицию «над схваткой», и пока полярные силы обескровливали друг друга, сохранила и укрепила свой потенциал, решительно заявила о своих политических претензиях.

1 ноября 1917 года Центральная Рада объявила себя краевой властью в Украине. В опубликованном обращении к гражданам отмеча-

¹ Гамарник Я. Б. 25 жовтня 1917 року // Боротьба за перемогу Радянської влади на Україні. Зб. спогадів учасників Великої Жовтневої соціалістичної революції. С. 69.

² Там же.

лось: Центральная Рада избрана всем народом Украины и выражает волю всей революционной демократии. В сущности, это краевой Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов¹.

В тот же день Юрий, который сразу после освобождения приступил к выполнению обязанностей председателя Военно-революционного комитета, послал Совнаркому России радиотелеграмму, содержание которой свидетельствует о его надеждах на возможность избежать вооруженной борьбы с Центральной Радой: «Дружным усилием большевистских и украинских солдат и вооруженных красногвардейцев, – штаб [Киевского военного округа. – В. С.] принужден сдаться. Мятежники раздавлены после сильной ружейной, пулеметной и орудийной перестрелки... Лакеи Керенского пробовали посылать различные части войск против украинцев и большевиков, но ни одна не пошла»². На следующий день Военно-революционный комитет обратился к жителям Киева с призывом вернуться к мирной работе. А Леонид Пятаков, ставший главой ВРК Советов рабочих и солдатских депутатов и заменивший на этом посту младшего брата, телеграфировал в Петроград Л. Троцкому: «В Киеве все спокойно»³.

Последнее, конечно, не отвечало действительности. «Было ясно, – писал о тех днях В. Затонский, – что столкновение [с Центральной Радой. – В. С.] неминуемо, но у нас силы не было. Подстрекать массы против Центральной Рады было куда труднее, чем против белых, и здесь, нужно сказать, что у многих из нас не было полной уверенности, что с Радой неизбежно надо будет кончать вооруженной рукой»⁴.

3-го ноября под руководством Георгия Пятакова состоялось объединенное заседание исполкома рабочего и солдатского советов Киева. Большевики выступили с заявлением о необходимости осуществления по требованию масс власти советов. Одновременно, относительно организации власти в Украине, они заявили, что признают краевой властью Центральную Раду, однако при условии обязательного созыва съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для реорганизации Центральной Рады в Центральный Совет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; последние являются реальной властью на местах и проводят в жизнь поста-

¹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У 2-х т. Т. 1. К., 1996. С. 381–382.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 354.

³ Там же. С. 356.

⁴ Затонський В. Назв. раб. // Літопис революції. 1929. № 4 (7). С. 150.

новления Советского правительства и Центральной Рады. Вместе с тем большевики поддерживали требование о созыве Украинского Учредительного собрания¹.

По-разному можно оценивать выработанную тактику (собственно, так было долгие десятилетия в советской историографии – к согласию прийти так и не удалось). Но принятые решения стали стержнем тактики киевских большевиков на целый месяц и не один раз ставили Центральную Раду в нелегкое положение. Так что и оценивать тогдашнюю тактику однозначно не стоит. От нее в конечном итоге пришлось отказаться, однако, с тактикой так поступают всегда: используют, когда она приносит эффект, меняют при противоположном результате или из-за возникновения новых обстоятельств и задач. Да и месяц в революционную эпоху – период длительный.

Правда, реализовывать намеченный курс киевским большевикам пришлось уже без Георгия Пятакова. 6 ноября 1917 года он был отозван в Петроград. Перед отъездом, 4 ноября, он еще председательствовал на объединенном заседании рабочего и солдатского Советов Киева, которые осуществили попытку слиться в один Совет с единым исполкомом для осуществления власти в Киеве. А 5 ноября лидер киевских большевиков выступил со страстной речью на церемонии погребения рабочих Арсенала и солдат, погибших в дни восстания 29–31 октября 1917 года. По призыву Юрия собравшиеся принесли клятву продолжить дело погибших. «Мы остались в живых, – были прощальные слова председателя Киевского Совета рабочих депутатов. – Пуля миновала нас. Но мы должны докончить начатое дело. Положим же голову за то, чтобы все были свободными гражданами в свободной стране!»²

4. Комиссар российского Госбанка

По некоторым данным, Г. Пятакова вызвали в Петроград («вызванный Лениным», как он пишет в автобиографии) по предложению Н. Бухарина. Одним из дополнительных аргументов в пользу этой мотивации является тот факт, что буквально через несколько дней, 16 ноября 1917 года председатель Совнаркома Советской России В. Ленин подписал постановление о назначении Н. Бухарина упол-

¹ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 357.

² Там же. С. 362.

номоченным по организации Высшего экономического совещания¹. А вскоре, 27 ноября, на заседании Совнаркома В. Ленин внес предложение об организации «особой комиссии для проведения в жизнь социалистической политики в области финансовой и экономической»². Как пишет автор политической биографии Н. Бухарина Стивен Коэн (не ссылаясь, правда, на источник), В. Ленин в тот день «предложил Бухарину и его другу Пятакову создать небольшую комиссию для обсуждения основных вопросов экономической политики правительства»³. Очевидно, на том заседании СНК эта комиссия не была создана – Н. Бухарин стал редактором «Правды». Не поддержал предложение В. Ленина и ЦК партии, и такая комиссия оказалась одним из этапов в поисках структуры управления экономикой страны, вершиной которой со временем стал ВСНХ – Высший совет народного хозяйства. Наряду с Н. Бухариным, которого В. Ленин считал компетентным в экономических вопросах, пристальное внимание руководителя советского правительства привлекал и Г. Пятаков.

Государственный банк России – центральное эмиссионное и самое крупное коммерческое кредитное учреждение страны – имел 11 контор и 133 постоянных отделения в провинции. Его общий баланс достигал 12 миллиардов 641 миллиона рублей, а золотой запас его хранилищ оценивался почти в 1 миллиард 300 миллионов рублей.

Уже 25 октября 1917 года Госбанк был занят отрядом моряков, направленным туда Петроградским Военно-революционным комитетом. В ответ на действия новой власти служащие, подстрекаемые банкирами и высшими чиновниками, объявили забастовку. Через неделю банк был снова открыт, но служащие, угрожая забастовкой, требовали невмешательства назначенных правительством комиссаров в деятельность банка и отказывались финансировать Совет народных комиссаров.

После попыток провести разъяснительную работу среди служащих банка Совнарком и ВЦИК категорически потребовали от них подчинения распоряжениям Советской власти. 11 ноября за отказ признать новую власть СНК уволил без права на пенсию нескольких высших чиновников прежнего Министерства финансов, в том числе управляющего Государственным банком И. Шипова. Новым комиссаром банка (на правах управляющего) правительство назначило

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1974. С. 64.

² Там же. С. 89.

³ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 91.

бывшего комиссара телеграфа С. Пестковского, которого вскоре, 16 ноября, сменил В. Оболенский (Осинский). Помощником (заместителем) главного комиссара Госбанка стал Г. Пятаков.

От прежней власти Советам в наследство досталась развалившаяся денежная система. За годы Первой мировой войны из-за огромной эмиссии (выпуск бумажных денег и ценных бумаг) и сокращения производства товаров потребления покупательная способность рубля упала до семи копеек. Катастрофически вырос государственный долг России.

Вопреки распространенной точке зрения возглавляемая большевиками советская власть сразу после революции боролась не против денег как эквивалента обмена, а за налаживание денежной системы, не против банков, а за них. Достаточно сказать, что на протяжении двух последних месяцев 1917 года бумажную эмиссию денег удалось сократить более чем вдвое. В первые месяцы 1918 года эмиссия необеспеченных денежных знаков продолжала сокращаться. Началась подготовка денежной реформы. Этот процесс прервала гражданская война. Георгий Пятаков в те месяцы был среди активнейших участников первых социалистических преобразований в сфере финансов.

17 ноября Совнарком получил от Госбанка первые 5 миллионов рублей – как аванс для финансирования советского правительства. Участник этого события секретарь Совнаркома Н. Горбунов вспоминал: «Угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка... Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был достаточно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил нам пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, свалили на спину и потащили в автомобиль... Сдали деньги Председателю Совнаркома. Потом в соседней комнате сложили их в платяной шкаф, окружили его стульями и поставили часового – рабочего с винтовкой. Казна!»¹

Об условиях, в которых работали в те первые дни деятельности нового Госбанка комиссар и его помощник, В. Оболенский писал в личной корреспонденции 23 ноября: «Я был так занят, что не мог в точном смысле слова ни минуты оторваться от банковских дел. Были дни, когда мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время распо-

¹ Возвращенные имена. М., 1989. Кн. II. С. 50–51.

ряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. Мы занимаемся не очень-то почетным с виду делом – ломанием стачки чиновников банка, и с каждым днем выигрываем почву. Теперь уж у меня куча помощников, и их (чиновников) дело проиграно, в принципе мы овладели банком»¹.

Такие действия большевики считали вынужденными. «Мы, – разъяснял В. Ленин на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 года, – хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами»².

Управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич рассказывал, что после проведения тщательной подготовки к национализации частных банков В. Ленин дал указание, «чтобы вся эта операция была проведена решительно, одновременно, с большим тактом и с полной корректностью относительно директоров банков, которым, как только их свезут в Смольный, следует будет немедленно предложить приступить к работе в национализированных банках, взяв с них соответствующую расписку»³.

14 декабря с 7 до 11 часов утра отряды матросов и красногвардейцев занимали все банки и кредитные учреждения Петрограда. Туда были назначены комиссары. Вечером в тот же день ВЦИК по предложению В. Ленина утвердил декрет о национализации банков. Банковское дело объявлялось государственной монополией. Тогда же был принят декрет о ревизии всех стальных сейфов в банках, который предотвращал разбазаривание и вывоз за границу денег и золотых авуаров.

Постановлением Совнаркома от 17 декабря 1917 года В. Оболенский был освобожден с должности главного комиссара Госбанка в связи с его переходом в Высший Совет народного хозяйства. На эту должность назначили Георгия Леонидовича Пятакова⁴. Сообщая об этом всем конторам и отделениям Госбанка, он подчеркивал: «Надеюсь, что в дружной работе в интересах рабочих, крестьян и всей

¹ Возвращенные имена. С. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 173.

³ Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 202–203.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 10. Д. 2. Л. 35–35 об.

бедноты мы вместе со всем штатом Госбанка сумеем поставить Государственный банк на надлежащую высоту»¹.

Комиссар Госбанка Г. Пятаков принимал участие в подготовке правительственного декрета от 23 декабря 1917 года о прекращении выплат по купонам и дивидендам, чем наносился весьма ощутимый удар по крупным предпринимателям, освобождая народное хозяйство страны от огромного груза дани буржуазии и помещикам. Вместе с другими готовил Г. Пятаков и декрет о национализации банков от 27 декабря 1917 года.

С первых дней Советской власти внедрялась система рабочего контроля над производством и переход управления национализированными предприятиями в руки рабочих, которая в целом себя не оправдала.

Попытка повысить инициативность и предприимчивость рядовых работников системы финансовых учреждений не обошла и Госбанк. 20 декабря 1917 года, уже на правах первого руководителя – главного комиссара, Г. Пятаков издал циркуляр, в котором говорилось: «После Октябрьской революции, которая всю верховную власть передала Совету Народных Комиссаров, то есть правительству народа и трудящихся масс, государственный Банк отныне не может руководствоваться теми правилами и циркулярами, которые существовали, и которые в корне противоречат принципам революционной демократии и идее самостоятельности отдельных организаций». Поэтому предлагается организовать в учреждениях Госбанка по всей стране «комитеты служащих из представителей всех работников без исключения»². Комитеты должны быть привлечены к решению всех вопросов работы банковских учреждений.

Георгий Пятаков стремился к тому, чтобы вверенное ему учреждение работало четко, согласованно, бесперебойно. Конечно, в решающей мере это зависело от наличия кадров соответствующей квалификации и опыта. При почти полном отсутствии таковых приходилось не один раз апеллировать к революционному сознанию служащих. Примером такого специфического творчества революционного времени может быть изданный в январе 1918 года главным комиссаром Госбанка приказ. «Халатное отношение к своим обязанностям, – писал Георгий Леонидович, – в настоящее время является

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 10. Д. 2. Л. 35–35 об.

² Там же. Л. 4–4 об.

преступлением перед народом, преступлением перед всеми теми, кто ожидает от нас, от Государственного Банка самой энергичной поддержки великому делу самоосвобождения человечества»¹.

Наверное, революционная патетика действовала не на всех. Поэтому приходилось прибегать к регламентации работы практически каждой операции, каждого шага служащих².

Что поделаешь! Сначала каждое дело требует незаурядных усилий...

Однако самой неотложной оставалась проблема чрезвычайно ограниченных возможностей для отправки средств, в которых одновременно нуждались все: и рабочие Донбасса и Урала, и солдаты фронта. Начала формироваться банкирская «жилка»: выплаты должны быть по возможности минимальными, расходы – экономными. Комиссар Госбанка вынужден был значительно «урезать» даже суммы, о которых просил председатель Совнаркома В. Ленин³. По-видимому, законы банковского дела во все времена одинаковы. Просто во времена затруднения они действуют особенно жестко, безжалостно.

5. «Левый коммунист»

Коммунизм настолько радикальная, левая по природе, сущности, устремлению идеология, что, казалось бы, исповедовать что-то более революционное практически просто невыносимо. И все же жизнь настолько богата и разнообразна, что нередко порождает феномены, которые временами действительно нелегко втиснуть в четкие, привычные рамки, да и понять сразу непросто. Это касается и коммунизма, сторонники которого – живые люди с индивидуальным мировоззрением и поведением. Некоторым из них явно тесновато в пределах доминантных воображений, следовательно, они стремятся вырваться в более широкое пространство, действовать более энергично, более бескомпромиссно. Такое стремление к максимализму, революционное нетерпение, склонность пренебрегать реалиями и создавало психологическую почву течения «левого коммунизма». Теоретически оно рельефно проявляло себя уже не раз, однако по-настоящему масштабно попробовало реализовать себя на практике по-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

² Там же. Л. 6, 7.

³ Там же. Л. 8.

сле первых вдохновляющих успехов российского Октября. Победа большевиков расценивалась как пролог, призыв к мировой революции. На меньшее «левые» просто не были согласны. Более того, они считали, что без поддержки западным пролетариатом революция в России обречена на гибель, а следовательно, теряет смысл.

Георгий Пятаков был горячим сторонником таких взглядов. В значительной степени он их самостоятельно растил в себе, убедил собственное сознание в их преимуществах, исторической правоте. Однако немаловажно, пожалуй, было и то, что в Петрограде Г. Пятаков снова оказался рядом с другом – Николаем Бухариным, лидером «левых коммунистов» в общепартийном масштабе, поддавался его влиянию и все больше разделял его взгляды.

Думается, нельзя сбрасывать со счетов и некоторых особенностей личной судьбы Георгия Пятакова, той моральной травмы, которую он испытал в конце декабря 1917 года, когда страшной мученической смертью погиб старший брат Юрия Леонид Пятаков.

Еще в 1916 году на фронте Леонид стал большевиком. Когда он вернулся в Киев летом 1917-го, Киевский комитет РСДРП(б) решил использовать его военный опыт для работы среди солдат Киевского гарнизона и развертывания работы Военной организации при комитете большевиков.

В ноябре–декабре 1917 года Леонид Пятаков вел активную агитационную работу среди украинизированных частей. И не одну из них ему удалось распропагандировать и перетянуть на сторону большевиков. В. Затонский вспоминал: «Ходили мы на работу обычно вдвоем с Пятаковым Леонидом. (...) Леонид был прекрасным солдатским агитатором и неплохим организатором. Он всю империалистическую войну пробыл на фронте, имел четыре солдатских “Георгия” и знал хорошо солдат...»¹ Е. Бош добавляла: «Он ни на минуту не оставался без дела – большую часть своего времени проводил в казармах, где был агитатором, организатором, просто добрым товарищем, с которым каждому хотелось по-приятельски поговорить. Необычная простота, искренность и доступность создали ему огромную популярность в Киевском гарнизоне. Солдатские массы относились к нему, как к своему брату, и в их среде он пользовался большим авторитетом и неограниченным доверием»².

¹ Затонський В. Указ. раб. // Літопис революції. 1929. № 4 (37). С. 151.

² Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. М.; Л., 1925. С. 468–469.

Авторитет Л. Пятакова стремительно рос. В первой половине декабря 1917 года он был избран во всеукраинский партийный центр – Главный комитет социал-демократии Украины и Всеукраинский Центральный исполнительный комитет Советов¹.

Политических соперников немало раздражала популярность большевика, а его успешная деятельность в солдатской среде вызывала зависть и ярость. Вызрел замысел его физического уничтожения.

На рассвете, около четырех часов 25 декабря двухэтажный флигель усадьбы Пятаковых на Кузнечной улице, в котором проживали Леонид Леонидович, его брат Михаил с женой, сестра Вера и его товарищ – прапорщик Петр Золотарев, окружил отряд военных. Всех разбудил настойчивый звонок. Когда члены семьи собрались на площадке верхнего этажа, Леонид Леонидович попробовал выяснить, кто распорядился об обыске, в ответ услышал: «Мы украинские солдаты – будем делать обыск». Михаил Леонидович попробовал связаться с Генеральным Секретариатом, но на первом этаже зазвенели разбитые стекла окон, через которые в дом начали врывать военные, послышался грохот высаживаемых дверей. В дом ворвалось около полутора десятка человек, одетых в серые шинели без каких-либо признаков – погонов и петлиц, вооруженных саблями, револьверами и короткими кавалерийскими винтовками. У многих шапки были с красным верхом, как у гайдамаков. Несколько казаков ринулись наверх, ударили прикладами Леонида Пятакова и вместе с Петром Золотаревым и Михаилом столкнули его вниз. Командовал хорунжий, фуражку которого украшали желто-голубые ленты, а желтые лампы на брюках позволяли предположить его принадлежность к украинизированным формированиям Центральной Рады. Да и один из прибывших заявил, что он «Вольный казак».

Разыскивали они Леонида Леонидовича. А когда тот назвал себя, пытаясь отвести беду от своих близких, для опознания Леонида Леонидовича появился, по всем признакам, офицер, подтвердивший его личность. После этого казаки схватили Леонида Пятакова, а за ним во двор вывели Михаила и прапорщика Золотарева.

У дома казаки начали вершить самосуд, пустив в ход приклады. Окровавленного Михаила с поврежденным глазом и раной на голове отпустили. То же сделали с прапорщиком Золотаревым. Выше по улице, ближе к углу Кузнечной и Караваевской улицы (теперь

¹ См.: Варгатюк П. Л., Солдатенко В. Ф., Шморгун П. М. В огне трех революций. С. 540, 552.

ул. Л. Толстого) стояли двадцать – двадцать пять всадников и санки-коляска, в которые бросили Леонида Пятакова. Казаки удалились. В доме они совершили настоящий погром: много ценных вещей было украдено, еще больше разбито, уничтожены ценные зоологические коллекции и каталоги к ним, принадлежавшие Вере Пятаковой. Все было перевернуто. Уходя, казаки порубили саблями телефонный провод. Но все это должно было служить только прикрытием главного – ареста главы Киевского ВРК.

Известие об аресте Л. Пятакова (а это случилось уже в третий раз за короткое время – дважды до того киевским рабочим и солдатам удавалось вырывать из рук врагов своего любимца) вызвало новую вспышку протестов. По городу поползли зловещие слухи.

В Совете рабочих депутатов, в окружном и Киевском Совете солдатских депутатов большевики и их сторонники потребовали от лидеров Центральной Рады – председателя Генерального секретариата В. Винниченко, генерального секретаря по военным делам Н. Порша – сообщить о судьбе Л. Пятакова. Однако последние отвечали, что им ничего не известно. 28 декабря от имени Генерального секретариата Н. Порш официально заявил о «полной непричастности» к аресту Л. Пятакова и даже совершил попытку переложить вину на большевиков, о чем проинформировал прессу.

Вскоре распространилась информация, что Л. Пятаков убит. Совет рабочих депутатов единогласно принял резолюцию с требованием роспуска Центральной Рады и ее Генерального секретариата. За немедленную передачу власти советам выступили и представители украинизированных полков в окружном Совете солдатских депутатов Киевского военного округа, выразив гневный протест в связи с арестом и исчезновением Л. Пятакова.

Под давлением общественного мнения Генеральный секретариат вынужден был создать 2 января 1918 года специальную следственную комиссию. Однако ее материалы говорят о том, что, за исключением допроса свидетелей – близких Леонида Леонидовича и людей, которые служили у Пятаковых, она серьезной работы не проводила. Позже, в ноябре 1918 года, один из офицеров бывшего украинского конного полка штабс-ротмистр Я. Журавский засвидетельствовал, что приказ об аресте Л. Пятакова он получил от правительства и, хотя отрицал свое участие в самом проведении ареста, подтвердил, что глава ВРК, известный большевик, был убит его казаками¹.

¹ Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. 183. Оп. 4. Д. 83. Л. 83.

Тело Леонида 16 января 1918 года нашли железнодорожники около станции Пост-Волынский. Он лежал в поле под кустом в том же черном коротком пальто, которое набросили на него родные, когда его выводили из дома, босиком (успел обуть только сандалии, которые подвернулись под руку), серая офицерская шапка – рядом, в кармане гимнастерки – печать Военно-революционного комитета Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов. Все свидетельствовало о том, что расправа состоялась вскоре после ареста.

На теле виднелись следы ужасных истязаний: разбитая голова, на правом виске следы от ударов саблей, большая рана на левой части груди – воронкообразное отверстие и следы ожогов стеариновой свечой, ладони обеих рук порезаны чем-то чрезвычайно острым, возможно саблями, разбиты фаланги пальцев. Георгию Пятакову врачи позже объяснили, что, по-видимому, палачи высверливали саблей сердце, которое еще билось, а жертва конвульсивно хватала руками острый клинок...¹

Когда Георгию стало известно о смерти брата, он 25 января срочно выехал в Киев². Сначала Леонида Леонидовича 1 (14) февраля похоронили на Байковом кладбище. В последний путь его провожали члены исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, отряды Красной гвардии, солдаты 2-го телеграфного батальона, рабочие заводов и фабрик. Но уже 4 (18) февраля, когда трудящиеся Киева хоронили погибших в ходе январских боев в Мариинском парке, гроб с прахом Леонида Пятакова был перенесен в братскую могилу. Среди тех, кто выступал со словами прощания на траурном митинге, был и Георгий Леонидович Пятаков. Он поклялся драться за двоих – за себя и за погибшего брата, который стремился, невзирая ни на что, сделать все, чтобы дело, которое стало смыслом их жизни, как можно скорее восторжествовало.

И восторжествовало во всемирном масштабе. Г. Пятаков не давал себе ни минуты покоя, расслабления. Даже в такие неопишимо тяжелые, черные дни он не оставляет работы. Изучает вопрос об организации в Киеве отделения Госбанка, пытается найти возможности

¹ Пятаков Г. Пятаков Леонид Леонидович // Деятели СССР и революционного движения России. С. 593; Щусь О. До последнего удара сердца // Радянська Україна. 1989. 6 січня.

² РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

для улучшения финансового положения советского правительства Украины¹.

Как следует из писем Евгении Бош, именно тогда по инициативе Киевского комитета РСДРП(б) появилось предложение об отзыве Юрия из Петрограда. С подачи М. Скрипника вопрос обсудили в Народном Секретариате. Идею поддержала Евгения Богдановна, которая с присущей ей категоричностью обвиняла членов Киевского комитета в «закулисном интриганстве», а М. Скрипника – в отсутствии твердой линии, в том, что он «очень любил разыгрывать фигуру». «Зная Юрия, – пишет Бош, – я была уверена, что первое время он будет решительно бороться и даже перегибать палку в сторону крайних мер»². Евгения Богдановна свидетельствует, что киевские большевики намеревались провести кандидатуру Г. Пятакова на должность главы правительства. «Против этого совсем не возражала, так как он все же умел выступать, умел держать себя по-генеральски, а в тот момент это необходимо было, да и умнее он был всех оставшихся политических киевлян, и сговориться, хотя и с боем, с ним все же возможно было»³. Кроме того, Е. Бош рассчитывала, что осознание Юрием того, что в 1917 году он натворил в Киеве «много глупостей», сделает его более покладистым.

Действительно, Г. Пятаков приехал в Киев «покорный, мягенький» и задал вопрос Е. Бош хитро: «Если ты считаешь мое пребывание [в Киеве. – В. С.] *вредным*, я ни за что не останусь»⁴. А Евгения Богдановна решительно высказалась за переезд Юрия в Киев. Очевидно, острое политическое несогласие с ним в предшествующий период в условиях чрезвычайно сложной и запутанной обстановки отходило на второй план.

Но события развернулись иначе. По-видимому, возвращение Г. Пятакова в Петроград, где как раз полыхали горячие баталии по поводу мира с немцами, отложили на короткое время вопрос о приезде Юрия в Украину.

Причин не доверять данным Е. Бош нет. Она в то время сама исполняла обязанности председателя Народного Секретариата, точнее фактически была им⁵. Именно вокруг ее личности в правительстве бурлили страсти, и она знала ситуацию как никто, так сказать «из-

¹ Бош Е. Год борьбы. С. 221–222.

² Там же. С. 386.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 386–387.

⁵ См.: Уряди України у ХХ ст. Науково-документальне видання. С. 332–334.

нутри». Достаточно же авторитетная информация в данном случае рельефно оттеняет то, что уже в начале 1918 года Георгий Пятаков объективно выдвигался на ведущие позиции среди большевиков и советских работников, с его именем связывалось будущее республики. Это ярко продемонстрируют последующие события.

А пока один из «левых коммунистов» 10 февраля возвращается к исполнению обязанностей главного комиссара Госбанка¹, погружается в отчаянные дискуссии в Петрограде, бескомпромиссно доказывает, что самая первая задача большевика – мировая пролетарская революция.

Такую позицию, как известно, не разделял реалист и прагматик В. Ленин, преобладающее большинство членов РСДРП(б), избравшие после победы Октября курс на укрепление советской власти в одной, отдельной стране – России. Несогласие «левых» с этим курсом со всей остротой проявилось в дискуссии о выходе Советской России из империалистической войны. Стремление новой России к миру с воюющими государствами, стремление к перемирию на фронтах, начало Брестских переговоров «левая» оппозиция расценила как недопустимый компромисс с империалистическим миром и измену интересам международного пролетариата.

Что касается самого Г. Пятакова, то еще 3 августа 1917 года на общегородской конференции РСДРП(б) в Киеве он говорил: в вопросе о войне пролетариат ставит заключение мира в неразрывную связь с мировой революцией, и такую постановку вопроса недопустимо подменять идеей достижения мира во что бы то ни стало, идеей сепаратного мира². Подобная перспектива, без сомнения, считал он, контрреволюционна, поскольку сепаратный мир отдалит торжество социальной революции.

В ходе острых споров по вопросу о мире и войне, в кульминационный момент, когда началось развернутое наступление немецких и австро-венгерских интервентов, 23 февраля 1918 года ЦК РСДРП(б) в условиях реальной опасности принял решение дать согласие на подписание заведомо невыгодного мира, продиктованного австро-немецкой стороной³. В заявлении «левых коммунистов» в ЦК в тот же день (под заявлением стоит и подпись Г. Пятакова – не будучи членом ЦК, он принимал участие в нескольких заседаниях ЦК с правом совещательного голоса, очевидно, как комиссар Госбанка)

¹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

² 1917 год на Киевщине. Хроника событий. С. 188.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 273–274; Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 211–218.

говорилося, що це угода є капітуляцією передового отряду міжнародного пролетаріата перед світовою буржуазією. «Ми вважаємо, – писали «ліві комуністи», – що після захоплення влади, після повного розгрому останніх оплотів буржуазії [малося в увазі встановлення Радянської влади майже на всій території Росії. – В. С.] перед пролетаріатом з неминучістю встане завдання розв'язання громадянської війни в міжнародному масштабі, завдання, виконання якого він не може зупинятися ні перед якими небезпеками. Відмова від неї веде до загибелі від внутрішнього розпаду, рівноцінна самоубійству»¹. Після цього «ліві»: Н. Бухарин, Г. Пятаков, Г. Ломов, А. Бубнов, В. Яковлева, М. Урицький – відмовилися від своїх партійних і державних посад, ставши в відкриту опозицію брестському курсу².

Багато в ЦК з відкритим засудженням сприйняли різкий демарш лівих. А І. Сталін намагався урезонити останніх. Він прямо заявив, що «Ломова, Смирнова, Пятакова абсолютно нічим замінити. Отдають ли собі товариші звіт, що їх поведінка веде до розколу? – сегодні І. Сталін і запропонував: – Якщо вони хочуть ясності, а не розколу, то просять їх відкласти їх заявлення до завтра, або до з'їзду, який буде через кілька днів»³.

Затвердження VII з'їздом партії лєнінського курсу і ратифікація IV Всеросійським з'їздом Рад Брестського мирного договору означали серйозне поразку «лівої» опозиції. Однак Георгій Пятаков і багато його єдиномисльників, особливо ті, хто працював в Україні, «не склали зброї». Вони намагалися розжечь пламя революційної війни шляхом безпосереднього зіткнення з австро-німецькими окупантами, які за угодою з Центральною Радою йшли в Україну для відновлення УНР⁴.

Николай Скрипник так лапідарно передавав сутність позиції Г. Пятакова, А. Бубнова, С. Косиора, які вирішили перетворити Україну в головний плацдарм апробації «лівокомуністических» ідей: «Російський Брестський мир є помилкою. В Росії він прийнятним. Але тут, в Україні, його потрібно фактично виправити. Значення має тільки озброєна боротьба. Потрібно боротьбу робітників і селян

¹ Протоколи ЦК РСДРП(б). С. 209–210.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 385–388, 492; Протоколи ЦК РСДРП(б). С. 216–223.

³ Протоколи ЦК РСДРП(б). С. 217.

⁴ См.: Скрипник М. Історія пролетарської революції в Україні. Нарис // Скрипник М. Статті і промови. Т. 1. Харків–Київ, 1930. С. 208.

против немецкого империализма начать на Украине, а затем в России, потому что немецкий империализм хочет ограничить и задушить пролетарскую революцию: борьбу на Украине нужно вести, невзирая на то, что это будет влиять на отношения России с Германией. Нужно откровенно заявить, что укр. рабочие и крестьяне вовсе не связаны в своей борьбе Брестским договором и будут проводить борьбу за власть всеми средствами и путями до окончательной победы, как на территории Украины, так и дальше на всем фронте революции». Представители этого течения тогда скептически относились ко всем намерениям и шагам в деле организационного объединения «в текущей б-бе, исходя из того, что в действительности рабочие и крестьяне имеют силу и волю к борьбе, готовы пойти на смерть за власть Советов»¹.

Следует отдать должное мужеству и храбрости этих мечтателей-романтиков о международной революции. Пытаясь доказать возможность ее новой вспышки в дни немецкой и австро-венгерской оккупации Украины, они прошли в составе советских войск тяжелый, кровавый путь по родной земле от Бердичева до Киева, от Полтавы до Бахмача, от Бахмача до Таганрога, отстаивая в боях родную Украину. 1 марта 1918 года Георгий Пятаков оставил ответственный пост комиссара Госбанка². В автобиографии он вспоминал: «По вопросу о Бресте разошелся с ЦК и отправился воевать на Украину с наступающими немецкими-гайдамацкими войсками»³.

О своей деятельности в то время он скромно записал: «Вступил в отряд Примакова, в котором исполнял различные должности: вел политработу, выпускал с Лебедевым газетку "К оружию!", чинил суд и расправу, ездил в разведку и был пулеметчиком»⁴. Революционный пыл, готовность к самопожертвованию, бесстрашие, честность, искренность, присущие Г. Пятакову, Е. Бош, Н. Лебедеву (последние тоже из «левокоммунистических» соображений вместе с Ю. Коцюбинским и С. Бакинским 5 марта оставили посты народных секретарей в правительстве Советской Украины), стали составной частью пусть временного, но все же успеха в отпоре немецко-австрийскому нашествию на Полтавском участке фронта (правда, подобные успехи были в то время единичными, не способными существенно повлиять на общий ход событий).

¹ Скрипник М. Історія пролетарської революції на Україні. Нарис. С. 208.

² РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 5. Л. 24.

³ Деятели СССР и революционного движения в России. С. 592.

⁴ Там же.

Глава V. СЕКРЕТАРЬ ПЕРВОГО ЦК КОМПАРТИИ УКРАИНЫ

1. Детерминанты решений

Необходимость в объединении большевиков во всеукраинском масштабе, создании общерегионального центра давала о себе знать не один раз в прошлом. В частности, после прекращения существования областных, региональных партийных структур, которые функционировали накануне и в годы первой российской революции и доказали свою эффективность, киевские большевики – при поддержке ЦК РСДРП в 1912 году пытались создать Южную областную конференцию для создания в Украине областного партийного центра. Однако аресты в Киеве, Екатеринославе и Одессе сорвали эти планы. По тем же причинам не удалось это сделать и позднее, в 1913–1916 годах.

После свержения самодержавия, в условиях легального развития РСДРП(б), на фоне интенсивных процессов партийного строительства, охватившего все партии, прежде всего – украинские, стремление к консолидации большевистских сил в регионально-украинском масштабе возобновилось, приобрело новые импульсы, получило новые реальные перспективы.

Первым результативным шагом на пути к объединению большевиков Украины в 1917 году было образование двух областных партийных организаций.

По сообщению харьковской большевистской газеты «Пролетарий», 4 апреля в Екатеринославе состоялось областное совещание большевиков. В его работе приняли участие представители большевистских организаций Екатеринослава, Харькова и Донбасса. К сожалению, никаких документов о порядке дня совещания и одобренных им решений не сохранилось. Наверное, на совещании не было создано областного органа, потому что никаких следов его деятельности в последующем не обнаружено.

15–17 апреля 1917 года в Киеве состоялось окружное партийное совещание Юго-Западного края, которое собрало делегатов больше-

вистских организаций и групп в объединенных социал-демократических организациях Киевской, Волынской, Полтавской и Черниговской губерний. В совещании принимали участие представители Бюро ЦК РСДРП Е. Розмирович, М. Савельев и И. Шварц. Для руководства большевистскими организациями совещание создало окружной партийный комитет, председателем которого была избрана Е. Бош.

Оформление областных партийных организаций в Украине состоялось в июле 1917 года на двух областных партийных конференциях. 10–12 июля в Киеве прошла областная конференция РСДРП(б) Юго-Западного края. В ее подготовке и работе принимал участие представитель ЦК партии Н. Крыленко. На конференции присутствовали делегаты от Киевской, Белоцерковской, Винницкой, Клинцовой, Конотопской, Малинской, Остерской, Переяславской и Черниговской организаций Юго-Западного края, представлявших 7500 членов партии, а также делегатов от Гомельской, Екатеринославской и Харьковской организаций большевиков и Одесской организации большевиков и интернационалистов. Конференция обсудила текущий момент, высказалась за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства, призвала активизировать работу в массовых организациях трудящихся. В областной комитет РСДРП(б), избранный на конференции, вошли Е. Бош (председатель), П. Гишвалинер, А. Гриневиц (секретарь), И. Крейсберг, К. Неровня, В. Примаков, Г. Пятаков, М. Тарногородский и Цирлин.

13–15 июля в Екатеринославе состоялась конференция РСДРП(б) Донецко-Криворожской области. В ее подготовке принимал участие представитель ЦК партии Г. Мельничанский. На конференции присутствовали 33 делегата от 13 организаций: Екатеринославской, Харьковской, Луганской, Мариупольской, Криворожской, Макеевской, Юзовской, Енакиевской, Горловской, Нелеповской, Щербиновской, Парамоновской и Свинаревской, которые представляли 13 648 членов партии. Заслушав доклады с мест, конференция отметила рост большевистского влияния в массах, избрала областной комитет РСДРП(б), в который вошли Ф. Сергеев (Артем), В. Быстрянский, Я. Залмаев, Э. Квириг, М. Копылов, А. Каменский и М. Острогорский. Ф. Сергеев (Артем) был избран секретарем, а В. Быстрянский, позже – председателем комитета. Комитет находился в Харькове.

Создание областных партийных организаций, бесспорно, способствовало консолидации рядов большевиков, объединению под их руководством движущих сил будущей социалистической революции, но лишь в пределах названных областей. Оно не решало главную

задачу: создание партийного объединения большевиков в масштабе всей Украины.

На новую ступень объединительный процесс вышел в конце 1917 года, в условиях борьбы за установление в Украине власти советов, стал ее составной частью, реализацией объективных жизненных потребностей.

Влияние большевиков, неуклонно возрастающее на протяжении всего 1917 года, особенно усилилось в его последние месяцы. Самое убедительное свидетельство тому – увеличение численности большевистских рядов. В декабре в 204 городских, 128 сельских и 215 военных организаций было приблизительно столько же членов, сколько в самой многочисленной украинской партии – УПСР, а именно – более 70 тысяч. Потребность в объединении и сплочении партийных сил в общеукраинском масштабе становилась все более настоятельной. Обуславливалось это как расчетами на усиление своих позиций, необходимостью обеспечения более эффективного руководства революционным движением, укрепления связей рабочих и крестьян Украины с революционными силами во всероссийском масштабе, так и важностью учета региональной специфики партийной работы, в частности, наличием у политических противников большевиков в Украине общеукраинских объединений и центров. Острее других эту потребность, очевидно, чувствовали большевики Киева, которые действовали в самом эпицентре жизни украинских партий. Очевидно, именно данным обстоятельством было вызвано приглашение на упомянутую областную конференцию РСДРП(б) Юго-Западного края (10–12 июля 1917 года) представителей большевистских организаций Харькова, Екатеринослава, Николаева и других городов, не входивших в Юго-Западный край.

Киевские большевики первыми осознали недостаточность сил двух областных партийных объединений – Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края, – для эффективного решения задачи, вставшей перед революционерами Украины после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде: установление в регионе советской власти и образование Украинского советского государства. Достижение этой цели значительно усложнялось тем, что Центральная Рада, воспользовавшись в качестве предлога разгромом киевскими рабочими и солдатами отрядов штаба военного округа в ходе восстания 29–31 октября 1917 года, своим Третьим Универсалом от 7 ноября объявила себя высшей властью в Украине и стала на путь реализации идей украинской национальной государственности. 8 ноября 1917 года областной комитет РСДРП(б) Юго-Запад-

ного края сообщил о своем решении созвать съезд большевистских организаций и фракций Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов со всей Украины и военных организаций Юго-Западного и Румынского фронтов для рассмотрения вопроса об объединении этих организаций, «о власти краевой и на местах»¹.

На следующий день в газете «Пролетарская мысль» была опубликована редакционная статья «Социал-демократия на Украине». Мотивируя предложение о создании краевой организации РСДРП(б), областной комитет партии указал на необходимость организационного и политического сплочения всех большевистских организаций Украины для мобилизации революционных сил на борьбу против украинской контрреволюции. При этом подчеркивалось, что речь идет не о создании самостоятельной партии, а лишь об объединении существующих на этой территории организаций в один из крупных отрядов единой РСДРП(б). «Вырастает необходимость объединения всех организаций революционной социал-демократии на Украине в краевую организацию и создания своего центра, – отмечалось в статье, – который бы входил, как часть в целое, в Российскую социал-демократическую рабочую партию, являлся бы одним из отрядов ее»².

11 ноября 1917 года областной комитет большевиков Юго-Западного края направил в ЦК РСДРП(б) специальное письмо, в котором говорилось: «Постоянные препятствия в нашей работе в виде шовинизма и разлагающего влияния украинских социалистических партий и Центральной Рады, порождающих рознь среди пролетариата Украины и натравливающих друг на друга части его, заставляют нас серьезно задуматься о создании социал-демократии Украины в противовес Украинской СДРП. В связи с этим и целым рядом других вопросов (о власти в крае и др.) нами предполагается созыв краевого партийного съезда. Просим ваших санкций и директив в связи с готовящимся съездом»³.

12 ноября к ЦК РСДРП(б) и областному комитету Юго-Западного края с просьбой «созвать съезд всех организаций партии Украинской Народной Республики для выработки общей тактики» обратился Полтавский комитет РСДРП(б). Инициаторы съезда стремились привлечь к его проведению Донецко-Криворожский областной комитет

¹ Пролетарская мысль (Киев). 1917. 8 ноября.

² Там же. 9 ноября.

³ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.). Сб. док. М., 1957. С. 250.

партии. 17 ноября 1917 года в разговоре по прямому проводу с членом ЦК РСДРП(б) И. Сталиным член Юго-Западного областного комитета большевиков С. Бакинский проинформировал о «подготовке съезда партии нашей области совместно с Харьковской областью»¹.

Однако уставной нормы оформления партийной организации РСДРП(б) в рамках вновь создаваемой национальной республики тогда еще не существовало. Ни члены областного комитета Юго-Западного края, ни члены Киевского комитета – самой крупной организации этой области, – не имели ясного представления об организационных принципах и формах предстоящего объединения большевистских организаций Украины. У некоторых из них возникла идея образования отдельной от РСДРП(б) партии социал-демократов Украины.

ЦК РСДРП(б) также не сразу пришел к окончательному решению в этом достаточно сложном вопросе. Получив письма от областного комитета РСДРП(б) Юго-Западного края с запросом о рекомендациях относительно объединения большевиков в общеукраинском масштабе, секретарь ЦК РСДРП(б) Я. Свердлов сделал на документе надпись: «Ответ послан с нарочным. Создание особой партии украинской, как бы она не называлась, какую бы программу не принимала, считаем нежелательным. Предлагаем посему не вести работы в этом направлении. Иное дело созыв краевого съезда или конференции, которые мы бы рассматривали как обычный областной съезд нашей партии»².

Еще до получения этого ответа Юго-Западный областной комитет партии снова обсудил вопрос о созыве краевого партийного съезда и направил в ЦК партии своего представителя С. Бакинского для информирования о состоянии дел в организации и всестороннего выяснения вопроса. 27–29 ноября в 1917 года он дважды встречался с В. Лениным. Впоследствии Бакинский так передавал содержание этих бесед: «Я приехал в Питер в ЦК по поручению киевских товарищей для выяснения вопроса, что нам строить на Украине: областную конференцию РСДРП(б) или учредительный съезд УСДРП(б). Я явился к Владимиру Ильичу и изложил ему детально наше положение на Украине и все выявившиеся мысли, все “за” и “против” того и второго решения. Владимир Ильич выслушал детали, поставил ряд вопросов как для определения обеих точек зрения, так и для выяснения общего положения на Украине, согласился с тем, что положение

¹ Пролетарская мысль. 1917. 18 ноября.

² Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность (февраль 1917 – июль 1918): Сб. документов и материалов. К., 1990. С. 468.

может иметь различные последствия, если совершить ошибочный шаг, но от определенного указания воздержался и предложил мне зайти к нему через несколько дней с тем, чтобы на днях, во-первых, выяснить, что случилось в Киеве за те дни, пока я ехал оттуда (дня четыре) (...), во-вторых, поскольку решение вопроса связано с двумя сторонами – национальной и организационной, – чтобы я встретился с товарищами Сталиным и Свердловым и вместе с ними наметил проект решения вопроса»¹. Обращает на себя внимание как осторожность, с которой В. Ленин подходил к этой сложной проблеме, так и апелляция к неопровержимым на тот момент авторитетам для председателя СНК: И. Сталина (наркома по делам национальностей, на которого вождь большевиков полностью полагался в украинском вопросе) и Я. Свердлова.

29 ноября вопрос об объединении большевиков Украины рассматривался на заседании ЦК РСДРП(б). В протоколе записано: «Украинские с.-д. просят разрешения именоваться с.-д. рабочей партией Украины ввиду того, что Российская СДРП по-украински значит – русская». ЦК не принял по этому поводу никакого решения и передал его в бюро ЦК (В. Ленин, И. Сталин, Я. Свердлов, Л. Троцкий)².

В начале декабря 1917 года ЦК РСДРП(б) продолжал изучать вопрос о принципах создания всеукраинского партийного объединения, стремясь не допустить поспешных, необоснованных решений. Об этом свидетельствует и письмо Секретариата ЦК РСДРП(б) Елисаветградскому комитету партии от 5 декабря 1917 года. ЦК одобрительно отнесся к предложению созыва 15 декабря партийной конференции Черноморской области (Херсонская, Таврическая и Бессарабская губернии) в Одессе с целью создания областного партийного объединения. «Не исключена возможность, – говорилось далее в письме, – отделения от нас Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и Екатеринославской губерний при отделении Украины. Тогда, безусловно, придется согласиться на создание социал-демократии Украины, чего мы до сих пор избегали, хотя соответствующие предложения и делались нам...»³

Таким образом, на определенном этапе ЦК РСДРП(б) допускал партийное объединение в Украине, в состав которого могут и не вой-

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 194. Л. 24 об.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): август 1917 – февраль 1918. С. 155–157; Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность. С. 476–477.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.1а. Д. 82. Л. 107.

ти организации Юга. А приведенное письмо может оцениваться и как поощрение «сепаратистских» (относительно будущего партийного объединения Украины) действий большевиков Юга. Возникновение же всеукраинского партийного объединения очевидным образом связывалось с решением вопроса о государственности Украины, ставилось в прямую логическую зависимость от него.

Окончательно подход ЦК РСДРП(б) к решению вопроса об образовании общеукраинской партийной организации определился только в середине декабря в 1917 года, после провозглашения Украиной Советской Социалистической Республикой на I Всеукраинском съезде Советов. Хотя текст самого решения не обнаружен, о позиции ЦК в этом важном вопросе можно судить по письмам Секретариата ЦК РСДРП(б) Полтавскому комитету и Сарненской группе большевиков (Волынская губерния), направленным соответственно 18 и 26 декабря в 1917 года. При этом ЦК учел не только упомянутые просьбы большевиков Украины, но и «общие соображения»¹. К последним, очевидно, относится и провозглашение Украинской Советской Республики, установление связи между ЦИК Советов Украины и Советом Народных Комиссаров, то есть тех новых государственно-политических реалий, пренебрегать которыми ради привычных принципов было бы несерьезно, а в перспективе могло привести к негативным последствиям.

В письме к Полтавскому комитету РСДРП(б) Секретариат ЦК сообщал: «В настоящее время вопрос решен следующим образом: Украина, как самостоятельная единица, может иметь свою самостоятельную социал-демократическую организацию, а потому может именовать себя социал-демократическая рабочая партия Украины, но так как они не желают выделяться из общей партии, то существуют на тех же правах, как самостоятельный район»².

Та же, мысль лишь с некоторой конкретизацией аспектов партийного строительства, содержалась и в письме к Сарненским большевикам: «Ввиду того, что украинцы с.-д. обращались к нам с просьбой об изменении наименования их организации, а также по общим соображениям, постановлено, что Украина, как самоопределяющаяся единица, может иметь свою самостоятельную с.-д. партию и может именоваться социал-демократическая рабочая партия Украины, но

¹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. С. 125.

² Там же. С. 112.

так как они [большевики Украины. – В. С.] целиком входят в нашу партию, то они существуют на правах районной (местной, областной – по сути дела) организации»¹.

Таким образом, ЦК РСДРП(б) пришел к выводу, что в условиях победы социалистической революции, прихода большевиков к власти, в условиях бурного советского национально-государственного строительства целесообразно создать новое звено партийной структуры – республиканские партийные организации. При этом структура партии должна была учитывать, но не копировать национально-государственную структуру. Основополагающими в строительстве партии были закономерности социалистической революции, ее главные цели и ленинские принципы партийного строительства, что, как считалось, в наибольшей степени соответствовало высшим интересам революции.

Следовательно, в новых условиях шел поиск формы не просто сохранения, а укрепления и развития единства партии: через создание в ее составе республиканских парторганизаций.

Интересно, что в ходе выработки подходов к решению этой непростой задачи были сделаны и шаги к созданию в Украине самостоятельной Коммунистической партии. Группа членов Киевского комитета РСДРП(б) (В. Затонский, И. Кулик и другие) с согласия комитета подготовила и 30 ноября 1917 года издала листовку: «Социал-демократия Украины (большевики-украинцы)». (О существовании этой листовки ученым было известно давно, но вот обнаружить ее текст долгое время не получалось; но и после того, как ее перепечатка была найдена и получила надлежащую оценку, исследователи почему-то не спешат принимать во внимание настоящий важный исторический документ, анализируя процессы партийного строительства в конце 1917 года.) Листовка вышла от имени Организационного комитета социал-демократии Украины (большевиков-украинцев). То есть в то время, когда областной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края пытался решить проблему консолидации партийных сил в регионе и консультировался по этому поводу с ЦК РСДРП(б), члены Киевского комитета большевиков проявили нетерпение. Это не просто объяснить, ведь буквально через несколько дней должен был начать работу Краевой (областной) съезд РСДРП(б), призванный решить вопрос об объединении большевиков Украины, о названии этой объединенной организации и тому подобное.

¹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. С. 124–125.

Авторы листовки искренне считали, что они не нарушали элементарную партийную этику, партийную дисциплину. Так, на Краевом (областном) съезде РСДРП(б) В. Затонский настаивал: «Для того чтобы наша партия была массовой, следует выбросить название русская. Здесь образовалась уже с.-д. Украины, и это произвело огромное впечатление»¹. В пылу дискуссии В. Затонский допустил явное преувеличение, приравнивая публикацию листовки к образованию «с.-д. Украины».

Свой замысел авторы данного документа сформулировали предельно ясно: «Постановили мы создать эту новую партию украинских большевиков (...). Мы, украинские большевики, сплотились в партию и начинаем на Украине борьбу за то, чего хотят и чего более-менее уже достигли большевики русские в Московщине». Инициаторы создания «новой партии украинских большевиков» выражали надежду, что в ее состав «как русские, польские и другие секции» войдут «русские, польские и другие большевики, которые живут на Украине», а также приглашали в ее ряды «социалистическую часть существующих украинских партий»². Заявляя о своем согласии с общей программной целью социал-демократии, высказываясь против Центральной Рады, за власть Советов, за единство действий с трудящимися России, «украинские большевики» вместе с тем слишком акцентировали внимание на национальных особенностях Украины, не определяли конкретные пути борьбы за установление советской власти, не формулировали своего отношения к РСДРП(б) и тому подобное.

Содержание листовки отражало позицию лишь отдельных членов Киевского комитета РСДРП(б), в связи с чем съезд осудил действия комитета. Более того, как видно из материалов съезда, против взглядов авторов листовки решительно выступила и часть киевских большевиков.

После принятых съездом постановлений идеи «украинских большевиков» уже не могли иметь успеха в Киеве, да и во всей Юго-Западной области. В Киеве, Полтаве, Сарнах (по-видимому, и в близлежащих пунктах) в декабре в 1917 года ознакомились и с позицией ЦК РСДРП(б) по вопросу о путях образования в Украине краевого партийного объединения. Поэтому не удивительно, что историкам не известна ни одна оформленная в Юго-Западном крае группа «украинских большевиков» (вероятнее всего, таких групп здесь просто не существовало).

¹ Літопис революції. 1926. № 5. С. 80.

² Солдат и Рабочий (Херсон). 1917. 12 декабря.

Тем не менее выпущенная 30 ноября 1917 года листовка в тот же день была разослана во многие большевистские организации Украины, которым длительное время, очевидно, не были известны решения Краевого (областного) съезда РСДРП(б).

Все это и обеспечило успех идей авторов неоднократно упоминавшейся листовки в некоторых районах Украины. Еще во время работы Всеукраинского съезда Советов, листовку перепечатала херсонская газета «Солдат и Рабочий» (орган Совета рабочих и солдатских депутатов), стоявшая тогда на большевистских позициях, и со значительными сокращениями (если не сказать – в изложении) – «Донецкий пролетарий» (орган Донецко-Криворожского областного и Харьковского комитетов РСДРП(б)). Думается, не случайно именно в районах, где выходили и распространялись эти газеты, и возникли группы «украинских большевиков»: в Одессе и в Горловско-Щербиновском районе Донбасса. Здесь они попытались наладить свою деятельность (с приемом членов, уплатой взносов); в Горловско-Щербиновском районе даже провели районную конференцию. Однако подавляющее большинство местных организаций РСДРП(б) не поддерживали идею о создании самостоятельной «партии украинских большевиков». Об этом свидетельствует, в частности, малочисленность групп «украинских большевиков», о которых вспоминают самые активные их участники (в сущности – организаторы): М. Матяш (Одесса) и М. Острогорский. На Одессчине насчитывалось до тысячи членов «новой партии»; относительно Донбасса данных нет (хотя иногда в литературе и встречаются упоминания, что организация здесь была малочисленной и не имела влияния). Если принять во внимание то, что в Украине тогда насчитывалось свыше 70 тыс. большевиков, станет очевидным незначительный удельный вес «украинских большевиков» в общей массе революционных сил региона.

Эти группы просуществовали недолго, лишь до весны 1918 года, когда, убедившись в бесперспективности своей линии, «украинские большевики» решили самораспуститься¹.

Упомянувшийся выше Областной (краевой) съезд РСДРП(б), состоявшийся 3–5 декабря 1917 года в Киеве, стал важной вехой на пути к решению вопроса о создании в Украине большевистского партийного центра. В его работе приняли участие 47 делегатов с решающим голосом от 24 партийных организаций и 7 делегатов – с совещательным голосом от 6 организаций, которые в целом насчитывали 18 тыс. членов партии. Были представлены партийные орга-

¹ Сторінки історії Компартії України. Запитання і відповіді. К., 1990. С. 74–77.

низации 7 губерний Украины, а также Юго-Западного фронта. В то же время на съезде не были представлены организации РСДРП(б) Харькова, Донбасса, Николаева, Херсона, Одессы, руководство которых, очевидно, не спешило солидаризироваться с инициаторами создания всеукраинского партийного объединения.

Формально съезд не имел мандата от всех партийных организаций Украины, тем не менее его решения стали одним из факторов консолидации большевистских сил. В ходе обсуждения вопроса о создании краевого органа и партийной работе в крае были отклонены предложения о необходимости федеративного устройства РСДРП(б) и вхождения в нее большевиков Украины на правах самостоятельной партии¹.

Краевой съезд постановил создать в Украине единую партийную организацию как составную и неотъемлемую часть партии большевиков, она получила название «РСДРП(б). Социал-демократия Украины». Во Всеукраинский партийный центр (краевой комитет), который называли «Главный комитет Социал-демократии Украины», было избрано 9 членов и 4 кандидата: А. Александров, Е. Бош, А. Горвиц, А. Гриневич, В. Затонский, И. Кулик, Я. Гамарник, В. Люксембург, Л. Пятаков и др. Однако этот орган фактически не смог стать всеукраинским партийным центром, что объяснялось как отсутствием поддержки его со стороны руководства ряда крупных организаций (прежде всего Донкривбаса), так и недостаточной его последовательностью в осуществлении собственных решений.

Но в целом краевой съезд способствовал выработке единой политической линии большевиков Украины и стал первым шагом на пути образования КП(б)У.

В то же время нельзя утверждать, что идея консолидации партийных сил во всеукраинском масштабе в то время стала всеобщей. Так, областной комитет РСДРП(б) Донецко-Криворожского бассейна не отозвался на инициативу проведения всеукраинского большевистского съезда. Более того, одновременно была созвана областная партконференция. Она рассмотрела наиболее острые и безотлагательные вопросы борьбы за установление советской власти, организации отпора любым проявлениям контрреволюции. Конференция высказалась за созыв в ближайшее время съезда большевистских организаций Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края. Однако главной его целью было не организационное объединение и создание единого партийного центра, а разработка общего плана агитации и борьбы против контрреволюции. Таврическая и Херсонская губернские кон-

¹ Сторінки історії Компартії України. Запитання і відповіді. С. 74–77.

ференции РСДРП(б), состоявшиеся в канун краевого съезда в Киеве, вопрос о создании всеукраинского партобъединения не обсуждали.

Как видим, в том, что касалось «самоопределения» большевиков Украины, выработки их позиции, поисков линии отношений – с одной стороны, с ЦК РСДРП(б), а с другой – с украинскими партиями, Центральной Радой, – далеко не все складывалось просто. А решения принимались под воздействием многих факторов. Особую роль, в частности, играла позиция ЦК РСДРП(б), который проявлял понятную осторожность в деле объединения большевиков Украины в краевой, в сущности, автономной организации. Последнее могло стать нежелательным прецедентом, началом превращения единой, централизованной партии в федерацию краевых большевистских организаций, что неизбежно привело бы к ослаблению боеспособности взлелеянного В. Лениным и его соратниками довольно мобильного, дисциплинированного, жестко управляемого, политически мощного (конечно, относительно других политических сил России того времени) политического организма.

Острая политическая борьба, вылившаяся с начала 1918 года в открытое вооруженное противоборство, последующий ввод в Украину по приглашению Центральной Рады австро-венгерской и германской армий несколько затормозили ход процесса консолидации большевистских рядов в регионе. Однако с повестки дня вопрос не снимался, а его актуальность даже росла в связи с новыми обстоятельствами.

Находясь в Петрограде, Георгий Пятаков непосредственного участия в поисках путей консолидации большевиков в Украине, создания Компартии Украины не принимал. Однако трудно предположить, чтобы он не был в курсе дел, не вырабатывал собственной позиции. И это, бесспорно, пригодится, когда после определенного перерыва в объединительном процессе, вызванном военными событиями, большевики Украины вернутся к решению этой проблемы уже в новых обстоятельствах.

2. Таганрогское совещание

К середине апреля 1918 года почти вся территория Украины была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками. Советская власть была ликвидирована. Однако сопротивление, оказанное оккупантам трудящимися Украины, частями Красной армии, красногвардейцами, свидетельствовало о том, что они не смиряются с участью, которую им уготовили политические противники. Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 19 апреля 1918 года в

своем Манифесте заявил, что, «невзирая на нашу нынешнюю военную неудачу, вскоре наступит время смерти Центральной рады и время окончательного торжества рабочих и крестьян Украины. Во всякой борьбе бывают не только победы, но и поражения. И зря надеется контрреволюционная буржуазия, что гайдамацко-немецкие захватчики сумеют надолго удержать власть в своих руках. Этого не будет»¹.

С оккупацией Украины власть формально снова перешла к Центральной Раде, но фактически воцарилось всевластие командования оккупационных войск, которое создало жестокий террористический режим и начало планомерно выкачивать в фатерланд национальные богатства порабощенного края. Поскольку Центральная Рада явно не справлялась с выполнением экономических обязательств Брестского договора, она все больше превращалась в тормоз для реализации планов настоящих хозяев положения.

К середине апреля немецкие войска подходили к Ростову и Таганрогу. В приморский город эвакуировались ЦИК Советов Украины и советское правительство республики. 18 апреля 1918 года здесь состоялась последняя сессия ЦИК, созванная по инициативе большевиков. Сессия постановила реорганизовать органы власти и управления республики. Вместо ЦИК Советов Украины и Народного секретариата создавалось Всеукраинское бюро для руководства повстанческой борьбой против немецких оккупантов. Ему передавались права и обязанности высших органов власти и управления советской республики. Бюро состояло из девяти человек, поэтому получило название «Девятка». Называли его еще и «Партизанской девяткой», «Повстанческим Народным секретариатом». В состав «Девятки», как многопартийного органа, входили большевики А. Бубнов (председатель), Г. Пятаков, В. Затонский, Н. Скрыпник; левый украинский социал-демократ М. Врублевский (он активно сотрудничал с большевиками и вступил в КП(б)У в момент ее создания; левые российские и украинские эсеры С. Мстиславский, О. Северов-Одоевский, В. Семушкин и Е. Терлецкий (последний тоже вскоре стал коммунистом). На случай «выхода из строя» (ареста и тому подобное) членов «Девятки» было избрано девять кандидатов, с пропорциональной партийной принадлежностью.

Создание такого боевого чрезвычайного органа, обладающего широкими полномочиями, вполне отвечало точке зрения Георгия Пя-

¹ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). Сб. документов и материалов. К., 1962. С. 79.

такова. Как и большинство других «левых», он считал лишним, как говорил, «ломать комедию советского правительства, когда это делается почти на фронте». Именно Е. Бош и Г. Пятаков, которые волей судьбы опять оказались рядом, вместе, предлагали создать узкий центр и больше всего, если не исключительно, озаботиться военными делами¹.

Негативное отношение к органам власти Советской Украины после Брестского мирного договора (при участии Центральной Рады) со странами австро-венгерско-германского блока отличало позицию Георгия Пятакова еще в период подготовки II Всеукраинского съезда Советов. На форуме в Екатеринославе (17–19 марта 1918 года) основными задачами были признаны консолидация просоветских сил республики в условиях иностранного вторжения, а также определение отношения Украины к «Брестской политике» Советской России, к только что подписанному и ратифицированному ВЦИК РСФСР договору. Большевистская фракция съезда сумела в напряженной борьбе повести за собой беспартийных делегатов, левых украинских социал-демократов и добилась одобрения курса на мирную передышку, хотя для Украины это означало неизбежную оккупацию.

II Всеукраинский съезд Советов заявил о готовности Советской Украины подписать мир с Германией и ее союзниками на условиях, предложенных Центральной Радой, однако выступил против ввода в Украину иностранных войск. «Для того чтобы сохранить возможность свободно развивать завоевания социалистической революции, – говорилось в резолюции съезда о политическом моменте, трудящиеся массы Украины на своем II съезде Советов перед лицом всего мира заявляют, что они готовы подписать даже те тяжелые условия, которые навязываются Украине мирным договором Центральной Рады с Австро-Германией, но при обязательном условии полного невмешательства Австро-Германии во внутреннюю жизнь Украины и вывода австро-германских войск из всех занятых ими частей Украины.

II Всеукраинский съезд Советов, являясь выразителем воли украинской демократии, постановляет, что украинский трудовой народ будет бороться против завоевателей и душителей революции, против империалистов всего мира, но вместе с тем примет через свои полномочные органы все меры к прекращению войны и к выработке приемлемых для трудящихся условий мира»².

¹ См.: Літопис революції. 1929. № 5–6. С. 132.

² Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. С. 69–70.

Г. Пятаков и «левые коммунисты» не только сомневались в целесообразности съезда, но и открыто выступали против его созыва. Речь, утверждали они, может идти только о революционной войне. Стремление созвать съезд во время войны, по их мнению, свидетельствовало о неизжитости в партии пережитков социал-демократизма, парламентских иллюзий. Поэтому следует заниматься не организацией съездов, а брать в руки оружие и воевать. Правительство нужно распустить, а все его члены должны влиться в красногвардейские отряды и личным примером возбуждать революционную энергию, защищать революцию¹. Вспоминая о событиях февраля–марта 1918 года, Евгения Бош писала в воспоминаниях: «Для меня было вполне ясно, что вести боевую работу правительство [имеется в виду Народный секретариат. – В. С.] в целом не может. Я предлагала работу свести к обслуживанию фронта – массовой агитации, формированию частей и материального обслуживания фронта»².

Тогда предложения «левых» не нашли поддержки у руководства Советской Украины. Но после реорганизации ЦИК Советов и Народного секретариата, открывались реальные возможности для реализации замыслов «левых» о создании боевых революционных органов для решительной борьбы против оккупантов и их сторонников.

В комплексе общепартийных проблем, которые приобрели особую актуальность и остроту, все более безотлагательным представлялось решение вопроса о создании Коммунистической партии Украины. Его обсуждение и стало лейтмотивом партийного совещания в Таганроге, которое происходило 19–20 апреля. Георгий Пятаков был одним из инициаторов этого собрания, председательствовал в первый день заседаний, в общем, оказался одним из ключевых действующих лиц. В работе совещания приняли участие члены коммунистической фракции ЦИК Советов Украины, Народного секретариата, а также левых из Украинской партии социалистов-революционеров и Украинской социал-демократической рабочей партии, которые порвали со своими партиями и вскоре были приняты в Компартию, – всего 71 человек.

Для большинства участников совещания вопросы о принципах, путях консолидации партийных сил являлись в то время второстепенными, доминировала главная идея: организация партизанской борьбы в оккупированной Украине. В резолюции совещания по во-

¹ См.: Скрипник М. Статті і промови. Т. 1. С. 368–369.

² Бош Е. Б. Год борьбы. 2-е изд. с прилож. биогр. писем автора. К., 1990. С. 392.

просу о тактике говорилось: «Задачей Коммунистической партии большевиков Украины является воссоздание классовой партийной организации пролетариата и ее руководство в деле организации и ведения восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контрреволюционной буржуазии»¹. Именно на совещании в Таганроге было утверждено название вновь создаваемой партии, которая позже упрочилось: «Коммунистическая партия (большеви-ков) Украины».

Обсуждение же вопросов о том, какой должна была быть КП(б)У, ее статус по отношению к Российской компартии, проходило в острой борьбе между сторонниками двух противоположных точек зрения. Именно тогда четко заявили о себе две группы партийных работников большевистских организаций Украины, условно названные «левые» и «правые». Поскольку оба лагеря большевистских руководителей отстаивали существенно различающиеся позиции как в деле организации коммунистов Украины, так и в определении расстановки сил, перспектив развития революции, задач и тактики большевиков республики, это наложило отпечаток и на процесс создания КП(б)У, и на всю деятельность в первые годы ее существования. В вопросах организационных сущность разногласий заключалась не столько в том, нужна ли парторганизация республиканского масштаба, сколько в понимании, на каких принципах должна создаваться КП(б)У и как должны строиться ее взаимоотношения с РКП(б) и ЦК РКП(б).

Осенью 1917-го и весной 1918 года партийные работники Донецко-Криворожского бассейна и Юга Украины не разделяли мнения об острой необходимости объединения большевистских организаций Украины в единой партии. Поэтому, как упоминалось выше, в декабре 1917-го Областной комитет РСДРП(б) Донецко-Криворожского бассейна не откликнулся на инициативу партийцев Юго-Западного комитета («киевлян») о созыве всеукраинского съезда большевиков. А в конце января 1918-го «екатеринославцы» (как называли работников Донецко-Криворожского комитета партии (Ф. Сергеев (Артем), С. Васильченко, М. Жаков, Б. Магидов, В. Межлаук и другие)) на IV областном съезде Советов добились принятия постановления об образовании Донецко-Криворожской Советской республики. Фактически это означало отделение промышленного региона от Украины, что никоим образом не способствовало объединению советских сил в республике. Образование Донкривбасовской республики было прояв-

¹ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. С. 86.

лением регионализма, сепаратизма, вызванного среди прочего, также амбициями ряда руководителей, в частности Ф. Сергеева (Артема).

Сепаратистские идеи и тенденции получили определенную поддержку в связи со стремлением и большевиков, и трудящихся региона помешать австро-германской оккупации Донецкого и Криворожско-го бассейнов. Это нашло воплощение в реальных действиях, направленных на организацию сопротивления иностранным агрессорам, отразилось в значительном числе документов, имело определенный военно-политический эффект¹. Однако под воздействием критики В. Ленина, ЦК РКП(б), Совета народных комиссаров, не без оснований опасавшихся, что австро-немецкая военщина может использовать активизацию военных действий в регионе для обвинений РСФСР в нарушении Брестского мира и пойти на расширение зоны оккупации за пределы Украины (это же могло означать смертельную перспективу для продолжавшей формироваться, но все еще слабой Красной армии), «донкривбасовцы» уже в марте 1918 года на II Всеукраинском съезде Советов признали необходимость вхождения Донецко-Криворожской Советской республики в состав Советской Украины².

В целом же создание этого во многом искусственного административно-территориального образования не могло не оказать негативно-го влияния на процесс советского строительства в республике. То же можно сказать и относительно позиции «донкривбасовцев» в вопросе о создании Компартии Украины.

Упомянутые выше и часть других руководителей левобережного региона (Э. Квиринг, Я. Яковлев (Эпштейн), В. Аверин и др.), действовавшие по большей части на Екатеринославщине, исходили из того, что силы пролетариата подорваны оккупацией, большевистские организации разгромлены, и восстановление советской власти невозможно без военной помощи РСФСР.

Позднее Э. Квиринг так охарактеризовал взгляды, которые обычно называют правыми: «Мы считали в Таганроге, что война проиграна и что задача не в том, чтобы искать новых союзников для продолжения войны сейчас, а чтобы войну закончить возможно безболезненно

¹ Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков, 2011; Поплавський О. О. Донецько-Криворізька Радянська Республіка: історико-політичний аспект. Автореф. дисс...канд. наук. Дніпропетровськ, 2010.

² См. Курас И. Ф., Солдатенко В. Ф. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917–1920 рр.). К., 2001. С. 52–55.

для Советской России (...). И чтобы начать готовиться к новой революционной борьбе внутри оккупированной Украины»¹.

Главной задачей партии они считали укрепление партийного подполья, налаживание пропаганды и агитации, а также использование легальных возможностей, в частности, работу в профсоюзах. Вместе с тем правые недооценивали внутренние революционные потенции в самой Украине, заметно пренебрегали делом организации партизанской, повстанческой борьбы. Такие взгляды отражали настроения части рабочего класса, измученного империалистической войной, разрухой, безработицей.

Другая группа работавших в Юго-Западном крае партийцев во главе с Г. Пятаковым (А. Бубнов, С. Косиор, И. Крейсберг, В. Затонский и др.), напротив, переоценивала внутренние революционные силы, главную ставку в борьбе за восстановление советской власти они делали на вооруженное восстание, а поэтому своей первоочередной задачей считали создание ревкомов, повстанческих штабов и тому подобное.

Эти взгляды отражали настроения преимущественно крестьянских масс, переживавших особые трудности и не желавших далее мириться с германско-австрийской оккупацией, с возвращением власти помещиков, безудержными грабежами и репрессиями. К тому же лидеры группы – Г. Пятаков и А. Бубнов – были активными «левыми коммунистами», противниками Брестского мира. Им казалось, что достаточно лишь разжечь пламя вооруженной борьбы против оккупантов в Украине, чтобы вспыхнула мировая революция. В. Затонский, также принадлежавший к «левым», так объяснял тогдашнее понимание своими единомышленниками требования укрепления партийных организаций: «Под усилением партии (...) понимали то, что она должна руководить тем восстанием, которое вот-вот вспыхнет, руководить, чтобы использовать как можно лучше революционную энергию крестьянских масс»².

По своей идейно-политической сущности взгляды украинских «левых» весной и летом 1918 года были типичным проявлением «ле-

¹ Э. Квиринг. Наши разногласия // Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 года. К пятилетнему юбилею (1918–1923). Статьи и протоколы съезда. Харьков, 1923. С. 8. Воспоминания Э. И. Квиринга в несколько отредактированном виде на украинском языке были воспроизведены в книге «Спогади про Перший з'їзд КП(б)У». К., 1958. С. 45–52.

² Затонський В. П. Із спогадів // Спогади про Перший з'їзд КП(б)У. С. 15.

визны». Однако отождествлять «левых» в парторганизациях Украины с «левыми коммунистами» в общепартийном понимании нельзя. В частности, В. Затонский сделал в связи с этим такое предостережение: «Я сам, например, был за Брестский мир и вообще против “левых коммунистов” российских [в общепартийном смысле. – В. С.], но принадлежал к левому крылу коммунистов украинских»¹.

На совещании определилась еще одна, довольно немногочисленная группа парработников, которые поддерживали предложения Н. Скрыпника, эта группа получила название «центр». Однако ничего общего с центризмом в традиционном понимании она не имела. Скорее, это была попытка не идти ни за одной из существующих группировок, тяготение к выработке собственных идейных позиций.

При таких обстоятельствах вопрос об организационных формах будущей партии оказался на острие бескомпромиссной дискуссии. Э. Квиринг предложил проект резолюции: «Образовать автономную партию со своим Центральным Комитетом и со своими съездами, но подчиняющуюся общему Центральному Комитету и съездам Российской Коммунистической партии». А в проекте резолюции Н. Скрыпника предлагалось: «Образовать самостоятельную коммунистическую партию, имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные съезды и связанную с Российской Коммунистической партией через международную комиссию (III Интернационал)»².

Проект Э. Квиринга в целом исходил из принципа сохранения единства РКП(б), учитывал отношение ЦК партии к образованию всеукраинского партобъединения в декабре 1917 года. Однако в нем недооценивались условия Брестского мира. Его принятие могло дать Германии повод обвинить РСФСР во вмешательстве во внутренние дела Украины и тем самым поставить под угрозу мир, которого так настойчиво добивалась Советская Россия.

Большевики Украины, конечно, стремились избежать подобных последствий. Именно этими рассуждениями, очевидно, и руководствовалось большинство участников совещания, проголосовавших против проекта резолюции, представленного Э. Квирингом. Как следует из протокола, «предложение т. Квиринга совещанием было отклонено», а предложение Н. Скрыпника и его единомышленников «принято поименным голосованием 35 голосами, при 21, голосо-

¹ Затонський В. П. Из спогадів // Спогади про Перший з'їзд КП(б)У. С. 15.

² Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. С. 82–83.

вавшем за первое предложение, и 1, воздержавшемся»¹. Бесспорно, в последнем документе в значительно большей степени учитывалась конкретная историческая обстановка. Однако и он был далеко не безупречным, в частности, в нем предусматривалась связь между независимой КП(б)У и российской компартией лишь через международную комиссию III Интернационала, которую тогда только планировалось создать. В знак протеста против принятого решения об организационной самостоятельности КП(б)У совещание покинули «екатеринославцы»: Э. Квиринг и семь его сторонников.

Сам автор принятой резолюции, Н. Скрыпник, исходил прежде всего из необходимости во что бы то ни стало сохранить Брестский мир; разрыв с РКП(б) он считал временным, условным, вызванным тактической необходимостью. А с победой социалистической революции в международном масштабе потребность в решении подобных вопросов вообще отпадет сама собой, ведь коммунисты всех стран и регионов составят одну дружную семью – так весьма абстрактно и в целом утопически пророчил один из политических романтиков.

Резолюцию Н. Скрыпника поддержала группа, возглавляемая Г. Лапчинским. Последний постепенно склонялся к федеративным принципам строительства Коммунистической партии и, очевидно, поэтому решил голосовать вместе с коллегами за создание самостоятельной КП(б)У.

Г. Пятаков и его единомышленники на совещании в Таганроге также солидаризировались с резолюцией Н. Скрыпника. Максимально самостоятельная, только в общеидейном смысле зависимая от РКП(б), автономная как в тактических, так и в организационных вопросах Компартия Украины открывала «левым коммунистам», их лидеру Г. Пятакову путь к реализации собственных радикальных идей, политики, направленной на активизацию революционных процессов в Европе и во всем мире. При этом именно Украине отводилась роль мощного детонатора социальных взрывов.

Николай Скрыпник прекрасно это понимал. 8 июня 1918 года, уже после Таганрогского совещания на заседании Оргбюро по созыву I съезда КП(б)У Г. Пятаков обвинил Н. Скрыпника в том, что тот на совещании с представителями Донецко-Криворожского бассейна и большевистской фракции Румчерода (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. – В. С.) выступил с заявлением о возможности на будущем съезде большевиков Украины высказаться против вы-

¹ Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти. С. 83.

хода из РКП украинских коммунистов (большевиков) в том случае, если «левые коммунисты» будут иметь большинство на предстоящем съезде. В ответ Николай Алексеевич четко изложил свою позицию. Может возникнуть необходимость пересмотра принятого в Таганроге решения о выделении парторганизаций Украины в самостоятельную партию, «если на съезде образуется лево-коммунистическое большинство, которое будет стремиться это выделение в отдельную партию сделать средством борьбы с Российской Коммунистической партией и ее политикой»¹.

Относительно общих тактических вопросов между участниками Таганрогского совещания серьезных разногласий не возникло. И хотя по этому вопросу была принята резолюция «О тактике партии на Украине», предложенная Н. Скрыпником, проект, оглашенный от имени А. Бубнова, Г. Пятакова, С. Косиора и др. (за эту резолюцию, оформленную как тезисы, проголосовали 23 партийца, против – 26), мало чем отличался от принятого. «Основной задачей партии пролетариата является организация вооруженного восстания пролетарско-крестьянских масс Украины против угнетателей, – отмечалось в документе. – Партия должна сосредоточить все свои силы на укреплении массовых организаций, на развитии широкой агитации, призывая рабочих и крестьян к активным выступлениям вплоть до вооруженной борьбы с германо-гайдамацкими бандами и оказывать организационно-техническую помощь действующим партизанским отрядам, стремясь к внесению наибольшей организованности в их политическую работу»².

На совещании также было определено отношение к «левым» украинским социал-демократам, которые решили выйти из УСДРП. Большевистским организациям рекомендовалось тесно сотрудничать с действительно революционными элементами этой партии, ставшими на путь признания диктатуры пролетариата. Группу эту возглавляли П. Буценко, А. Слынько, М. Врублевский.

Для подготовки и созыва конференции (съезда) большевистских организаций Украины на совещании было избрано Организационное бюро, в которое вошли: Н. Скрыпник (секретарь), А. Бубнов, Я. Гамарник, В. Затонский, С. Косиор, И. Крейсберг, Г. Пятаков.

Таганрогское совещание сыграло огромную роль в подготовке образования КП(б)У и выработке тактики революционной борьбы за восстановление в Украине власти Советов.

¹ Коммунист. 1918. 15 июня. № 1–2. С. 31.

² Бош Е. Б. Год борьбы. С. 350.

Конечно, после совещания дискуссии не прекратились.

Трибуной пропаганды взглядов «левых» и мощным орудием осуществления их идей стала газета «Коммунист» – орган Оргбюро по созыву конференции партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины. Достаточно сказать, что имя их лидера – члена редколлегии Г. Пятакова (он подписывался также и традиционно: П. Киевский и Старый Воробей) на страницах газеты встречается наиболее часто (с 15 июня по 15 октября 1918 года вышло восемь номеров газеты «Коммунист», из них 1–2, 3–4 и 7–8 сдвоенные). В первых четырех номерах, которые вышли до I съезда КП(б)У, его имя стоит под восемью материалами. Справедливости ради надо отметить, что практически симметрично публиковались и статьи правых, в частности их лидера Э. Квинринга.

Г. Пятаков не раз твердо и безапелляционно заявлял, что в России после заключения Брестского мира советская власть является чисто формальной и в интересах мировой революции целесообразно было бы даже поражение советской власти. «Мы не стоим за сохранение Советской власти во что бы то не стало и любой ценой, – писал он. – Более того, в кандалах немецкого империализма она неминуемо изживает себя». В статье «Авангард мировой революции» лидер «левых» заявлял: «Советское правительство, над которым издевается немецкий империализм, которое не поднимает брошенной ему перчатки, которое уступает шаг за шагом, оно перестало быть активным фактором европейской революции». Пятаков утверждал, что «авангардом европейской революции является не центральная Россия, а Украина», что «Украина сделалась (...) исходным пунктом возрождения русской революции». Георгий Леонидович не видел таких жертв, которые не стоило бы принести ради выполнения задач, возложенных историей на плечи украинского народа¹.

Ему вторили единомышленники. В. Затонский писал: «К нам, на Украину переносится в данный момент очаг мировой революции», «на нашу долю выпала более выигрышная, хотя не менее ответственная роль штаба ударного батальона мировой революции». А. Бубнов также настаивал, что «нужно было бросить “курс на мир”, решительно выдвинуть задачу борьбы во что бы то ни стало»².

Необходимость обособления КП(б)У от РКП(б) Г. Пятаков и его товарищи обосновывали серьезной разницей в положении России и

¹ Коммунист. 1918. 1 июля. № 3–4. С. 47–48.

² Там же. С. 52, 58–59.

Украины. В. Затонский, в частности, утверждал: «Роль, выпавшая на долю украинского пролетариата, как уже было сказано, существенно отличается от той, которую приходится играть пролетариату российского социалистического оазиса, и поскольку (и до тех пор, пока) своеобразна роль, необходим, повторяю, соответствующий аппарат для успешного выполнения. Горе той армии, которой управляет ряд не связанных, конкурирующих друг с другом штабов, но не лучше и положение той, которой командует в бою интендантское управление»¹.

Таким образом, после Таганрогского партийного совещания большая часть вопросов, связанных с образованием Компартии Украины, прояснилась. Никто из руководителей большевистских организаций против создания КП(б)У открыто не выступал, объективная обусловленность этого шага признавалась единодушно. Правда, содержание постановления еще предстояло донести до партийной общественности, изучить отношение к документу рядовых партийцев. К тому же, решения, принятые в Таганроге, не были окончательными, носили рекомендательный характер. При конституировании собрания было установлено: «Совещание имеет организационный характер. Его решения не являются обязательными для организаций, но служат материалом при обсуждении партийными организациями организационных и тактических вопросов партийной работы на Украине»².

С одной стороны, в такой формулировке учитывалось существование различных подходов к решению сложной проблемы. С другой стороны, разногласия обусловили и глубину дискуссий, которые развернулись на местах, в первичных организациях. В опубликованной в «Правде» статье Я. Яковлева (Эпштейна) подчеркивалось: «В настоящий момент вопрос об отделении партийной организации Украины от Всероссийской партии дискутируется во всех партийных ячейках Украины»³.

Можно констатировать, что позиция Г. Пятакова по вопросам о создании украинского советского государства, республиканской партийной организации переживала значительные, динамичные, временами головокружительные, неожиданные трансформации.

Как справедливо отмечал Э. Квиринг, каждому, кто знал об отношении Г. Пятакова к национальной проблеме, было ясно, что его никоим образом нельзя обвинять в национализме. Действительно, Георгий Лео-

¹ Коммунист. 1918. 1 июля. № 3–4. С. 59.

² Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность, 1917 – июль 1918. Сб. документов и материалов. К., 1990. С. 627.

³ Правда. 1918. 30 июня.

нидович был тогда (да и впоследствии) самым решительным противником всего национального как «враждебного социализму». Исходя из этого, как представляется, более логичным выглядело бы негативное отношение Г. Пятакова к идее украинской государственности, так же, как и к плану создания республиканской, в сущности на национальной почве, самостоятельной партии коммунистов Украины. Ведь еще совсем недавно он считал нецелесообразным – в условиях нарастания мировой революции, оформления в ближайшем будущем III Интернационала – коммунистами Украины отдельной от РКП(б) партийной организации. Он был убежден, что в процессе социалистического строительства, действительного объединения пролетариата, нелепо даже говорить о создании национальной партии.

Однако в канун учредительного съезда Георгий Пятаков выступил активным участником создания Украинского советского государства и Коммунистической партии Украины, одним из самых энергичных и амбициозных ее лидеров... Главная причина такой метаморфозы заключалась в его расчетах на масштабную работу, полностью подчиненную интересам мировой пролетарской революции.

Тем временем события, развернувшиеся в конце апреля 1918 года, показали, что германские и австро-венгерские оккупанты не собирались считаться с условиями Брестского мирного договора и продолжали наступление за пределы Украины – на Ростов, Новочеркасск, Таганрог. В связи с угрозой захвата немцами Таганрога органы власти УССР под грохот канонады немецкой артиллерии, покидали город. Люди и имущество разместились в трех эшелонах, которые должны были прорываться на север. С первым эшелоном выехал Н. Скрыпник – на Ростов, Новочеркасск, Воронеж. Во втором ехали В. Затонский и С. Косиор. Продвигаясь по охваченному гражданской войной Дону, этот эшелон в числе последних успел проскочить через Новочеркасск и в начале мая прибыл в Москву.

Третий эшелон, которым ехали А. Бубнов и Г. Пятаков, был вынужден пробиваться в Царицын: дорога на Москву через Новочеркасск–Воронеж была перерезана антисоветским восстанием на Дону и оккупационными войсками. Эшелон сопровождали последние войны Червоного казачества. Путь на Царицын часто пробивали оружием, время от времени приходилось делать остановки, чтобы восстановить поврежденные железнодорожные пути.

Австро-немецкий оккупационный режим, гетманат, который пришел на смену Центральной Раде в конце апреля 1918 года, жестоко подавлял революционные силы, главный удар был направлен против самой радикальной из них – большевиков. Партийные организации

были разбиты, партийцы, избегая преследований, вынуждены были перейти в глубокое подполье. Однако они не собирались мириться с таким положением, начинали возрождать свои ячейки, устанавливать, укреплять связи с массами, в большинстве своем настроенными радикально против чужеземной власти и ее пособников в национальном лагере.

Главной базой восстановления партийной жизни стали крупные центры Украины. Одними из первых реанимировали деятельность своей организации большевики-подпольщики Одессы. В конце марта 1918 года там состоялось собрание коммунистов города, на котором присутствовало около 80 человек. Временный городской комитет большевиков возглавил А. Трофимов, один из самых авторитетных партработников. В начале апреля в городской парторганизации насчитывалось уже 150 коммунистов.

Большевистское подполье в Киеве действовало с самого начала оккупации. В середине марта на общегородском собрании присутствовало около 60 подпольщиков. В апреле был избран временный горком РСДРП(б) во главе с Л. Картвелишвили.

Значительная группа большевиков работала в Екатеринославе. Здесь уже в конце апреля избрали городской комитет (И. Амосов, Г. Биченко, Н. Варлен и другие). На Екатеринославщине активную деятельность развернули подпольные большевистские организации Александровска, где с этой целью была оставлена группа коммунистов во главе с И. Гавриловым. Возобновили работу большевистские организации Мелитополя, Токмака и других городов.

В Харькове в условиях оккупации действовала так называемая «пятёрка», наладившая связи с партячейками заводов и с районами. В начале мая здесь был избран городской комитет в составе М. Безчетвертного, М. Кабаненко, И. Приедитиса, Г. Хоперской, Г. Сапожникова.

В Донбассе, оккупированном в конце апреля, уже в мае возобновили работу подпольные большевистские организации в Юзовке (Д. Корниенко, И. Боярский, Г. Зимин, Е. Северьянов), Лисичанске (П. Бородин, П. Евсеев, И. Лагода, А. Титов). Подпольные большевистские организации в Енакиеве возглавил П. Турутин, в Мариуполе – Г. Македон, Константиновке – И. Прищепа, Гришино – И. Квиленко.

Группа подпольщиков активизировала работу в оккупированной Полтаве. В середине апреля большевистская организация города насчитывала более 200 членов; в середине апреля здесь был избран общегородской партийный комитет. Большевистское подполье в это время начало действовать на Черниговщине, Волыни, Подолье и в других регионах Украины. К середине мая 1918 года, в основном,

закончился процесс восстановления подпольных партийных организаций в большинстве промышленных и административных центров Украины. Произошло сплочение распыленных большевистских сил, были сформированы руководящие партийные органы, укрепились их связи с ячейками и между собой¹.

Подготовка к партийному форуму во второй половине мая–июне 1918 года вступала в новую фазу. Главной задачей Оргбюро в это время являлось дальнейшее возобновление деятельности большевистских организаций, установление с ними связей, выборы делегатов съезда. С этой целью Оргбюро отбирало и направляло в местные парторганизации активных партрработников, находившихся на территории РСФСР. Всего на протяжении мая–июня на Украину было направлено более 200 коммунистов.

Тех, кто уезжал, обеспечивали явками, паролями, литературой.

В Киев прибыли М. Майоров и М. Реут, в Харьков – В. Логинов и И. Смирнов, в Одессу – И. Крейсберг, Н. Голубченко, В. Бухарцева, на Подолье – А. Снегов и т. д. Посланцы Оргбюро устанавливали связи с подпольными парторганизациями, информировали их о решении Таганрогского совещания, распространяли «Сообщение о созыве конференции большевистских организаций коммунистов-большевиков Украины», организовывали выборы делегатов.

И. Крейсберг и Н. Голубченко провели совещание представителей большевистских организаций Одессы, Николаева, Херсона, Александровска, обстоятельно проинформировали их о состоянии партийной работы, созыве съезда. Для руководства подготовкой к образованию областной парторганизации было создано организационное бюро. От большевиков Херсонской губернии на съезд избрали 8 делегатов: И. Крейсберга, П. Ровнера, М. Федирко, Л. Тарского, Г. Корочанского и др., они представляли около 500 членов партии.

Большую работу провели представители Оргбюро в Донбассе, на Екатеринославщине и Харьковщине. В мае–июне здесь быстро росла численность большевистских организаций. К моменту открытия съезда в левобережном регионе уже работали более двух тысяч коммунистов, или почти половина состава большевистских организаций Украины². Это свидетельствовало о том, что и в условиях подполья,

¹ См.: Пиріг Р. Я. Випробувань загін ленінської партії. До 70-річчя І з'їзду КП(б)У. К., 1988. С. 25–27.

² Там же. С. 27–28.

невзирая на постоянные преследования, в партию, в первую очередь, вступали лучшие представители рабочего класса.

Партийные организации Донбасса избрали делегатами на съезд С. Попова – от Луганска, Г. Зимина, Е. Северьянова – от Юзовки, Р. Терехова – от Берестово и др., всего 12 человек. Партийные организации Екатеринославской губернии послали на съезд 21 делегата. Среди них Э. Квиринга, Г. Биченко, И. Амосова, В. Клочка, П. Воронова, М. Арсеничева, П. Сиволапа, О. Чумака и др.

Направленные Оргбюро в Харьков В. Логинов и И. Смирнов приложили усилия к укреплению подпольных организаций города. Был избран новый состав горкома партии, установлены связи с коммунистами Сум, Лебедина, Изюма. На съезд от большевистских организаций губернии было избрано 6 делегатов, которые представляли свыше 300 членов партии (М. Безчетвертной, И. Смирнов, А. Ближниченко, И. Приедитис и др.).

В конце мая состоялась Черниговская губернская партконференция, на ней присутствовали 38 делегатов от 7 уездов. Конференция избрала губком партии во главе с Е. Петровским и губревком, который возглавила С. Соколовская. В июне здесь выбирали делегатов на съезд, были избраны К. Неровня, С. Соколовская, Л. Тилис и др., всего 8 делегатов от 296 членов партии.

Для укрепления большевистских организаций и активизации партийной работы чрезвычайно важное значение имело Всеукраинское партийное совещание, созванное 26 мая 1918 года по инициативе Киевского комитета РКП(б). Воспользовавшись тем, что в Киеве проходил съезд профсоюзов, делегаты-коммунисты и другие представители большевистских организаций (всего около 70 человек) провели совещание, на котором было представлено 12 населенных пунктов (Киев, Харьков, Екатеринослав, Чернигов, Одесса, Полтава, Кременчуг, Прилуки, Каменское, Ходорков, Богуслав, Гомель, Лоев). Были представлены доклады с мест, рассмотрен вопрос о созыве Всеукраинской партконференции, избран Временный Всеукраинский комитет рабочей Коммунистической партии. В его состав вошли М. Майоров (председатель), Л. Картвелишвили, О. Пирогов, М. Реут, И. Амосов, С. Хливный¹. Члены комитета побывали в местных парторганизациях, информировали их членов о совещании, предстоящем съезде. В июне комитет установил связь с Оргбюро, координировал с ним подготовку партийного форума.

¹ Коммунист. 1918. 15 июня. № 1–2. С. 35–37.

Особое значение создание Временного Всеукраинского комитета имело для большевиков Юго-Западного края. Партийные организации Винницы и Проскурова избрали делегатами на съезд А. Снегова и П. Гешвалинера, Радомышля – Л. Берины, Г. Рубильского, Я. Ушеренко.

Накануне I съезда КП(б)У существенно укрепились подпольные партийные организации Киева, к концу июня здесь насчитывалось 655 коммунистов. Делегатами съезда были избраны М. Майоров, Л. Картвелишвили и А. Слынько.

В мае–июне 1918 года активизировалась работа по созданию партизанных в сельской местности. В частности, на Черниговщине авторитетная большевистская организация действовала в с. Дроздовка Нежинского уезда. Местные большевики установили связи с коммунистами сел Жуковка, Куликовка и др. Крепкие большевистские организации действовали в с. Добрянка на Черниговщине, селах Николаевское, Всесвятское, Попельнастое – на Екатеринославщине, Васютино – на Полтавщине. Их посланники принимали участие в работе съезда¹.

Оргбюро по созыву съезда коммунистов Украины и Временный Всеукраинский комитет рабочей Коммунистической партии смогли наладить связи с большинством подпольных партийных организаций, что способствовало их консолидации.

Несмотря на трудности нелегальной деятельности, постоянные преследования со стороны немецко-австрийских властей и гетманской стражи, за четыре месяца на Украине была создана разветвленная сеть подпольных большевистских организаций. Возобновили работу или были вновь созданы 50 партийных комитетов, в том числе 2 губернских, 15 городских, 24 районных и подрайонных, 10 уездных. Всего действовало 208 первичных парторганизаций, в том числе 129 – в промышленных городах и районах, 79 – в сельской местности².

Это была уже достаточно мощная сила, которая должна была еще больше приумножиться, организационно сплотиться.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины 5–12 июля 1918 года. Протоколы. К., 1988. С. 196–198.

² Великой партии отряд. Из истории большевистских организаций Украины. К., 1983. С. 248.

3. На первом партийном съезде

В первых числах мая 1918 года основная группа членов созданного в Таганроге Организационного бюро по созыву съезда коммунистов Украины прибыла в Москву. Его штабом стала гостиница «Люкс» на улице Тверской. В. Затонский вспоминал, что они сразу же позвонили по телефону В. Ленину и были приглашены к главе советского правительства. «Как были с дороги, обросшие, бородатые, нечесаные, пришли к нему в Кремль. Ильич спрашивал, как у нас вели себя левые коммунисты (он этим делом очень интересовался). Расспрашивал о настроениях украинского крестьянина, интересовался, как думаем налаживать работу на Украине. Вообще одобрял идею образования украинского партийного центра. – Это давно надо было сделать»¹.

Известно, что кроме Затонского в число тех, кто посетил тогда В. Ленина, входили А. Бубнов и Н. Скрыпник. Очевидно, Г. Пятакова среди них не было. Вероятно, он не успел приехать в Москву. Возможно, существовала и какая-то иная причина.

В целом В. Ленин, ЦК РКП(б) были хорошо осведомлены о решении Таганрогского совещания, и, очевидно, их беспокоила перспектива создания самостоятельной парторганизации в Украине. На заседании ЦК РКП(б) 3 мая 1918 года была принята резолюция «Об отношении ЦК к выделению Украинской Коммунистической партии» (две резолюции)². В протокольной записи упомянутого заседания передано содержание резолюции Таганрогского совещания об образовании КП(б)У: «Предварительно решен вопрос о создании особой Украинской Коммунистической партии, окончательное решение предоставлено конференции от 20 июня», – и отмечено, что по этому вопросу приняты две резолюции, которые не подлежат разглашению. Под «конференцией от 20 июня» имелся в виду форум партийных коммунистических организаций Украины, который позже будет конституироваться как съезд.

Сам документ до сих пор не обнаружен, однако содержание «двух резолюций» (или скорее двух частей одной резолюции) воспроизводится на основании других документов и материалов. Через несколько дней «Правда» сообщала: «Центральный Комитет РКП(б), обсудив вопрос о выделении отдельной Украинской Коммунистиче-

¹ Затонський В. П. Из спогадів про Українську революцію // Літопис революції. 1929. № 5–6 (38–39). С. 141.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 8 об. – 9.

ской партии из Российской Коммунистической партии, не находит никаких возражений против создания Украинской Коммунистической партии, поскольку Украина представляет собой самостоятельное государство»¹. О второй резолюции говорил на I съезде КП(б) У Э. Квиринг: «Негласное постановление ЦК, согласно которому должен быть выделен официально Украинский ЦК, а неофициально он существует как областной центр»². В то же время, чтобы не дать Германии и Австро-Венгрии повода для обвинений правительства Советской России и РКП(б) в нарушении условий Брестского мира относительно Украины, в официальных документах Коммунистической партии (большевиков) Украины говорилось о формальном закреплении самостоятельности местных партийных организаций в том, что касается их деятельности³.

Следовательно, точка зрения ЦК РКП(б) на вопрос о характере образования республиканской партийной организации в Украине оставалась принципиально неизменной: Компартия Украины должна была быть составной частью единой общероссийской партии, подчиняться решениям ЦК РКП(б). Последний еще раз категорически подтвердил свою позицию непосредственно в канун съезда. Эта позиция противоречила планам и надеждам «левых». Они, как и раньше, стремились к созданию самостоятельной коммунистической организации в Украине как эффективного орудия для решительных революционных действий, которые, по их расчетам, становились все более неотложными. Их лидер Г. Пятаков в подготовленной им редакционной статье настаивал: «Восстание на Украине разгорается (...). Восстание на Украине – неизбежный факт (...). Организовать это восстание, слить маленькие повстанческие ручейки в один бурный, *неудержимый* поток – такова задача нашей партии на Украине»⁴.

Для укрепления своей позиции Г. Пятаков пытался как можно эффективнее использовать свое руководящее положение в редколлегии «Коммуниста», публикуя в каждом номере по несколько материалов. Причем тон его статей был наступательным, бескомпромиссным. «Левые» откровенно критиковали ЦК РКП(б), СНК РСФСР за нере-

¹ Правда. 1918. 9 мая.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 179–180.

³ Извещение о 1-м съезде Коммунистической партии (большевиков) Украины. Изд. ЦК КП(б)У. 1918 г. С. 4.

⁴ 15 июня 1918 года // Коммунист. 1918. 15 июня. № 1–2.

шительность, уступчивость мировому империализму, обосновывали необходимость леворадикальных действий большевиков Украины, считали свой регион, а вовсе не Советскую Россию, авангардом мировой революции¹. Интересы же развития мировой революции якобы требовали наращивать активность коммунистов Украины, в частности, усилить их организационное влияние на повстанческое движение. «Связывая немецкие силы, – доказывали “левые” в редакционной статье “Авангард мировой революции”, – Украина помогает Советской России создавать ее расстроенный организм и сделаться снова фактором международной революции»².

Еще более категорично эта позиция была выражена в опубликованной «Коммунистом» статье «Надгробное слово “Тезисам” т. Скрыпника». «Мы не стоим за сохранение Советской власти во что бы то ни стало и какой угодно ценой, – декларировал взгляды “левых” автор, – и придаем ей значение лишь постольку, поскольку трудящиеся массы могут творить через нее свою волю. Более того, в оковах германского империализма она неизбежно изживает себя. (...) С нашей точки зрения, самое существование Российской Советской власти в значительной степени зависит от хода и исхода восстания на Украине»³.

Назвав на страницах «Коммуниста» московское руководство «генералами без армии» (В. Затонский), «левые», их лидер – Г. Пятаков – доказывали необходимость организационного обособления партии, которая создавалась в Украине, от единой Российской Коммунистической партии (большевиков).

С такими настроениями и убеждениями шел Г. Пятаков на съезд большевистских организаций Украины.

Конечно же, В. Ленин был хорошо осведомлен о позиции одного из лидеров украинских большевиков и, безусловно, ключевой фигуры в создании республиканской партийной организации. Думается, есть определенные основания предполагать, что вождь РКП(б) пытался повлиять на ситуацию на личностном уровне. В начале второй декады июня (скорее всего двенадцатого) В. Ленин, обмениваясь во время заседания СНК записками с Н. П. Горбуновым, написал: «Сейчас звонил из Петрограда Крестинский (...). Пятаков будет сегодня

¹ [Г. Пятаков] Авангард мировой революции // Коммунист. 1918. 1 июля. № 3–4.

² Пятаков Г. Надгробное слово «Тезисам» т. Скрыпника // Там же.

³ Там же.

Вам звонить по просьбе Крестинского. Николай Николаевич [Крестинский. – В. С.] просит Вас, до окончательного решения по банкам, назначить Пятакову свидание и постараться его снова пустить в банковское дело. Пятаков хотя и стремится уехать на юг, как будто колеблется. При некотором натиске можно его заполучить [подчеркивание мое. – В. С.]. Прошное свидание не состоялось случайно»¹. В другой записке В. Ленин сообщал: «Я нездоров, и могу уйти раньше. Поговорите с Пятаковым (если он первый позвонит), позвоните ему и скажите мне, когда он уже будет здесь»².

На основании приведенной выше информации можно сделать несколько весьма вероятных выводов.

По стилю записок видно, что В. Ленин был очень заинтересован в личной встрече с Г. Пятаковым, поэтому просил держать его в курсе дела и сообщить, когда тот появится в СНК – «здесь».

В. Ленин рассчитывал «заполучить» Г. Пятакова, т. е. привлечь на свою сторону. Очевидно, вряд ли это было так важно для банковского дела. Н. Крестинский, несомненно, был просто прикрытием. Речь шла о том, чтобы отвлечь «левого коммуниста» от влияния на украинские дела.

О многом говорят, в данном случае, ленинские слова-оговорки. «Как будто колеблется» не очень корреспондирует с утверждением, будто Г. Пятаков «стремится уехать на юг». В. Ленин хорошо знал, что «колебания» совсем не свойственны молодому революционеру (хотя, естественно, исключать ничего нельзя). И если тот решил ехать в Украину, причем с горячим желанием «делать там революции», заставить его свернуть с избранного пути было бы очень непросто. Отсюда вторая оговорка: заполучить его можно «при некотором натиске». То есть для положительного решения вопроса не стоит особенно стесняться в выборе средств – вплоть до того, чтобы даже «нажать» на нужного человека в расчете на двойной эффект: оторвать от Украины и, если получится, «пустить», т.е. направить в банковское дело – туда, где он доказал свою компетентность, высокий профессионализм.

Хотя высказанные соображения являются лишь предположениями (уже потому, что других прямых подтверждений нет), все же с известной долей вероятности они позволяют допустить (и это подтверждается дальнейшим ходом событий), что В. Ленину Г. Пятаков представлялся весьма крупным, влиятельным деятелем большевист-

¹ Ленинский сборник. XXXVIII. С. 207.

² Там же.

ской партии, от личной позиции которого зависело многое в одном из крупнейших регионов – в Украине.

...Добраться до Москвы делегатам от подпольных организаций оккупированной Украины было очень трудно. Их приезд затягивался. А нужно было обязательно достичь как можно более полного представительства, поэтому открытие форума несколько раз откладывалось. Даже на 1 июля 1918 года значительная часть делегатов еще оставалась в дороге. Поэтому 2 июля было решено начать частное совещание делегатов (к назначенному времени открытия прибыли 32 делегата с решающим голосом), которое продолжалось четыре дня. Председательствовал на всех четырех заседаниях Г. Пятаков¹. Совещание определило новую дату открытия собрания: 5 июля 1918 года, наметило повестку дня, постановило конституировать его как «Первый съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины», приняло решение о предоставлении права решающего голоса лишь тем представителям организаций, которые работали в подполье на оккупированной территории, то есть находились на переднем крае борьбы². Большинство ведущих большевиков Украины, хотя и оказывали значительное влияние на ход и решения съезда КП(б)У, имели только совещательный голос. Учитывая продолжавшуюся между ними острую борьбу, такой подход оказался целесообразным, способствовал выработке взвешенной политической линии.

Группа делегатов совещания составила делегацию, посетившую накануне 5 июля В. Ленина. Это были представители большевистского подполья, а также известные партийные работники Украины, в том числе Георгий Пятаков. Свыше двух часов продолжался разговор с лидером РКП(б), в ходе которого были обсуждены важнейшие вопросы порядка дня съезда, тезисы докладов и проекты резолюций. Позже Э. Квиринг вспоминал, что с В. Лениным «предварительно согласовывались резолюции по основным вопросам»³. В. Ленин дал установки относительно партийного руководства борьбой украинского народа, одобрил идею организации Временного всеукраинского партийного центра, а также Центрального военно-революционного комитета для руководства подготовкой и проведением вооруженного восстания против оккупантов и гетманского режима. Он особенно

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 1–11.

² Там же. С. 11.

³ Квиринг Э. Наши разногласия. С. 12.

подчеркнул необходимость восстановления революционного единства Украины с Россией, укрепления союза рабочего класса и крестьянства, дружбы украинских и российских трудящихся¹.

Понятно, в разговоре с В. Лениным выявились расхождения коммунистов Украины во взглядах на перспективы их деятельности: осторожная правых – Э. Квиринга, Я. Яковлева и др., энергичная и решительная «левых» – Г. Пятакова и, прежде всего, В. Затонского. Будто продолжая давний, начатый еще в 1915 году, спор с В. Лениным, Георгий Леонидович отстаивал необходимость самых радикальных действий. Однако предложенный им проект резолюции о вооруженном восстании вождь большевиков подверг острой критике. Учитывая недавнее упорное сопротивление Г. Пятакова политике Брестского мира, можно было ожидать авантюрных поступков с его стороны, тем более в такой взрывоопасной обстановке, которая сложилась в Украине к середине 1918 года. В. Затонский свидетельствует, что в обсуждении пятаковского проекта о вооруженном восстании «Ильич беспощадно (...) крыл за преувеличения, грел за левую фразу, требовал фактов и доказательств, “что момент наступил”...»² Впоследствии, уже на съезде, Н. Скрыпник скажет по этому поводу: «Товарищ Ленин заявил, что он не может согласиться с резолюцией тов. Пятакова»³.

Невзирая на эти обстоятельства, Георгий Леонидович Пятаков сыграл в работе I съезда КП(б)У (работал в Москве 5–12 июля 1918 года) ключевую роль. Именно он открыл форум от лица Организационного бюро по его созыву. Он был избран в состав президиума. В качестве председательствующего он вел большинство заседаний, активно участвовал в обсуждении всех вопросов, стоявших в повестке дня, подготовил несколько резолюций, произнес заключительную речь. Всего в протоколах съезда зафиксировано 44 выступления Г. Пятакова: с докладами, речами, заявлениями, предложениями, дополнениями, поправками, возражениями, разъяснениями, репликами и тому подобное. По этим (пусть и формальным) показателям активности равных Г. Пятакову на съезде не было.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1975. С. 603–604.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. Харьков, 1923. С. 93.

³ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. К., 1988. С. 81.

В работе I съезда КП(б)У приняли участие 65 делегатов с решающим голосом, которые представляли 40 партийных организаций, в которых насчитывалось свыше 4300 членов партии. Делегатов с совещательным голосом было 154. Кроме того, на съезде присутствовало 114 гостей. Таким образом, в целом в работе I съезда КП(б)У приняло участие более 330 человек¹.

Судя по персональному составу съезда, его делегаты в большинстве были опытными, авторитетными деятелями. Среди них – известные профессиональные революционеры: П. Ровнер – член партии с 1901 года, М. Майоров – 1906, Л. Картвелишвили – 1910, Э. Квининг – 1912, И. Амосов – 1912, И. Крейсберг – 1914, С. Соколовская – 1915 года. Значительную группу делегатов съезда составляли кадровые рабочие: М. Арсеничев из Каменского, П. Воронцов и Г. Биченко из Екатеринослава, И. Приедитис из Харькова, К. Неровня из Конотопа и другие. На съезде были представлены сельские парт-организации Екатеринославщины, Полтавщины, Черниговщины.

Активное участие в работе съезда принимали известные партийные деятели: Е. Бош, А. Бубнов, В. Затонский, С. Косиор, Г. Пятаков, Н. Скрыпник, И. Шварц, Я. Яковлев.

В первый день работы делегаты избрали рабочие органы съезда: президиум, секретариат, мандатную комиссию. Почетным председателем был избран В. Ленин.

Повестка дня съезда была следующей:

1. Доклад Организационного бюро по созыву съезда.
2. Доклад Временного всеукраинского партийного комитета.
3. Отчет большевистской фракции в Народном секретариате.
4. О текущем моменте.
5. О вооруженном восстании.
6. О государственных отношениях Советской Украины с Советской Россией.
7. Об отношении к так называемым «Советам».
8. Об отношении к другим партиям.
9. Об объединении с левыми украинскими социал-демократами.
10. О партии.
11. Организационный вопрос.
12. Выборы Центрального Комитета.

Во вступительной речи от имени Организационного бюро по созыву съезда Г. Пятаков сразу жестко обозначил позицию и цель форума

¹ См.: Мельниченко В. Ю. І з'їзд КП(б)У: історія і сучасність // Український історичний журнал. 1988. № 7. С. 29.

так, как она представлялась «левым»: «Первый съезд нашей партии на Украине собрался в невероятно трудную минуту. Расстрелянная, разбитая партия не могла дать нараставшему восстанию того стройного и мощного партийного аппарата, который необходим для целей борьбы. Международная обстановка крайне сложна. Политическое положение на Украине чрезвычайно трудно из-за наличия чужеземных войск, с которыми вступать в сношения труднее, чем с царскими даже войсками. Положение осложняется тем, что помимо борьбы с германо-гетманским правительством, придется вести не только идейную, но и вооруженную борьбу с другими партиями, продолжающими называть себя социалистическими.

И вот этот съезд должен создать тот новый мощный аппарат, который сумеет выполнить задачу низвержения империализма»¹.

По-видимому, Георгий Леонидович чрезвычайно ответственно готовился к тому, как задать тон собранию, от которого могло зависеть так много в будущем. Каждая произнесенная фраза звучала, как очередной гвоздь, загоняемый ловким ударом в строительный материал и укреплявший мощь логической конструкции, которая приобретала все более выразительные очертания.

Весомо заметив, что на пути создания республиканского партийного объединения придется преодолеть ошибки тех работников, которые за время легального существования партии отвыкли от условий работы в подполье, Пятаков отметил: «Предварительный опыт, от разгрома до сих пор, во время которого мы успели перейти от обороны к наступлению, помог нам подготовиться к созданию той громадной организации, которая должна выполнить стоящую перед ней сложнейшую задачу. Перед лицом этой задачи партия встанет единой и сплоченной. Работа этого съезда явится переломным пунктом всей работы на Украине. Съехавшиеся товарищи возьмут в свои руки руководство теми формами классовой борьбы, в которые она сейчас отливается на Украине»².

Это были не просто громкие слова! За ними стояло глубокое знание ситуации в Украине, объективный прогноз направления ее вероятного развития, абсолютная убежденность в справедливости революционного дела.

Практически по поводу каждого пункта повестки дня возникали жаркие дискуссии. Однако не успев «набрать оборотов», уже после

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 14.

² Там же.

первого рабочего дня, в ходе которого немало времени заняло решение процедурных вопросов и заслушивание приветствий, съезд был вынужден прервать свою работу.

Поднятые по тревоге, делегаты приняли участие в вооруженной борьбе против левых эсеров, которые 6 июля 1918 года подняли мятеж, убили посла Германии в Москве графа Мирбаха с целью сорвать Брестский договор и спровоцировать войну с Германией. «Со стороны коммунистов все было мобилизовано, – писал в воспоминаниях Владимир Затонский. – Стал под ружье в полном составе и наш украинский съезд...»¹ В ходе мятежа левым эсерам удалось арестовать Андрея Бубнова, который потребовал своего немедленного освобождения, так как из-за «эсеровских глупостей» не желал прерывать свою «украинскую работу» (т. е. участие в съезде КП(б)У. – В. С.). Эсеры быстро согласились, даже предоставили ему автомобиль, оставили револьвер². Ко всему, что касалось Украины, пострадавшей от Брестского мира, эсеры относились подчеркнуто учтиво.

Последнее обстоятельство, по-видимому, сбило с толку известного публикатора документов Ю. Фельштинского (США), который тенденциозно, явно домысливая, истолковал отдельные фразы из письма одного из лидеров левых эсеров – Марии Спиридоновой от ноября 1918 года. Историк попытался доказать, что «не только не было “восстания левых эсеров”, не было и “акта ЦК ПЛСР”, поскольку, например, член ЦК ПЛСР Александрович о планируемом убийстве Мирбаха ничего не знал вплоть до последней минуты, – вот вывод, который будто бы следует из письма Спиридоновой. Был заговор одних членов ЦК ПЛСР (добавим: при участии ряда членов ЦК большевиков, безусловно, Дзержинского, а вероятно, еще и Бухарина с Пятаковым) в тайне от других членов ЦК ПЛСР с целью убийства немецкого посла Мирбаха»³. Не прибегая здесь к опровержению позиции Ю. Фельштинского о существовании заговора экстремистов из ЦК ПЛСР и «левых коммунистов» (документально это не подтверждается), нельзя, однако, не отметить, что упоминание имени Г. Пятакова, даже в гипотетической форме, в предложенном контексте вообще вряд ли чем-либо оправдано. Все первые дни июля 1918 года Георгий Леонидович был настолько

¹ Затонський В. Из спогадів про Українську революцію // Літопис революції. 1930. № 5. С. 148.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 157; Затонский В. Указ. соч. С. 148.

³ Родина (Москва). 1990. № 5. С. 36.

занят подготовкой съезда, началом его работы, что физически просто не имел возможности принимать участие в любых других акциях (заговорах). И, думается, он совершенно искренне сожалел по поводу выступления левых эсеров, которое помешало работе I съезда КП(б)У. В специальной статье, посвященной результатам форума, Г. Пятаков жаловался: «К величайшему сожалению, мятеж левых с-р-ов и ряд других обстоятельств, отнявших у Съезда довольно большое количество времени, не дали возможности рассмотреть все вопросы, стоявшие в порядке дня...»¹

Никогда не вспоминали о какой-либо причастности Г. Пятакова к левоэсеровской аванюре и правые в КП(б)У, которые не простили бы ему (это не трудно предвидеть) такого, что нашло бы свое выражение в многочисленных дискуссиях-обвинениях. И это естественно, ведь они хорошо знали, как непримиримо, вплоть до проявлений сектантства, он относился к представителям не только других партий, но даже к течениям внутри большевизма, а потому априорно отвергали даже малейшую вероятность его причастности к левоэсеровскому заговору.

Никаких претензий к Г. Пятакову относительно его возможных контактов с левыми эсерами никогда не имел и, так сказать, «внефракционный» Николай Скрыпник, который не один раз возвращался на страницах своих позднейших многочисленных публикаций к детальному воссозданию, вплоть до мельчайших подробностей, процесса образования КП(б)У.

Заседания съезда возобновились только 8 июля 1918 года. Н. Скрыпник отметил, что работа форума была прервана «докладом по текущему моменту, прочитанным на улицах Москвы восставшими против Советской власти левыми эсерами»².

Еще до него, в докладе о политическом положении и задачах партии Георгий Пятаков несколько раз отмечал, что после московских событий уже не может быть споров о возможности или невозможности правительственного сотрудничества с левыми эсерами и с последними «в Народном Секретариате нам делать совсем нечего»³. Почти дословно эту позицию воспроизвел Н. Скрыпник⁴.

Тогда же было предложено обратиться к рабочим и крестьянам России с воззванием, в котором осуждалось выступление партии ле-

¹ [Г. Пятаков] Итоги Первого съезда // Коммунист. 1918. 15 августа. № 5.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 61.

³ Там же. С. 51, 52, 53.

⁴ Там же. С. 69.

вых эсеров. «В этот час, – говорилось в воззвании, – всеми мыслями нашими, всей глубиной наболевшего сердца мы кричим вам: не поддавайтесь провокации, не губите великого дела социальной революции, начатого вами и несущего с собой освобождение всем трудящимся...»¹

Георгий Пятаков полагал, что против такого воззвания на девять десятых нечего возразить. Однако документ, по его мнению, следовало доработать, поскольку в нем недостаточно резко осуждаются левые эсеры: «...этой партии нужно было дать пощечину». Не нравились Г. Пятакову и отдельные интонации документа. Но в президиуме съезда, куда передали предложенный вариант для доработки, прийти к согласию не удалось, поэтому при окончательном голосовании 25 делегатов (в том числе, конечно, и Г. Пятаков) воздержались. Истолковать однозначно такую позицию непросто. Ведь при оглашении окончательного варианта воззвания Г. Пятаков, отвечая Э. Квириngu, отметил, что у «левой части» съезда разногласий по поводу авантюры левых эсеров (подчеркнул: «так называемых левых эсеров») нет «и не может быть»².

Впрочем, отсутствие фактов, объективных доказательств не всегда принималось во внимание, когда дело доходило до обвинений в адрес Г. Пятакова. Речь, в частности, о домыслах Генерального прокурора СССР А. Вышинского, высказанных на процессе 1937 года: «Это Пятаков и его компания в 1918 году, в момент острейшей опасности для Советской страны, вели переговоры с эсерами о подготовке контрреволюционного государственного переворота, об аресте Ленина с тем, чтобы Пятаков занял должность руководителя правительства – главы Совнаркома»³.

Возобновив работу, I съезд КП(б)У приступил к рассмотрению одного из важнейших пунктов повестки дня: о политическом положении и задачах партии (этому вопросу было посвящено полностью третье заседание съезда, а также уделялось серьезное внимание на нескольких следующих). Именно этот вопрос вызвал бурю эмоций, вылился в острейшие споры.

С основным докладом выступил Георгий Пятаков. Содокладчики – Я. Яковлев (Эпштейн) и Н. Скрыпник.

В содержательном докладе Г. Пятакова была дана развернутая характеристика международного и внутреннего положения Украины, про-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 72.

² Там же. С. 71.

³ Процесс антисоветского троцкистского центра 23–30 января 1937 года. М., 1937. С. 179.

анализирована расстановка классовых сил. Правда, Георгий Леонидович был вынужден, как говорится, «на ходу» перекраивать речь, поскольку не состоялся запланированный доклад К. Радека о международном положении Украины. А без выяснения этого сверхважного вопроса, по убеждению Г. Пятакова, нельзя было понять и решить ни одной из тактических задач партии¹. Следует сказать, что экспромт просто поражает чрезвычайной осведомленностью автора о сущности мировых политических, экономических, военных, духовных процессов.

По оценке докладчика, в капиталистическом мире, прежде всего во всех воюющих странах, «наблюдается колоссальный хозяйственный развал»². Особенно отчаянное положение Германии и Австро-Венгрии толкнуло их правительства на Брестский «хлебный мир» с Центральной Радой, на военный поход на Восток, первым пунктом которого стала Украина с ее громадными материальными ресурсами. В интересах мирового капитала было продолжить продвижение и дальше – за Кавказ, в Азию. Однако сил на это не было. Их не оставалось даже на то, чтобы держать в повиновении Украину, народ которой восстал против страшного грабежа. Георгий Пятаков вспомнил о факте обращения немецкого посла в Киеве барона фон Мумма к своему правительству с просьбой послать в Украину – в помощь 20 немецким и австрийским корпусам, умиротворяющим украинцев, – еще 10 корпусов, чего Германия сделать не могла³.

Докладчик продемонстрировал реализм в оценке хода событий. «Надежды некоторых товарищей, – заметил он, – на курьерски быстрое развитие международной революции не оправдались, и вполне понятно почему»⁴. Причину задержки этого «курьерского поезда» он видел в том, что «социалистическая революция на Западе происходит далеко не так просто, как могло казаться раньше», а путь, который пришлось преодолевать, это «путь не простого перехода власти в руки пролетариата, а путь разложения, разрушения капиталистического строя и хозяйства, путь хаоса и запустения, вообще путь разрыва всех социальных связей». Только «пройдя сквозь бездну ужаса, голода, обнищания и одичания, общество будет потрясено восстанием рабочих, и через восстание к диктатуре пролетариата социалистическая революция может прийти, только

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 34–35.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 40

⁴ Там же.

пройдя через разложение капитализма»¹. Следовательно, ориентир общественного развития докладчик трактовал вполне в духе пассивного революционаризма.

Тем не менее состояние революционного движения на Западе в представлении Г. Пятакова казалось не таким уже и бесперспективным. Забастовки в Вене, Будапеште, Праге, Берлине в поддержку Советской России, хотя и были подавлены военной силой, означали серьезные шаги вперед. Невиданных размеров достигла деморализация оккупационных армий Германии и Австро-Венгрии в Украине.

Предметным и содержательным, хотя и несколько схематичным (пришлось учитывать фактор времени), оказался и анализ внутриполитического положения, содержащийся в докладе. Г. Пятаков выделил три главных политических лагеря, между которыми разворачивалась борьба – «треугольный бой», – за будущее Украины.

Первый – «правлящий», «немецко-гетманский» центр был обречен на неминуемое поражение.

Второй – бывшие партии Центральной Рады (украинские эсеры и социал-демократы) докладчик квалифицировал как «мелкобуржуазная контрреволюция» и представлял собой силу, с которой придется вести жестокую борьбу, поскольку в момент решающего сражения с антинародным режимом за этими «проходимцами и политическими авантюристами» могут пойти массы.

Третий – советский центр. Созданный в декабре 1917 года Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет Советов после январской (1918 года) победы вынужден был оставить территорию Украины. Заметив, что не стоит переоценивать географический фактор, Г. Пятаков настаивал на том, что, «выскользнув» «из рук Советской власти» территория Украины «политически, в смысле политической группировки той массы населения, которая объективно должна была стоять на стороне советской власти, территория эта не только не выскользнула из наших рук, а, наоборот, связалась с советской властью еще более. Массы, оставшиеся благодаря той усталости, которую они вынесли из войны, пассивными по время март-апрельской вооруженной борьбы с германской армией, эти массы населения стали на сторону Советов под влиянием своего непосредственного жизненного опыта. Когда эти слои стали активно на нашу сторону, то политический советский центр на Украине оказался, несомненно, в

¹ Там же. С. 40, 41.

выигрыше, и мы одержали блестящую политическую победу, потерпев страшнейшее военное поражение и военный разгром»¹.

Кроме названных, в Украине, по мнению Пятакова, существовали еще две силы.

В условиях катастрофического падения авторитета немецко-гетманского режима и усиления австро-немецких противоречий на почве дележа награбленного появились признаки формирования в украинском обществе группы «с целью совершенного отделения Украины от России и образования Украинского государства для включения его в систему австрийского, более мягкого, как они думают, по отношению к Украине государства»².

Другая сила – «лагерь мелкобуржуазной российской контрреволюции, который охватывает мелкую буржуазию так называемых национальных меньшинств во главе с правыми эсерами и меньшевиками»³, поддерживаемых англо-французским капиталом.

Опираясь на свой анализ расстановки политических сил в республике, Г. Пятаков утверждал, что «вооруженное стихийное восстание на Украине должно приобрести неслыханно широкие размеры». Он доказывал, что ни один предыдущий этап революционной борьбы не мог «втянуть в активную борьбу такие широкие слои, втянуть именно не пассивно в смысле сочувствия, а активно, в смысле вооруженных действий, такие широкие слои крестьянства, какие уже втянуты и втягиваются еще сейчас»⁴.

В обоснование своего вывода он напомнил, что если до оккупации Украины австро-германскими войсками шла борьба против реакционного режима, за политические свободы, за передачу земли крестьянству, то летом 1918 года стояла другая цель: с одной стороны, «удержать землю, полученную уже от Советской власти, а с другой стороны, удержать в своих руках и не дать противнику хлеб, который у крестьян отнимается»⁵.

Не будучи сторонником крестьянского восстания, Г. Пятаков прогнозировал, что в новых условиях гражданская война может «достичь невероятной жестокости, свирепости и широты»⁶. Однако для

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 45.

² Там же. С. 47.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

достижения победной цели у крестьян недостаточно сил. «Только в том случае, если пролетариат станет во главе этого движения, если он не останется в стороне, а примет самое непосредственное руководящее участие в нем, можем мы быть уверены, что восстание крестьян не будет разбито, не будет бесцельным бунтом, а будет победоносной Советской революцией»¹.

Буквально «нагнетая» ситуацию, приводя все более убедительные аргументы, будто подзадоривая самого себя, Г. Пятаков страстно убеждал делегатов съезда: «Ни одна партия и даже партия большевиков не может остановить это восстание. Нельзя “отложить”, “оттянуть” восстание»².

Захватывая слушателей неподдельной искренностью, высоким революционным пафосом, Г. Пятаков чеканно подытожил: «...Мы ставим во главу угла всех задач нашей партии на Украине задачу организации и осознания того восстания, которое там развивается»³. Тщательный анализ расстановки военно-стратегических сил давал основания надеяться, что при «достаточной организованности и всеобщности восстания Советская власть на Украине победит»⁴.

В докладе были намечены конкретные задачи партии в том, что касалось военно-технической подготовки восстания. В первую очередь, по мнению Пятакова, необходимо создание разветвленной сети военно-революционных комитетов, объединенных политическим центром (именно политическим, а не военно-техническим), которым является Народный секретариат Украины. Таким образом, полагал докладчик, будет создан аппарат власти.

Собственно о партийных задачах, прежде всего об идеологической работе среди крестьян, о необходимости выработки ясной политической линии докладчик не говорил, хотя в конце своего выступления выразил твердую уверенность, «что партия наша не окажется в сетях в этот решительный момент истории Украины». «Я уверен, — заявил он, — что она будет во главе вооруженного восстания и победит снова и снова, прокладывая путь к Социалистической Республике всего мира...»⁵

¹ Там же. С. 48–49.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 53.

Бесспорно, во многом: в оценке положения в странах Западной Европы, в определении готовности трудящихся Украины к восстанию – Г. Пятаков выдавал желаемое за действительное. Он явно опережал события, подгонял их. Особенно выразительно это проявлялось на примере Украины. Докладчик утверждал: «По отношению к Украине международная обстановка для настоящего момента (правда, в течение ближайшего времени эта обстановка может измениться) сложилась настолько благоприятно, что имеются шансы на победу восстания в ближайшее время»¹.

Конечно, «слабые места» в позиции «левака» Г. Пятакова не остались незамеченными его оппонентами, хотя следует отметить, что доклад согласно протоколу, был заслушан с большим вниманием; реплик, возражений с мест, как это неоднократно происходило во время выступлений других делегатов, в документе не зафиксировано. Впрочем, никаких сомнений не оставалось, что несогласия и критика будут иметь место обязательно – ведь планировалось сразу два содоклада.

Представитель правых – Я. Яковлев, – пренебрежительно назвал доклад Г. Пятакова «лекцией»² (очевидно, он хотел подчеркнуть академизм, недостаточную конкретность анализа, особенно международной обстановки), однако сам, в основном, называл задачи, которые, на его взгляд, неудовлетворительно решены Г. Пятаковым, казались Яковлеву сомнительными, но своих конструктивных ответов на поставленные вопросы, конкретных предложений не давал. Поэтому доклад Я. Яковлева больше походил на попытку «урезонить» лидера «левых», что априори было невыполнимо. «Надо уметь, – доказывал представитель правых, – если этого потребуют интересы развития международной революции, оттянуть это восстание, чего так боится тов. Пятаков [после слов «оттянуть это восстание» тов. Пятаков с места подает реплику: «Попробуйте!» – В. С.], нужно уметь учесть международную обстановку момента (...). Одна из основных наших задач – это воссоздание классовой организации пролетариата»³.

В своем аналитическом содокладе Н. Скрыпник, один из старейших, опытнейших и авторитетнейших партработников, подверг критике как «левых», так и правых – за недостатки и ошибки в вопросах тактики. Н. Скрыпник прямо заявил: «Мы должны одинаково отвер-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 50.

² См.: Там же. С. 54.

³ Там же. С. 57, 60.

гнуть и понимание тов. Пятакова, что подготовляемое нами восстание на Украине будет обусловлено именно степенью организации боевых сил рабочих и крестьян в самой Украине (и, скорее всего, будет предшествовать революции в Германии и Австрии). Мы должны также отвергнуть и предложение Эпштейна – вести свою подготовительную работу, исходя из того понимания, что мы должны будем выступить лишь в ответ на выступление австрийского и германского пролетариата...»¹

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что при всей ее гибкости и дипломатичности позиция Н. Скрыпника в целом была значительно ближе к положениям доклада Г. Пятакова, чем к линии, отстаиваемой Я. Яковлевым. По крайней мере большая часть доклада Н. Скрыпника была направлена на критику последнего. Убеждает в этом и заключительная его сентенция: «Теперь, товарищи, перед нами стоит тяжелая, упорная, долгая и грандиозная борьба. И теперь нам нужно в нашей борьбе поставить своей задачей объединение всех сил рабочего класса на Украине, сплочение их вокруг нашего партийного знамени, под руководством нашей партии, организацию сил рабочих и беднейших крестьян Украины в военно-революционных комитетах, действующих под политическим руководством нашей партии и объединяемых вокруг единого центра. Вот почему нам необходимо оставить Народный Секретариат [правые настаивали на его роспуске. – В. С.], признав вместе с тем, что левые эсеры своим восстаниям фактически себя из него исключили»².

Следует добавить, что смысл заключительного слова Н. Скрыпника по вопросу о текущем моменте и задачах партии вообще свелся к полемике с правыми³. Возможно, поэтому Я. Яковлев в своем заключительном слове отказался от персональной дискуссии, ограничившись абстрактными рассуждениями, а Г. Пятаков, напротив, еще более настойчиво опровергал правых, усиливал давление на делегатов, убеждая их в недостаточной обоснованности аргументов Я. Яковлева и Э. Квинринга⁴. Исключением стала разве что реакция Г. Пятакова на неоднократную апелляцию правых к точке зрения В. Ленина, который на предшествовавшем съезде совещании, как уже отмечалось, подверг критике позицию Г. Пятакова. Лидер «левых» заявил, в частности:

¹ Там же. С. 66.

² Там же. С. 70.

³ См.: Там же. С. 78–82.

⁴ См.: Там же. С. 83–91.

«За неимением аргументов по существу, которые могут с достаточной полнотой опровергнуть все те положения, которые мы здесь выставляли, выдвигалась тяжелая артиллерия партийного авторитета [имя В. Ленина Пятаков называть не стал. — В. С.]. На этот путь я никогда не становился и становиться не буду. Я аргументирую от фактического положения на Украине и от международного положения, которое я вам по своим силам и уменью обрисовал. Я думаю, что, исходя из всех этих соображений, нам нужно правильно наметить свою линию поведения так: восстание на Украине является результатом, с одной стороны, того международного положения, в котором очутилась Германия, с другой стороны, того режима, который установился на Украине под влиянием сложившегося там определенного соотношения классов. Это восстание имеет все шансы на успех, если оно примет характер всеобщности и будет организовано»¹.

И уже добившись психологического эффекта этим выигрышным ходом, Георгий Пятаков закончил на высокой ноте: *«Исходя из этого, основной задачей нашей партии сейчас, в данный момент, является создание того аппарата, который позволит пролетариату встать во главе этого восстания, довести его до победного конца и осуществить, при помощи поддержки его вооруженным крестьянством, задачи пролетариата — диктатуру пролетариата и социалистическое преобразование Украины»*².

Любопытно отметить, что заключительные слова Г. Пятакова сопровождалась аплодисментами, и это был единственный случай столь эмоциональной реакции зала на выступление по вопросу о политическом положении и задачах партии. Однако аплодисменты еще не гарантировали всеобщей поддержки съезда (или хотя бы явным большинством делегатов) позиции лидера «левых». Вокруг выдвинутых тремя докладчиками проектов резолюции разгорелась напряженная борьба.

Во время первого голосования вариант, предложенный Г. Пятаковым, собрал больше всего голосов: 31. Столько же депутатов проголосовали против, а двое воздержались. За резолюцию Э. Квинринга и Я. Яковлева (Эпштейна) проголосовали 29 человек (по поименному

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 90–91.

² Там же. С. 91.

списку – 28), против – 35. За резолюцию Н. Скрыпника было подано лишь 8 голосов, при 51 против, пятеро воздержались¹.

Проект резолюции Н. Скрыпника, как получивший менее всего голосов, с последующего голосования был снят, а делегаты постановили сначала определиться относительно проектов резолюций о Народном секретариате Украины. Вопрос этот рассматривался еще в первый день работы съезда. С докладом о деятельности большевистской фракции в Народном секретариате УССР после Таганрогского совещания выступил ближайший соратник Г. Пятакова Андрей Бубнов. Несмотря на убедительные аргументы не только «левых», но и Н. Скрыпника, которые свидетельствовали о плодотворных результатах работы «повстанческой девятки», усилиями правых обсуждение вопроса свелось к дискуссии о целесообразности существования этого правительственного центра. В предложенном Я. Яковлевым варианте резолюции предусматривалось распустить Народный секретариат. И эта резолюция прошла 34 голосами против 28 и 2 воздержавшихся (альтернативная резолюция И. Мулахина (И. Смирнова-Ласточкина) собрала 22 голоса; против было подано 33 голоса, 7 человек воздержались)².

Таким образом, «левые» понесли чувствительное поражение, а революционному движению еще предстояло пережить негативные последствия этого безрассудного шага.

Вернувшись к голосованию по резолюции о текущем моменте, делегаты отдали предпочтение проекту Георгия Пятакова (33 голоса – за, 32 – против), и он был принят за основу, а затем, по предложению Е. Бош, передан в президиум для окончательного согласования³.

Затем съезд заслушал доклады А. Бубнова и Э. Квиринга о вооруженном восстании и задачах партии. Также довольно эмоционально, но уже на более конкретном уровне они развивали мысли, высказанные в ходе дискуссии по текущему моменту. Докладчики предложили и соответствующие проекты резолюций. Открытым голосованием за резолюцию А. Бубнова высказался 31 человек, а против – 30. Вариант Э. Квиринга получил 30 голосов – за и 31 – против. Проект «левых» был принят за основу и передан на окончательное редактирование в президиум съезда⁴.

¹ Там же. С. 102–103.

² Там же. С. 104, 105.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же. С. 107–125.

Такой результат логично согласовывался с тем, чего удалось достичь при обсуждении вопроса о политическом положении и вселял надежду, что оба документа пройдут в варианте «левых».

Страсти как-то поутихли во время обсуждения таких пунктов повестки дня, как «Об отношении к так называемым “Советам”» и «Украина и Россия». Кроме отдельных, не очень важных теоретических моментов, особых разногласий не выявилось. При обсуждении текста резолюции «Украина и Россия» съезд высказался за дальнейшее укрепление дружбы украинского и российского народов, союза двух государств – Украины и России – как главного условия победы над силами внешней и внутренней контрреволюции.

Отметив, что единство Украины и России, которое сложилось исторически, является прочной основой «для единства борьбы пролетариата Украины и России», а оккупация республики австро-немецкими войсками имеет временный характер, съезд подчеркнул, что первоочередной задачей партии является борьба за революционное объединение Советской Украины и Советской России¹.

После завершения съезда Г. Пятаков высоко оценил эту резолюцию. Как выше указывалось, в своей статье, опубликованной в «Коммунисте», он выражал сожаление в связи с тем, что съезду не удалось рассмотреть все неотложные вопросы, в частности национальный, и заметил: «Но частное разрешение вопроса о взаимоотношениях между Россией и Украиной дает возможность и в этом отношении действовать не вслепую, а руководствуясь постановлением Съезда.

Коротко говоря, Съезд ликвидировал областной сепаратизм, установил политическую линию вооруженного восстания на Украине и высказался за пролетарское объединение Советской России с Советской Украиной и за объединение Советской Украины со всеми настоящими и будущими Советскими Республиками².

Затем съезд снова вернулся к обсуждению и голосованию по вопросу о текущем моменте. Обсуждался каждый раздел, параграф, пункт, буквально каждая фраза документа, предложенного Г. Пятаковым и уже принятого за основу. Правые пытались изменить сущность, дух резолюции, а Г. Пятаков и его единомышленники, напротив, всеми силами, как говорится, «до последнего» защищали каждый тезис резолюции, каждую формулировку. И им это во многом удалось. Правда, следует вспомнить и о том, что делегаты с мест, которые хорошо

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 127.

² [Г. Пятаков] Итоги Первого съезда // Коммунист. 1918. 15 августа. № 5.

знали положение в Украине, внесли свыше 45 поправок. Принимая во внимание их реализм и конструктивность, большинство предложений учли.

Окончательные результаты голосования выглядели так: за – 32 голоса, против – 18, при одном воздержавшемся¹.

Резолюция состояла из четырех частей. В первых двух содержался анализ международной обстановки и внутреннего положения Украины, расстановки классовых сил в оккупированной республике. В документе подчеркивалось, что решающим фактором победы революционных сил в Украине является укрепление Советской России, что «существование Российской Советской Республики является одним из важнейших элементов мировой революционной обстановки восстания на Украине»².

Относительно появления в тексте резолюции последнего утверждения, вызывавшего на съезде разногласия, а теперь ставшего практически определяющим тезисом, у исследователей имеются вопросы, ответы на которые носят, в основном, гипотетический характер. Дело в том, что в пятаковском проекте резолюции о текущем моменте (первый раздел, шестой параграф) это положение отсутствует во всех изданиях протоколов съезда (их, как известно, три: 1918, 1923 и 1988 года). Остается предположить, что оно появилось в процессе упомянутого согласования документа в президиуме. А запись обсуждения проекта свидетельствует, что Георгий Леонидович защищал это положение, как часть своей резолюции.

Оно логично согласовывается и со следующим положением принятого документа, которое существовало в первоначальном варианте: «Не нужно только упускать из виду, что удар революционных масс на Украине направлен против непосредственного врага и Российской Советской Республики, а именно против германского империализма, ввиду чего этот удар не может не отразиться самым благоприятным образом и на укреплении Советской власти на Севере»³.

В целом, как видно, «левые» не только не игнорировали такой решающий для развития революционных процессов в Украине фактор как укрепление Советской России, помощь с ее стороны, но и пошли навстречу требованиям правых. Достигнутый компромисс, кажется, ставит под сомнение распространенное мнение, что, полностью за-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 143.

² Там же.

³ Там же. С. 143–144.

хваченный леворадикальной идеологией, идеей мировой революции, Г. Пятаков на I съезде КП(б)У не учитывал значения РКП(б), ЦК РКП(б), РСФСР как факторов, для перспектив общеевропейского общественного прогресса в целом и для Украины в частности.

Почти буквально в соответствии с проектом Г. Пятакова в окончательной резолюции съезда «О текущем моменте» были сформулированы и основные задачи партии в Украине: «Основной задачей партии пролетариата в данный момент на Украине является, таким образом, организация вооруженного восстания рабоче-крестьянских масс против их угнетателей»; «Восстание это может, однако, увенчаться политической победой только при том условии, что пролетариат станет во главе его, что партия пролетариата добьется не только идейного, но и организационного и военно-технического руководства им...»; «...партия должна бороться под лозунгом восстановления неограниченной власти Советов как диктатуры рабочих, поддержанной беднейшими крестьянами Украины...»¹

Такая же процедура ожидала и резолюцию о вооруженном восстании. Опять усилиями Г. Пятакова, А. Бубнова (автора проекта) при конструктивном вмешательстве (поправках Н. Скрыпника) удалось сохранить боевой дух и характер документа: в целом он был одобрен 27 голосами против 18².

Перед большевистскими организациями Украины, таким образом, был поставлен целый ряд задач, главные среди которых сводились к следующему: во-первых, это проведение агитационной работы среди трудящихся масс по разъяснению цели, значения и перспектив вооруженного восстания; во-вторых, организация сети военно-революционных комитетов как повстанческих органов, подчиненных партии, и создание Центрального военно-революционного комитета (ЦВРК) для руководства подготовкой и проведением восстания; в-третьих, техническая помощь восстанию со стороны военно-революционных комитетов; в-четвертых, привнесение максимальной организованности и планомерности в повстанческое движение, направление всех усилий на то, чтобы не допустить раскола революционных сил.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 147–148.

² Там же. С. 149–153.

Из протоколов I съезда КП(б)У видно, что в текст резолюции «О вооруженном восстании» 11 июля 1918 года по предложению Н. Скрыпника была внесена существенная поправка: тезис «левых» и их сторонников об «уже полностью назревшем революционном кризисе» на Украине был заменен другой формулировкой, из которой следовало, что начинать восстание следует в момент, «когда кризис назреет». Правда, в напечатанных в октябре 1918 года материалах I съезда КП(б)У резолюция «О вооруженном восстании» была опубликована без данной поправки.

К этому моменту съезд попал в объективно противоречивое положение, давать оценку которому исследователи почему-то избегали. После принятия резолюции о роспуске Народного секретариата Г. Пятакова, «левые» вынуждены были убрать из текста резолюции о текущем моменте фразу, в которой утверждалось, что третьим центром политического тяготения в Украине остается «Советский Народный Секретариат в центре и Советы на местах»¹, и заменить это положение на лапидарно абстрактное «советский»² (центр. – В. С.). Однако в определении основных задач партии сохранился в первоначальном варианте тезис о необходимости неустанного и непрерывного напоминания о существовании в Украине «не сложившего оружия Советского правительства»³.

Тогда же, очевидно, желая снять противоречие, а может быть, и пересмотреть принятое решение, президиум съезда пошел на то, чтобы снова поставить на голосование резолюцию о Народном секретариате.

Следует отметить, что 8 июля 1918 года после очередного инцидента из-за процедурного вопроса (таких оказалось немало) был переизбран президиум. В него вошли по два представителя от «левых» – Г. Пятаков и В. Затонский, правых – Э. Квириг и Я. Яковлев, а также Н. Скрыпник. По-видимому, последний и стал инициатором повторного голосования по резолюции о правительственном центре. Во всяком случае, на заявление Я. Яковлева, что резолюция была принята окончательно, отвечал именно Н. Скрыпник, который взялся доказывать, что проектов документа было два, один принят за основу и теперь в него могут быть внесены поправки⁴.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 92.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 97, 148.

⁴ Там же. С. 153.

Несмотря на все усилия «левых» провести постатейное переголосование резолюции, им не удалось преодолеть сопротивления правых. Единственное, чего они добились, так это снятия констатирующей части документа, в которой деятельность Народного секретариата оценивалась негативно и поэтому признавалась нецелесообразность его существования¹. Так что окончательный вариант выглядел следующим образом:

«Первый съезд КП(б)У постановляет:

- 1) Объявить Народный Секретариат распущенным.
- 2) Поручить ЦК партии организовать Центральный военно-революционный комитет.
- 3) Члены Центрального военно-революционного комитета избираются и отзываются ЦК партии»².

23 голоса, отданных за резолюцию, принадлежали сторонникам Г. Пятакова, остальные делегаты от голосования воздержались. А правые вообще не признали его и заявили, что большинству съезда «не удастся выжечь из резолюции самого главного – осуждения авантюризма»³.

Георгий Пятаков проявил достаточно гибкий, можно сказать диалектический подход во время обсуждения доклада В. Затонского «Об отношении к другим партиям». Отказавшись от фракционной солидарности, он принципиально критиковал изложенную докладчиком прямолинейную позицию отказа от соглашений, от сотрудничества с такими партиями, как левые эсеры, в особенности с массами, которые за ними идут (конечно, исключались даже контакты с частью руководства этой партии, которая встала на путь открытой борьбы с советской властью, о сотрудничестве не могло быть и речи)⁴. Аргументы Пятакова были учтены и приняты съездом, документ приобрел несколько более взвешенный характер. В частности, в окончательном варианте говорилось: «Что касается партии так называемых левых эсеров, то необходимо строго отличать интеллигентски-беспочвенные авантюристические верхушки партии от ее крестьянских низов.

Процесс отделения верхушек от низов ныне совершается и окончательно установить взаимоотношения с этой партией можно только после очистки ее от авантюристских интеллигентских верхушек.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 103–104.

² Там же. С. 154–155.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 160–161.

(...) С авантюристами из партии левых эсеров никаких соглашений быть не может. Что же касается формирующейся ныне новой партии левых эсеров, то установить формы взаимоотношений с ней поручить избранному на съезде Центральному Комитету»¹.

Однако в целом Георгий Пятаков оставался в плену своих старых левосектантских воображений, и центральный пункт резолюции по его настоянию был сформулирован категорично и лапидарно: «Никакие соглашения с эсерами, меньшевиками, бундовцами, украинскими эсерами, украинскими социал-демократами недопустимы»². В этом положении, как видим, не были учтены очень сложные процессы дифференциации, расколов, характерные тогда для всех перечисленных в резолюции партий, тяготения значительной, временами подавляющей, части их членов, влево, ближе к интересам трудящихся.

Принятое решение стало свидетельством неспособности лидеров большевиков Украины, в частности Г. Пятакова, объективно оценить важные общественные сдвиги и найти оптимальную модель тактики.

Впрочем, самим большевикам Украины еще предстояло определиться с характером, сущностью и статусом своей организации, создание которой было основной целью I съезда КП(б)У. К обсуждению этой пришли в предпоследний день работы форума.

4. Какой быть партии?

Ответ на поставленный в заглавии вопрос в значительной мере очевиден, он вытекает из уже принятых решений съезда, из содержания дискуссий, которые велись на протяжении большей части его заседаний, об этом уже шла речь выше. Однако венцом работы съезда стали решения по вопросу о партийном строительстве, именовавшиеся организационными.

На закрытом заседании 11 июля 1918 года доклад по вопросу о самостоятельной коммунистической организации в Украине доверили сделать председателю Оргбюро по созыву съезда Н. Скрыпнику. С содокладом выступил Э. Квиринг. Оба предложили соответствующие проекты резолюций.

Интересно, что «левые», которые очень внимательно следили за тем, чтобы соблюдался баланс сил, и, используя нормы регламента всегда добивались обнародования своей позиции, в этот раз не пре-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 161, 190, 191.

² Там же. С. 190, 191.

тендовали на отдельный содоклад. Зная взгляды Н. Скрыпника, во многом их устраивавшие, они решили консолидироваться вокруг позиции этого чрезвычайно авторитетного партийного деятеля, в связи с чем предметное рассмотрение его доклада и предложенного им проекта резолюции в данном случае приобретает особый смысл.

Следует отметить, что позиция Н. Скрыпника по сравнению с Таганрогом несколько изменилась. В его проекте резолюции отсутствовали слова о «самостоятельной Коммунистической партии Украины», хотя и не было речи о том, что КП(б)У создается как местная организация – часть единой РКП(б); в тексте Скрыпника, как и на Таганрогском совещании, фактически декларировалось образование самостоятельной, организационно независимой Компартии Украины¹.

В представленном им проекте резолюции по этому вопросу были сформулированы следующие основные положения и предложения: «Принимая вместе с тем во внимание:

1) что коммунисты всех стран должны составлять и фактически составляют одну Коммунистическую партию с единой программой и единым фронтом борьбы за диктатуру пролетариата, фактически руководящим центром которой является ЦК РКП, и что коммунистические партии отдельных стран в III Интернационале составляют лишь отдельные отряды;

2) что коммунисты Украины всей своей деятельностью связаны с Российской Коммунистической партией (большевиков) и эта связь остается и должна оставаться в дальнейшем, независимо от той или другой формальной стороны партийного строительства;

3) что коммунисты на Украине всей своей деятельностью на Украине должны поддерживать проводимую в России и основанную на передышке и накоплении сил политику Российской Коммунистической партии и должны следовать общим постановлениям ЦК и съездов РКП, принимая все это во внимание, I съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины постановляет: коммунистические организации Украины объединяются в особую Коммунистическую партию (большевиков) Украины со своим Центральным Комитетом и своим съездом, формально связанную с Российской Коммунистической партией через международную комиссию III Интернационала.

Съезд поручает Центральному Комитету по соглашению с ЦК РКП установить формы организационной связи и способ возможно-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 179.

го участия организаций Коммунистической партии (большевиков) Украины в общих съездах Российской Коммунистической партии»¹.

При этом Скрыпник, если судить по его заявлениям, был далек от стремления к сепаратизму. «Не в наших интересах, – говорил он, – не только разделение государственных единиц, но и всякое дробление сил наших является для нас безусловно ненужным и вредным. Мы – сторонники демократического централизма, стремящиеся объединить все силы для борьбы с общим врагом, стоящим перед нами. Соответственно сему мы должны избежать всяких делений и дроблений»².

Как же в таком случае сочетается логика лидера «левых» Г. Пятакова – курс на создание самостоятельной партии, которого он придерживался, с тезисом о необходимости консолидации усилий коммунистов Украины и России? На этот объективно вставший перед «левыми» вопрос, который на съезде им задавали и оппоненты, пытался ответить Скрыпник. Он исходил, в первую очередь, из особенностей ситуации в республике. Прежде всего, это ставшее фактом отделение Украины от России, образование независимого украинского государства, осуществленное в соответствии с IV Универсалом Центральной Рады, с чем пришлось согласиться РСФСР при подписании Брестского мира. Это и существование в Украине гетманского правления. Это также нелегальный статус партии большевиков, их вынужденная деятельность в подполье, главным содержанием которой стала подготовка вооруженного восстания против оккупантов, против существующего режима.

В означенной позиции не на последнем месте стояла забота о соблюдении условий Брестского мира. «Нам необходимо, – отмечал Н. Скрыпник, – строиться по врагу, соответственно тем условиям, в которых мы существуем. И если хотя на определенный промежуток времени совпадается [так в оригинале, очевидно, создается. – В. С.] эта эфемерная украинская держава, гетманом возглавляемая, то нам приходится соответственно сему строить свои ряды для того, чтобы повести рабочих в атаку против врага, и повести, не взваливая ответственность за эту нашу борьбу на тех, кто рядом с нами стоит на своих постах и свое коммунистическое дело совершает»³.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 179.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 167–168.

Причем сам докладчик считал данный аспект соответствия партийного строительства государственным обязательствам настолько важным, что к сформулированному тезису возвращался неоднократно во время обсуждения вопроса о принципах организации Компартии Украины. «Благодаря создавшемуся международному положению Российская Советская власть является в настоящее время несомненно органом и орудием нашей партии, — подчеркивал он. — Между тем Российская Советская власть, благодаря международным отношениям, находится в таком положении, при котором осложнения международные создавать не приходится, они возникают и помимо ее воли, они создаются и другими партиями. Но нашей задачей является, чтобы мы поставили себе определенную задачу, которая при всем различии течений, борющихся здесь, в общем признается всеми нами, чтобы мы политическую ответственность за всю нашу деятельность не переваливали на плечи Российской Коммунистической партии, на которой уже в настоящее время лежит ответственность за все дела Российской Советской республики. Это не вопрос дипломатии, но вопрос о построении соотношений таким образом, чтобы деятельность, проводимая партией коммунистов в одной стране при различии условий существования работы этих партий в различных странах, не только не может быть используема врагами, но наоборот, в том же самом русле содействовала бы общему стремлению Коммунистической партии, а не действовала бы вразрез с ней. Исходя из этих соображений, необходимо было бы признать, что организационное обособление, [строющейся] в настоящее время на Украине Коммунистической партии большевиков необходимо»¹.

Одновременно нельзя не отметить, что реалистичные рассуждения Н. Скрыпника удивительным образом переплетались с довольно идеалистичными, даже в кое-чем эфемерными, представлениями. Так, настаивая на необходимости обособления большевиков Украины, он же предлагал весьма зыбкую, расплывчатую схему отношений с РКП(б).

«Российская Коммунистическая партия, — говорил он, — является тем источником, откуда мы черпаем опыт революции и откуда мы все — рабочие и беднейшие крестьяне на Украине — получают каждый пример, как идти, каким путем вести свою борьбу. Для партии нашей это еще в большей степени видно. Мы — молодая организация, только что пережившая контрреволюционный разгром и заново строящая-

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 167.

ся. И, разумеется, все, что мы должны иметь для своей деятельности, мы, товарищи, прежде всего возьмем из Российской Коммунистической партии. Посему фактическое положение остается прежним. Подчеркиваю: фактически перед нами будет Российская Коммунистическая партия с ее центральными учреждениями, и мы будем в ней строиться, по этому флангу мы будем строиться, идя в своем партийном строительстве все дальше и дальше. Лозунги, под которыми мы будем идти, будут исходить из Российской Коммунистической партии... Так оно будет и дальше, иначе и быть не может. Формально, конечно, получается такое положение, при котором наша партия выделяется. Но это формальная сторона, которая для нас, сторонников революционного Интернационала, значения не имеет»¹.

Почему же Н. Скрыпник, а вместе с ним и «левые» большевики Украины трактовали отделение как сугубо формальное?

Важное значение для них имела ссылка на то, что подобный акт являлся бы формальным именно для сторонников III, то есть Коммунистического, Интернационала. Однако отсылка к Коминтерну не убеждает, хотя бы потому, что этой организации в то время еще не существовало, шла только подготовительная работа к ее созданию. И даже превосходящая основные, характерные для будущего Коминтерна черты, вряд ли можно было судить об этом наверняка. Тем более исходить из них как от фактора определяющего. Н. Скрыпник специально пытался доказать, что партии – члены II Интернационала, отличались одна от другой тем, что имели не только различное организационное строение и тактику, но и программы. На международных конгрессах происходила лишь определенная их «притирка», координация линии поведения. Для сторонников Коммунистического Интернационала представление о программе деятельности коммунистов разных стран должно было в корне отличаться. «На данной стадии развития финансового капитала, – говорил основной докладчик по важнейшему вопросу, Н. Скрыпник, – задача, которая стоит перед пролетариатом, – это борьба за социалистическую революцию, борьба за диктатуру рабочего класса в ответ на те империалистические пути, которыми проводится разрешение существующих противоречий общественного развития, пути мировой войны, которые в настоящее время поставлены и которые в дальнейшем предвидятся. Соответственно сему для нас программа фактически является одна и та же во всех странах и для всех коммунистических партий. В этом

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 168.

отношении наше понимание партии в III Интернационале иное, чем во II Интернационале. Теперь все коммунисты всего мира являются фактически одной партией»¹.

Конечно же, в данном случае довольно безосновательно отождествлялись цели и программы коммунистов разных стран, явно переоценивалась их верность собственным убеждениям – как некий гарант единства, которому не могут помешать ни государственные границы, ни преграды организационного характера. Поэтому и воспринимать изложенные выше рассуждения в качестве весомых, убедительных аргументов нельзя.

В не меньшей степени это касается и попыток докладчика объяснить инициативу образования самостоятельной КП(б)У деятельностью в новых условиях – независимого украинского государства, что предполагает и изменение организационной формы деятельности украинских коммунистов.

Действительно, в одном случае Н. Скрыпник считал (по крайней мере, теоретически) Украину государственным образованием, тождественным другим государствам, и, соответственно, приходил к выводу о необходимости отдельной Коммунистической партии. В другом называл гетманскую Украинскую Державу, оккупированную иностранными армиями, эфемерным образованием, причем не только из-за ее марионеточного характера, но и согласно, так сказать, генетической природе. Правда, последнее не мешало утверждать о необходимости отдельной организации партии, но теперь уже объясняя особыми условиями деятельности коммунистов Украины.

В то же время, противореча самому себе, на том же съезде КП(б)У Скрыпник пытался утверждать, что «национальный вопрос снят с повестки дня». В протоколах съезда его выступление во время обсуждения резолюции «Украина и Россия» зафиксировано следующим образом: «Тов. С к р ы п н и к доказывает, что лозунг права нации на самоопределение, вплоть до отделения, имел свое оправдание до Октябрьской пролетарской революции. В процессе развертывания борьбы классов мы можем стать на разные позиции в этом вопросе. И именно для Украины характерно диалектическое изменение нашего отношения к этому лозунгу. До Октября наша линия была вполне правильна, но когда у власти стал пролетариат, положение коренным образом изменилось.

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 166.

Уже во время Брестских переговоров Всеукраинский съезд Советов высказался против отделения, а теперь мы против отделения подавно, ибо теперь самостоятельность – ширма для контрреволюционной борьбы против Советской власти.

Но первоначальный наш лозунг в свое время имел значение и будет иметь его в первую стадию революции в Австро-Венгрии, хоронить его, во всяком случае, еще рано, ибо он не везде еще пройден и изживается в ходе борьбы»¹.

Подобную аргументацию необходимости создания независимой от РКП(б) Компартии Украины, исходя из характера отношений между Украиной и РСФСР, трудно признать логичной и убедительной. Скорее, можно говорить об отсутствии до конца продуманной, теоретически проработанной, тщательно выстроенной, взвешенной системы.

Как представляется, не стоит ставить под сомнение искренность стремления большевика первого призыва сохранить единство, боеготовность РКП(б). Но пути достижения этой цели Н. Скрыпник избирал и предлагал ошибочные. Как для политического деятеля, даже если бы им была личность со значительно меньшим политическим опытом, оправдать такую позицию нельзя никакими субъективными намерениями и мотивами.

Как уже говорилось выше, с содокладом о создании КП(б)У на съезде выступил Э. Квиринг, который раскритиковал позицию Н. Скрыпника: «Партия коммунистов Украины, несомненно, имеет право и должна организовать, объединить все коммунистические организации на Украине, но эти организации никоим образом не должны выделяться совсем из Российской Коммунистической партии. Украинские организации объединяются на своих съездах и на этих съездах выносят свои решения. Но, товарищи, Россия и Украина слишком тесно связаны, потому и партия наша должна быть связана, и партия украинская может быть только партией автономной в составе Российской Коммунистической партии, с общей программой и с подчинением в вопросах общеполитического характера Всероссийскому Центральному Комитету партии»². Конечно, отмечал докладчик, опубликовать такое решение в прессе нельзя «по соображениям международной дипломатии». «Но для себя, среди нас, – заявил он, – мы должны знать, что мы крепко связаны с Российской Коммуни-

¹ Там же. С. 129.

² Там же. С. 173.

стической партией, что мы самостоятельны в вопросах местных, что для руководства местной работой мы можем иметь свой центральный комитет, но что в вопросах общепартийных, в вопросах программных мы лишь часть Российской Коммунистической партии...»¹

В поддержку каждого из докладчиков выступили по 3 делегата: за Н. Скрыпника высказались С. Косиор, Г. Фарбман (Рафаил), В. Затонский, а за Э. Квиринга – Е. Бош, Е. Чумак (Омельченко) и Я. Яковлев (Эпштейн). Г. Пятаков в дискуссии участия не принимал. Возможно, у него сложилось впечатление, что преимущество и так на стороне «левых»: их аргументация выглядела более развернутой и продуманной. Правые же, в основном, концентрировались на доказательстве несостоятельности позиции и аргументов «левых», демонстрировав, таким образом, недостаток собственного конструктива. Как и во многих других случаях, спасительной «соломинкой» послужила апелляция к «тяжелой артиллерии» – авторитету ЦК РКП², а также заявление части делегатов (речь идет о правых, от имени которых выступил Я. Яковлев) с ультимативным требованием принять их проект резолюции. Хотя текст самого заявления не сохранился, на его содержание – как на аргумент – сослался в соответствующем заявлении Г. Пятаков³. Впрочем, и до его выступления, в ходе дискуссии Я. Яковлев уже угрожал расколом партии в том случае, если вариант правых не пройдет. «Если вы хотите строить самостоятельную партию, – заявил он, обращаясь к делегатам от “левых”, – (...) вы сделаете это без нас, мы в этом участвовать не будем и останемся в Российской Коммунистической партии»⁴.

Николай Скрыпник, обеспокоенный возможным расколом КП(б)У, которая едва только зарождалась, попытался найти компромиссный выход и сразу же после ультиматума Я. Яковлева предложил проголосовать сначала за резолюцию Э. Квиринга в той части, «которая не покрывает резолюцию тов. Скрыпника»⁵. Однако попытка примирения не удалась: его предложение было отклонено. Реакция Н. Скрыпника была мгновенной и решительной: он снял с согласования свой проект. Хотя его мотивы в протоколе не зафиксированы, в какой-то

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 173–174.

² Там же. С. 179–180.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 180.

степени о них все же можно судить гипотетически, с большей или меньшей степенью достоверности, сравнивая и приводя к единому знаменателю другие известные высказывания и рассуждения одного из главных архитекторов КП(б)У.

Очевидно, отклонение съездом предложения о голосовании хотя бы части проекта резолюции Э. Квиринга Н. Скрыпник воспринял как тревожный сигнал – симптом того, что документ правых будет провален в целом.

Перспектива, которая вырисовывалась, содержала, как минимум, два принципиальных момента, которые настораживали, пугали, совершенно не устраивали Н. Скрыпника.

Первый он предвидел заранее. Еще 8 июня 1918 года на заседании Оргбюро по подготовке к съезду КП(б)У он отмечал, «что вопрос о выделении коммунистов Украины в особую партию он никогда не брал вне условия [обстоятельств. – В. С.]. Возможно, что на съезде надо будет смотреть иначе на выделение в особую партию, – это будет, например, в случае, если изменятся политические условия. Может возникнуть необходимость в этом и в том случае, если на съезде образуется лево-коммунистическое большинство, которое будет стремиться это выделение в особую партию сделать средством борьбы с Российской Коммунистической партией и ее политикой. (...) Такое большинство может принять ту или другую линию поведения, в зависимости от чего и придется тогда так или иначе относиться к характеру выделения»¹. Далее Н. Скрыпник предостерегал еще более категорично: «Если на съезде будет большинство лево-коммунистическое, оно может быть разное, может при выделении пойти путем борьбы с РКП, от чего надо уже теперь отмежеваться»².

Не трудно представить себе, что в случае одобрения проектов резолюций «левых» (пусть и с поправками!) по вопросам политическим и тактическим их победа также и в организационных вопросах предоставляла им такие возможности, которыми они могли воспользоваться не наилучшим образом. А противовесов их сдерживающих практически бы не оставалось.

Во-вторых, при таких обстоятельствах вполне реальной становилась угроза практических шагов правых, ведущих к расколу партии.

Вероятно, Николай Скрыпник понял, что на его глазах, более того, фактически при его активном участии, может быть разрушено

¹ Коммунист. 1918. 15 июня. № 1–2.

² Там же.

здание, на возведение которого он положил столько усилий! Создаваемая партия может стать орудием достижения отнюдь не той цели, к которой он стремился, и будет нанесен вред революционному делу, причем не только в региональном и национальном масштабе.

Конечно, в каких-то деталях реконструкция хода мыслей Н. Скрыпника может отличаться от того, которым он был в действительности (проверить истинность наших выводов невозможно). Однако в своей генеральной, стратегической направленности, смысл, логика поступка, думается, воспроизведены верно.

Как бы то ни было, решение Н. Скрыпника снять с голосования свою резолюцию стало, очевидно, большой неожиданностью для Г. Пятакова и его единомышленников, нанесло ощутимый удар по их позиции. Ведь не предложив своего проекта документа, они попали в довольно затруднительное положение, едва ли не безвыходное. Начинать все сначала было практически невозможно – делегаты стремились как можно быстрее закончить форум, который и так затянулся. Нельзя было не принимать во внимание и решительного настроения правых, продемонстрированного еще в Таганроге.

В этих обстоятельствах Г. Пятаков не растерялся, действовал оперативно, исходил прежде всего из интересов общего дела, стремясь довести до конца процесс создания Компартии Украины. Он выступил с заявлением (в протоколе оно почему-то значится как заявление от украинского съезда)¹.

На подготовку соответствующего документа времени не было, судя по протоколу, даже перерыв не объявляли, так что Г. Пятаков взял слово сразу же после снятия Н. Скрыпником с голосования своей резолюции. И если это был экспромт, то приходится лишь еще раз изумиться огромным способностям и самообладанию этой талантливой личности. Вот текст документа: «Считая, что 1) организация Коммунистической партии Украины имеет громадное положительное значение в смысле установления единой, определенной линии борьбы пролетариата против общего врага, организовавшего в особое государство;

что 2) своеобразные условия борьбы на Украине не могут позволить ЦК РКП действительно руководить борьбой коммунистов на Украине;

что 3) должна быть установлена теснейшая практическая связь с ЦК РКП, но сохранена формальная независимость КПУ

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 180.

от РКП вплоть до момента государственного объединения Украины и России.

Часть съезда считает необходимым образовать формально независимую от ЦК РКП КПУ как часть всемирной Коммунистической партии.

Но ввиду того, что решающее значение имеет объединение всех коммунистических организаций на территории Украины с созданием своего ЦК и своих съездов, что отсутствие формальной связи с РКП решающего значения не имеет, что часть съезда ставит этот вопрос в ультимативной форме в смысле откола ее в случае принятия резолюции о создании КПУ формально независимой от РКП, упомянутая часть съезда, желая во что бы то ни стало избежать раскола, заявляет, что будет голосовать за образование особой КПУ со своими съездами, со своим ЦК, но при голосовании вопроса о сохранении формального подчинения РКП в лице ее съездов и ЦК будет от голосования воздерживаться.

По поручению группы товарищей Г. Пятаков»¹.

Если внимательно вчитываться в тексты выступлений Г. Пятакова на съезде – вместе с вышеприведенным, – попытаться вывести их равнодействующую, вычленив обобщающую идею, ощутить пафос, дух его речей, думается, найдется достаточно оснований утверждать, что его больше всего заботил не столько сам по себе факт отделения украинской компартии от РКП(б). Главным ему представлялся поиск возможностей для новой партии принимать самостоятельные, независимые решения, ситуативно, тактически обусловленные конкретным положением в Украине, в конкретный момент времени – в 1918 году. По большому счету, работа его мысли была направлена на то, чтобы найти органическое соединение марксистской доктрины, критически осмысленных революционных задач – в самом высоком и широком их понимании – с потребностями максимально эффективной помощи трудящимся Украины, которых жуткие, часто невыносимые условия существования толкали на стихийное противодействие оккупационному и гетманскому режимам. Иначе говоря, шло «нащупывание» варианта оптимального сочетания универсального мирового революционного учения (марксизма) с появившимися после возникновения украинского государства и специфически оформившимися национальными интересами – фактически выкристаллизовывалась одна из первых в истории моделей национального

¹ Там же. С. 180.

коммунизма. Именно это обстоятельство позволило не по формальным признакам, а согласно сущностным, функциональным критериям отнести Г. Л. Пятакова к когорте тех пионерских деятелей, которые непросто, противоречиво, болезненно творили феномен украинского коммунизма. Потому соответствующий очерк о его взглядах и деяниях был включен в тематическую книгу, посвященную украинскому коммунизму, а образцы его теоретических работ, как представляется, весьма убедительно подтверждают наши выводы и оценки¹.

То же обстоятельство, что позиция одного из ярчайших лидеров большевиков Украины расходилась с мнением вождя РКП(б), может трактоваться как результат прежде всего принципиальных, ответственных, взвешенных, но различных подходов двух действительно крупномасштабных личностей к назревшим проблемам революционного движения в двух близких, даже в тот момент трудноразделимых регионах, но все же имевших весьма серьезные, даже коренные отличия, что и обусловило несовпадение взглядов на ближайшие цели, пути их достижения.

В таком случае, наверное, не стоит квалифицировать позицию Г. Пятакова как антиленинскую, оппозиционную, не лишенную элементов фракционности, сепаратизма. Скорее обе незаурядные творческие личности проявляли себя очень похоже, если не одинаково, потому и ход мыслей, и выводы объективно просто не могли быть тождественными.

На съезде же, после во многом непредвиденного поворота событий поименным голосованием (33 делегата – за, против – 5, при 16 тех, кто воздержался) была принята резолюция, постановляющая часть которой сводилась к двум пунктам:

«1) Объединить партийные коммунистические организации Украины в автономную, в местных вопросах, Коммунистическую партию Украины со своим Центральным Комитетом и своими съездами, но входящую в единую Российскую Коммунистическую партию с подчинением в вопросах программных общим съездам Российской Коммунистической партии, и в вопросах общеполитических – ЦК РКП;

2) поручить ЦК РКП связать организационно и тактически Коммунистическую партию Украины с коммунистическими партиями Германии, Австрии и оккупированных областей»².

¹ См.: Солдатенко В. Ф. У пошуках соціальної і національної гармонії (Ескізи до історії українського комунізму). К., 2006. С. 105–196, 409–423.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 178.

В резолюции «О партии» нашла свое логическое завершение тенденция к сплочению большевистских организаций во всеукраинском масштабе в составе единой Коммунистической партии.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что организаторы КП(б)У, пройдя через этап споров и разногласий, пришли к важному выводу о необходимости определенной автономии (хотя ее можно было трактовать по-разному) республиканской организации большевиков в рамках единой РКП(б) с предоставлением КП(б)У права самостоятельно принимать решение в том, что касается местных, текущих проблем. Выразителями этой позиции были Г. Пятаков, его единомышленники из числа «левых», Н. Скрыпник, отстаивавшие независимость КПУ, учитывая особенности текущего момента, интерны международной революции. Элементы автономизма, заложенные в построении Компартии Украины ее первым съездом, воплощали демократические начала, логично согласовывались с принципами национально-государственного строительства.

Однако они так и остались нереализованными. В дальнейшем – и в Гражданскую войну, а особенно и окончательно в послеленинский период партийного строительства – они были даже осуждены и отброшены. А это, в свою очередь, имело как свои «плюсы», так и «минусы».

В условиях оккупации Украины резолюцию «О партии» нельзя было опубликовать, чтобы не дать немецким оккупантам повода обвинить РКП(б) и правительство Советской России в нарушении Брестского мира и сорвать тем самым мирную передышку страны Советов.

В официальном сообщении о I съезде КП(б)У из тактических и дипломатических соображений отмечалось: «Теперь формально закреплена самостоятельность украинских организаций в вопросах украинской работы, ставшая фактом уже давно. Различие в международном положении и различие политических задач насильственно оторвали украинских коммунистов от Российской Коммунистической партии.

Но создание особой Украинской партии – не завоевание для украинских коммунистов, а тяжкая необходимость»¹.

12 июля, в последний день работы на съезде, рассматривали организационный вопрос. В соответствующей резолюции, предложенной Н. Скрыпником, съезд постановил создать на оккупированной территории Украины областные партийные организации. Областные

¹ Извещение о 1-м съезде Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 4.

комитеты партии, говорилось в резолюции, «действуют под руководством ЦК КПУ и подчиняются его постановлениям; отношения с ЦК РКП эти областные комитеты ведут через ЦК КПУ»¹. Для помощи ЦК КП(б)У и подпольным партийным организациям на территории Советской России предлагалось создать Заграничное бюро ЦК КП(б)У.

В вопросе о названии партии, съезда, Центрального Комитета, Центрального Органа партии съезд без дебатов постановил: «1) Партию назвать: “Коммунистическая партия (большевиков) Украины” (КПУ). 2) Центральный Комитет назвать: “Центральный Комитет Коммунистической партии Украины” (ЦК КПУ). 3) Центральный орган назвать: “Коммунист” (...) 4) Съезд назвать: «I съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины»².

Съезд также одобрил вхождение в КП(б)У левых украинских социал-демократов, которые порвали связи с УСДРП, признали себя коммунистами (большевиками) и работали вместе с коммунистами в одних организациях.

На последнем заседании делегаты I съезда КП(б)У приступили к выборам руководящего органа новообразованной партии – Центральному Комитету. Был определен количественный состав и принято провести выборы тайным голосованием. Вокруг выдвинутых кандидатур разгорелась острая борьба, прошли отдельные заседания правой и «левой» частей съезда. В результате по предложению Н. Скрыпника открытым голосованием было избрано 15 членов и 6 кандидатов в члены ЦК КП(б)У.

Членами Центрального Комитета были единогласно избраны: И. Амосов (год поступления в большевистскую партию – 1912), А. Бубнов (1903), А. Буценко (1918), Ш. Грузман (1912), В. Затонский (1917), Л. Картвелишвили (1910), Э. Квиринг (1912), С. Косиор (1907), И. Крейсберг (1914), Ю. Лутовинов (1904), Г. Пятаков (1912), П. Ровнер (1901), Л. Тарский (1913), Р. Фарбман (1910), И. Шварц (1899). Состав кандидатов в члены ЦК КП(б)У полностью установить не удалось и до этого времени. Список их в стенограмме съезда не сохранился. По материалам последующих пленумов ЦК и другим данным известно, что кандидатами в члены ЦК были избраны

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 187.

² Там же. С. 188.

Н. Скрыпник (1897), М. Майоров (1906), А. Слинко (1918)¹. Можно предположить, что кандидатом в члены ЦК был также Я. Яковлев (1913). Он принимал участие в заседаниях ЦК, а также выступал на встрече с В. И. Лениным 16 октября в 1918 года. Согласно постановлению V пленума ЦК КП(б)У, на встречу были приглашены только члены ЦК. Д. Лебедь (1909) в одном из писем подписался как кандидат в члены ЦК². Я. Гамарник (1916) входил в Оргбюро по созыву съезда, а все его члены были избраны членами или кандидатами в члены ЦК. После съезда он возглавил Одесский подпольный обком КП(б)У.

Анализ персонального состава ЦК убедительно доказывает, что в высший руководящий орган КП(б)У вошли опытные партийные работники, хорошо известные и авторитетные в местных большевистских организациях. Как видим, двое из них – ветераны социал-демократического движения, трое – вступили в партию накануне и во время первой российской революции, восемь – в 1910–1914 годах, двое – в 1917–1918³.

Образование единого высшего руководящего партийного центра большевистских организаций Украины имело чрезвычайно важное значение, поскольку ЦК должен был осуществлять общее руководство КП(б)У и поддерживать постоянную связь с ЦК РКП(б), который в условиях Брестского мира не имел возможности оказывать прямую и открытую помощь большевикам Украины. На ЦК КП(б)У возлагалась также выработка – в русле общепартийной линии – тактики революционной борьбы за восстановление и укрепление власти Советов на Украине, а также руководство этой борьбой.

При закрытии съезда возможность для заключительной речи (как и вступительной) была предоставлена Георгию Пятакову, таким образом как бы подчеркивался особый вклад этого деятеля как в проведение форума, так и в решение на съезде главного вопроса – создание КП(б)У. Правда, Н. Скрыпник, председательствовавший на заседании, также выступил с заключительным словом, уже после Г. Пятакова (тексты речей не обнаружены).

¹ Из деятельности ЦК КП(б)У и ЦВРК между I и II съездами КП(б)У // *Летопись революции*. 1927. С. 155–156.

² ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 19.

³ Пиріг Р. Я. Діяльність ЦК КП(б)У першого обрання (липень–жовтень 1918 р.) // *Український історичний журнал*. 1988. № 7. С. 42.

Работа I съезда КП(б)У была закончена торжественным пением «Интернационала».

На следующий день, 13 июля 1918 года, состоялся первый пленум новоизбранного ЦК Компартии Украины, который определил структуру высшего выборного органа.

Георгию Леонидовичу Пятакову был доверен высший и самый ответственный в партии пост секретаря Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины. Его бесспорное лидерство в партии, высочайший авторитет были подкреплены избранием в Заграничное бюро для помощи подпольным организациям и осуществления связи с ЦК РКП(б) (в состав бюро вошли также Э. Квининг, С. Косиор, В. Затонский, И. Шварц) и редколлегия центрального печатного органа – еженедельника «Коммунист» (вместе с А. Бубновым и В. Затонским)¹.

Таким образом, Г. Пятаков стал первым в истории секретарем ЦК КП(б)У, личностью, под чьим руководством вновь созданная организация делала первые, самые трудные шаги. Но от этих шагов зависело очень много: судьба революционного дела, судьба народа, нации...

Главным итогом работы I съезда большевиков Украины стало создание Коммунистической партии республики как составной части РКП(б). Следовательно, был достигнут решающий успех в консолидации сил коммунистов Украины. Те же противоречия, которые все еще сохранялись, преодолевались в последующей практической работе, способствовали дальнейшей консолидации партийных рядов. Очень многое теперь зависело от позиции секретаря ЦК КП(б)У.

5. На острие повстанческой стихии

Оценка Г. Пятаковым результатов работы I съезда КП(б)У была субъективной. Через месяц после форума секретарь ЦК писал, что съезд установил «политическую линию вооруженного восстания на Украине и высказался за пролетарское объединение Советской России с Советской Украиной и за объединение Советской Украины со всеми настоящими и будущими Советскими Республиками»². То есть в принятых решениях он видел, прежде всего то, что ему хотелось видеть. Следовательно, и формулировал задания возглавляемого им Центрального комитета Компартии Украины. Конечно, Г. Пятаков

¹ Коммунист. 1918. 15 августа. № 5. С. 118.

² [Пятаков Г.] Итоги Первого съезда // Коммунист. 1918. 15 августа. № 5. С. 103.

оказывал значительное, нередко решающее влияние на деятельность вновь созданной республиканской партийной организации, на ход повстанческой борьбы в тылу австро-немецких оккупантов. Он вошел в состав Заграничного бюро ЦК КП(б)У, руководившего партийным подпольем в Украине, Всеукраинского Центрального военно-революционного комитета (ВЦВК), принимал участие в создании нелегальных ревкомов, партизанских отрядов, в организации финансовой и военно-технической помощи повстанцам, в формировании в нейтральной зоне украинских воинских частей и тому подобное.

Съезд дал мощный импульс к возрождению большевистских организаций. Если на июль 1918 года в 153 подпольных ячейках состояло свыше 5 тысяч членов партии, то до октября их численность увеличилась более чем вдвое – до 11 тысяч человек. Они объединялись в 3 областных, 8 губернских, 12 окружных (районных), 13 городских, 23 районных (в 7 городах), 10 подрайонных, 74 уездных организациях. Это была уже широко разветвленная сеть партийных ячеек.

Значительный эффект принесли созданные по решению I съезда КП(б)У областные комитеты партии, которые координировали и направляли деятельность местных организаций, находили оптимальные возможности для реализации задач, поставленных ЦК. Созданный на местах партийный аппарат приобретал ценный опыт, закалялся в политической борьбе.

Значительный размах приобрела агитационно-пропагандистская работа в войсках оккупантов. Здесь удалось соединить усилия большевиков с деятельностью групп иностранных коммунистов-интернационалистов, в частности, в изготовлении и распространении литературы. Правда, более успешно эта работа шла в смежных с нейтральной зоной регионах и гораздо менее активно в глубине украинской территории¹.

На значительную высоту удалось поднять уровень партийной работы среди рабочих, особенно в среде железнодорожников, которые объективно выдвинулись на острие борьбы против разграбления богатств Украины. Удалось провести специальное совещание железнодорожников под эгидой ЦК КП(б)У. Были созданы Организационное бюро железнодорожников-коммунистов при ЦК партии, Заграничное бюро железнодорожников, разветвленная сеть революционных комитетов действовала практически на всех железных дорогах. Среди рабочих были распространены две специальные ли-

¹ [Пятаков Г.] Итоги Первого съезда // Коммунист. 1918. 15 августа. № 5. С. 103.

стовки с призывами к общеукраинской забастовке и восстанию. Это принесло ощутимый эффект. В общей забастовке железнодорожников летом 1918 года приняло участие около 85% рабочих (200 тысяч из 240).

Серьезной силой стали ревкомы и повстанческие партизанские отряды. Летом и осенью 1918 года в Украине существовало свыше 190 революционных комитетов и около 180 партизанских и повстанческих отрядов и соединений¹.

Ситуацию в Украине ЦК КП(б)У, прежде всего ее секретарь, оценивали как благоприятную для революционного движения. Эти не прекращающиеся крестьянские выступления, восстания, которые снова и снова вспыхивали в разных концах Украины, особенно часто – на Киевщине, Полтавщине, Черниговщине, современные объективные исследователи справедливо определяют как «крестьянская война в Украине»². Конечно, многие революционеры в 1918 году считали положение в Украине крайне взрывоопасным, что быстро приближало народ к критической черте. Можно легко представить, что у такой эмоциональной натуры, как Г. Пятаков, даже значительно меньший размах стихийной борьбы против гетманщины и оккупантов мог породить иллюзию нового масштабного наступления на устои старого мира.

На оценку ситуации в целом влияли и сообщения с мест о широком распространении антиправительственных настроений, о готовности первичных организаций Компартии (в частности Конотопской, Гомельской, Прилукской, Подольской, Волынской) возглавить восстание, о невозможности и даже вреде сдерживания стихийного порыва, об угрозе выхода массового движения из-под контроля³.

Существовали и некоторые другие факторы, обусловившие переоценку партизанских форм и методов борьбы в целом. Вооруженные отряды формировали в нейтральной зоне, там их готовили к борьбе за освобождение Украины – по условиям Брестского мира коммунисты не могли формировать регулярные воинские части и поэтому опирались на партизан, с боями отступавших с Украины под натиском оккупантов. Яркой иллюстрацией увлечения «левых коммунистов» партизанщиной как принципом организации войска являются ме-

¹ Український історичний журнал. 1990. № 12. С. 42.

² См., напр.: Захарченко П. Селянська війна в Україні: рік 1918. К., 1997.

³ Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 17–22 октября 1918 года. Протоколы. К., 1991. С. 61, 63 и др.

муары В. Затонского. «Вспоминаю, – пишет он, – когда т.т. Бубнов с Пятаковым написали инструкцию в деле организации партизанских отрядов [судя по всему, идет речь о лете 1918 года. – В. С.] и зашли к Троцкому [нарком военных и морских дел РСФСР. – В. С.] согласовать с ним какие-то военные дела, Троцкого не застали дома и оставили ему упомянутую инструкцию с надписью: Строителю армии регулярной от организаторов армии партизанской. Увидим, чья будет сверху! И расписались – “Бубнов, Пятаков”»¹.

Объективным фактом было и разложение армий австро-немецких оккупантов и гетманата.

Естественно, режим не собирался сдавать позиции без боя, мобилизовывал имевшиеся в его распоряжении силы для противодействия революционному движению. Так, во второй половине июля – начале августа были сконцентрированы довольно мощные силы для удара по повстанцам Нежинщины, которыми руководил штаб во главе с профессиональным военным – бывшим подполковником российской царской армии, членом большевистской партии с февраля 1917 года Николаем Крапивянским. Бездеятельность, выжидательная тактика ежедневно угрожали физической ликвидацией подготовленных к борьбе многочисленных крестьянских отрядов.

В такой непростой ситуации не у всех революционных вождей оказалось достаточно выдержки и способности просчитать наиболее вероятные последствия преждевременных действий. Всеукраинский центральный военно-революционный комитет, возглавляемый «левым коммунистом» А. Бубновым, 5 августа 1918 года издал приказ № 1 с требованием немедленно распространить боевые действия против австро-немецких оккупантов и гетманцев, стихийно вспыхнувшие на Черниговщине и Полтавщине, на всю Украину, провести поголовную мобилизацию рабочих и крестьян, очистить республику от врагов². Кроме приказа ВЦВРК вышел приказ «Всем ревкомам» за подписью Г. Пятакова. В таком же духе было подготовлено и воззвание «На штурм!», страстное по характеру, но вряд ли реализуемое, судя по поставленным в нем целям³.

¹ Затонський В. Із спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1930. № 5 (44). С. 143.

² Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 188.

³ Там же. С. 189–190.

Существует мнение, что инициатором приказа № 1 был Г. Пятаков. Он же его и подписал, а уже потом документ получил одобрение на совещании членов Центрального комитета, но не большинством ЦК КП(б)У. Наверное, с этим следует согласиться, поскольку приказ № 1 ЦВРК, по сути, в концентрированном виде воспроизводит доклад Г. Пятакова об общем плане восстания, с которым он выступил на совещании представителей военных штабов в Курске 31 июля 1918 года. Кроме отмеченного выше, причины столь неосмотрительного и даже неоправданного, как в конечном итоге окажется, шага следует искать и в «левокоммунистических» убеждениях секретаря ЦК КП(б)У, его стремлении любой ценой поднять в Украине восстание против оккупантов, способствовать появлению новых очагов мировой революции. Следует учитывать и поддержку этих взглядов со стороны «левых» в ЦК Компартии Украины, которые надеялись добиться своеобразной цепной реакции: расчет строился на том, что призыв к общему восстанию станет мобилизующим фактором, повстанцы будут получать все нарастающую поддержку, деморализуя врага, разбивая и отвлекая его силы, обеспечивая тем самым преимущества революционному лагерю. В вооруженную борьбу, таким образом, будут втянуты даже те, кто прежде колебались.

Однако инициаторы восстания довольно быстро убедились в преждевременности выступления и уже через два дня попытались как-то скорректировать ход событий, издав приказ № 2 «Всем военно-революционным комитетам и советским штабам» (его подписали Г. Пятаков и Ю. Коцюбинский)¹. Распоряжение о начале боевых действий в этом документе повторялось, но акцент был сделан на призыв к захвату власти только «там, где силы позволяют», а там, где их недостаточно, «развивать партизанскую деятельность», пользоваться «всеми средствами для того, чтобы распылить, раздробить силы противника»².

Восстание успеха не имело, а сами приказы – так же как и предпринятые во их исполнение действия – стали предметом серьезных дискуссий в руководстве КП(б)У, привели к обострению отношений между «левыми» (среди них и «левые коммунисты»: Г. Пятаков,

¹ Из деятельности ЦК КП(б)У и ЦВРК между I и II съездами КП(б)У // Летопись революции. 1927. № 1. С. 125.

² Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 186–189.

А. Бубнов) и сторонников более умеренной, взвешенной тактики борьбы (Э. Квиринг, Я. Яковлев, Ш. Грузман, И. Шварц и др.).

Ответственность за провал восстания, которое не стало ни общим, ни победным, лежала на руководстве Коммунистической партии Украины. На прошедшем 8–9 сентября 1918 года в Орле пленуме ЦК КП(б)У действия Г. Пятакова и его сторонников были расценены как необоснованные и даже авантюрные. «В наших рядах царит паника и растерянность, – говорил сам секретарь ЦК, – ибо в результате приказа № 1 и воззвания “На штурм!” не получился блестящий октябрьский переворот, а нечто другое (...), получилось, конечно, не вследствие наших приказов и воззваний, а вследствие объективно сложившихся обстоятельств»¹.

Стремясь хоть как-то оправдать свои действия и отстоять свои позиции в целом, Г. Пятаков все же вынужден был признать, что перспективы борьбы с силами внутренней и внешней контрреволюции ему представлялись неверно, расчеты не оправдались. Правда, в оценке этих спорных приказов Г. Пятаков принципиально отстаивал мнение, что документы, несомненно, сыграли определенную роль, стали мощным импульсом для активизации действий повстанческих воинских формирований², которые сыграют решающую роль в восстановлении советской власти в Украине уже в самом недалеком будущем. Соглашаясь с тем, что в данном случае его позиция оказалась стратегически оправданной, надо заметить, что к началу осени этот процесс лишь набирал силу. Однако даже тогда Г. Пятаков демонстрировал революционное нетерпение и горячность, так что членам ЦК пришлось буквально удерживать его от призывов снова отправляться в Украину, организовывать новые отряды, продолжать вооруженную борьбу³.

К сожалению, утеряно окончание заключительного слова по докладу «Боевые действия повстанцев на Украине», с которым на пленуме выступил секретарь ЦК КП(б)У. Возможно, именно в этом тексте он говорит о причинах сложения с себя полномочий секретаря Центрального Комитета партии, признанных участниками пленума уважительными. Правда, этот вопрос сам Г. Пятаков поднял уже в самом начале работы пленума; это свидетельствует о том, что принципиальное решение он принял до критики его позиции, прозвучавшей на пленуме. Возможно, определенную роль сыграло и то, что как

¹ Из деятельности ЦК КП(б)У и ЦВРК в период между I и II съездами КП(б)У // Літопис революції. 1927. № 1. С. 131.

² Там же. С. 133.

³ Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 50.

«левый коммунист» Г. Пятаков не мог рассчитывать на полное понимание и поддержку со стороны ЦК РКП(б), который настороженно относился к попыткам развязать вооруженные действия на границе с РСФСР, что угрожало срывом Брестского мира. Исполняющим обязанности секретаря стала сторонница Э. Квиринга С. Гопнер, хотя она и не являлась членом ЦК (по данным Истпарта ЦК КП(б)У руководящую работу в сентябре–октябре, до II съезда КП(б)У), фактически вел сам Э. Квиринг)¹.

То, что происходило в руководстве Коммунистической партии (большевиков) Украины в начале ее непростого пути, было проявлением болезни, которую В. Ленин очень точно назвал «детской болезнью “левизны” в коммунизме» и, следовательно, отражало общие тенденции, существовавшие в мировом революционно-освободительном, рабочем и коммунистическом движении. Мало какую из возникавших тогда компартий, эта болезнь обошла стороной.

Однако следует учесть – среди многих других факторов – действие исторической закономерности, которой был обусловлен и подъем коммунистического движения на новую качественную ступень, и которая во многом определяла его характер и особенности.

Дополнительным аргументом в пользу стратегической правоты решений I съезда об организационном оформлении КП(б)У стало развитие ситуации в самых многочисленных и наиболее авторитетных украинских партиях: Украинской партии социалистов-революционеров и Украинской социал-демократической рабочей партии. Из первой в 1918 году выделилось влиятельное течение боротьбистов (их руководящим органом была газета «Боротьба»), которое окрепло в классовых битвах и уже в следующем году стало называться Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). От второй откололась фракция «независимых», которые вместе с частью «боротьбистов» в начале 1920 года образовали Украинскую коммунистическую партию. Обе вновь созданные организации заявили о своей преданности коммунистическим идеалам, вошли в правительство в Советской Украине и вместе с КП(б)У боролись за победу нового, социалистического строя.

В сложившихся обстоятельствах СНК РСФСР решил использовать опыт Г. Пятакова в финансовой сфере. 12 октября 1918 года он был назначен главным комиссаром (то есть управляющим) Народно-

¹ Из деятельности ЦК КП(б)У и ЦВРК в период между I и II съездами КП(б)У. С. 155.

го банка. 15 октября соответствующее удостоверение подписал председатель Совнаркома В. Ленин¹.

Возможно, тем самым вождь РКП(б) стремился как-то разрядить остроту ситуации в руководящем штабе КП(б)У. Если так, то в известной степени ему это удалось. Во всяком случае, один из самых воинствующих субъектов внутривластной борьбы хотя бы на определенное время был «выведен из игры». Дошло до того, что на III съезде КП(б)У в отчете ЦК «задним числом» прозвучали нарекания в адрес Г. Пятакова в том, что он с определенного времени практически перестал работать как член ЦК. Сам Пятаков расценил упреки как попытку нанести ему оскорбление и дал фактическую справку: «Когда я работал как главный комиссар банков, для любой другой работы времени не находилось, поскольку это отбирает 24 часа в сутки и само собой понятно, что переведенный на эту работу постановлением ЦК [РКП(б). – В. С.] ни о какой другой работе не могло быть речи»².

Сколько времени оставался на этом посту Г. Пятаков, неизвестно. Очевидно – не очень долго, поскольку несмотря на любые объективные обстоятельства, он не мог находиться вне эпицентра событий, происходящих в КП(б)У. И вовсе не случайно именно ему было поручено открывать II съезд коммунистов Украины, который проходил в Москве 17–22 октября 1918 года. Его же избрали и в президиум форума как сопредседателя. Он выступил с основным докладом: о деятельности ЦК, а также с содокладом о текущем моменте, принимал участие в обсуждении многих других пунктов повестки дня. То есть Г. Пятаков продолжал оказывать действенное влияние на процесс выработки тогдашнего политического курса, поиск путей его осуществления.

Съезд еще раз продемонстрировал, что не в характере Георгия Леонидовича отступить от своих убеждений, сдать позиции, и вынудить его к этому нельзя. Уже во вступительном слове он страстно доказывал, что «мировая революция идет, мировая революция ощущается всеми нами» и от имени Центрального комитета партии предложил проект воззвания к рабочим всех стран. В этом единодушно одобренном документе высказывалась непреклонная вера в скорую победу трудящихся Украины и России над своими врагами, близкое

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Июль 1918 – март 1919. М., 1975. Т. 6. С. 163.

² ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 92.

объединение двух советских республик, готовность помочь всеми силами делу торжества мировой революции¹.

Вокруг Г. Пятакова сплотилась группа «левых», которая уже на третий день работы съезда в лице своего лидера заявила решительный протест в связи с действиями правых, в частности выступления Э. Квинринга. Последний после приветствия делегатов форума от имени Первой дивизии повстанческих войск Советской Украины, зачитанного С. Петриковским, стал упрекать повстанцев за авантюризм, обвинять их в намерении захватить ряд населенных пунктов, а ЦВРК – за отсутствие принципиальной выдержанной линии. Вспыхнул острый конфликт, отобравший немало времени (целое пленарное заседание), и который так и не удалось погасить, даже невзирая на усилия присутствовавшего на съезде члена ЦК РКП(б) Л. Каменева².

Естественно, что в основном на съезде докладе о деятельности ЦК КП(б)У, а также в весьма продолжительной заключительной речи по этому же вопросу Г. Пятаков сделал все, чтобы убедить делегатов форума в принципиальной верности своего курса, в том числе и в отношении августовских восстаний. Оценивая приказы № 1 и № 2, он отметил, что «они, несомненно, сыграли положительную роль в росте нашей революции, революционизировании немецкой армии и в ее разложении»³. Он также подчеркнул то обстоятельство, что формирование регулярных повстанческих частей происходило после издания этих приказов. В таком же духе, а возможно и еще более уверенно построил свой отчет о деятельности Центрального военно-революционного комитета его председатель А. Бубнов⁴.

Однако правые (содокладчиком от «меньшинства» ЦК выступил лидер правых Э. Квинринг) весьма успешно атаковали, так что Г. Пятаков был вынужден признать, что имели место «неправильные шаги ЦК»: «...мы, – отметил он, – несомненно, переоценивали свои силы и переоценивали быстроту развития движения»⁵.

Основной вывод, который сделал теперь уже бывший секретарь ЦК КП(б)У из критического анализа действий Центрального комитета и его собственных, заключался в следующем: «...партизанская война и вооруженное восстание на Украине были организованы скверно. Это правда. Но из этого вовсе не следует, что восстание и партизанскую

¹ Второй съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. С. 4–5.

² Там же. С. 34–55.

³ Там же. С. 63–64.

⁴ Там же. С. 65–71.

⁵ Там же. С. 103.

войну не нужно организовывать, а следует только то, что нужно, отбросив все разногласия, организовать это движение хорошо»¹.

Г. Пятакова совершенно не смутило, что II съезд КП(б)У принял резолюцию, в которой признал «политическое направление ЦК неправильным, организационную деятельность неудовлетворительной»². Он с таким азартом отстаивал свои «левые» взгляды и во время обсуждения вопроса о текущем моменте, по которому основным докладчиком от ЦК РКП(б) был Л. Каменев³.

Г. Пятаков последовательно опровергал лозунг, который выдвинули представители ЦК РКП(б) Л. Каменев, К. Радек и Х. Раковский: «Путь на Киев лежит через Ростов», что означало на практике переброску на фронт против Краснова отрядов, которые уже прошли военную подготовку в нейтральной зоне.. Он продолжал утверждать, что в интересах как революции в Украине, так и мировой революции необходимо всеми силами содействовать усилению повстанческой борьбы, особенно крестьянства, против австро-немецких оккупантов и гетманского режима.

В этом же духе был написан предложенный им соответствующий проект резолюции, который был отклонен; съезд проголосовал за документ, представленный Я. Яковлевым⁴.

Итак, «левые» потерпели полное поражение на II съезде КП(б)У. Они даже отказались принимать участие в выборах руководящих органов партии. Однако по предложению Э. Квирина Г. Пятаков в числе четырех лиц был избран от «левых» в ЦК КП(б)У (всего 15 человек)⁵.

Невзирая на уверения, что «левые» будут ответственно работать в ЦК, спешить с этим они явно не собирались. Есть, в частности, лишь отдельные упоминания об участии Г. Пятакова в заседаниях ЦК КП(б)У⁶. Кроме прочего, возможно, это было связано и с тем, что он продолжал свою деятельность на ответственном посту комиссара народного банка⁷.

Тем временем события в Украине разворачивались столь стремительно, что энергия, знания и опыт Г. Пятакова понадобились в не менее важных делах, и роль ему была уготована далеко не второстепенная.

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 107–109; 166–167.

³ Там же. С. 109–123.

⁴ Там же. С. 123–129, 159, 167–170.

⁵ Там же. С. 160–165.

⁶ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 13, 15.

⁷ Там же. Д. 15. Л. 92.

Глава VI. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВРЕМЕННОГО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

1. Обусловленность восстановления советского правительственного центра

Государственный переворот в Украине 29 апреля 1918 года, установление правления гетмана Скоропадского стали попыткой консервативных сил прервать революционное развитие Украины, противопоставить республиканско-демократическим тенденциям авторитарно монархическую альтернативу. Режиссерами и исполнителями главных ролей в этом действе были австро-немецкие оккупанты, которые в смене режима видели прежде всего залог реализации экономических условий Брестского мира. С этим непростым заданием никак не могла справиться Центральная Рада и поэтому – по воле настоящих хозяев положения, оккупантов, должна была покинуть политическую арену.

В социально-экономической сфере наблюдался откат к позициям, характерным для дофевральских времен с откровенной ставкой на цензовые элементы (помещики, крупные предприниматели, финансисты) как опору государства. Буквально с первых дней существования гетманата проявилась его глубоко антидемократическая сущность.

Отмена Конституции УНР, запрещение созыва Украинского Учредительного собрания, запрет на деятельность всех социалистических партий, крестьянского, рабочего и воинского форумов, массовые репрессии в отношении патриотической интеллигенции и народных масс в целом – все эти действия настраивали абсолютное большинство украинского общества на враждебное отношение к новой власти. Последняя в непрекращающейся борьбе с массами держалась в основном и даже почти исключительно на силе оккупационных австро-немецких штыков. Однако давление антигетманских сил неуклонно нарастало, а ситуация в Австро-Венгрии и Германии тем временем все более обострялась, лишая гетманат какой-либо перспективы.

Политически активные силы украинства сплотились в оппозиционном Национально государственном союзе (УНДС). Это было объединение прежде всего партий, которые к моменту государственного переворота входили в состав Центральной Рады, придерживались республиканско-демократических ориентаций. С развитием событий общая тенденция политического полеведения отразилась и на Национально-государственном союзе, из которого были вытеснены правые, соглашательские элементы; организацию переименовали, теперь она стала называться Украинским национальным союзом (УНС), а пост его главы – вместо умеренного социалиста-федералиста А. Никовского – 18 сентября 1918 года занял бывший Председатель Генерального секретариата, украинский социал-демократ В. Винниченко. Анализируя ситуацию в стране, этот опытный политик пришел к выводу: кризис в Украине углубляется, неизбежный социальный взрыв уже близок. Следовательно, задача политиков – придать стихийному движению целенаправленность и организованность.

Началась подготовка к вооруженному восстанию против гетманского режима, который после ноябрьской революции в Германии и в связи с массовым нежеланием солдат оккупационной армии гибнуть в Украине за «хлебный мир» лишился вооруженной поддержки. Скоропадский в отчаянии бросился за помощью к Атаману Всеволодского Войска Донского генералу П. Краснову и договорился с «единонеделимцем» о возобновлении федерации с несоветской Россией. Конечно, в реализации планов последней не могло быть и речи не только о независимой или автономной Украине, но и о любой форме ее государственности. Таким образом, национальные интересы в который раз были принесены в жертву ради власти, точнее – страха ее лишиться.

Возникла весьма благоприятная ситуация для начала антигетманского восстания, для руководства которым 13 ноября 1918 года была создана Директория в составе: В. Винниченко (председатель), С. Петлюра, П. Андриевский, А. Макаренко, Ф. Швец.

15 ноября Директория призвала народ к восстанию против ненавистного режима, за возрождение Украинской Народной Республики. Начался поход из Белой Церкви на Киев. Малочисленные в начале пути силы повстанцев быстро росли, превращались в многотысячное республиканское войско во главе с Главным Атаманом С. Петлюрой. И только представители австро-немецких солдатских организаций помешали повстанцам буквально за несколько дней овладеть Киевом: желая избежать вооруженных столкновений и кровопролития, они договорились с Директорией прекратить наступление, отвести

свои войска на безопасное расстояние и позволить оккупационным войскам эвакуироваться из Украины. Хотя агония гетманщины тем самым затягивалась, ее позорный конец был уже предreshен.

В этих обстоятельствах погруженные во внутрипартийные споры лидеры большевиков Украины находились под влиянием осторожных и осмотнительных московских руководителей, которые на первое место безоговорочно выдвигали интересы Советской России («Путь на Киев лежит через Ростов!»), и явно проигрывали в скорости принятия назревших организационных решений. Распустив Народный секретариат, они не имели руководящего советского центра для оперативного вмешательства в ход событий в Украине. На них психологически давили и поражения антигетманских восстаний, и осуждение политики их инициаторов. Да и ЦК КП(б)У, избранный на II съезде партии в последней декаде октября, состоял преимущественно из правых, склонных к осторожности и выжиданию. Впрочем, совершенно пассивными в эти мятежные дни оставаться было просто невозможно. Поэтому довольно многочисленная группа руководящих деятелей КП(б)У переместилась в ноябре поближе к украинской границе – в район Курска. Здесь 17 ноября 1918 года начал формироваться и ударный кулак – группа войск Курского направления, перспектива военных действий становилась все более отчетливой. В эту группу, кроме украинских частей, которые формировались из повстанцев в нейтральной зоне (на севере Черниговщины), было решено включить и отдельные регулярные части Красной армии РСФСР. Командующим группировкой был назначен В. Антонов-Овсеенко. Однако он подчинялся Главкому И. Вацетису, который в соответствии с распоряжением партийно-советского руководства РСФСР запретил любые военные операции в Украине, кроме тех, что вклинивались в зону действий Донского фронта. При этом учитывалось и осложнение ситуации на других фронтах, в частности в Латвии и Эстонии.

При таких обстоятельствах делу мог помочь лишь собственный центр власти. Большевики Украины понимали это все больше, и не то что с каждым днем, а буквально с каждым часом. По их настоянию в Москве было принято решение создать Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Достаточно красноречивые детали относительно мотивации этого шага раскрыл В. Затонский. Член ЦК КП(б)У вспоминал: «И мы, и петлюровцы одновременно стремились захватить в свои руки инициативу, так как ясно было, что на бой с гетманщиной пойдут за тем, кто выступит первым. И, здесь, надо сознаться, нас петлюровщина опередила.

Был один момент, при первом известии о немецкой революции, когда можно было, объявившись в Киеве, легонько взять гетмана за шиворот и повести крестьянские массы за собой.

Тов. Мануильский, оставшийся тогда в Киеве заместителем Раковского для ведения мирных переговоров с гетманом (российская мирная делегация), шифровкой по прямому проводу известил ЦК РКП о такой возможности и требовал немедленного приезда в Киев для руководства активным выступлением тов. Пятакова и меня (т.т. Бубнов и Косиор уже находились в Киеве в подполье), но пока расшифровывали его телеграмму, уже стало известно о начавшемся выступлении Директории, захватившей Белую Церковь (уездный город Киевской губернии) и объявившей поход на Киев. Стало ясно, что инициатива упущена, и что драться нам придется уже не с гетманцами, а с петлюровцами. Сомнений в том, что гетман не выдержит, не было. Я попал в Москву случайно из Орла, где находился тогда ЦК КПУ, и не знаю поэтому, в каком порядке обсуждался тогда в ЦК РКП украинский вопрос; только помню, сказал мне Свердлов, что Сталин меня разыскивает, а от последнего я узнал как о телеграмме Мануильского, так и о намерении создать Временное Правительство Советской Украины»¹. Хотя ничего неожиданного в таком намерении не было (большевики постоянно готовились к возвращению в Украину), возникли новые разногласия между «левыми» и правыми. Последних все еще поддерживал ЦК РКП(б), так что с реализацией решения об образовании украинского правительства не спешили. И все же ситуация складывалась в пользу предложений «левых». По-видимому, В. Затонский прав, когда пишет: «ЦК РКП, боясь левого коммунизма российского и простого авантюризма со стороны левых украинских коммунистов, когда обстановка была недостаточно определена, когда нужно было выжидать и быть слишком осторожными, опирался на правых. А когда следовало быстро и энергично ударить, используя при этом вспыхнувшее крестьянское восстание, ЦК вызывал левых»².

Приобрела практические очертания и задача воссоздания украинского советского центра исполнительной власти. Таковым стало Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. О своем разговоре с В. Лениным относительно воссоздания украинского со-

¹ Затонський В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины // Літопис революції. 1925. № 1. С. 138–140.

² Затонський В. Из спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1930. № 5 (44). С. 153.

ветского правительственного центра¹ (очевидно, 17 ноября 1918 года) В. Затонский писал: «Встал вопрос, кто будет председателем. Я выдвинул кандидатуру Пятакова. К этой кандидатуре Ильич отнесся не очень-то благосклонно. Другого он никого не называл, но потом говорит: “Да ничего, теперь левые коммунисты не представляют собой опасности (речь, конечно, шла о российских левых коммунистах). Немецкая революция все покрыла, теперь каждый дурак понимает, что мы имели резон подписывать Брестский мир”. По-видимому, кандидатура Пятакова предварительно обсуждалась на [заседании] ЦК, потому что Ильич здесь же с этим согласился окончательно»².

2. За восстановление власти Советов

Первое документальное упоминание о Временном рабоче-крестьянском правительстве Украины относится к 20 ноября 1918 года. Реввоенсовет группы войск Курского направления назвал свои силы армией этого правительства.

Интересные детали относительно формирования правительства, определения его председателя рассказывает все тот же В. Затонский. Описывая совещание ЦК КП(б)У в Курске, которое проходило в вагоне И. Сталина (в то время – нарком по делам национальностей, член РВС Республики, – он присутствовал на II съезде КП(б)У и был введен в состав ЦК КП(б)У), украинский деятель сообщает: «К делу подошел он [И. Сталин. – В. С.] без какого-либо предисловия:

ЦК РКП постановил образовать Советское Правительство с... (здесь была пауза) с Пятаковым во главе.

Это известие было в такой мере неожиданностью для правых наших товарищей, что они просто ошеломились. Действительно, еще и месяца, кажется, не прошло с тех пор, как им посчастливилось (...) разбить “леваков”, как они нас называли, только – только они, казалось, покончили со всякими “авантюрами”, и вот на тебе: “ЦК РКП постановил”...

А когда ЦК РКП постановил: – возражать нечего...

Еще с ЦК КПУ можно было в деле партийной дисциплины спорить, а с ЦК РКП шутить не приходилось – относительно этого правила у нас всегда были суровы.

Было несколько секунд молчанки, наконец, тов. Артема, как человека наиболее экспансивного, прорвало. Что он думал, кто его знает, но вдруг изрек:

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 230.

² Затонский В. Указ. соч. С. 153.

– Да, конечно, что Пятакова, он и чужие языки знает... – Это было так комедийно, что я не удержался и пошутил:

– И на рояле неплохо играет...

Пятаков пнул меня в бок, а сам закашлялся, т. Сталин, как будто ничего не случилось, спокойно продолжал дальше...»¹

Хотя правительство было создано, официальное объявление об этом решили отсрочить, как, собственно, и преобразование группы войск Курского направления в Украинский фронт. Последнее, в частности объяснялось тем, что нарком иностранных дел России Г. Чичерин начал переговоры с представителями Директории².

Такое положение, по утверждению В. Затонского, продолжалось около двух недель³. Очевидно, автор кое-что преувеличил. Если бы все обстояло именно так, пришлось бы признать, что Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было создано практически одновременно с Директорией. А он сам признает, что в темпе большевики уступали национально-демократическим силам, которые и организовались, и начали антигетманское восстание первыми. Просто ожидание для большевиков Украины оказалось слишком долгим, и это сказалось на их психологическом состоянии. «Жизнь в те дни была ключом, – отмечал В. Затонский, – каждый день приносил событий больше, чем теперь целый месяц, мы, естественно, нервничали, требовали установления ясности, а ЦК РКП оттягивал, пока для него полностью выяснится обстановка, не торопясь, тем более что положение на Украине было для него недостаточно понятным.

(...) Сидя на границе, рядом со взметнувшейся в революционном порыве Украиной, мы все, независимо от настроений предшествующих месяцев, чувствовали необходимость быстрого и активного вмешательства. Это был как раз тот недолгий период, когда разногласия между правыми и левыми сгладились (вскоре они вспыхнули еще раз, чтобы после третьей партконференции – очевидно, автор имеет в виду III съезд КП(б)У. – В. С. – окончательно исчезнуть). В описываемый момент (в 20-х числах ноября 1918 года) ЦК КП(б)У и члены Временного Советского Правительства Украины действовали вполне единодушно, добиваясь от ЦК РКП разрешения приступить к активным действиям и доходя в своем нетерпении до угроз самостоятельного выступления.

¹ Там же. С. 155.

² Затонский В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. С. 141.

³ Там же.

Передавали потом, что тов. Ленин сердился, получая наши задорные, нетерпеливые телеграммы. Однажды Сталин в разговоре, помню, сказал: «Да уймись вы там: *старик* сердится...»¹.

Между тем Г. Пятаков, В. Затонский, другие «левые» сетовали на позицию ЦК РКП(б) и СНК, засыпали Москву телеграммами и телефонограммами, считая, что центр тормозит большевиков Украины, чем очень вредит делу. В одной из телеграмм на имя И. Сталина говорилось: «Считаем своим долгом предварительно отметить, что все действующие на Украинском революционном фронте центральные организации порознь и вместе стараются выпутаться из созданного Центром хаоса и создать хоть какую-нибудь возможность для положительной работы. Но, несмотря на все добрые желания, благодаря, с одной стороны, неопределенности, с другой стороны, противоречивости указаний из Центра, ни одна из этих организаций не в состоянии функционировать нормально, в результате чего, вместо предполагавшейся нами централизации работы под общим руководством ЦК РКП, получается сплошная неразбериха.

Мы могли бы, конечно, положить конец этой неразберихе, внести ясность и организованность во всю работу, если бы со всех сторон не наткнулись на распоряжения Центра, исполнять которые обязаны получающие их организации или учреждения. Ввиду этого, мы считаем своей обязанностью довести до Вашего сведения о том фактическом положении, в котором мы сейчас находимся, и предложить Вашему вниманию ряд практических мер, которые должны быть, по нашему мнению, срочно предприняты Центром для того, чтобы дать возможность привести в порядок уже в достаточной степени дезорганизованную работу»².

Руководители КП(б)У пытались убедить московское руководство в том, что Украина – не только плацдарм для военных операций против Дона, для участия в которых направляли даже те немногочисленные украинские отряды, которые формировались из повстанцев в нейтральной зоне, а чрезвычайно важный регион для развития социалистической революции в международном масштабе. Однако этому в значительной мере мешало промедление с легализацией украинского правительства. «Сейчас на Украине для широких масс имеются два борющихся центра: петлюровцы и гетман, – говорилось далее в телеграмме. – Советский центр отсутствует, что дает возможность

¹ Затонский В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. С. 141–142.

² Там же. С. 142–143.

петлюровцам до известной степени привлекать на свою сторону те крестьянские элементы, которые недовольны режимом гетманщины, но недостаточно сознательны для того, чтобы самостоятельно разбираться в том, кто именно сейчас ведет борьбу с гетманом.

При таком политическом положении, крайне важна ясность постановки всех политических вопросов. Советский центр должен был выявиться при первой же возможности, но этого не сделано до сих пор, что является нашим серьезным упущением. Ваше запрещение опубликовать манифест мы рассматриваем как крупную политическую ошибку, значительно затруднившую концентрацию сил за власть Советов против гетмана и против Рады.

Необходимость легализации Временного Правительства, однако, диктуется и другими соображениями. Будь то Временное Правительство или Краевой Ревком – безразлично, дело не в названии и не в форме, которая определяется соображениями другими, необходим такой орган Советской власти, который мог бы распоряжаться, который являлся бы действительным центром советской работы на Украине, которому подчинялись бы все советские работники и который, таким образом, мог бы сосредоточить в своих руках всю эту крайне трудную, сложную работу по восстановлению Советской власти на местах. Так как было решено, что Временное Правительство будет исполнять, в первую голову, именно эту работу, то отсутствие этого органа Рабоче-Крестьянской власти означает на деле отсутствие какого бы то ни было органа центра»¹.

В качестве примера, иллюстрировавшего путаницу, возникшую вследствие отсутствия властного органа, приводилась ссылка на постановку дела с военной мобилизацией. В одних местах этим занимались представители КП(б)У, в других – мобилизации препятствовал военный комиссариат Орловского округа, в третьих – военачальники проводили мобилизацию на свой страх и риск. Нелегитимное правительство было не в состоянии ни издавать обязательные к исполнению постановления, касающиеся мобилизации, ни противодействовать Орловскому военному комиссариату.

В таком же положении находилась и работа по организации власти на местах, учету, сбору и распределению продовольствия, восстановлению путей сообщения и т. п. Но наиболее серьезными последствиями неопределенность положения угрожала военной сфере:

¹ Затонский В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. С. 143–144.

украинские коммунисты вообще могли упустить благоприятный момент для восстановления советской власти в Украине.

Понимая это, руководство КП(б)У предлагало ЦК РКП(б) и СНК: «Во-первых, необходимо нам дать разрешение объявить себя в качестве Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины, издать манифест и действовать в качестве действительного Правительства Украины; во-вторых, всю политическую часть работы в очищаемых областях необходимо сосредоточить в руках Временного правительства». В-третьих, руководство КП(б)У считало необходимым ввести единоначалие и передать командование Военному Совету Курского направления (будущий Военный Совет Украинского фронта¹), «никоим образом не отдавать Украинский фронт политически чуждому нам человеку»; в-четвертых, подчинить все военные силы, оперирующие на Украинском фронте, Военному Совету Курского направления². В-пятых (это было предложение Главнокомандующему Красной армии РСФСР И. Вацетису), «не распоряжаться военными силами нашего фронта, не сносясь с нами. Если он не может достаточно глубоко относиться к политическим событиям на Украине, то он должен считаться в своих действиях с тем учреждением, которое, и по обязанности и по существу дела, одно только в состоянии правильно сочетать военную и политическую работу на Украине. Таковым органом, по нашему мнению, является Временное Правительство Украины. В-шестых, в соответствии с этим необходимо выделить все воинские части, оперирующие на нашем фронте в качестве самостоятельной армии, именуемой армией Советской Украины и находящейся только под общим руководством верховного главнокомандования; в-седьмых, необходимо приказать Орловскому Военному Округу не саботировать Украинский фронт и обслуживать нужды нашей армии вне зависимости от тех или иных соображений Семашко [А. Семашко – военный комиссар Орловского военного корпуса. – В. С.], а в зависимости от потребности армии; в-восьмых, необходимо подчинить Глаголева [В. Глаголев – командующий резервной армией. – В. С.] Реввойсксовету, а Семашко убрать, заменив его менее капризным и самодержавным комиссаром. Ежели все это не будет сделано, то мы, на основании 10-тидневного опыта, должны снять с себя всякую ответственность за дальнейшую работу на этом фронте»³.

¹ Затонский В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. С. 145–146.

² Там же. С. 146.

³ Там же.

Подобного содержания и характера документы по несколько раз в сутки отправляли в Москву, высказывались довольно эмоционально, аргументируя свои требования, в многочисленных телефонных разговорах. Адресатом по большей части был И. Сталин, а копии, как правило, предназначались В. Ленину. И. Сталина неоднократно просили приехать в Курск и на месте убедиться в невозможности продолжать прежнюю губительную практику, прекратить невероятную путаницу и бездействие. Отказ И. Сталина приехать (естественно, со ссылками на свою чрезвычайную занятость в столице), как и поведение центра в целом, раздражало украинцев, которые называли его «издевательством» и угрожали «авантюрой», то есть нарушить дисциплину и стать на путь самочинных решений¹, которые в то время означали одно: немедленное вооруженное восстание в Украине.

Очевидно, дольше медлить было просто невозможно, и украинские политики получили долгожданное согласие на легализацию правительства.

На первом его официальном заседании, которое состоялось 28 ноября 1918 года в Курске, присутствовали члены правительства: В. Антонов-Овсеенко, В. Затонский, Э. Квириг, Г. Пятаков, Ф. Сергеев (Артем)². Все они, за исключением Г. Пятакова, входили в состав первого правительства Советской Украины – Народного секретариата, а В. Затонский, Э. Квириг и Ф. Сергеев (Артем) были еще и членами ЦИК Советов Украины, избранного II Всеукраинским съездом Советов в марте 1918 года. Главой правительства стал Г. Пятаков. На этом заседании было обсуждено 15 вопросов. Первым был решен «вопрос об объявлении Временного рабоче-крестьянского правительства Украины»³. Главное место в его деятельности сразу заняли проблемы государственного строительства, поскольку для организации революционной борьбы и осуществления коренных социальных преобразований в республике необходимо было, в первую очередь, создать советский государственный аппарат – как в центре, так и на местах. Формирование системы центральных отраслевых органов управления началось с организации Отдела внутренних дел, на который возлагались обязанности по созданию органов советской власти на

¹ Там же. С. 149.

² Рубач М. К истории гражданской борьбы на Украине (К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины). Документы и материалы // Летопись революции. 1924. № 4. С. 162.

³ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

местах и охране порядка. Заведующим отделом назначили В. Аверина, его заместителем – М. Арсеничева, членом коллегии – С. Власенко. Кроме того, было признано необходимым сформировать отделы военных дел, народного хозяйства и финансов, иностранных дел. Заведующими этими отделами утвердили соответственно Ф. Сергеева (Артема), Э. Квирина, Г. Пятакова¹. Комиссаром железных дорог Украины стал О. Жарко. На этом же заседании правительство постановило создать Военный совет Украинской Красной армии, в Военный совет вошли В. Антонов-Овсеенко, Ф. Сергеев (Артем) и В. Затонский².

На следующий день, 29 ноября 1918 года, Временное рабоче-крестьянское правительство переехало в определенное им самим место пребывания, это был город Суджа, опубликовало «Манифест к украинскому народу», в котором от имени восставших рабочих и крестьян объявило власть гетмана свергнутой и обратилось к трудящимся с призывом бороться за восстановление советской власти на всей территории республики. Все заводы, фабрики, банки, рудники, шахты должны были стать общенародной собственностью, помещичьи земли, живой и мертвый инвентарь подлежали немедленной передаче крестьянам без какого-либо выкупа³. Манифест имел большое значение для восстановления и упрочения советской власти в Украине.

Уже первый протокол заседания правительства, датированный 28 ноября 1918 года, подписан Г. Пятаковым в качестве председателя правительства. Он возглавлял Временное рабоче-крестьянское правительство Украины 49 дней – до 16 января 1919 года. А какие это были дни! Со скоростью пожара распространялась по Украине борьба за восстановление советской власти, против немцев, гетманцев, Директории. Вместе с вопросами организации воинских сил, ведения боевых действий решали проблемы государственного строительства, создания центральных органов управления, налаживания связей с революционными комитетами и повстанческими силами республики, осуществления безотлагательных социально-экономических мероприятий.

Стремясь к объективной оценке деятельности Г. Пятакова, «левых» в КП(б)У и правительстве, жалуясь на настороженное отношение со стороны официальной Москвы и правых в своей респу-

¹ Рубач М. Указ. соч. С. 163.

² Гражданская война на Украине, 1918 – 1920: Сб. документов и материалов: В 3 т. К., 1967. Т. 1. Кн. 1. С. 456–457.

³ Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни (листопад 1918 – серпень 1919 р.): Сб. документів і матеріалів. К., 1962. С. 42–44.

бликанской партийной организации, В. Затонский позднее записал: «Было много ошибок и с нашей стороны. Но в общем и целом мы оказались правы, создавая всеукраинское объединение и ведя работу в направлении поддержки революционного повстанчества. Факты показывают, что мы правильно учли историческую и политическую обстановку 1918 года, так как Советская власть пришла на Украину не с регулярной Красной армией, а с партизанскими отрядами крестьянских революционеров, которые, правда, частенько превращались в банды... но и тогда в конце 1918 и в начале 1919 годов дали нам победу и над гетманом и над Петлюрой и сами, в большинстве своем, мало-помалу превратились в регулярные войска (червоный корпус, тарашанцы, богунцы и прочие представители знаменитой нейтральной зоны)»¹.

Продолжая рассуждать в обозначенном логическом ключе, не лишне заострить внимание на том, что «левые» – действительно решили крупную стратегическую задачу. Они эффективно использовали накопившуюся революционную энергию масс для быстрого восстановления советской власти на огромных территориях Украины без отвлечения с других (российских) фронтов сколько-нибудь значительных сил Красной армии. За счет комплектования украинскими добровольцами (повстанцами), оснащаемых в основном трофейным вооружением, войска Украинского фронта к 15 февраля 1919 года имели 43 600 штыков, 3520 сабель, 124 орудий и 606 пулеметов².

Этого оказалось достаточно, чтобы с удивительной быстротой потеснить петлюровскую армию, существенно усиленную Украинской Галицкой армией, с территории практически всего Левобережья и Юга Украины, а также и значительной части Правобережья.

Вполне обоснованно в докладе Главного командования Красной армии В. Ленину и РВС Республики от 23–25 февраля 1919 г. отмечалось:

«Успешность пропаганды в рабочих районах, вооруженная поддержка повстанческих украинских групп создали столь благоприятную обстановку для решения первоначальных задач по созданию выгодного исходного положения для начала борьбы с объединенными войсками Согласия [Антанты. – В. С.] и южных белогвардейских армий, что успех превзошел всякие ожидания. В настоящее время

¹ Затонский В. П. Как была основана КП(б)У // Коммунист (Харьков). 1921. 7 ноября.

² См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов. М., 1978. Т. 4. С. 55.

прочно занята линия Днепра от Киева до Екатеринослава и Александровска и партизанские украинские части, проникнув глубоко в Правобережную Украину, продвигаются к берегам Азовского и Черного морей (...). Такой крупный успех был достигнут почти исключительно многочисленными украинскими повстанческими войсками...»¹

Без особой «раскачки» партийно-советское руководство Украины приступило к налаживанию жизни на социалистических началах.

Конечно, надо иметь в виду, что строительство советского аппарата в Украине происходило в обстановке ожесточенной борьбы за власть в условиях экономической разрухи. Особенно остро ощущали недостаток опытных кадров. Вопросам отбора и расстановки кадров руководящих партийных и советских работников для Украины большое внимание уделял В. Ленин². Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, его председатель постоянно получали поддержку и помощь со стороны ЦК РКП(б) и Совнаркома Российской Федерации. По решению ЦК РКП(б) была организована отправка в Украину партийных, советских и воинских работников³.

За короткий срок в распоряжение ЦК КП(б)У и правительства Украины было направлено 33 партийных и воинских работника из 10 армий, которые ранее работали в Украине и 160 коммунистов из Москвы и других центров⁴.

Вообще московское руководство быстро убедилось в выгодах, которые сулило создание Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, как и администраций других национально-государственных советских образований. 29 ноября 1918 года В. Ленин телеграфировал Главкому И. Вацетису, он писал, что создание на освобожденных территориях областных временных правительств «отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для последующего продвижения наших войск»⁵. Вождь большевиков дал указание командному соста-

¹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). С. 158–159.

² Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 364, 377, 392, 400, 405, 406, 438, 475, 479.

³ Куліченко М., Маланчук В. В. І. Ленін і розв'язання національного питання на Україні. К., 1971. С. 90–91.

⁴ Антонов А. Е. Боевой восемнадцатый год. М., 1961. С. 205.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 183.

ву воинских частей Красной армии всесторонне поддерживать временные советские правительства.

Процесс дальнейшего формирования Временного рабоче-крестьянского правительства Украины продолжался в течение декабря 1918 – января 1919 года. По мере освобождения территории Украины расширялась сфера его деятельности, в связи с чем необходимо было создавать новые отделы, определять их структуру и функции. Так, 17 декабря было решено начать организацию новых отделов: труда и социального обеспечения. Временно возглавить их поручалось Ф. Сергееву (Артему). В январе 1919 года заведующим Отделом труда был назначен Б. Магидов, а Отделом социального обеспечения Л. Горохов. Тогда же было принято решение о создании отделов образования, финансов, здравоохранения, продовольствия и земледелия. Возглавили их соответственно В. Затонский, Ф. Земит, П. Тутишкин, С. Бубнов, Хотимский. Уже с середины декабря 1918 года функционировало Бюро печати Украины, которое возглавил В. Люксембург¹.

Г. Пятаков координировал деятельность структур Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, поддерживал постоянные контакты с Москвой. Сложным делом оказались переговоры относительно вывода немецкой оккупационной армии с территории Украины, которые глава ВРКП вместе с В. Затонским вел с ее представителями. Склонный к радикализму Г. Пятаков стремился добиться от немецкой стороны сдачи всего оружия без исключения в качестве главного условия их пропуска через Россию по пути в Германию². Постепенно сфера деятельности правительства расширялась. 28 декабря 1918 года ВРКП переехало в Белгород³, а в первые дни января 1919 года – в освобожденный к тому времени Харьков.

Собственно, в ходе восстания рабочих 1 января 1919 года организованного исполнительным бюро ЦК РКП(б)У во главе с Я. Яковлевым, в городе была установлена советская власть. В это время к Харькову подошли части Красной армии. Немецкие оккупационные войска сопротивления не оказали, передали советским представителям часть оружия, поддерживали порядок.

¹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 17, 20, 23, 31, 37, 59 об., 70.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 36.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

После переезда в Харьков Реввоенсовет республики постановил создать на базе украинских советских частей Украинский фронт. Командующим стал В. Антонов-Овсеенко, а членами РВС Н. Вишневецкий, Ю. Коцюбинский и Ю. Щаденко¹.

Это ускорило развитие борьбы за восстановление власти Советов.

6 января правительство рассмотрело вопрос «о названии Украинской Республики», было решено «присвоить Республике название Украинская социалистическая советская республика»², 14 января вышел соответствующий правительственный декрет³.

Как глава правительства, Г. Пятаков проявил исключительную мобильность, энергичность, настойчивость. Его личный вклад в решение самых разных вопросов был очень весомым. Он был автором многочисленных документов: манифеста, деклараций, декретов, распоряжений, которые издавались в то время правительством Украины. К сожалению, об этом очень немногие знают. Ведь даже в сборнике документов и материалов «Советское строительство на Украине в годы гражданской войны (ноябрь 1918 – август 1919)» (К., 1962), где опубликовано значительное количество документов того времени, все они поданы анонимно. А там, где необходимо указать состав правительства, имя Г. Пятакова опущено. Он вообще не упоминается в этом издании. И это не единственный случай. Как рецидив прошедших времен и настроений можно расценить и то, что в изданном уже в 1987 году энциклопедическом справочнике «Великий Октябрь и гражданская война на Украине» даже в специальной статье о Временном Рабоче-крестьянском правительстве Украины (с. 546) отсутствует имя его председателя. Хотя справедливости ради следует отметить: в этом справочнике впервые за время после 1930 года помещена биографическая справка о Г. Пятакове.

Надолжностиглавы Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Г. Пятаков проявил и незаурядные организаторские способности, глубину и масштабность видения разнонаправленных процессов, способность оперативно постигать всю сложность вставших проблем.

¹ Петров В. И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 355.

² ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 11 об.

³ Первый Совнарком Украины // Вечерний Киев. 1988. 3 сент.

3. Правительственный кризис. Отставка

Однако наладить четкую работу правительства, поддерживать деловую, творческую обстановку Г. Пятакову не удалось. Чрезмерное административное давление, неумение считаться с иной точкой зрения – эти его качества постепенно привели к серьезным конфликтам с коллегами. Снова дали о себе знать разногласия между «левыми», их лидером Г. Пятаковым и сторонниками правых в руководстве КП(б)У, в частности, Э. Квирингом и Ф. Сергеевым (Артемом). Понятно, что назначение председателем Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «левого» Г. Пятакова пришлось им не по душе. Имея преимущество в ЦК КП(б)У, они не хотели выпускать из-под своего влияния и правительство. Особенной «активностью», граничившей с агрессивностью, отличался Артем. Именно он получил ключевую в то время должность заведующего Воинским отделом правительства (то есть военного министра). Практически сразу возникли разногласия и споры между ЦК КП(б)У и правительством, а также и внутри последнего, которые, в конечном итоге, привели к правительственному кризису.

Впрочем, Ф. Сергеев в сущности так и не приступил к своим обязанностям члена правительства, не занимался ни организацией военно-революционных комитетов на местах, ни боевой подготовкой украинских войск. Как показал его отчет на заседании Временного Рабоче-крестьянского правительства Украины 11 декабря 1918 года, по истечении двух недель Воинский отдел даже не был организован. По мнению Ф. Сергеева, боевой подготовкой должно руководить не правительство, а Воинский отдел ЦК КП(б)У через местные партийные комитеты.

Считая образование правительства Советской Украины преждевременным, Ф. Сергеев и другие правые в ЦК КП(б)У, ссылаясь на партийную дисциплину и подчиненность исполнительной власти ЦК, ограничивали, тормозили деятельность ВРКП, пресекали инициативу, вынуждали любые практические шаги согласовывать с правыми в Центральном комитете КП(б)У. В то же время они также ссылались, нередко безосновательно, на поддержку их действий Центром – ЦК РКП(б) и Совнаркомом РСФСР. Все это вело к дезорганизации работы Временного рабоче-крестьянского правительства Украины и вызывало протесты его руководства. 7 декабря в 1918 г. Г. Пятаков телеграфировал наркому И. Сталину: «Артем всячески препятствует работе. Наверное, неверно понимает стремление центра (...) Если считаете наше [правительства. – В. С.] существование

лишним, скажите, так и сделаем, но допустить, чтобы Артем делал по-своему, опираясь на авторитет центра, не можем».

Также «по-своему» Артем стремился реорганизовать управление Украинской армией, отстранить от командования В. Антонова-Овсеенко. К последнему он испытывал неприязнь еще с декабря 1917 года, когда тот, вопреки Ф. Сергееву, арестовал в Харькове группу предпринимателей и заставил их выплатить долго задерживаемую зарплату рабочим. В возникшем конфликте В. Ленин встал на сторону В. Антонова-Овсеенко, а Ф. Сергееву выразил порицание. Теперь последний не был согласен с начатой В. Антоновым-Овсеенко подготовкой активных действий войск в Украине, обвинил его в авантюризме. Для того, чтобы добиться изменения состава Реввоенсовета и смещения главнокомандующего Украинской армией, он выехал в Москву. Там его интрига получила поддержку. В то же время он вызвал в Курск и Харьков, где находилось правительство, группу своих единомышленников – правых (К. Ворошилова, Б. Магидова, В. Межлаука, М. Рухимовича), которые были введены в состав Временного Рабоче-крестьянского правительства, что дало правым небольшое преимущество. Собственно, в правительстве произошел своего рода «тихий переворот», после которого баланс сил, хотя и незначительно, сместился в пользу правых.

По возвращении Ф. Сергеева в Харьков 8 января в 1919 года здесь состоялось заседание правительства. Воспользовавшись преимуществом правых, Ф. Сергеев добился отзыва предыдущего состава Реввоенсовета и назначения в него М. Рухимовича, К. Ворошилова и В. Межлаука. В. Антонов-Овсеенко от должности главнокомандующего Украинской армией был отстранен, на этот назначили М. Рухимовича.

Однако эти перестановки были немедленно обжалованы и отменены – после обращения Г. Пятакова и В. Затонского к В. Ленину. В свою очередь, Ф. Сергеев выразил протест против восстановления прежнего состава Реввоенсовета, но он не был удовлетворен.

Затем Ф. Сергеев и другие правые решили добиться снятия Г. Пятакова с должности главы Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. Бесспорно, Г. Пятаков был в значительной мере виноват в конфликтной ситуации, внутри правительства, которая со временем переросла в ссору. Но было бы неверным снимать ответственность за этот конфликт и с противоположной стороны. 10 января 1919 года в телеграмме В. Ленину, направленной из Харькова, Ф. Сергеев, Э. Квириг и Я. Яковлев (Эпштейн) обвинили в конфликте и склоке Г. Пятакова, они предложили заменить его Х. Раков-

ским. «Только в этом случае кризис главы правительства не станет правительственным»¹, – говорилось в телеграмме.

Однако В. Ленин, судя по всему, «взял паузу», выжидал. Не дождавшись ответа, правые решили самовольно отстранить Г. Пятакова от должности. 16 января 1919 года на заседании правительства (примечательно, что за 48 дней существования это заседание оказалось роковым – тринадцатым) был поставлен вопрос «О правительственном кризисе». В собрании принимали участие Г. Пятаков, Э. Квириг, В. Аверин, В. Затонский, Ф. Сергеев, М. Магидов, М. Рухимович, К. Ворошилов. Четыре члена правительства выразили недоверие Г. Пятакову, а двое во время голосования воздержались.

На должность главы Временного рабоче-крестьянского правительства Украины был избран Ф. Сергеев (Артем). Три голоса были поданы за него, один – против, трое воздержались (Г. Пятаков, Ф. Сергеев, В. Аверин)². Перед закрытием заседания Г. Пятаков сделал заявление: он считал для себя обязательным решение ЦК РКП(б), в соответствии с которым он назначен главой правительства Украины, и передаст полномочия лишь после соответствующего постановления ЦК РКП(б)³.

В. Аверин, хотя и воздержался при выборах нового главы правительства, в сущности поддержал Г. Пятакова в его последнем заявлении. По настоянию В. Аверина в протокол было занесено его «особое мнение»: «Ввиду того, что назначение тов. Пятакова на пост Председателя Вр. Раб.-кр. Правит. Украины состоялось по постановлению ЦК РКП и что поэтому смена его может произойти не иначе, как по постановлению ЦК РКП – а поэтому решение ЦК КПУ и большинства правительства считаю шагом, направленным к умалению прерогатив ЦК РКП и в обсуждении и решении вышеупомянутого вопроса участия не принимал, о чем прошу довести до сведения ЦК РКП(б)»⁴.

Из приведенного документа явствует, что имелось и решение ЦК КП(б)У об отстранении от должности главы правительства Г. Пятакова, а В. Аверин во время голосования по этому вопросу на заседании правительства 16 января также воздержался, как и при голосовании за избрание Ф. Сергеева.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

² ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 52 об., 53; Там же. Д. 15. Л. 17.

³ Там же; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 689. Л. 3.

⁴ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 52 об. – 53.

В тот же день в Москве состоялось заседание Центрального комитета РКП(б). В протоколе записано: «Принято решение согласно просьбы украинских товарищей отправить т. Раковского на Украину с тем, что он войдет в правительство Украины как председатель»¹. Постановили также отправить в Украину группу ответственных партийных работников².

17 января 1919 года Г. Пятаков направил В. Ленину телеграмму, в которой сообщал об изменениях в украинском правительстве. Документ еще раз подтверждает, что этому предшествовало специальное решение ЦК КП(б)У: «Вчера Квиринг от имени ЦК КП(б)У поставил вопрос о моем смещении», – писал Г. Пятаков³.

А 18 января в Москву поступила телеграмма оппонентов Г. Пятакова. Адресована она была также В. Ленину (копии – Я. Свердлову, И. Сталину, А. Каменскому). Из нее следует, что перестановкам в правительстве ЦК КП(б)У придавал исключительное значение, квалифицировал их как важную победу правых. «В связи с обстановкой, которая образовалась на Украине, – говорилось в телеграмме, – Ц. К. К. П. У. принял следующее решение: “Условия развития революции на Украине возлагают огромную ответственность на Коммунистическую партию Украины и исполнительные органы. Слабость и случайность связи с ЦК РКП и невозможность для РКП иметь своевременную точную информацию о состоянии дел на Украине вынуждает Ц. К. К. П. У. подчинить себе все исполнительные органы власти”. В связи с этим кризис председателя решен назначением Артема, а кризис командования назначением Реввоенсовета Украинской Республики [в] составе Рухимовича, Ворошилова, Межлаука»⁴.

Далее шли сетования на переговоры российского правительства с Директорией, что по мнению правых могло помешать СНК РСФСР признать Временное рабоче-крестьянское правительство Украины в качестве единственного законного органа власти. Говорилось о невозможности дальнейшего пребывания В. Антонова-Овсенко в должности командующего Украинской армией, выдвигалось категорическое требование его отставки. Заканчивалась телеграмма словами: «Заседанием правительства сегодня уже проведено постановление об освобождении Пятакова и замещение его Артемом. После принятия этого

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 173.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 435.

³ ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 20. Д. 23. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 682. Л. 2.

решения Пятаков заявил, что через назначение его Ц. К. Р. К. П., он сдаст должность только по получении от него соответствующего постановления. Решили [в] интересах Революции и дела провести постановление ЦК и Правительства к немедленному выполнению и предлагаем санкционировать и предложить прежнему командованию сдать дела относительно Украины.

Реввоенсовет Украин. Республики. Глава Правительства Артем.

Члены Квиринг, Магидов, Ворошилов, Рухимович, Межлаук и Семен Шварц»¹.

Уже 17 января 1919 года Ф. Сергеев (Артем) добился решения правительства об изменении состава Реввоенсовета Украинской армии: «Напечатать постановление Правительства об освобождении т. Антонова от должности Главкома Украинской Советской армии и о назначении Реввоенсовета в составе: Ворошилова, Рухимовича и Межлаука. Т. Рухимовича назначить Главкомом армии. Передать вопрос о полномочиях Реввоенсовета на решение ЦК партии»².

Очевидно, после ознакомления с упомянутой телеграммой и другой доступной информацией, В. Ленин решил ускорить отъезд Х. Раковского в Украину. 19 января 1918 года состоялась их беседа в зале Московского Совета. В. Ленин говорил о необходимости восстановления единства в рядах Компартии Украины, ликвидации партизанщины, организации регулярной дисциплинированной Красной армии Украины³. Кроме того, лидер большевиков дал директивы о привлечении на сторону советской власти боротьбистов, формальном закреплении независимости Украинской Советской Республики и подписании соответствующего договора о союзе между Советской Украиной и Советской Россией⁴.

Очевидно, В. Ленин учитывал и тот факт, что Х. Раковский был нейтральной фигурой и не участвовал в спорах между «левыми» и правыми в КП(б)У и в то же время партийным деятелем, который на протяжении последнего года оказался – так или иначе – причастным к событиям в Украине; во всяком случае, он лучше других знал ситуацию в республике и ее проблемы, пользовался там авторитетом.

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 682. Л. 3.

² ЦГАВО України. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 44.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Раковский Х. Г. Ілліч і Україна // Український історичний журнал. 1989. № 4. С. 113–114.

Особенно наглядно это продемонстрировало участие Х. Раковского в работе II съезда КП(б)У (17–22 октября в 1918 г.).

Тем временем Ф. Сергеев (Артем) понял, что он не в состоянии преодолеть существующие в украинском руководстве разногласия, положение в правительстве там сложилось патовое. Продолжал «нагнетать» ситуацию и Г. Пятаков. Так, 18 января на своем заседании правительство было вынуждено рассматривать первым вопрос об инциденте с «Известиями Временного Рабочего и Крестьянского Правительства Украины». В результате было решено дать разрешение Г. Пятакову сообщить – на страницах «Известий» – о том, что он не принимал участия в решении о публикации информации об изменениях, произошедших в Реввоенсовете Украинской армии. А вторым пунктом повестки стало заявление Г. Пятакова «о поездке в Москву для доклада ЦК РКП», которое приняли к сведению¹.

На следующий день было дано согласие на делегирование Г. Пятакова в Москву². Тогда же был еще раз рассмотрен вопрос «О председателе» и постановлено: «Напечатать назначение тов. Артема заместителем Председателя»³. Последний перестал подписывать официальные документы как председатель (собственно это он делал лишь на протяжении трех дней (16–18 января)). Можно предполагать, что в Харькове стало известно и о решении ЦК РКП(б) относительно фигуры нового главы правительства. Х. Раковский появился в Харькове 22 января, впервые присутствовал на заседании ВРКП на следующий день. А 24 января 1919 года состоялось заседание Временного Рабоче-крестьянского Правительства, по-видимому, самое короткое за все время его существования. В повестке дня стоял один вопрос: «О председателе Правительства». В протоколе записали коротко: «Главой Правительства назначить товарища Х. Г. Раковского». Последним – после Ф. Сергеева (Артема), Э. Квинринга, К. Ворошилова, В. Затонского, Б. Магидова, М. Рухимовича, Ю. Коцюбинского – протокол подписал теперь уже бывший председатель правительства Г. Пятаков.

Владимир Затонский в своих мемуарах утверждает, будто Георгий Леонидович поддержал нового главу правительства. Возможно, в известной степени так и было, ведь объективно исход кризиса не принес победы и правым, Ф. Сергееву в частности.

¹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 45 об.

² Там же. Л. 52.

³ Там же.

В. Затонский пишет: «Раковского мы [то есть В. Затонский и Г. Пятаков. – В. С.] знали только по слухам. Знали мы его как европейца, и интересно нам было, как он себя будет чувствовать, попав как раз на эту потасовку... Этот вычурный европеец сначала странным пятном казался на нашем диком фоне. И я сам, сознаюсь, сначала думал, что вряд ли он выдержит такую марку.

Однако мы с Пятаковым постановили поддерживать его как можно. Первое заседание правительства принимало Раковского не очень гостеприимно. Помню, все его предложения начисто были провалены. Пришлось объявить перерыв до следующего дня. Раковский в течение одних суток проявил чудеса дипломатической ловкости, ведя переговоры с каждым в отдельности. Менее всего хлопот было ему как раз с нами, потому что мы на все были согласны (...). Раковский все время следил, чтобы никого не оскорбить – ни правых, ни левых. Состав Совнаркома был значительно расширен привлечением нескольких товарищей, которых до этого в Харькове не было, например, Бубнова, который сидел тогда в Киеве.

Количество правых и левых в Совнаркоме было приблизительно уравновешено (...) – и Раковский начал быстро усиливаться. Вскоре мы почувствовали, что он уже хорошо ориентируется в нашей путаной обстановке»¹.

Однако то, как быстро Х. Раковский овладел ситуацией, по-видимому, все же не могло не сказаться на самолюбии Г. Пятакова. Ведь ему не удалось наладить ни четкой работы правительства, ни добиться взаимопонимания между его членами на протяжении значительно более длительного времени. Конечно, обе стороны (и «левые», и правые) после «изнурительных боев» и сами понимали, что не раз переходили за пределы разумного и были готовы на взаимные уступки, примирение. И все же...

Г. Пятаков заметно нервничал. 26 января 1919 года он написал заявление на имя председателя Временного рабоче-крестьянского Правительства Украины: «Ввиду того, что 1) Екатеринослав будет на днях взят, что 2) необходимо присутствие там хоть на 1–2 дня члена Вр. Р. К. Пр. У., что 3) я сейчас совершенно свободен и ничего не делаю, что 4) я могу выступать на больших митингах и собраниях, что 5) у меня – большое желание поехать на пару дней в Екатеринослав, прошу Вас разрешить мне завтра, 27 января, поехать в Екатеринослав на два дня»².

¹ Затонський В. Із спогадів про українську революцію. С. 171–172.

² ЦГАВО України. Ф. 2. Оп. 1. Д. 473. Л. 32.

В фразе «я сейчас совершенно свободен и ничего не делаю» чувствуется обида, коварно «грызшая душу». Очевидно, Х. Раковский способен был это верно оценить и командировку отложил. Тем более, что 25 января 1919 года правительство обнародовало декларацию, в которой содержалась широкая программа борьбы за распространение и упрочение советской власти, программа социалистических преобразований. 29 января правительство было реорганизовано. Оно получило название Совета Народных Комиссаров УССР. Г. Пятаков вместе с Э. Квирином и М. Рухимовичем (руководство Высшего Совета народного хозяйства Украины) стал членом реорганизованного высшего органа исполнительной власти республики¹.

А уже 30 января 1919 года Г. Пятаков с целым рядом поручений, в том числе – прояснить вопрос о переговорах СНК РСФСР с Директорией, был направлен в Москву². Руководство КП(б)У, СНК УССР беспокоил тот факт, что дипломатическая миссия в Москву С. Мазуренко – представителя Председателя Директории УНР В. Винниченко – началась успешно, имела шансы на успех³ и могла завершиться принятием решений, в которых не были бы учтены позиции партийных и советских центров Украины.

Кроме того, Г. Пятаков в качестве делегата от Украины (вместе с Я. Дробнисом) должен был принять участие в конференции советских республик, которую планировалось провести в Москве в начале февраля 1919 года. Посланцам УССР было поручено «сделать формальное предложение Российской Советской республике, а также другим советским республикам о создании оборонного военного союза под верховным военным и политическим руководством Российской Советской Республики»⁴.

Следует отметить, что в обоих случаях кандидатура Г. Пятакова была весьма удачной, во всяком случае он подходил для выполнения деликатных поручений больше, чем другие. С одной стороны, «левый» радикал Г. Пятаков, которого хорошо знали в Кремле и с позицией которого московское руководство считалось, мог повлиять на ход переговоров советских лидеров с представителями Директории. Последнюю коммунисты Украины воспринимали как однозначно

¹ Первый Совнарком Украины // Вечерний Киев. 1988. 3 сент.

² ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 102 об.

³ Реєнт О. П., Симоненко Р. Г. Українсько-російські переговори в Москві (січень–лютий 1919 р.). Документи. К., 1996.

⁴ Первый Совнарком Украины // Вечерний Киев. 1988. 3 сент.

контрреволюционную силу и никакого примирения с ней не допускали. Что же касается предложения о создании военно-политического союза советских республик, тонкий расчет Х. Раковского – демократа по воспитанию и убеждениям – строился, очевидно, на том, что сторонник «левых» взглядов и действий Г. Пятаков послужит своего рода «противовесом» в случае усиления централизаторских настроений и будет защищать права Украинского государства.

Как видим, Г. Пятакова не только не отодвигали на второстепенные политические роли, напротив, он продолжал находиться в эпицентре политической жизни в Украине, решать неотложные, самые сложные задачи. Стабильным и чрезвычайно высоким оставался и его личный рейтинг среди самых влиятельных украинских деятелей. Очередным свидетельством прочности позиций Г. Пятакова стал III съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины.

Глава VII. НОВЫЕ ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

1. Снова секретарь ЦК КП(б)У

В отличие от первых двух съездов большевиков Украины, которые проходили в Москве, III съезд КП(б)У работал на территории республики, в Харькове 1–6 марта 1919 года. Г. Пятаков снова оказался в центре внимания. Уже на предварительном совещании делегатов 28 февраля, во время выборов президиума, Георгий Леонидович получил больше всех голосов – 97. За П. Дыбенко было подано 88 голосов, за В. Затонского – 83, за А. Иванова – 82, за А. Бубнова – 77¹. Эта пятерка была утверждена и съездом². П. Дыбенко сложил с себя полномочия члена президиума, вместо него был избран В. Ауссем³.

Из пяти председателей (сопредседателей) Г. Пятакову была предоставлена возможность вести первое заседание. И он сразу «пошел в атаку». Хотя по поручению ЦК Э. Квиринг уже объявил съезд открытым, Георгий Леонидович от своего имени также объявил об открытии III съезда КП(б)У⁴. Такой уж у него был характер – не мог не быть первым, «не сверху».

Как и можно было предположить, на съезде дискуссия между «левыми» и правыми разгорелась с новой силой. Правда, иногда создавалось впечатление, что это была борьба между правительством Украины, где доминировали «левые» – «пятаковцы», и ЦК КП(б)У, в большинстве своем состоявший из правых. Страсти достигли «точки кипения» во время обсуждения отчетного доклада ЦК, который сделал Э. Квиринг. С содокладом выступил Г. Пятаков, который сразу же заявил, что с самого начала деятельности «никакой политической линии у Центрального Комитета за этот период нет и не было. Ни в

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 р. : Протоколи. К., 2002. С. 18.

одном документе, ни в одной резолюции, ни в одном печатном произведении политическая линия Центрального Комитета не намечалась, политическая линия членов нашей партии неизвестна. Но эта политическая линия проявлялась, и она проявлялась тем, что Центральный Комитет, исходя из определенного представления относительно международной обстановки и обстановки на Украине делал все, что в его силах, чтобы помешать победе рабоче-крестьянской революции на Украине»¹.

Георгий Леонидович обвинял ЦК КП(б)У в неверии в потенциал революционных сил в Украине, в пассивном ожидании революции в Германии и расчете на восстановление Советской власти в Украине силами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Лидер «левых» доказывал, что в представлении ЦК КП(б)У Украина является не самостоятельным государством со своими, ему присущими особенностями, а регионом, как, например, Дон.

В ситуации, когда ЦК РКП(б), избегавший международных осложнений из-за вмешательства, даже по незначительному поводу, в дела Украины, заявил Г. Пятаков, «Центральный комитет нашей партии [то есть КП(б)У. – В. С.] вел линию, если можно так выразиться, при отсутствии всякой политической линии...»²

К сожалению, в протоколах III съезда КП(б)У сохранилось лишь начало доклада Пятакова. Однако даже из небольшого текста, его тональности, общей логики подхода понятно, что лидер «левых» большевиков Украины весьма критически относился к позиции ЦК РКП(б) в вопросе о перспективах советской власти в Украине и решительно отстаивал правоту «левых», которые в своей работе по подготовке восстания ориентировались на собственные силы – на революционные массы рабочих и крестьян Украины.

Еще больше в этом убеждает его заключительное слово по докладу ЦК. Аргументы, которые в обоснование своей позиции приводили правые, только сильнее раззадорили сторонника радикальных действий, который прибегал к все более жестким формулировкам. Оба течения в КП(б)У, доказывал Георгий Леонидович, «все свои расчеты и всю свою линию строили по фронту мировой революции. Но одно дело сказать, что мы считаем, что рабоче-крестьянская революция на Украине может победить только при условии победы революции

¹ Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 р. : Протоколи. К., 2002. С. 42.

² Там же. С. 43.

во всем мире, а другое дело сделать отсюда практические выводы, в зависимости от того, как скоро ожидается нарастание этой революции. Мы ожидаем нарастание этой революции в самом ближайшем времени и потому считаем возможным сейчас же приступить к организации вооруженного восстания [по-видимому, в данном случае в протоколе прошедшее время ошибочно передано как настоящее. – В. С.]»¹. Продолжая, Г. Пятаков дал оценку позиции Главкома вооруженных сил РСФСР И. Вацетиса, которая достаточно красноречиво характеризовала не только поведение правых в КП(б)У, но и в целом линию ЦК РКП(б): «Я утверждаю и имею на это свидетелей, что главнокомандующий нам определенно заявил, что РСФСР ни одной вооруженной части сейчас на Украину не может дать и не бросит по тем причинам, что всякие расчеты на украинскую революцию безнадежны. Мне было на бумаге, – как сказал тов. Вацетис, – показано и доказано, что рассчитывать на революционное движение на Украине невозможно. А исходя из этого, невозможно удлинять и без того достаточно растянутый фронт Российской советской республики. Как я сказал в первой речи, было поставлено сильное равенство между Доном и Украиной. Как Дон не может своими внутренними силами освободиться, точно так не может, по мнению большинства ЦК, освободиться Украина»².

Если следовать логике Пятакова, напрашивается вывод, что ЦК КП(б)У, избранный II съездом партии, как минимум, не содействовал развитию революции в Украине. И Георгий Пятаков прямо заявил: «Роль ЦК – если он и играл роль в развитии революции – была не положительная, а отрицательная»³. Так что не удивительно, что правые в ЦК КП(б)У были и против создания Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, и развертывания его деятельности.

По этому вопросу, считал Георгий Леонидович, позиции ЦК РКП(б) и правых в ЦК КП(б)У не совпадали. Он утверждал (и кто лучше его это знал?), что советское правительство Украины было создано по инициативе и при активном участии ЦК РКП(б). Совсем другим было поведение правых в ЦК КП(б)У. «Я, как член правительства, – говорил его первый председатель, – должен заявить с полной откровенностью, что если кто-либо мешал работе этого пра-

¹ Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 р. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 70.

вительства, то это был ЦК Коммунистической партии Украины, который всячески тормозил деятельность правительства...»¹

Характерно, что противоречия между «левыми» и правыми, выражавшие интересы различных общественных групп, Г. Пятаков не считал непреодолимыми. Он доказывал, что речь идет об «оппортунистическом уклоне части нашей партии, о нерешительности в действиях, которые объясняются, само собой разумеется, целым рядом весьма серьезных обстоятельств, но речь идет о том, чтобы этот оппортунизм, который победил на II съезде, изжить, и, чтобы после III съезда наша партия могла бы действительно проводить свою политику решительно, радикально и в области экономической, и в области политической»².

Предпринятые Я. Свердловым попытки снять напряжение, понизить градус дискуссии (для него уже стало привычным «примирять» правых и «левых» КП(б)У), ни к чему не привели (конечно, в определенной степени он защищал и позицию ЦК РКП(б)). Чаша весов склонялась в сторону искреннего, эмоционального, порывистого, наступательного Георгия Пятакова. Импонировала даже его неосторожность, пренебрежение политической корректностью. Поэтому и проект резолюции, предложенный им, поддержало большинство делегатов – 99 (за проект резолюции правых, озвученный К. Ворошиловым, было подано 92 голоса)³.

Принятый съездом документ – настолько красноречивая памятка своего времени, что заслуживает полного воспроизведения:

«Об отношении к ЦК, избранному II съездом КП(б)У.

Обсудив доклад ЦК, избранного на II съезде нашим партийным большинством Украины, III съезд пришел к следующему положению:

1. В начале своей деятельности ЦК проводил линию отказа от практической подготовки нараставшего вооруженного восстания рабочих и крестьянских масс в первый период нелегальной работы.

2. В момент развившегося восстания Центральный Комитет на деле осуществлял политику задержки стремительно разрастающейся рабочей революции.

3. После победы пролетарской революции и восстановления власти Советов на Украине ЦК оказался не в состоянии вести ре-

¹ Там же. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72, 82.

волюционную политику, соответствующую задачам пролетарской диктатуры.

4. В деле руководства партийной работой на местах ЦК обнаружил несостоятельность, выразившуюся в том, что ЦК не давал никаких руководящих директив.

Наша партия потеряла связь с тремя четвертями партийных организаций, ликвидировав издание Центрального Органа и не сделав ничего в деле снабжения организаций литературой и т. д.

Исходя из этого, III съезд Коммунистической партии Украины постановил:

1. Признать тактику ЦК неправильной.

2. Признать ЦК неспособным руководить Коммунистической пролетарской партией в период обострения гражданской войны»¹.

Это была просто ошеломляющая победа «левых». Конечно, адекватным должно было бы быть и решение организационных вопросов, в частности, формирование руководящих звеньев КП(б)У. Понятно, что именно Георгий Пятаков возглавил список кандидатур в члены ЦК, который был утвержден съездом², он был также избран делегатом от КП(б)У на III Всеукраинский съезд Советов и VIII съезд РКП(б)³.

Он же и закрывал съезд, выступил с заключительной речью, в которой выразил надежду, что старые противоречия изжиты, и начинается новый этап партийной деятельности, основным содержанием которого должно стать советское строительство⁴.

6 марта в 1919 г. состоялся организационный пленум ЦК КП(б)У, на котором вчерашние «левые» и правые получили приблизительно равное представительство. Тем почетнее для Георгия Пятакова стало его избрание членом Политбюро и Оргбюро (эти органы были новыми для в КП(б)У) и на пост секретаря ЦК. Что и говорить, это было проявлением наивысшего доверия к его выдающимся способностям и человеческим качествам, убедительной демонстрацией его высокого авторитета среди коммунистов Украины. Особенно впечатляет то, что выбор был сделан не «по инерции», а после громкого и неприятного скандала, жесткого противостояния и чрезвычайно напряженной борьбы. Поэтому и воспринимался этот факт как трудная, однако вполне заслуженная и в значительной степени закономерная победа.

¹ Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 р. С. 200.

² Там же. С. 182–183.

³ Там же. С. 217–218.

⁴ Там же. С. 184.

В то же время все понимали, что почивать на лаврах победителю не придется, а свой статус он должен ежедневно и ежечасно подтверждать делами, новыми достижениями и победами.

2. Очередные фиаско

Первый месяц весны 1919 года оказался насыщенным не только военными событиями. Это был также месяц исторических представительских форумов. В Украине сразу после завершения III съезда КП(б)У состоялся III Всеукраинский съезд Советов, а в Москве в марте прошли I конгресс Коминтерна, который положил начало новой организации международного пролетариата, и VIII съезд РКП(б), принявший новую программу партии.

Георгий Пятаков стал заметной фигурой на VIII съезде РКП(б), работа которого продолжалась с 18 до 23 марта 1919 года. В числе семи деятелей (В. Ленин, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Г. Евдокимов, П. Смидович, Е. Преображенский) он был избран в президиум форума, вошел в программную комиссию¹.

Георгий Леонидович принял участие в обсуждении проекта программы, с докладами по этому вопросу выступили Н. Бухарин и В. Ленин. Интересно, что у докладчиков не было единства мнений по многим вопросам, в частности по национальному. В. Ленин еще с начала века отстаивал принцип права наций на самоопределение как стержневой элемент национальной программы.

Однако в среде большевиков, как и в рядах международной социал-демократии вообще, отношение к этому лозунгу было различным, нередко негативным. Число тех, кто критически воспринимал принцип права наций на самоопределение, резко выросло во время революции. Опыт новых национальных государств, где к власти пришла буржуазия, дал основания многим коммунистам усомниться в правильности программного требования большевиков. Да тот же Н. Бухарин, например, на съезде рассуждал: «Понятие нации включает в себя все классы данного общества. Поэтому, поскольку мы держим сейчас курс на пролетарскую диктатуру, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права наций на самоопределение...», он предложил другую формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности². М. Томский был более категоричен: «Я думаю, в

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 6, 7, 469, 489.

² Там же. С. 47.

этом зале не найдется ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желаемым. К этому мы относимся как к неизбежному злу»¹.

Г. Пятаков отрицал право наций на самоопределение со всей присущей ему непримиримостью. Он, коммунист, представлявший самый крупный национальный регион, где освободительная борьба приобрела особый размах, где идея национального государства имеет глубокие корни, одну из причин чрезвычайных трудностей борьбы за власть Советов видел в том, что украинские эксплуататорские классы ловко используют в собственных целях лозунг права наций на самоопределение, используют его для консолидации контрреволюционных сил, подчиняют с его помощью своему влиянию трудящихся². Уже поэтому от него следует решительно отказаться.

Однако Г. Пятаков отрицал и бухаринский лозунг права трудящихся на самоопределение на том основании, что пролетариат, трудящиеся любой нации в эпоху социалистической революции должны подчинять свои национальные интересы общим интересам мировой революции, задачам международной победы социализма. И опять для убедительности он подкреплял свою позицию украинским примером. «Сейчас идет борьба за утверждение диктатуры пролетариата на Украине, — обращался он к делегатам партийного съезда, — и вы знаете отлично, что судьба Украины имеет громадный интерес не только для рабочих масс этой страны, а для рабочих масс России, Латвии, Беларуси и остальных Советских республик. Если советская республика установится в Австрии и Германии, то в Украине будут заинтересованы и эти республики. Можем ли мы допустить, чтобы форма существования пролетарско-крестьянской Украины могла бы определяться исключительно и независимо трудящимися массами Украины? Конечно, нет!»³ Настаивая на необходимости подчинения национальных задач общей, интернациональной цели, Г. Пятаков утверждал: «Раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один Высший совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т.д., то все это пресловутое “самоопределение” не стоит выеденного яйца. Это или просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьез. Для нас, для членов партии пролетариата, мы должны сказать открыто, что,

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. С. 82.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 80.

само собой разумеется, *такой* независимости мы допустить не можем. Там, где пролетариат уже победил, там должно происходить немедленное объединение, и одну линию мы должны вести»¹. Поэтому лидер КП(б)У отвергал и предложенную Н. Бухариным формулу «самоопределения трудящихся масс каждой нации», горячо доказывая, что «следует твердо стать на путь строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения»².

В таком же духе он составил свои предложения, которые и передал в программную комиссию. Однако они были отклонены. А В. Ленин в заключительной речи иронизировал и даже высмеивал несусаицы «увлекающихся товарищей», которые «...договорились до всемирного совнархоза и до подчинения всех национальных партий Центральному Комитету РКП. Тов. Пятаков чуть не договорился до этого»³. Реакция Г. Пятакова, напротив, была очень серьезной: «А разве вы думаете, что это было бы плохо?» – не удержался Георгий Леонидович от того, чтобы не прервать вождя партии. В. Ленин язвительно ответил: «...Если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами бы убили себя»⁴.

По сравнению с реалистом и жестким прагматиком В. Лениным Г. Пятаков выглядит азартным игроком, теряющим чувство меры, но упрямо не желающим признавать авантюренность своих предложений и действий.

Бесспорно, самообман Г. Пятакова был искренним. И когда он вспоминал об ошибочности резолюции VII конференции РСДРП(б), против которой он в свое время также выступал, то делал это не из самолюбия, а лишь потому, что его ум по-особенному, иногда слишком абстрактно воспринимал и истолковывал общественные процессы. В этом он явно уступал В. Ленину, который оперировал такими объективными реалиями, как нация и пренебрежение этим фактором в программе партии считал недопустимым. Ленинская аргументация оказалась более убедительной, и поправки Г. Пятакова (а он, как отмечалось, был членом программной комиссии и настоял на голосовании своих предложений⁵) были отклонены делегатами без обсуждения.

¹ Там же. С. 80–81.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 489.

Кроме национального вопроса, секретарь ЦК КП(б)У имел собственные особые взгляды и на принципы строительства Красной армии, над которыми в тот момент работала партия. Опыт гражданской войны и иностранной интервенции убеждал, что прежние представления о защите социалистического Отечества силами возникшей во время революционных сражений народной милиции, формирование которой основывалось на принципе добровольности, выборности командного состава, фактически партизанщины, себя изжили. Достаточно эффективная в первые месяцы существования советской власти, народная милиция в 1918 году оказалась совершенно не боеспособной, что стало причиной череды поражений и стоило огромных потерь.

В поисках оптимальных решений партия пришла к выводу о необходимости создания массовой классовой армии, формируемой путем мобилизации, армии со строгой дисциплиной, централизованным управлением, с привлечением на командные посты офицеров царской армии. Одновременно внедрялся институт военных комиссаров как партийно-политический аппарат – для контроля над военными специалистами.

Однако, как практически в каждом новом деле, не обошлось без колебаний и шараканий. На съезде заявила о себе довольно многочисленная группа делегатов, которые не принимали находимых ощупью, методом проб и ошибок решений. В концентрированном виде позицию этой, довольно разнородной группы, названной затем «военной оппозицией», выражал лозунг: «Мы не можем отдать армию военным», хотя, конечно, существовали и другие причины для недовольства военным строительством, в частности, это практика сверхжесткого, нередко с применением террористических методов управления войсками председателя Реввоенсовета республики Л. Троцкого¹.

Бунтарский дух Пятакова, «левокоммунистическое» горение привели его в лагерь тех, кто не принимал новых подходов к формированию и функционированию Красной армии.

Хотя в документах VIII съезда РКП(б) не зафиксировано высказываний Г. Пятакова по вопросам военной политики (правда, они могли найти отражение в неопубликованных материалах военной секции, работавшей во время форума, членом которой был Г. Пята-

¹ См.: Млечин Л. М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002. С. 299–302.

ков¹), другие факты дают основания для того, чтобы считать его оппонентом одобренного съездом курса².

Единственное, что можно предположить, так это то, что вряд ли у лидера коммунистов Украины были резоны во всем поддерживать «военную оппозицию». Да и причины его воззрений на этот, чрезвычайно актуальный аспект политики партии могли быть различными, вплоть до стремления к сатисфакции за обидный провал в организации общеукраинского восстания против австро-немецких оккупантов и гетманщины и его жестокое поражение летом 1918 года.

Возможно, лучше других это чувствовал и понимал В. Ленин, который в речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) как бы вскользь «пожурил» инициаторов крестьянской войны в Украине в 1918 году. «В том-то и ошибка Пятакова и Бубнова, – подчеркнул он, – что Пятаков и Бубнов одобряют партизанщину»³. И звучало это скорее, как предостережение в адрес других партийцев, нежели желание лишний раз вспомнить этим двоим о прошлых ошибках.

Очередное поражение Г. Пятакова в теоретических дискуссиях с В. Лениным на этот раз привело и к «оргвыводам»: Г. Пятакова – секретаря ЦК одного из самых крупных национальных отрядов партии не избирают в состав Центрального комитета РКП(б). Членом ЦК становится председатель Совнаркома Украины Х. Раковский, а кандидатами в члены ЦК – А. Бубнов и Ф. Сергеев (Артем)⁴. Последний, хотя и был на VIII съезде партии делегатом с совещательным голосом от ЦК РКП(б)⁵, связь с Украиной не порывал, а влияние на деятельность руководящих партийно-советских органов, особенно на Юго-Востоке региона, продолжал оказывать.

К неудачам на теоретическом фронте добавлялись и серьезные просчеты секретаря ЦК КП(б)У в руководстве различными сферами политической и экономической жизни Украины.

Справедливости ради следует отметить: ситуация в республике была крайне сложной. Советское строительство разворачивалось в условиях жестокой борьбы с силами, сплотившимися вокруг Директории УНР, с войсками стран Антанты, которые оккупировали При-

¹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. XIII, 488; Журавлев В., Спирин Л. VIII съезд РКП(б): взгляд в будущее // Правда. 1989. 24 марта.

² Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. XIII.

³ Ленинский сборник. XXXVII. С. 138.

⁴ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 438.

⁵ Там же. С. 481.

черноморье и подталкивали общероссийские антисоветские круги к активизации военных действий против нового порядка, а также с многочисленными повстанцами, по большей части из крестьян, которые за годы гражданской войны привыкли к безвластию и сопротивлялись любому государственному началу, рассматривая его как враждебный фактор. К этому следует добавить отсутствие достаточного опыта, а также рецидивы «левизны» и революционного нетерпения у руководящих партийных и советских работников республики, в первую очередь, конечно, у самого Г. Пятакова.

Огромное значение для успешного советского строительства в Украине в тот период имело, в частности, правильное решение аграрного вопроса. Учитывая исконные стремления трудящегося крестьянства, Временное рабоче-крестьянское правительство Украины уже в первых своих программных документах – Манифесте от 28 ноября 1918 года и Декларации от 25 января 1919 года – объявило о конфискации всей помещичьей земли и передаче ее бесплатно крестьянам. Однако если конфискация земли осуществлялась безусловно и последовательно, то передача ее крестьянам – нерешительно и в ограниченных масштабах. Это объясняется тем, что на III съезде Компартии Украины и III Всеукраинском съезде Советов получила одобрение ошибочная политика в этом вопросе, которая не учитывала в полной мере конкретно-исторической ситуации и являлась очевидным забеганием вперед. Суть этой линии сводилась к тому, что советские хозяйства, коммуны и другие формы организации общественного землепользования считались оптимальным методом строительства социализма, а все виды единоличного землепользования – временными и отживающими.

Конечно, такой подход не мог не вызывать непонимания, недовольства и даже возмущения крестьянства, хотя в единоличное пользование было распределено около пяти миллионов десятин земли. Такая политика подрывала союз крестьян с рабочими, объективно способствовала усилению социального напряжения.

В процессе реализации этого курса в республике повсеместно возникали коммуны и совхозы (причем нередко были случаи принуждения при их создании). По состоянию на июнь 1919 года земельная площадь совхозов составляла около 21% прежних помещичьих посевов, или свыше 1,2 млн десятин. Нередко этим хозяйствам выделялось даже больше земли, чем они были способны обработать. Уравнительному разделению земли среди крестьянства не подлежали земли, которые изымались для нужд сахарной и винокуренной промышленности, совхозные, а также те, которые отводились под коммуны и

артели¹. Все это вызывало недовольство трудящегося крестьянства, подавляющее большинство которого страдало от малоземелья и было совершенно не готово к коллективным формам хозяйствования.

В. Ленин, ЦК РКП(б) обращали внимание руководящих деятелей республики на ошибки, допущенные при проведении земельной политики, указывали на необходимость более внимательно относиться к настроениям крестьянства. 9 апреля 1919 года Ленин обратился ко всем земотделам с телеграммой, в которой осудил факты принудительного отчуждения у крестьян земель прежних помещичьих хозяйств с целью организации совхозов, коммун и других коллективных хозяйств, а также нарушение принципа добровольности при объединении крестьян в коммуны и артели. ЦК КП(б)У и правительство республики развернули работу по ликвидации допущенных ошибок и извращений. Среди трудящегося крестьянства Украины были распределены до 9 млн десятин земли (из общего количества в 14,5 млн десятин), то есть свыше половины земель, которые ранее принадлежали нетрудовым хозяйствам. Однако исправить в полной мере все ошибки, допущенные в земельном вопросе, тогда так и не удалось².

Много внимания и сил ЦК КП(б)У и правительство республики уделяли продовольственной политике. По примеру РСФСР в Украине внедрялись принципы «военного коммунизма» – государственная монополия на заготовку продуктов – и продовольственная разверстка. Это, безусловно, были вынужденные меры. Реализуя классовый принцип в подходе к решению вопроса снабжения продовольствием, Наркомпрод Украины совершил ошибку, установив для всей территории республики одинаковый показатель для определения размеров зажиточного, кулацкого хозяйства. В результате направленные против кулаков (особенно на Юге Украины, где обеспеченность крестьян землей была относительно высокой) меры ущемляли также интересы середняков, вызывая у них недовольство земельной политикой советской власти.

Нельзя не сказать и о том, что в процессе реализации продовольственной политики власть на местах, особенно продотряды часто недооценивали или игнорировали важность идейно-воспитательной работы, предпочитая метод принуждения. На практике это порождало многочисленные злоупотребления и беззаконие: нередко у крестьян изымали хлеб без учета наличного его количества и их собственных

¹ См.: Сторінки історії Компартії України: Запитання і відповіді. С. 104.

² Там же.

потребностей, фактически это была реквизиция. Такая политика, конечно, вызывала у крестьян возмущение и вполне понятный протест.

Преимущественно силовые методы практиковались также при подавлении восстаний, которые приобрели особенно большой размах летом 1919 года. Причем, кое-где практиковались даже такие крайние и антигуманные меры, как круговая порука и поручительство.

Одним из острейших и политически важнейших был национальный вопрос. При осуществлении национальной политики на местах этот аспект часто недооценивали: кое-где игнорировались национально-культурные потребности населения, имели место попытки отодвинуть украинский язык на второй план и тому подобное.

Ошибки в национальном вопросе были допущены, в частности, при разработке тактики КП(б)У в отношении к украинским непролетарским партиям, стоявшим на советской платформе. III съезд Компартии Украины принял резолюцию, которая запрещала представителям этих партий занимать руководящие должности в органах советской власти. Такое решение не учитывало всей остроты и сложности ситуации в Украине, не отвечало принципиальной линии большевиков в этом вопросе. Поэтому ЦК РКП(б) 25 марта 1919 года вынужден был отменить решение III съезда КП(б)У об отношении к мелкобуржуазным партиям как противоречащее общей тактической линии РКП(б) в отношении к мелкой буржуазии и ее партиям.

В 1919 году по Украине прошла волна еврейских погромов. Хотя, в основном, она затронула территории, подконтрольные Директории Украинской Народной Республики и была прежде всего порождением атаманщины¹, антисемитские настроения без труда преодолевали линии фронтов и распространялись в регионах, контролируемых добровольческими воинскими формированиями, а также Красной армией. Последнее обстоятельство ловко использовалось в массовой пропаганде, которая вину за антиеврейские акции возлагала на большевиков, в рядах которых еврейский этнический элемент имел немалый удельный вес.

В этих условиях КП(б)У вынуждена была искать способы погасить волну антисемитизма, снять межнациональную напряженность, остановить пропаганду национализма. 30 мая 1919 года на специальном заседании Политбюро ЦК КП(б)У был рассмотрен вопрос

¹ См.: Солдатенко В. Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. К., 2007. С. 302–369; Он же. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. У 4-х т.: Т. III. К., 2010. С. 126–256; Он же. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 279–300 и др.

о борьбе с антисемитизмом. В качестве «энергичных мер» по предложению А. Бубнова было намечено: «1. Стремиться к ослаблению розни между крестьянскими селами и еврейскими местечками путем привлечения местных крестьянских сил в руководящие органы Советской власти для совместной их работы с еврейскими рабочими и ремесленниками. Одновременно с этим делегировать на село наиболее ответственных и наиболее приспособленных партийных работников евреев для текущей повседневной рядовой работы.

2. Учитывая чрезвычайную заостренность антисемитских настроений в настоящий момент, произвести частичную замену еврейских работников в местечках и селах работниками украинцами и русскими, самым решительным образом возражая против поголовного устранения работников евреев из руководящих органов. Указанная выше перегруппировка может совершаться лишь под общим руководством Центрального Комитета и непосредственным контролем Губпарткомов.

3. Поручить т. Пятакову разработать детальную инструкцию на основании положений пункта 1, что же касается пункта второго, то изложенные в нем указания направить не прямо партийным организациям, а лишь Губпарткомам»¹.

Г. Пятаков остался при особом мнении и письменно обосновал его в специальном заявлении, направленном в ЦК РКП(б). Он назвал точку зрения ЦК КП(б)У «пагубной, ... способной лишь дезорганизовать нашу и без того с величайшим трудом налаживаемую партийную работу».

Основные причины «нарастания грязной волны антисемитизма» один из ключевых партийных лидеров Украины усматривал в следующем: «1. Оторванность города от деревни, недоверие крестьянства к городу, что выражается, в связи с разнонациональным составом революционного населения украинских городов (особенно уездных) и деревень. В антисемитизм[e].

2. Преимущественно городской состав нашей партии, вытекающее отсюда непонимание ею крестьянства, недоверие к крестьянству в тех случаях, когда объективно такому недоверию не должно быть места, дурацкое отношение отсюда к проявлению самостоятельности даже революционной части населения. Еврейский состав местечковых горожан и партийных организаций вводит ненависть крестьянства в русло национальной ненависти.

¹ Єврейські політичні партії і рухи в Україні в кінці XIX–XX століття. Документи і матеріали. К., 2002. С. 202–203.

3. Помпадурство наших молодых коммунистов **или** именующих себя «коммунистами» и самонадеянно-заносчиво-легкомысленное отношение их к мужику, в связи с национальным составом городских и уездных партийных организаций создают ненависть к коммунисту, а отсюда к коммунисту – «жиду».

4. Десятки лет культивированное на Украине презрение к «жиду» усугубляет все это.

5. Провокаторы белогвардейцы, петлюровцы и т.п. сволочь играют на этом, ведут антисемитскую агитацию и, тем самым, еще более разжигают антисемитизм»¹.

Выразитель «левых» взглядов, Г. Пятаков считал принципиально ошибочным впасть в панику, идти на попятную, ограничивая участие евреев в различных руководящих структурах, в частности, их отзыва с них. Интернационалист по природе и моральным устоям, Георгий Пятаков считал необходимым в целях борьбы с антисемитизмом идти иным путем, применяя, в частности, такие меры: «1. Систематическое разъяснение контрреволюционности антисемитизма; говорить и кричать об этом весьма энергично (устная, письменная и кинематографическая агитация и пропаганда).

2. Преодоление оторванности города от деревни и деревни от города, путем энергичного перемешивания работников городских и сельских.

3. Указание всем местным партийным товарищам на необходимость того подхода к крестьянству, который был сформулирован VIII съездом РКП и развит рядом резолюций ЦК КПУ применительно к украинским условиям. Борьба решительная и упорная с огульно-недоверчивым отношением коммунистов к революционной части крестьянства.

4. Беспощадное подавление фанфаронства и помпадурства.

5. Привлечение крестьянских масс к строительству Советской власти, не смущаясь тем, что по временам оно будет откалывать сногшибательные коленца. Расслоение энергичное деревни и широкое привлечение революционной части крестьянства в уездные и губернские исполкомы даже с риском, что оно наделает по временам много глупостей.

6. Поощрение широкой инициативы крестьянства в сфере создания новой жизни. Жесткая борьба с палочным командованием над крестьянством в целом.

¹ Єврейські політичні партії і рухи в Україні в кінці XIX–XX століття. С. 203–204.

7. Беспощадная расправа с кулачеством.

8. Вливание евреев-коммунистов в красноармейские части (относительно не в особые еврейские части). Вливание евреев в деревню (именно революционной части евреев, а не лавочников и ростовщиков) на самую обыденную работу. Посылка на **постоянную** работу в деревню ответственных евреев-коммунистов (не мальчишек и идиотов), даже с риском потерять **многих** из них»¹.

Заканчивалось обращение в ЦК РКП(б) словами: «Как секретарь ЦК КПУ я знаю, **как** этот циркуляр будет проводиться на местах, и уверен, что рассылка его повлечет за собой полный развал многих местных организаций, ибо не по разуму усердные коммунисты (а таких, к сожалению, и у нас много) договорят и **доделают** то, чего не договаривают наши старые партийные товарищи из ЦК КПУ.

Ввиду этого я прошу ЦК РКП отменить постановление ЦК КПУ и запретить рассылку циркуляра, рекомендующего национальное перераспределение партийных сил в направлении изъятия евреев-коммунистов»².

Безусловно, абстрактно-теоретически позиция Г. Пятакова была правильной. Другое дело, что претворение в жизнь этой линии было делом очень непростым, поэтому досадных просчетов и неудач избежать не удалось.

Весной и летом 1919 года в Украине были допущены ошибки в осуществлении военной политики. Партийные и военные работники республики недооценивали опасность, которая угрожала не только СССР, но и РСФСР в связи с наступлением белогвардейских армий Деникина. Считая, что с белогвардейцами управится собственными силами Южный фронт, они пытались направить основные силы Украинского фронта для предоставления помощи Советской Венгрии. Как впоследствии самокритично отмечал тогдашний командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко, командованию «мерещились розовые перспективы содействия мировой революции». Такая эйфория дорого стоила: деникинцы начали быстро захватывать Украину, в перспективе угрожая РСФСР и даже Москве. Успехам белогвардейцев как раз и способствовали промахи в осуществлении советской земельной, продовольственной, национальной политики в Украине в первой половине 1919 года. Вызвав большое недовольство у трудяще-

¹ Там же. С. 204–205.

² Там же. С. 205.

гося крестьянства, они привели к резкому усилению политического повстанчества, росту числа антисоветских выступлений и мятежей.

Конечно, Георгий Пятаков постоянно находился в центре общественно-политической жизни. Кроме партийной работы, он был довольно сильно загружен работой в правительстве, неизменно принимал участие в поиске самых неотложных решений¹. В его актив можно занести многие бесспорные достижения той поры, однако нельзя отрицать и его ответственность за очевидные просчеты.

Вообще весну 1919 года вряд ли можно назвать самым удачным периодом в жизни секретаря ЦК КП(б)У. Он (конечно, в сравнении с другими периодами) как будто бы стухевался, не проявлял присущей ему колоссальной, кипучей энергии, инициативности, неугомонности. Георгий Леонидович был значительно ярче, притягательнее, убедительнее даже тогда, когда его (как каждый раз потом оказывалось – временно) снимали с ответственных должностей, лишали мощных рычагов влияния. В этом же случае все было наоборот: в его руках было сосредоточено немало власти, однако он не проявлял никаких признаков беспокойства о сохранении, закреплении завоеванного, он как будто «созревал» для принятия решения: в условиях продолжающейся гражданской войны он должен погрузиться в совсем иную, более конкретную стихию, в самую радикальную – военную борьбу или, по крайней мере, быть максимально близко к передовой, к «линии огня», на которой решается судьба революции, социализма.

А потому создается впечатление, что он без какого-либо внутреннего сопротивления, даже наоборот, с некоторым облегчением встретил свое второе освобождение 30 мая 1919 года от обязанностей секретаря Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины по решению Политбюро – и без промедлений передал свои полномочия Станиславу Косиору.

3. На фронтах гражданской

Право на реализацию своих замыслов коммунистам приходилось добывать в жестокой борьбе с силами, которые считали революционные планы авантюрными, а их создателей – преступниками, которые через кровь и насилие ведут общество к катастрофе. Так, еще до завершения изнурительной, опустошительной мировой бойни Украина, как и Россия в целом, начали испытывать кошмар гражданской

¹ См.: ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 23, 49 об., 80; Д. 21. Л. 107 об., 188 и др.

войны, иностранной интервенции, который продолжался три года. Конечно, такая чрезвычайно активная личность, как Георгий Пятаков не могла оставаться в стороне от событий, в которых решалась судьба социалистических начинаний, советской власти. Напротив, он часто сам рвался туда, где, по его мнению, разворачивались главные сражения за торжество идеалов мировой революции. Приходилось выполнять и соответствующие партийные поручения: отправляться на участки наиболее ответственных военных противостояний. А потому и изведаль он немало: от боев против немецких и австро-венгерских оккупантов в марте–апреле 1918 года, через сражения с деникинским нашествием в 1919 году, до штурма Перекопа в ноябре 1920 года. За участие в военных действиях Пятаков был награжден орденом Красного Знамени (примечательно, что он был 935-м удостоенным этой награды, то есть в первой тысяче).

С весны–лета 1919 года на широких просторах Украины, в междуречье Волги и Днепра на Москву начиналось наступление хорошо вооруженных и оснащенных Антантой армий генерала А. Деникина. Сложилась реальная угроза захвата деникинцами Донецкого бассейна. Мирные дела пришлось отложить. В день, когда Г. Пятаков был освобожден от должности секретаря ЦК КП(б)У, он тем же решением Политбюро вместе с А. Бубновым был отправлен на Донбасс для проведения мобилизации¹.

Этому предшествовала отправленная 28 мая телеграммой Х. Раковскому директива ЦК РКП(б) от имени В. Ленина, М. Крестинского и Л. Каменева. В связи с тем, что руководство КП(б)У планировало военные действия в двух направлениях – на защиту Донбасса, и, главное, на соединение с Советской Венгрией, – ЦК РКП(б) настаивал: «Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на вашем Западном фронте, послать Пятакова и Бубнова в Харьков, Екатеринослав для поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих для Южфронта под их личной ответственностью»².

В тот же день В. Ленин передал записку аналогичного содержания Х. Раковскому по прямому проводу³. А на следующий день направил телеграмму от имени председателя Совнаркома для А. Иоффе. В самых категоричных тонах, называя, как говорится, все вещи своими

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 326.

³ Ленинский сборник. XXXIV. М., 1942. С. 153.

именами, глава советского правительства РСФСР требовал: «Прочтите эту телеграмму Раковскому, Межлауку, Ворошилову, Пятакову, Бубнову, Квирингу и другим виднейшим работникам.

(...) Ни одно обещание не исполняется; подкреплений Донбассу нет; мобилизация рабочих идет позорно вяло. Вы отвечаете лично за неизбежную катастрофу. Надо поголовно снять видных работников, посадив их в Харькове и Екатеринославе для поголовной мобилизации рабочих; затем по одному видному в каждую воинскую часть для продвижения ее к Донбассу; затем все поставить на ноги для очистки складов от обмундирования. Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в Донбассе, для чего необходимо бросить рутину на Украине, работать революционно, поднять все и вся, следить лично за каждой воинской частью, за каждым шагом работы, все, все отложить в сторону, кроме Донбасса...»¹

Г. Пятаков без промедления отбыл на Донбасс, где денно и нощно самоотверженно трудился над порученным делом.

19 июня 1919 года Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос о мобилизации партийных сил на борьбу с деникинщиной. По докладу Г. Пятакова и А. Бубнова об их поездке на Южный фронт было принято решение отправить ряд руководящих партийных работников в Реввоенсовет 13-й армии Южного фронта². Тогда же Г. Пятакову поручили составить от имени ВУЦИК воззвание «Рабоче-крестьянская революция в опасности»³. В ближайшие дни ему нашли замену в Оргбюро ЦК и на посту заместителя заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦИК Советов Украины (его сменила А. Коллонтай). В официальной гражданской должности Г. Пятаков остался лишь наркомом советской пропаганды⁴.

Как член Реввоенсовета 13-й армии (с 28 июня по 3 ноября 1919 года) Г. Пятаков вместе с бойцами этой многострадальной армии (она была неоднократно бита белыми) испытал горечь поражений и отступлений, принимал участие в тяжелых оборонных боях в Донецком бассейне, в августовском контрнаступлении Южного фронта

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 327–328.

² ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 34; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 369. Л. 15.

³ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 34–35; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 369. Л. 16.

⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 37, 46; ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

(в составе группы В. Селивачева), в Орловско-Курской операции по разгрому Добровольческой армии. С 3 по 18 ноября – а это были дни решающих победных боев против деникинцев под Касторной – Г. Пятаков был военным комиссаром 42-й стрелковой дивизии 13-й армии. В наступательных операциях против войск Деникина Пятаков участия не принимал, поскольку в ноябре 1919 года он на короткое время был назначен комиссаром Академии Генерального штаба РККА.

Очевидно, именно в гражданскую окончательно сформировался стиль деятельности Г. Пятакова: сверхчеловеческое напряжение, высочайшая энергия, стремительная атака, «лобовой удар» – как средства достижения цели. Революционный романтизм, готовность преодолевать любые преграды, не считаясь с жертвами, отсутствие гибкости и пренебрежение к политической корректности – все эти черты, характеризующие Георгия Пятакова как типичного представителя левокоммунистических взглядов, выкристаллизовались в его характере именно в 1919–1920 годах.

Пребывание в действующей армии, личное участие в боях против противников советской власти оказали значительное, возможно, даже решающее влияние на личность Георгия Леонидовича Пятакова. Об этом периоде его жизненного пути известно немного, лишь отдельные, ставшие широко известными факты. Но и они дают основание полагать, что именно тогда он стал еще более стойким, более несокрушимым, твердым в достижении поставленной цели, еще более жестким и более требовательным к людям, его окружавшим, к подчиненным. Жалость, милосердие к врагу он сознательно и решительно искоренял. Так диктовали суровые законы классовой борьбы – он их постигал кровью, ценой потери многих товарищей, которые пали в боях, идя в атаку рядом с ним. Он «творил» законы новой жизни, возглавляя чрезвычайные карательные или судебные органы, считал свою работу нужной и важной.

И на фронте Г. Пятаков не мыслил себя вне деятельности ЦК КП(б)У, СНК Украины, вел активную переписку с другими руководителями республиканской партийной организации, с ЦК РКП(б). Правда, его взрывной характер и здесь нередко давал о себе знать, что приводило иногда к досадным коллизиям в отношениях с коллегами. Так, в фондах Политбюро ЦК КП(б)У сохранился довольно характерный документ: ответ Г. Пятакову, одобренный 17 августа 1919 года 4 голосами при 1 воздержавшемся (автором был Х. Раковский). «ПБ постановило сообщить Вам, – говорится в документе, – что решительно осуждает Вашу телеграмму, считая ее по форме абсолютно недопустимой и по существу лишенной всякого основания. Полит-

бюро выражает свое удивление, что Вы, даже не давши себе труда осведомиться о работе правительства, выступаете в качестве обвинителя, роняя его авторитет». Тогда же было принято и дополнительное предложение, гласившее, что один член ЦК не может обращаться с наравоучениями ко всему ЦК¹. О подобных инцидентах Политбюро ЦК КП(б)У вынуждено было информировать и ЦК РКП(б), поскольку Г. Пятаков распространял документы, содержащие его субъективные оценки руководящих партийных и государственных органов среди посторонних лиц².

Факты свидетельствуют, что и впоследствии, в то время, когда исчезли причины для фракционных настроений и действий, Г. Пятаков все же не мог успокоиться, он неоднократно обращался к ЦК РКП(б), пытаясь оправдать свою прошлую деятельность, а заодно поставить под сомнение верность политики, осуществляемой в Украине согласно решениям, принятым ЦК партии в конце 1919 года. 6 (7) февраля 1920 года Г. Пятаков и А. Бубнов направили в Центральный комитет РКП(б) заявление, в котором писали об «ошибочности принятой им [ЦК РКП(б). – В. С.] линии поведения относительно Украины»³.

Снимая с себя вину за допущенные в Украине ошибки, авторы заявления обвиняли ЦК РКП(б) в том, что в октябре–декабре 1919 года ЦК осуществил мероприятия, объективно приведшие к ослаблению до того сильного советского и партийного центра, перестал допускать туда «более-менее самостоятельных коммунистов, связанных с революционным движением в республике». Предлагая возродить мощный большевистско-советский центр, Г. Пятаков и А. Бубнов достаточно прозрачно намекали на то, что именно они могли бы возглавить этот процесс⁴.

У Георгия Пятакова были и ярые сторонники – те, кто после разгрома Деникина, хотели бы опять видеть своего кумира на высших ступенях политической иерархии. Так, 10 февраля 1920 года в ЦК КП(б)У поступило письмо крупных партийных функционеров из Донбасса И. Быка и Б. Магидова (корреспонденция была отправлена в Харьков еще 18 января из Бахмута). Авторы письма жаловались на неудовлетворительную кадровую политику Центрального комитета в Донецком бассейне и Украине в целом. Сетовали и на то, что «без

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 81.

² Там же. Л. 96 об.

³ Там же. Л. 73; Ф. 1. Оп. 20. Д. 130. Л. 72–73.

⁴ Там же.

дела» оказался Г. Пятаков. Осудив «кулуарное политиканство», «безгласность», «лишенную какой-либо разумности подчиненность», И. Бык и Б. Магидов утверждали: «Отстранить от политической работы т. Пятакова, секретаря, фактически главу всей Коммунистической партии Украины, подвергнуть его политическому ostracismu без какого бы то ни было серьезного повода мог и может лишь украинский пролетариат на своем съезде, который и вручил ему этот высокий мандат»¹.

То есть практически ставился вопрос о возвращении Георгию Леонидовичу выборной должности, от которой он был освобожден в тяжелейший момент для нужд фронта.

Однако сам Г. Пятаков к тому времени находился далеко от Украины.

В январе 1920 года Лев Троцкий забрал Георгия Пятакова с собой на Урал, в Екатеринбург. К тому времени, по-видимому, произошло их сближение. Нетрудно сообразить: назначение Георгия Леонидовича комиссаром генштабовской Академии без главы Реввоенсовета республики и наркомвоена Л. Троцкого вряд ли состоялось бы.

После разгрома А. Колчака и освобождения Сибири Красной армией Л. Троцкий вынашивал грандиозную идею создания на Урале или в Туркестане мощной военно-технической базы для коммунистического похода на Восток. Еще 5 августа 1919 года он писал в ЦК РКП(б): «Крах Венгерской республики [имеется в виду разгром Венгерской Советской республики. – В. С.], наши неудачи на Украине [захват территории Украины денikinцами. – В. С.] и возможная потеря нами черноморского побережья изменяют в значительной мере нашу международную ориентацию (...). На азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейских (...). Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент проходнее и короче, чем дорога к Советской Венгрии (...). Дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может наша армия, которая на европейских весах в настоящий момент еще не имеет крупного значения (...). Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»². Предлагалось сформировать отборный конный корпус в 30–40 тысяч всадников с тем, чтобы бросить его на Индию, для этого сосредоточить на Ура-

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 136. Л. 8.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. IV. М., 1923. С. 78.

ле рабочую силу, направить туда научно-технические кадры, лучших организаторов и администраторов.

К числу «лучших организаторов и администраторов» Л. Троцкий, очевидно, относил и Г. Пятакова. Вообще руководитель военного ведомства Советской России считал нужным направить на Урал «лучшие элементы Украинской партии [КП(б)У. – В. С.], которые освободились теперь от работы из независимых от них причин. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь»¹.

Настроениям Л. Троцкого полностью отвечали идеи милитаризации труда, трудовых армий. В январе 1920 года на базе 3-й армии, которая дислоцировалась на Урале, решением Совнаркома РСФСР была образована I Революционная армия труда. Председателем Революционного совета этой трудармии стал Л. Троцкий, его заместителем – Г. Пятаков.

Уже весной 1920 года (к тому времени существовало пять трудовых армий) стала понятной их несостоятельность как формы организации новых трудовых отношений. IX съезд РКП(б) (апрель 1920 года) подчеркивал значение трудармий и указывал на временный, вынужден их характер.

Производительность труда трудармейцев, что убедительно засвидетельствовал пример I трудармии, была низкой. При общем числе бойцов на март 1920 года 3,5 тыс. человек, на работу выходили не больше 2 тыс. Очень много трудармейцев дезертировали, на борьбу с этим явлением приходилось отвлекать значительные силы.

Деятельность Г. Пятакова в Реввоенсовете I трудовой армии почти не оставила документальных следов. Один из немногих – его телеграмма от 15 апреля 1920 года из Екатеринбурга в Москву, председателю СНК В. Ленину и наркому военных дел Л. Троцкому. Документ очень показателен, высвечивает одно из направлений деятельности Георгия Леонидовича: «С целью создания гибкого карательного аппарата, который действует не только на трудовом фронте, но и относительно военных организаций, мы частично уже организовали районные рабочие трибуналы, непосредственно подчиненные Армтрибуналу»². По инициативе заместителя председателя Совета Первой трудармии при

¹ См.: Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет // Октябрь. 1991. № 5. С. 3– 4.

² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

ней было создано представительство Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ЧК) – для борьбы с разрухой и дезертирством¹.

Энтузиазм, если не сказать – перегибы, проявленные Г. Пятаковым в реализации идеи милитаризации труда, вызвал критические замечания делегатов IX съезда РКП(б), в частности Е. Преображенского. На это не смог не среагировать даже идейный вдохновитель проекта – Л. Троцкий, согласившийся с тем, что, склонный к «милитаристическим наклонностям», его заместитель (а официально он был еще и уполномоченным Совета Труда и Обороны РСФСР), может быть заменен².

Участие Г. Пятакова в создании на Урале революционной базы для коммунистического похода на Восток было прервано польско-советской войной, вступлением в Украину армии Юзефа Пилсудского. Георгий Леонидович возвращается на фронт, в этот раз – на Запад. 10 мая 1920 года, заслушав предложения Л. Троцкого по поводу усиления Западного фронта, Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Признать необходимым командировку на Западный фронт Пятакова в распоряжение Троцкого. Предложить телеграммой Пятакову ускорить решение вопроса о его заместителе в Совтрудармии»³.

Со 2 июня до 16 октября 1920 года Г. Пятаков был членом Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. С этой армией он освобождал Минск, штурмовал Брест-Литовск, форсировал Западный Буг, принимал участие в походе на Варшаву. Казалось, вот она, Варшава, а там и до Берлина рукой подать – несколько марш-бросков конницы.

Именно тогда во всю мощь прозвучал призыв «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». В. Ленин, коммунисты, которые в большинстве отличались трезвым прагматизмом, летом 1920 года, кажется, тоже поверили в скорую возможность европейского взрыва и впервые с 1917 года начали переводить лозунг мировой революции в практическую плоскость. Конечно, Георгий Пятаков был среди самых пылких сторонников максималистов. То, в чем его раньше сдерживали, ограничивали, из заветных мечтаний становилось сущностью общепартийного курса! Вот когда пришло его время!

¹ Там же. Л. 3.

² См.: Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 149–195.

³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 113.

Это о Георгии Пятакове, таких же как он пламенных революционерах-романтиках писал в 1920 году в книге «Экономика переходного периода» Николай Бухарин: они видят «в дыму пожарищ и грохоте гражданской войны торжественные и величественные очертания будущего общества»¹.

Кстати Георгий Леонидович был в известной мере соавтором Н. Бухарина в написании этого произведения. Главе IX книги под названием «Экономические категории капитализма в переходный период» Николай Иванович предпослал такое примечание: «Эта глава написана на основе черновых набросков, сделанных моим другом, тов. Ю. Пятаковым. Мы хотели писать этот труд совместно, но практические задачи к пребольшому моему сожалению, оторвали тов. Пятакова от этой работы и нарушили общий план ее. Мне пришлось эту главу частично сократить, частично дополнить, частично переделать согласно контекста книги. Во многих местах текст тов. Пятакова оставлен полностью. Но и в переделанных частях главы основа принадлежит ему»².

Не обращаясь к анализу экономических взглядов Н. Бухарина и Г. Пятакова, отметим только, что книга имела большой резонанс, поскольку отвечала господствующим в партии настроениям, хотя в то же время подверглась острой критике. Одну из ведущих идей этой работы авторы сформулировали так: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, есть, как парадоксально это не звучит, метод выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»³.

Что же касается «практических задач», которые по словам Н. Бухарина оторвали Г. Пятакова от написания книги, то это было все то же участие в боевых действиях в рядах Красной армии на разных фронтах, где успехи сменялись поражениями и многое приходилось начинать сначала.

Так случилось и в августе 1920 года, когда поляки, накопив силы и, воспользовавшись ошибками советского командования, перешли в контрнаступление...

¹ Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. – Бухарин Николай Иванович. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 94.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 168.

В период непосредственной подготовки и решающего наступления войск Южного фронта против Врангеля Георгий Леонидович получает назначение в 6-ю армию (член РВС с 26 октября до 3 декабря 1920 года). Во время боев в Северной Таврии и в ходе Перекопско-Чонгарской операции 6-я армия осуществляла основной удар, форсировала Сиваш и овладела Перекопским перешейком, вместе с другими соединениями очищала Крым от белогвардейцев.

Характерным проявлением левого радикализма Г. Пятакова было его преклонение перед революционным насилием, правомерность и необходимость которого объяснялась непримиримостью к классовому врагу и жестокостью гражданской войны.

Определенную склонность Георгия Пятакова к «силовой» политике В. Ленин заметил еще во время теоретической дискуссии в 1916 году. Критикуя ошибки «молодых» марксистов, он писал: вероятнее всего, без гражданской войны социализм не осуществится, но все же «...в нашем идеале нет места насилию над людьми»¹.

Однако Г. Пятаков был одним из тех большевиков, для которых история Великой Французской революции XVIII столетия была священной, а представители радикального течения – якобинцы – «политическими святыми». В своих статьях и выступлениях в годы гражданской войны Георгий Леонидович неоднократно ссыался на якобинский террор, как на позитивный пример решительности и беспощадности революционеров в борьбе против классового врага. Одна из пламенных статей Г. Пятакова, опубликованная сразу в нескольких газетах в июне 1919 года, так и называлась: «Да здравствует красный террор!» В ней Пятаков утверждал, что Французская революция победила именно благодаря террору.

Очень резко и нелюбезно отреагировал на одиозную публикацию талантливый писатель и великий гуманист В. Г. Короленко, живший тогда в Полтаве. Он направил в местные «Известия» для обнародования «Письмо в редакцию». «Террористы сами были поглощены эшафотом, который они соорудили, – разъяснял Короленко. – Республика не только погибла, но и стала ненавистной, контрреволюция стала победоносной (...). Сколько раз еще будут повторять бессмыслицу, что гильотина была нужна для спасения революции, которая как раз и не была спасена...»

Писатель категорически утверждал: «Нет, не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он ни исходил. Если бы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122.

он мог принести пользу большевистской революции, то так же полезен был бы и ее противникам. Тогда незачем было бы возмущаться известиями “о зверствах, совершаемых добровольцами”. Они, значит, только пользуются целесообразным орудием борьбы. (...)

И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному»¹.

Российские радикалы, максималисты, Г. Пятаков среди них, апологетически, бездумно воспринимали опыт французской революции, позаимствовав принцип насилия, объявив его обязательным атрибутом революционности, исторически закономерным. Из неистребимой веры в правоту избранного пути, к тому же овеянного романтикой победы в октябре 1917 года, проистекала абсолютизация революционного насилия как самодостаточного и универсального метода преобразования общества.

Моральное оправдание насилию они находили в политике эксплуататорских классов, которые, как известно, не гнушались никакими средствами ради сохранения своего господства, или, в случае социальных подвижек – восстановления утраченных позиций.

Возможно, именно так рассуждал Г. Пятаков, как впрочем, и многие его соратники, объясняя свое участие в деятельности карательных органов в годы гражданской войны. Собственно, это было одной из его служебных функций как члена Реввоенсоветов армий.

В разгар похода Деникина на Донбасс, борьбы против антисоветского выступления атамана Н. Григорьева и махновщины именно Г. Пятаков возглавил образованный по приказу Л. Троцкого Чрезвычайный военно-революционный трибунал Донецкого бассейна, который «раскаленным железом» истреблял кулацкую контрреволюцию². Этот трибунал – под председательством Г. Пятакова – 16 июня 1919 года приговорил к расстрелу членов штаба дивизии Махно: Михалева-Павлика, Бурбигу, Олейника, Коровку, Костина, Полунина и Добролюбова³. Обвинения, выдвинутые против «штаба Махно»: дезорганизация советской власти в прифронтовой с деникинцами полосе, разрушение южного участка фронта, в результате чего войска «бе-

¹ Цит. по: Книжное обозрение. 1990. № 12. С. 3.

² См.: Троцкий Л. Как вооружалась революция. М., 1924. Т. II. Кн. 1. С. 199–200.

³ См.: Красная звезда (Харьков). 1919. 18 июня; ЦДАГО Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351. Л. 82, 375–376.

лых» якобы прорвали фронт – были безосновательными и фактами не подтверждались¹.

Относясь негативно к проявлениям непримиримости, ненависти, жестокости, думается, не следует искать их лишь в субъективных качествах, наклонностях одной личности, даже одного какого-то течения, или политического лагеря. Здесь с неумолимостью обнаруживает себя антигуманная природа гражданских войн как общественных феноменов особенного, исключительного порядка. И судьба Г. Пятакова полностью «вписывается» в общесоциологический контекст. Конечно, в воображении сразу же возникают ужасные картины смерти его старшего брата – Леонида. Впрочем, и сам Георгий Леонидович не раз мог стать жертвой страстей, которыми была полна жизнь в те времена.

Так, в январе 1919 года Г. Пятаков по поручению Временного рабоче-крестьянского правительства УССР возглавил специальную комиссию по делу известной экстремистки, террористки Маруси Никифоровой. Комиссия признала Никифорову виновной в многочисленных преступлениях, а Пятаков впервые назвал Марусю бандиткой, и это словосочетание – «бандитка Маруся» – с того времени прочно закрепилось за одной из действительно одиозных фигур гражданской войны. И хотя Г. Пятаков требовал для организатора грабежей, бессудных расстрелов, восстаний против советской власти – по большей части в Украине – сурового наказания, Ревтрибунал Российской Советской республики вынес приговор: за «дезорганизацию и дискредитацию» советской власти лишить М. Никифорову «на шесть месяцев права занимать ответственные командные должности в РСФСР»².

А через полгода, находясь в махновском войске в Мелитополе, «бандитка Маруся» предложила Н. Махно план террористических акций и, по некоторым данным, получила от «батьки» 500 тысяч карбованцев на убийство В. Ленина и «большевистских диктаторов в Украине» Х. Раковского и Г. Пятакова³.

Реализовать замысел не удалось. И это был, конечно, не единственный случай организации покушения на большевистских лидеров, на тех, кто отважился посягнуть на порядки старого мира, которые их защитники пытались представить единственно справед-

¹ См.: Український історичний журнал. 1990. № 2. С. 113–114, 115.

² См.: Савченко В. Авантюристы гражданской войны. М., 2000. С. 80–81.

³ Там же. С. 83.

ливыми, незыблемыми. И вовсе не стремясь оправдывать тех, кто в своей политической деятельности отходил от принципов гуманизма, все же нельзя не пытаться понять некоторые их поступки.

Огласку получила, в частности, информация о причастности Г. Пятакова к печально известным событиям в Крыму на завершающем этапе гражданской войны, в последние дни ноября и в декабре 1920 года.

Когда после разгрома П. Врангеля полуостров стал советским, местная власть, наделенная Всероссийской ЧК особыми полномочиями, объявила, что все белогвардейские офицеры обязательно должны пройти регистрацию (те, кто откажется – будут объявлены вне закона), а затем сами могут определить свою судьбу: эмигрировать или же работать в согласии с советской властью. «Мне редко приходилось наблюдать такое чувство общего облегчения, как после этого объявления, – свидетельствовал писатель В. Вересаев, – молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками, за которыми они не сумели разглядеть широчайших народных трудовых масс, давно уже тяготилось своей ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране»¹. Однако тех офицеров, кто поверил обещаниям советской власти и явился на регистрацию (таких было немало – «тысячи людей»), вероломно арестовали и расстреляли.

Как вспоминает В. Вересаев, на вопрос, почему так поступили, Ф. Дзержинский ответил, что имела место крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. Чтобы его разорить, туда были посланы товарищи с особыми полномочиями. «Но мы никак не могли думать, – объяснял Дзержинский, – что они *так* используют эти полномочия». Имя Пятакова Феликс Эдмундович не назвал, – пишет Вересаев, но всем было известно, что во главе этой расправы стояла так называемая «пятаковская тройка»². На чем основывался В. Вересаев, сказать трудно. До сих пор документов, относящихся к этой истории, не обнаружено. А известный исследователь проблем, связанных с террором, С. Мельгунов называет лишь имена венгерского коммуниста Белы Куна и Р. Самойловой (Землячки), когда

¹ Вересаев В. В. В тупике // Огонек. 1988. № 30. С. 30.

² Там же.

речь заходит о крымской трагедии¹. Не прочь поспекулировать на неподтвержденной документально истории и Н. Стариков. Без обращения к фактам, датам, не предпринимая хотя бы малейшей попытки перепроверить курсировавшие тогда слухи, он голословно, но весьма безапелляционно заявляет, что Г. Л. Пятаков «в 1920 году после овладения Крымом – один из членов “пятаковской тройки”, которые залили полуостров кровью. Другие садисты и убийцы, осуществлявшие массовые расстрелы в Крыму, известны куда лучше: это Розалия Землячка (Залкинд) и Бела Кун. Но тройка все же была именно “пятаковская”, а не “белакуновская”...»²

Можно предположить, что автор приведенных выше утверждений вряд ли может хоть сколько-нибудь убедительно объяснить даже происхождение термина «пятаковская тройка». Но это и неважно. Ведь написанное так удачно ложится в создаваемый им образ Г. Л. Пятакова – предателя и преступника, – что не воспользоваться лишним «доказательством» вины ненавистного политического деятеля просто нет сил. Очевидно, историки должны здесь еще сказать свое слово.

Тем временем состоялась V конференция КП(б)У, которая избрала Георгия Леонидовича в состав Центрального комитета партии. Стоит вспомнить, что он был и членом ЦК, избранного IV конференцией КП(б)У, которая проходила 17–23 марта 1920 года. Однако, как известно, тот состав ЦК был распущен решением Политбюро ЦК РКП(б) 24 марта, а в избранный 5 апреля 1920 года временный ЦК КП(б)У он не попал³. Однако авторитет Г. Пятакова в республике от того не пострадал. На V конференции (17–22 ноября) Георгий Леонидович был избран в состав президиума форума⁴. А на пленуме ЦК, который состоялся 23 ноября 1920 года, кандидатура Г. Пятакова была выдвинута на пост секретаря ЦК КП(б)У, однако секретарями по результатам голосования были избраны В. Молотов (первый секретарь ЦК КП(б)У) и Д. Лебедь (второй секретарь)⁵.

¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 66–69.

² Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1930 года). С. 11.

³ См.: Комуністична партія України: з'їзди і конференції. С. 44–45.

⁴ Там же. С. 46; ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

⁵ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

4. В труде, как в бою

Победно завершив гражданскую войну, разгромив иностранных интервентов, силы социалистической революции получили возможность, в конечном итоге, сосредоточиться на творческих, созидательных задачах, на реализации программных замыслов. Однако далеко не все в Коммунистической партии быстро поняли принципиальное изменение ситуации, необходимость существенной перестройки содержания, характера, форм, методов деятельности.

Многие партийцы, опьяненные действительно большими достижениями (а как иначе оценить в самом деле гигантский исторический рывок к качественно новой, неизвестной человечеством ступени общественного развития!), поверили во всесильность тактики революционного штурма, «красногвардейской атаки», готовы были абсолютизировать оправданный практикой курс, использовать его при любых обстоятельствах. Большинство из них пришло в партию в мятежные 1917–1920 годы, они не имели теоретической подготовки, а свой первый практический опыт они получили в боях гражданской войны.

Именно со стороны этого, «военного», поколения новая экономическая политика (нэп), одобренная в марте 1921 года X съездом РКП(б) и рассчитанная на сосуществование различных экономических укладов, в том числе государственно-капиталистического, мелкотоварного и др., встретила довольно сильное сопротивление – частично открытое, а в большей степени скрытое. Противникам нэпа казалось, что досадное недоразумение (то есть нэп) будет вскоре осознано всеми, от этой политики обязательно откажутся, а потому не стоит спешить перестраиваться, нужно переждать какое-то время, чтобы затем вернуться к привычному курсу.

Не стал исключением и Георгий Пятаков, хотя его поведение, как и всегда, объяснялось не приспособлением к какой-то линии (официальной или оппозиционной), в своих поступках исходил из собственного видения ситуации. Конечно, он очень энергично включился в процесс экономических преобразований, отдавал развитию народного хозяйства все свои силы, опыт, знания, а нэп считал реформистским отступлением от «истинно большевистского духа Октября», «крестьянским Брестом», и продолжал верить в близость мировой революции.

Георгий Леонидович считал чрезвычайно актуальной задачей оказание всесторонней помощи революционным силам зарубежья, победа и даже просто усиление их позиций позволит коммунистам России и Украины отказаться от нэпа, возобновить «революционный штурм капитализма».

Хозяйственная деятельность Г. Пятакова – убедительная иллюстрация недооценки значения новой экономической политики, истоков крупных просчетов в руководстве советской экономикой в первой половине 20-х годов.

25 ноября 1920 года по предложению ЦК РКП(б) (инициатором был Л. Троцкий), решением президиума Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Георгий Пятаков один из опытейших партийных работников был назначен председателем Центрального правления каменноугольной промышленности Донецкого бассейна (ЦПКП)¹. 7 декабря В. Ленин подписал соответствующую телеграмму в Реввоенсовет Южного фронта с предписанием Г. Пятакову немедленно выехать в Харьков и приступить к выполнению новых обязанностей². А уже через неделю, 13 декабря, председатель СНК РСФСР принял Георгия Леонидовича, имел с ним беседу³.

В то время Донбасс был одним из ключевых и наиболее ответственных звеньев экономики и Украины, и России. В период гражданской войны Донецкий бассейн подвергся неимоверному разрушению. К концу 1920 года, по сравнению с довоенным временем, объем продукции крупной промышленности в Украине (а Донбасс был ее основной базой) сократился почти в 9 раз, добыча угля снизилась в пять раз.

Огромное значение восстановлению Донбасса придавал В. Ленин, все советское руководство. Председатель СНК РСФСР отмечал, что без восстановления этого центра, подлинной основы всей экономики ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи⁴. Ленин вел весьма активную переписку с главой ЦПКП по самым разнообразным вопросам – от научных до технологических и практических⁵. Георгий Пятаков в то время превратился в постоянного адресата руководителя Коммунистической партии.

Перед ЦПКП, созданного с целью возрождения угольной промышленности Донбасса, стояли большие и чрезвычайно сложные

¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2542. Л. 9.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. Июнь 1920 – январь 1921. М., 1978. С. 537.

³ Там же. С. 555.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 105.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. Январь – июль 1921. М., 1979. С. 239, 254, 261, 310, 592, 593, 637, 656 и др.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 145, 288–289, 440–441 и др.

задачи. Как докладывал Г. Пятаков на совещании в Высшем совете народного хозяйства в мае 1921 года, работа началась с организации аппарата правления и перестройки всей системы угледобычи. Значительное внимание было уделено налаживанию снабжения жителей Донбасса продуктами питания, что способствовало заметному росту производительности труда шахтеров.

Вообще через ВСНХ Г. Пятакову довелось решать массу самых разнообразных вопросов и он, как правило, находил понимание и поддержку высшего хозяйственного органа РСФСР. По его докладом (он выезжал на совещания), представлениям, просьбам принимались решения и оперативно претворялись в жизнь¹.

ЦПКП сконцентрировал в своих руках все направления работы в Донбассе под лозунгом «диктатуры угля». «Мы рассчитываем, – говорил Георгий Леонидович, – идти в дальнейшем по пути интенсификации труда, увеличения напряженности работы, который является трудным путем, требует большего нажима, большей всесторонней работы по организации рабочей силы»².

По инициативе Г. Пятакова не только в работах на поверхности, как это было раньше, но и под землей – сначала небольшими, а затем все более многочисленными группами, с постепенным освоением сложных шахтерских профессий – использовались бойцы Украинской трудовой армии. Это помогло решить очень сложную проблему рабочих кадров, принесло значительный эффект.

Деятельность всей системы ЦПКП – от правления до бригады – была выстроена на принципах строгой, практически военной дисциплины, образцы которой Георгий Пятаков перенимал из армии. Председатель правления в повседневной работе проявлял требовательность, которая иногда граничила с жестокостью. Ради справедливости следует подчеркнуть, что так же сурово он спрашивал с себя, и сам являл пример самоотверженного, на грани человеческих возможностей, труда.

Сотни приказов по ЦПКП, подписанные Георгием Леонидовичем как председателем правления в течение 1921 года, дают представление о содержании, масштабах, характере, революционной «хватке» этого человека. Для него, пришедшего в каменноугольную промышленность с фронта, приоритетными делами стали и создание горных

¹ РГАЭ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–13 об.; 63–63 об.; Д. 15. Л. 27; Д. 32. Л. 1, 3, 5, 11–12 об.

² Там же. Д. 87. Л. 3.

управлений на местах в масштабах громадного промышленного региона, и организация горнотехнических и электроэксплуатационных отделов, и управление работой рудоремонтных мастерских, и оценка мощности угольных пластов, и контроль над состоянием парового и котельного хозяйства, и маркшейдерские работы...

Благодаря тому, что Донбассу помогали всем, чем только могли, строгой и четкой организации работ по угледобыче, ценой напряженного и героического труда шахтеров за короткий срок – в течение нескольких месяцев 1921 года – удалось добиться заметных сдвигов. Если в 1920 году Донбасс дал 272 млн пудов угля, то в следующем году – 350 млн.

О достижениях в деле угледобычи говорил в декабре 1921 года на VI Всеукраинском съезде Советов председатель СНК УССР Х. Раковский: «Особенно ясен успех, одержанный нами за последние 10 месяцев в области восстановления нашей каменноугольной промышленности. Уже с начала 1921 года было ясно, что мы пошли по правильной линии в Донецком бассейне и что внимание, уделенное угольной промышленности, вполне оправдывается достигнутыми результатами»¹. По оценке докладчика, уже в следующем, 1922 году, имелись все основания выйти на новый уровень и добыть не менее половины довоенного уровня объема добычи угля, что стало бы «блестящей победой на нашем хозяйственном фронте»².

Председатель ЦПКП Георгий Пятаков мог по праву гордиться такими результатами. В известной мере они были плодом его организаторского таланта, приложенных усилий.

Г. Орджоникидзе, направленный в Донбасс ЦК РКП(б) в конце декабря 1921 года, высоко оценил деятельность Г. Пятакова и ЦПКП. Это отраслевое учреждение, – писал Г. Орджоникидзе в Политбюро ЦК РКП(б), – является редким исключением среди советских и хозяйственных органов, выделяясь своей дисциплиной, порядком, точным и скорым выполнением своих обязанностей. Руководящая группа работников ЦПКП подобрана очень удачно. Работа, проведенная ЦПКП, – колоссальна³.

Первые успехи в возрождении промышленности Донбасса давали основание В. Ленину упомянуть руководителей угольной промыш-

¹ Шестой Всеукраинский съезд Советов. Бюллетень № 2. 1921. 16 декабря. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 2. Л. 1.

ленности в политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии в марте 1922 года: «Во главе ЦПКП... стояли люди не только, несомненно, преданные, но люди действительно образованные и с громадными способностями, и даже не ошибусь, если скажу – талантливые люди...»¹

Вместе с тем и в Донбассе Г. Пятаков оставался самим собой: не проявлял необходимой гибкости в общении с людьми, не умел избегать мелких столкновений; его «военные» методы работы вызывали недовольство руководящих хозяйственных кадров и рабочих. Правление каменноугольной промышленности открыто подавляло инициативу местных партийных и профсоюзных органов, губернского экономического совещания. Вот как писал об этом Серго Орджоникидзе в упоминавшемся письме: «ЦПКП и его руководящая группа, проводя диктатуру угля, вынося на своих плечах трудную и ответственную работу по восстановлению крупной каменноугольной промышленности, естественно, заняли экономически доминирующее положение в губернии и стремились к этому же в отрасли партийной»².

«Диктатуру угля», столь нужного стране, Г. Пятаков проводил бестактно, нетворчески, грубо, не считаясь с интересами других отраслей. В статье «Раненый гигант», напечатанной газетой «Коммунист», он отмечал: «Соблюдать партийно-профессиональный этикет некогда, и да не заподозрят нас в злом умысле в случае неоднократного нарушения этого этикета.

Нам дана задача, и эту задачу мы будем исполнять, наступая, быть может, кое-кому на ноги. Этого требует Республика, этого требует рабочий класс, этого требует наша партия, а мандаринские этикеты – побочку!»³

Кстати, эту статью, как и другие публичные выступления Г. Пятакова в прессе, анализировали В. Ленин, Г. Орджоникидзе, они, очевидно, не без основания считали, что личные взгляды, позиция председателя ЦПКП имеют принципиальное значение⁴. Ведь довольно скоро выяснилось, что на почве различий в видении и подходах к

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 99.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 2. Л. 1.

³ Коммунист (Харьков). 1921. 10 сентября.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. Июль – ноябрь 1921. М., 1980. С. 318, 563, 617; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 2. Л. 1; Д. 9. Л. 11 и др.

проблеме наращивания объемов угледобычи в руководстве Донбасса возник конфликт между Г. Пятаковым, с одной стороны, и председателем Донецкого губисполкома и губэкономсовета М. Рухимовичем и профсоюзными работниками, с другой. «Товарищ Пятаков со своими пятаковцами, – заявил М. Рухимович, – стал вести себя как завоеватель среди папуасов, где все и вся должно было беспрекословно подчиняться...»¹

Предметом конфликта был широкий круг вопросов: от снабжения рабочих продовольствием и его распределения между различными ведомствами до деятельности подчиненной губэкономсовету комиссии по использованию мелких рудников; от видения перспектив развития угледобычи в Донбассе до налаживания работы металлургии, химической промышленности и тому подобное. Жесткие методы руководства Георгия Пятакова вызывали недовольство у части рабочих, профсоюзов.

Значительной остроты конфликту добавляли политические амбиции. Г. Орджоникидзе, разбираясь в причинах разногласий между Г. Пятаковым и М. Рухимовичем, в начале января 1922 года писал: «Наши украинские товарищи, убедившись, что Пятаков собрал вокруг себя всех троцкистов и поставил перед собой задачу овладеть Донецкой организацией [КП(б)У. – В. С.], повели против Пятакова жестокую борьбу, решив выбить Пятакова из Донбасса». Однако в справедливости предположения, что пятаковцы – это троцкисты, фракционеры, Серго сомневался: «Троцкий не молчал бы так, если бы в его руках был Донбасс»².

По-видимому, можно предположить следующее. Г. Пятаков, несомненно, разделял взгляды Л. Троцкого, он даже выступал против его конкурентов той поры – «рабочей оппозиции», однако активной фракционной работы не вел, поскольку постоянно был занят хозяйственными проблемами. Очевидно, играло роль и то, что в своей деятельности Георгий Леонидович чувствовал постоянную поддержку В. Ленина, с которым поддерживался постоянный, чуть ли не ежедневный контакт по самым разнообразным вопросам³.

Очевидно, именно эти моменты имел в виду делегат VI Всеукраинской конференции Изаков, когда при обсуждении политического доклада ЦК отмечал: «Я буду говорить о той линии, которую в Дон-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 2. Л. 1 об.

² Там же. Л. 1–1 об.

³ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 29, 30, 47, 48 и др.

бассе проводил член ЦК тов. Пятаков. Дело в том, что, с одной стороны, ЦК, конечно, ответственен за линию каждого из своих членов, с другой стороны, некоторая политика протаскивания или навязывания партийного мнения против воли партийной организации, которая проводилась одним из членов ЦК, имеет за собой более крупные фигуры и более крупные течения»¹.

Конечно, замечания, высказанные таким образом, могут относиться, скажем, к троцкистской оппозиции. Однако, в пользу того, что под «более крупными фигурами» имелся ввиду именно В. Ленин, говорит характер обсуждения донбасского конфликта на нескольких заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) в ноябре 1921 года, где В. Ленин старался примирить враждующие стороны, не допустить отстранения Г. Пятакова от должности².

Председатель СНК нашел возможность принять 28 ноября 1921 года главу ЦПКП, имел с ним беседу³, что в тех обстоятельствах выглядело, как демонстративная поддержка Георгия Леонидовича.

Но мероприятия по обеспечению нормальных взаимоотношений и деловой работы не дали результатов.

Взрыв эмоций случился на Донецкой губернской конференции 2–6 декабря 1921 года.

Накануне давний идейно-политический конкурент Г. Пятакова Э. Квиринг посетил Москву и советовался в ЦК РКП(б) по вопросу взаимоотношений между большинством членов губкома и Г. Пятаковым. По настоянию ЦК по докладу Э. Квиринга было принято решение воздержаться от вынесения этого вопроса на областную конференцию. Однако уже в ходе предварительного собрания члены бюро губкома КП(б)У Э. Квиринг и М. Рухимович, нарушив договоренности с ЦК РКП(б) (директивы), выступили против включения Г. Пятакова в проходивший согласование список кандидатов на избрание в новый состав губкома⁴. Тем не менее большинством голосов делегатов конференции Г. Пятаков все же был избран в состав Донецкого губкома КП(б)У⁵.

¹ Бюлетень VI Всеукраинской конференции КП(б)У. 1921. № 1. 10 декабря. С. 29–30.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 655–656, 666, 685 и др.

³ Там же. С. 691, 695.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 23. Д. 8. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2; Ф. 17. Оп. 19. Д. 1200. Л. 2.

Тогда конфликт был перенесен на VI Всеукраинскую конференцию КП(б)У (9–14 декабря 1921 года). Большинство Донецкой делегации ультимативно потребовало от ЦК КП(б)У отстранить Г. Пятакова от должности главы ЦПКП. Их поддержала Харьковская делегация¹. Центральный комитет КП(б)У вынужден был согласиться с этим требованием, хотя оно и противоречило директивам ЦК РКП(б). Своеобразной «компенсацией» стала договоренность с делегациями двух ключевых губернских организаций об обязательном избрании («проведении») Г. Пятакова в состав ЦК КП(б)У².

Георгий Леонидович действительно без проблем стал членом ЦК³, а на пленуме, который состоялся 14–15 декабря 1921 года, был избран членом Политбюро ЦК КП(б)У и назначен ответственным редактором центрального органа – «Коммуниста»⁴. Тогда же было решено члена ЦК КП(б)У М. Рухимовича оставить на работе в Донбассе и выдвинуть его кандидатуру для назначения председателем ЦПКП и настаивать на этом перед ЦК РКП(б)⁵.

22 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление о снятии Г. Пятакова с ответственной должности главы Центрального правления каменноугольной промышленности и назначении на эту должность В. Чубаря. Это постановление было подтверждено пленумом ЦК РКП(б) 28 декабря 1921 года⁶.

Председатель СНК РСФСР откровенно сожалел по поводу отставки Г. Пятакова. В отчете ВЦИК и СНК «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 года В. Ленин отмечал: «Что мы достигли немалых успехов, это в особенности показал, например, Донбасс, где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом такие товарищи, как т. Пятаков – в области крупной промышленности»⁷. И впоследствии он не раз с нескрываемой досадой говорил о донбасском кон-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 19. Д. 1200. Л. 7.

² Там же. Ф. 85. Оп. 23. Д. 9. Л. 1.

³ Комуністична партія України: з'їзди і конференції. С. 64.

⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. Декабрь 1921 – январь 1924. М., 1982. С. 83; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 54, 565.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 319.

фликте: «Видимо, там была интрига и всяческая каша, и Истпарт не разберется даже и через 10 лет, если этим займется»¹.

Донбасский конфликт В. Ленин квалифицировал как склоку (к этому склонялся и Г. Орджоникидзе) и выводил из этой истории важный политический урок овладения сложным делом управления, именно на примере Г. Пятакова: «...Вся загвоздка не в политической власти, а в том, чтобы уметь управлять, уметь правильно расставлять людей, уметь избегать мелких столкновений, так, чтобы государственная хозяйственная работа не прерывалась. Этого у нас нет – вот в чем ошибка»². Отмечая способности Георгия Леонидовича, председатель СНК указал и на его серьезный недостаток: неумение соединить администрирование с гибкой политикой, одной емкой, лапидарной фразой он охарактеризовал личный результат деятельности Г. Пятакова как главы угольной промышленности Донбасса: «один талантливый коммунист “переадминистрировал”»³.

Отношение В. Ленина к Г. Пятакову основывалось, прежде всего, на высокой оценке экономических знаний и организаторского таланта младшего коллеги. Конечно, вождь большевиков не забывал и о его теоретических шатаниях в прошлом, видел склонность к игнорированию объективных условий общественного развития, учитывая неверие в новую экономическую политику. Однако, невзирая на все ошибки и недостатки, верил в то, что несомненно талантливая, искренне преданная делу социализма личность, в конечном итоге, выйдет на правильный путь и принесет весомую, огромную пользу созданию нового общества.

А пока же Георгий Леонидович Пятаков оставлял Украину, и, как потом выяснится, теперь уже навсегда...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 413.

Глава VIII. ПЕРМАНЕНТНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР

1. «Выдающийся и преданный работник»

В свой 31 год Георгий Пятаков был достаточно зрелым, опытным политическим и хозяйственным деятелем, постоянно находился в поле зрения высшего руководства большевистской партии. Его революционная страсть, громадная энергия, непреклонная воля, широчайшая, беззаветная вера в коммунистические идеалы явно импонировали В. Ленину.

Не случайно в своем политическом завещании – «Письме к съезду» – вождь партии включил Г. Пятакова в число шестерых самых выдающихся личностей (кроме Пятакова – И. Сталин, Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Бухарин), которые, по мнению В. Ленина, имели исключительные способности, позволяющие им объективно войти в узкий круг претендентов на руководящую роль в партии. Причем в этой шестерке Г. Пятаков был единственным, кто не входил в состав Политбюро ЦК РКП(б). В. Ленин назвал Георгия Пятакова человеком «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей», а вместе с Николаем Бухариным отнес его к самым «выдающимся силам» из самых «молодых сил» в партии. Отмечая также недостатки однопартийца («он слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»), В. Ленин, впрочем, допускал, что Георгий Леонидович все же сможет «изменить свои односторонности» и, в конечном итоге, возлагал большие надежды на этого «выдающегося и преданного работника»¹.

Вождь партии считал необходимым до поры до времени не обнародовать свои соображения, оценки. Наверное, рассчитывал сделать это в самый подходящий момент, а может быть, при определенном стечении обстоятельств, и вовсе не делать их достоянием даже узкого круга лиц, сохранить в тайне. Во всяком случае, в дневнике дежурных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345–346.

секретарей М. А. Володичева после ленинской диктовки записала: «На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным»¹.

Но этого не случилось. Указания В. И. Ленина не были выполнены.

Первыми с ленинскими оценками ознакомились И. Сталин, С. Орджоникидзе и Н. Бухарин. По совету заведующей секретариатом Совнаркома Л. Фотиевой ее помощница стенографистка М. Володичева привезла им один из расшифрованных после диктовки и напечатанных на пишущей машинке экземпляров документа на квартиру генерального секретаря ЦК РКП(б). После изучения в единении тройкой лидеров партии ленинского завещания И. Сталин вышел к М. Володичевой, подробно расспросил о здоровье вождя, возвратил письмо стенографистке, сказав: «Сожгите его». М. Володичева так и поступила, оставив четыре распечатанных для В. Ленина и Н. Крупской экземпляры неприкосновенными в сейфе².

Позднее М. Володичева осознала, что совершила ошибку.

«Впоследствии я часто вспоминала об этом эпизоде, – говорила она. – И поняла, что напрасно показала письмо Сталину. Так или иначе, но он был теперь предупрежден о “завещании” Ленина, сумел, очевидно, принять контрмеры. Надежда Сергеевна Аллилуева рассказала мне как-то, что Сталин опасался, как бы я не довела до сведения делегатов XII съезда партии о содержании письма к съезду».

Прожив долгую жизнь, М. Володичева до конца своих дней тяжело переживала случившееся³.

Требование И. Сталина уничтожить документ могло быть продиктовано как нежеланием сделать достоянием партии нелицеприятную оценку его лично, так и круга лиц, которые, по мнению В. Ленина, объективно могли принять, пусть с критическими оговорками, эстафету высшей власти в стране.

Все пятеро, кроме И. Сталина, – Л. Троцкий, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Н. Бухарин и Г. Пятаков – уйдут из жизни неестественной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 474.

² Волков Г. Стенографистка Ильича // Советская культура. 1989. 21 января.

³ Там же.

смертью, погибнут в годы террора. Сталин останется один, без конкурентов. Без соперников...

Небезынтересно вспомнить, что сам Г. Пятаков никогда не обращался к ленинским оценкам, не пытался с помощью авторитетных суждений вождя партии придать больший общественно-политический вес своей персоне. Более того, он считал вполне оправданным, что последние статьи и письма В. Ленина вплоть до конца 1924 года почти не привлекали внимания, и объяснял это тем, что в глазах «многих, в том числе членов Политбюро, эти статьи были неудачными, написаны под давлением обескураживающей Ленина болезни»¹.

Следует отметить, что ленинские оценки были, безусловно, тщательно выверенными, выношенными, возможно, даже выстраданными. Потому Л. Троцкий, при всем своем высокомерии и неприкрытом субъективизме (он считал, что «бесспорная цель завещания: облегчить» именно ему «руководящую работу»), должен был написать: «Ленин называет в нем всего шесть лиц и даст им характеристики, взвешивая каждое слово. (...) Он говорит обо всех с величайшей осторожностью. Он придаст оттенок мягкости уничтожающим, по существу, суждениям. В то же время слишком решительное указание на первое место он смягчает ограничениями...»²

Однако подобная «диалектика характеристик» нередко игнорируется аналитиками, которые выбирают из ленинских фраз именно то, что больше приходится «по вкусу», расчетливо «срабатывает» на представления и предпочтения авторов. Поэтому столь различными и противоречивыми оказываются политические портреты одних и тех же лиц у разных историков, политологов, публицистов.

Безусловно, явно благосклонное отношение вождя партии к Георгию Пятакову сыграло решающую роль в судьбе последнего. Закрывая глаза на конфликты с коллегами в Украине, их объективно негативные последствия, личные трения в прошлом, В. Ленин вывел Георгия Леонидовича на новую, московскую, более высокую «орбиту», которая, как оказалось, навсегда оторвала его от Украины, включила в сверхсложные политические процессы, превратила в деятеля значительно более масштабного.

¹ Цит. по: Валентинов Н. Суть большевизма в изображении Пятакова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. Кн. 52. С. 149; Наследие Ленина. М., 1991. С. 69.

² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт биографии. Т. 1–2. М., 1991. С. 455–456.

Думается, стоит согласиться с Д. Волкогоновым, что Г. Пятакова можно причислить к руководящему ядру партии, к когорте соратников В. Ленина¹.

Правда, Л. Троцкий утверждал, что «Пятаков вытеснен был с Донбасса закулисными происками Сталина. Ленин считал это серьезным ударом для угольной промышленности, возмущался в Политбюро и публично протестовал против дезорганизаторских действий Сталина»². Приводимые при этом аргументы (ленинские высказывания, касающиеся высоких положительных оценок деятельности Г. Пятакова в Донбассе и затеянных против него интриг, заимствованные из выступлений вождя на IX и XI съездах партии) вряд ли можно отнести к абсолютно убедительным. Нет прямых подтверждений и скорее субъективной трактовки Л. Троцким упомянутых событий: «Всем членам старого Политбюро – и Сталину лучше всех – известно, что желчные слова Ленина об интриге против преданных, образованных и талантливых руководителей Донбасса имели в виду интригу Сталина против Пятакова»³.

Конечно, можно предположить, что Л. Троцкий был хорошо осведомлен об истоках конфликта в Донбассе, так как в ноябре 1920 года он посетил регион во главе специальной комиссии, прибывшей для изучения проблемы каменноугольной промышленности. Об этом он со знанием дела говорил на V Всеукраинской конференции, постоянно прибегая к лексике, очень напоминавшей пятаковскую⁴.

Как бы то ни было, но по прямому указанию В. И. Ленина 5 января 1922 года Г. Пятаков стал членом президиума Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР⁵, а в марте 1922 года был назначен заместителем председателя Госплана РСФСР Г. Кржижановского. «Новый зампред Госплана, Пятаков, – писал Ленин, – (...) поспособствует избавлению Госплана от его недостатка» (перегруженность «от чересчур мелкой, злободневной “вермишели”»)⁶.

¹ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. Сталина. В 2-х книгах. Кн. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 115–116.

² Там же.

³ Там же. С. 68.

⁴ Троцкий Л. Внимание к Донбассу! // Бюллетень V Всеукраинской конференции КП(б)У. 1920. 26 ноября. № 5; Український Троцький. Тексти Лева Троцького про Україну. Одеса, 2013. С. 19–20, 98–102.

⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 57. Д. 316. Л. 4.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 181.

Осенью 1922 года Георгий Леонидович бывал у больного Ленина в Горках. В биографической хронике В. И. Ленина зафиксировано три таких встречи: 24 сентября, 10 октября и 6 ноября¹. Беседы, очевидно, были долгими. Так, последняя продолжалась один час (с 13 до 14 часов)². Секретарь Совнаркома Лидия Фотиева пишет в воспоминаниях: «24 сентября у Владимира Ильича было свидание с Пятаковым. Владимир Ильич разговаривал с ним о работе Госплана»³. От этой встречи сохранилась фотография: Георгий Пятаков рядом с вождем. Поражает облик Георгия Леонидовича: невероятная усталость на лице и во всей фигуре, погрузневшие (это видно даже сквозь стекла очков) глаза, взгляд, кажется, немолодого человека. А ведь к тому времени ему исполнилось только 32 года.

На следующий день Владимир Ильич счел необходимым направить Пятакову запись состоявшейся беседы: «Тов. Пятаков! Вот примерная запись нашего вчерашнего разговора:

1) На т. Пятакова возлагается организация (и подтягивание по-военному) самого аппарата Госплана (...).

2) Главная задача т. Пятакова: а) проверка общегосударственного плана, в первую очередь хозяйственного, с точки зрения преимущественно аппарата в целом; б) сокращение аппарата, включая наши тресты; в) проверка пропорциональности различных частей госаппарата; г) работа над удешевлением госаппарата по типу американского треста: непродуктивные расходы – долой (...).

3) От текущей работы Госплана освободить Г. Пятакова в максимальной степени (один час в день примерно).

Обдумайте, покажите Кржижановскому и ответьте мне»⁴.

Ленинское письмо раскрывает глубокое понимание личности адресата: подтягивание по-военному аппарата Госплана; интерес к административной работе; знание финансового дела; глубокое знание финансового дела, проявленное Г. Пятаковым на посту главного комиссара Госбанка в декабре 1917-го – марте и в октябре–ноябре 1918 года; стремление эффективно использовать его неординарные

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М., 1982. С. 386, 429, 437, 465.

² Там же. С. 465.

³ Фотиева Л. А. Неиссякаемая энергия (Конец мая – ноябрь 1922 года) // Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 439.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 288–289; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 387–394.

способности и характер. Свидетельствует документ и о товарищеских взаимоотношениях с младшим коллегой.

Вождь партии и государства считал, что личностные качества Г. Пятакова могут быть, хотя и с некоторыми оговорками, весьма полезны именно на должности заместителя председателя Госплана, поскольку Г. М. Крижановский, глава ведомства, серьезный ученый, подлинный интеллигент с широкой эрудицией, большим опытом, но очень мягкий, слишком покладистый в отношениях с людьми, не всегда достаточно требовательный, готовый прощать те или иные человеческие слабости. Его прекрасно мог дополнить «самозабвенный революционер», «железный прагматик» Г. Пятаков.

В своем письме «О придании законодательных функций Госплану» В. Ленин специально затронул вопрос, который он назвал «личным»: «Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее время вопрос личный. Я думаю, что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана, тов. Крижановский, и на его заместителя, тов. Пятакова, и которые направляются обоюдно так, что, с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п., — я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что на самом деле нам нужно в Госплане умелое соединение двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого — Крижановский.

Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей»¹.

Видимо, этот вопрос основательно «терзал» В. Ленина, поэтому тот неоднократно к нему возвращался, чтобы более убедительно обосновать свое решение и для самого себя и для политического истеблишмента. Поэтому к написанному (продиктованному Л. Фотиевой) 27 декабря 1922 года председатель Совнаркома на следующий день пространно, детально добавил: «Я замечал у некоторых наших

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 350.

товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и в свое время, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т. д.

Во всяком государственном учреждении, особенно в Госплане, необходимо соединение этих двух качеств, и когда тов. Кржижановский сказал мне, что он привлек к Госплану Пятакова и договорился с ним о работе, я, давая свое согласие на это, с одной стороны, держал про себя известные сомнения, с другой, иногда надеялся, что мы здесь получим сочетание обоих типов государственных деятелей. Исполнилась ли эта надежда, это надо теперь выждать и посмотреть на опыте несколько дольше, но в принципе, я думаю, не может подлежать сомнению, что такое соединение характеров и типов (людей, качеств) безусловно необходимо для правильного функционирования государственных учреждений. Я думаю, что здесь одинаково вредно преувеличение «администраторства», как и всякое преувеличение вообще. Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и технологичными знаниями для проверки их работы. Это – как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо»¹.

Судя по всему, вопрос организационно-кадрового укрепления руководства Госплана оценивался В. Лениным как стратегически приоритетный и оставался таковым для лидера государства до последних дней жизни. Еще 25 февраля 1921 года он писал Кржижановскому о необходимости создания в Госплане «*архитвердого* президиума» и наряду с идейным руководителем Госплана иметь в составе президиума администратора с тем, чтобы административная работа была снята с Г. Кржижановского². Однако поставить административную работу на должный уровень в Госплане не удалось и через год³.

¹ Там же. С. 351.

² Там же. Т. 52. С. 80–81; Ленинский сборник XXXIX. М., 1980. С. 431–432; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 136–137, 158, 402–403, 432, 443, 471 и др.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 179.

И так уж получилось, что на протяжении длительного времени у В. Ленина не появилось более предпочтительной кандидатуры на роль заместителя председателя Госплана, кроме Г. Пятакова¹.

Руководитель государства считал, что у него есть веские основания выстраивать особые, доверительные отношения с Г. Пятаковым. Он не раз обращался к последнему с весьма деликатными просьбами, рассчитывая, что Георгий Леонидович, неизменно ставивший общественные, государственные интересы выше личных, с пониманием будет относиться к поручениям главы правительства, как всегда, будет стараться решать возникающие проблемы максимально ответственно и эффективно².

До обострения здоровья В. Ленин по возможности регулярно принимал Г. Пятакова³, время от времени отправлял ему письма, получал и перечитывал ответы⁴.

Можно предположить, что не всем по душе было особое расположение В. Ленина к недавно прибывшему в столицу периферийному деятелю. Так, 26 января 1922 года вождь партии направил Г. Зиновьеву (копия Л. Каменеву) записку:

«Прошу обсудить вопрос, не назначить ли докладчиком на пленуме ИККИ по вопросу о новой экономической политике т. Пятакова, если ни Троцкий, ни Каменев не согласятся. Бухарин никак не может, ибо он должен немедленно выехать в Германию лечиться.

Я думаю, что кандидатура Пятакова подошла бы, и если Вы согласны, то прошу провести такое постановление через Политбюро и затребовать, чтобы Пятаков написал проект тезисов в ближайшее воскресенье, сообразуясь с теми тезисами, которые были представлены мною и утверждены ЦК для доклада на последнем конгрессе Коминтерна» (имеются в виду «Тезисы доклада о тактике РКП» к III конгрессу Коминтерна – Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 3–12)⁵.

¹ Фотиева Л. А. Неиссякаемая энергия (Конец мая – ноябрь 1922 года) // Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1979. С. 439–440.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 216–217, 224, 311, 312; Т. 54. С. 303–304.

³ Ленинский сборник. XXXIX. С. 429, 437.

⁴ Там же. С. 423, 430, 433–435, 439, 434 и др.; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 174–175, 191, 199, 509 и др.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 140–141; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 146.

31 января Ленин снова (уже с некоторым раздражением) пишет Г. Зиновьеву: «Ответа на мое предложение дать этот доклад Пятакову я не получил, хотя передал это свое предложение Каменеву и Вам много дней тому назад»¹.

Похоже, что ленинское предложение просто саботировалось (и можно предположить, что из ревности к Г. Пятакову). 2 февраля 1922 года Ленин продиктовал секретарю ЦК В. М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б) длинное, подробно мотивированное заявление:

«Так как Зиновьев настаивает на том, чтобы я исполнил поручение Исполкома Коминтерна и выступил с докладом о новой экономической политике в расширенном заседании Исполкома Коминтерна 12-П и так как я, согласно моим многочисленным заявлениям Зиновьеву, решительно не в состоянии выполнить этого по болезни, то я прошу Политбюро постановить:

1) Принять к сведению заявление Ленина, что он никак не может по болезни исполнить поручение Исполкома.

2) Поручить русским членам Исполкома отменить решение о назначении доклада Ленина.

3) Поручить тем же членам Исполкома провести назначение на эту тему Г. Пятакова.

4) Обязать Пятакова не позже чем в ближайшее воскресенье подготовить, во-первых, подробные тезисы своего доклада, а во-вторых, конспект доклада и сводку главных цифровых материалов, которые будут приведены в этом докладе, причем Пятаков должен сообразоваться с теми тезисами, которые в свое время были одобрены ЦК партии.

5) Поручить т. Зиновьеву, Бухарину и Ленину исправить и отредактировать окончательно как тезисы, так и конспект доклада Пятакова.

6) Размер доклада поручить Пятакову рассчитать примерно на час, максимум на 1 $\frac{1}{3}$.

7) Т. Пятакову поручить привести самые краткие основные цифры, показывающие успешное развитие промышленности и торговли при новой экономической политике и значение этого для восстановления народного хозяйства Республики.

8) Принять к сведению заявление Ленина, что, если здоровье ему позволит, он будет присутствовать на докладе Пятакова и после него возьмет слово для краткого дополнения или сообщения, не носящего характер доклада»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 149.

² Там же. С. 151–152.

Эти предложения были приняты на заседании Политбюро ЦК в тот же день. Однако интрига на этом не завершилась. По причинам, которые не представилось возможности выяснить, Г. Пятаков попросил освободить его от выступления с докладом на пленуме Исполкома Коминтерна ввиду перегруженности работой в ВСНХ.

Аналогичное письмо он направил и В. Ленину, на котором после ознакомления появилась лапидарная надпись «В архив». Хотя подобные пометки Ленин делал на многих документах, но, безусловно, выделял те, которые по каким-то причинам были важны и могли пригодиться в будущем¹.

Конечно, сразу надо отбросить мысль о том, что Георгий Леонидович мог счесть себя неготовым к такой, весьма высокой миссии. Достаточно вспомнить начало работы первого съезда КП(б)У. Тогда Г. Пятакову пришлось, что называется «в пожарном порядке», заменить К. Радека, который должен был сделать доклад о международном положении, но не смог прибыть на форум. Экспромт оказался столь высокого и аналитического уровня, что те, кто не был осведомлен об этой детали, вряд ли могли догадаться, что это выступление не готовилось заранее, а факты и мысли в оперативном порядке «брались из головы»².

Глубину мысли и убедительность аргументации Г. Пятакова не раз отмечали и многие его оппоненты.

Иное дело, что он, исходя из своих «левых» убеждений, мог счесть невозможным вынести на международный форум свое личное несогласие с новой экономической политикой партии, а повторять чужие доводы, чьи бы они ни были, он, как известно, не мог. Впрочем, он обладал таким характером и темпераментом, что в «борьбе за правду», за победу мировой революции, его трудно было остановить. Тем более что предлагалась такая высокая трибуна, предоставлена возможность донести свои взгляды до самого широкого круга революционеров-интернационалистов. То есть отказ в данном случае был совсем не в духе Г. Пятакова.

Остается предположить, что «близкий круг Ленина» его еще «не принял». Потому 9 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) «в связи с просьбой Пятакова освободить его от доклада на пленуме Исполкома Коминтерна» поручило представителям РКП(б) в ИККИ с

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 175–176.

² Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 года. Протоколы. С. 34–43.

докладом о новой экономической политике предложить выступить Л. Б. Каменеву¹.

Возможно, подоплека описываемых событий была иной. Однако остается ощущение, что В. Ленин в значительной степени «делал ставку» на Г. Пятакова, считал, что если он даже дает ему своеобразный аванс, то это оправдается со временем, сравнительно молодой марксист сделает необходимые выводы из отношения к нему.

В то же время В. Ленин никогда и ни для кого не был просто «добрым дядюшкой», морализирующим воспитателем. Опыт общения с Г. Пятаковым – наглядный тому пример. В необходимых случаях глава государства проявлял жесткость, остро критиковал, был категорическим и бескомпромиссным в тех случаях, когда по какой-либо причине сталкивался с недисциплинированностью или того хуже – с бюрократической волокитой. Г. Пятаков испытал это на себе уже через полтора месяца работы в Москве.

Назначенный временно исполняющим обязанности начальника Главного управления по топливу ВСНХ Г. Л. Пятаков в начале своей деятельности получил от Ленина выговор, причины которого проясняются из письма к заместителю председателя (председателем был В. И. Ленин) Совета Труда и Оборона А. Д. Цюрупе от 27 февраля 1922 года (копия одновременно была направлена Г. Пятакову). В письме говорилось: «Объявляю выговор за неисполнение своего служебного долга и за проявленный бюрократизм по делу о Гидроторфе.

т. Пятакову

т. Морозову

т. Горбунову

т. Пятаков, вриднач Гута, должен был не “просить меня верить” (его бумага от 22/II) и не “просить меня либо удовлетворить Гидроторф сверх сметы, либо разрешить сократить его деятельность” – такая просьба ко мне есть непонимание азбуки государственных отношений, – а должен был подумать, как выполнить постановление Совнаркома (а не мое) о Гидроторфе от 30.X.1920 “О применении гидравлического способа торфодобыывания”.

Если Пятаков не знал его, надо посадить под арест тех многочисленных спецов Гута и чинодралов, кои обязаны знать, справиться и напомнить Пятакову. Не сажать таких мерзавцев под арест значит поощрять бюрократизм, который нас душит.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 608.

Из постановления СНК от 30.X.1920 ясно, что, будучи в затруднительном положении, Пятаков должен был не отписываться бумажкой за № 00770 (от 22.II), а немедленно созвать (или просить председателя ВСНХ А. Д. Цюрупу созвать) совещание наркомов ВСНХ + НКФ + РаКри на предмет выработки тотчас проекта постановления СТО и СНК (взять столько-то от Цуторфа или Главторфа, столько-то от Гута для Гидроторфа, столько-то ассигновать сверхсметно, на столько-то сократить программу Гидроторфа).

Это обязан был сделать Пятаков во исполнение постановления СНК от 30.X.1920, каковое постановление обязывает все наркоматы на деле признать Гидроторф «имеющим чрезвычайно важное государственное значение» и применить к нему «все льготы» (...).

Прошу Вас, т. Цюрупа, немедленно взять расписку с вышеназванных товарищей, что выговор им объявлен и предписать наркомам ВСНХ, Нкфин и РаКри тотчас, по возможности во вторник, 28/II, и никак не позже среды 1/III, рано утром собрать совещание с участием наркомов лично...»¹

В. Ленин в данном случае весьма эффективно использует давно известную методику «кнута и пряника», совсем не скрывая этого.

«Т. Цюрупа! – пишет он, – посылаю Вам образец нашей поганой волокиты и тупоумия!

А это – *лучшие наши люди*, Пятаков, Морозов и др.!

Задушили бы дело, кабы не кнут.

Очень прошу изо всех сил, ударить виновных еще раз побольнее и добиться (...) исполнения тотчас. Дать Гидроторфу если не 100%, то 90%»².

Вместе с выговором упоминание о «лучших людях» приобретало особый смысл³.

Поэтому, следующее письмо Г. Пятакову в продолжение «дела о Гидроторфе», конечно же, воспринималось адресатом с исключительным вниманием.

Ленин не склонен был прощать и допущенных ошибок. Когда такое случилось с Г. Пятаковым, Владимир Ильич, несмотря ни на что, со всей категоричностью потребовал: «Надо сразу отменить решение Совнаркома, выразить порицание Пятакову». По недосмотру послед-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 185– 186; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 208.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 187.

³ Там же. С. 199.

него в «военную смету» была включена сумма с неправильным порядком цифр¹.

Как известно, В. Ленину не раз удавалось расчетливо, тонко «превращать» недавних «соперников», «оппонентов», «колеблющихся» в собственных «союзников», да так, что «стоящие люди» затем оказывались очень последовательными, принципиальными, верными сторонниками ленинских идей.

Однако здоровье вождя неуклонно ухудшалось. Он не мог принимать такого активного, как ранее, участия в руководстве государственными делами, так же мощно влиять на происходящее в стране. Можно предугадать и даже с высокой степенью вероятности утверждать, что в конечном итоге это негативно отразилось и на судьбе Георгия Пятакова. В. Ленин обладал даром развивать положительные качества людей, эффективно направлять их на пользу делу, помогать им преодолевать (хотя бы частично) негативные качества характера, недостатки поведения. Георгий Пятаков поднялся на высшие ступени советской иерархической лестницы и уже не мог испытать на себе в полном объеме благотворного влияния этой уникальной исторической личности, каким был Ленин. Самые ответственные решения Пятакову часто приходилось принимать самому, а общая атмосфера обострения внутрипартийной борьбы, сложность задач, которые еще никем не решались, вовлекала в такой водоворот отношений, когда придерживаться верных ориентиров, ни в чем не ошибиться было слишком непросто.

Трудно было даже таким сильным натурам, как Г. Пятаков. Иногда подступало отчаяние. Наверное, что-то подобное произошло в первой половине апреля 1922 года. В повестке дня заседания Совнаркома, которое вел В. Ленин, на 12 апреля был намечен вопрос о просьбе Г. Пятакова предоставить ему двухнедельный отпуск и перевести на работу в провинцию². Как тогда разрядилась ситуация – неизвестно. Похоже, до организационно-кадровых подвижек не дошло. Все остались на своих местах.

Деятельность Георгия Пятакова в 20-х – 30-х годах является довольно яркой иллюстрацией обозначенных суждений и может, наверное, даже должна стать предметом специального изучения. Невзирая на весь свой объективный интерес и малоизученность (хотя в на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 302, 304–305; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 440, 444–445.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 284.

стоящее время для этого есть все необходимые предпосылки), упомянутые страницы политической биографии Г. Пятакова еще ждут своего исследователя. Несомненно, что через познание личного тут открывается много дополнительных возможностей постижения внутренних пружин и механизмов осуществления партийной и государственной политики на самых ее вершинах, в определяющих узлах. Сегодня же есть возможность воссоздать отдельные эпизоды жизни Г. Пятакова очень сжато. С акцентом на самом главном, самом весомом, в попытках хотя бы в целом понять логику его наиболее примечательных поступков, поведения.

Попутно следует заметить, что очень многое из личной жизни этого видного деятеля тех лет остается тайной. Так, отвечая в 1989 году на запрос директора Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – о сведениях, имеющихся в делах Комитета государственной безопасности, сотрудники последнего среди скудной информации сообщили, что Г. Пятаков награждался орденами Ленина и Красного знамени, был женат какое-то время на Васильевой. В этом браке в 1924 году появился сын Юрий. О дальнейшей судьбе его семьи ничего не известно.

2. Вице-президент ВСНХ

В середине 20-х годов Георгий Пятаков занимал ряд руководящих должностей в системе хозяйственных органов Союза ССР. 15 мая 1923 года он был назначен заместителем председателя только что созданного Высшего совета народного хозяйства страны. Незадолго до этого, на XII съезде РКП(б) Г. Пятакова избрали членом ЦК РКП(б). Одновременно он возглавлял ряд комиссий – специальных временных межведомственных органов для решения острых народнохозяйственных проблем. «Комиссия Пятакова» – такое название часто встречается в документах того периода относительно промышленности, финансов, статистики: комиссия по обследованию гидроторфа, учетно-ссудный комитет и тому подобное.

Так, например, Г. Пятаков руководил «тантьемной комиссией», созданной для осуществления ленинского предложения по внедрению тантьема – дополнительного денежного вознаграждения с оборота и прибыли связанных с промышленностью служащих с целью их материального поощрения в увеличении масштабов производства и торговли. Однако эта форма стимулирования руководителей промышленности в центре и на местах, которая хорошо вписывалась в

ленинскую концепцию нэпа, так и не получила распространения. Работа «тантьемной комиссии» не принесла существенных результатов и постепенно была свернута. Так что удавалось не все, не везде и не во всем сопутствовал успех. Да и просто трудно представить, как на такое количество поручений, функций хватало времени. Ведь в ВСНХ Г. Пятаков официально отвечал за вопросы зарубежной политики, осуществлял надзор за работой текстильного синдиката. Кроме того, с 11 февраля 1924 года на него были возложены обязанности председателя правления Центрального управления государственной промышленности ВСНХ, а с 1 июля 1925 года – еще и председателя бюро нефтяного машиностроения¹.

А время от времени доводилось быть еще и членом комиссий, формируемых съездами, пленумами партии, политбюро ЦК и т. п. Кроме советских историко-партийных изданий этот аспект отчасти отражен в документах, вошедших в четырехтомник «Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927» (М., 1990).

И хотя, казалось бы, наделение столь высокими полномочиями объективно обязывало чрезвычайно ответственно выполнять служебные обязанности, важные поручения, Георгий Пятаков, проявляя в целом необходимые дисциплинированность, организованность, собранность, работоспособность, компетентность, был несколько инертнее, чем обычно, не таким энергичным, инициативным, самоотверженным. А причина все та же: приверженность «левым» взглядам. Именно они гасили энтузиазм, вынуждали действовать вроде бы по принуждению, вопреки внутренним убеждениям, личным предпочтениям. Играть по «чужим правилам» он не мог. Не желал.

Все его существо тяготело к смыслу, методам, приемам работы, предполагающей «красногвардейскую атаку», «ошеломляющий штурм социалистических вершин».

Г. Пятаков не просто не принял новую экономическую политику, он был ее решительным противником. Правда, до приезда в Москву он оказался до предела загружен конкретными делами восстановления Донбасса и, по большому счету, находился вне общепартийной дискуссии о генеральной линии партии. Во всяком случае, его имя практически не фигурировало среди активных участников этих дискуссий.

Однако, оказавшись на таких участках хозяйственной деятельности, где каждый шаг, каждое решение были направлены на созидание,

¹ Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): бюллетень. М., 1924. С. 20.

выразитель особого типа революционного мышления и само олицетворение политической левизны, кажется, еще больше укрепился в своих первоначальных взглядах.

В первой половине 1926 года у него состоялся весьма примечательный разговор с заместителем главного редактора «Торгово-промышленной газеты» (орган Президиума ВСНХ) Н. Валентиновым (Н. Вольским). На вопрос последнего, нет ли противоречия между тем, что вместе со всеми другими Г. Пятаков строит социализм, и его же взглядами, согласно которым это неосуществимо без мировой революции, высокопоставленный государственный функционер с пылом ответил:

«— Никакого! Постарайтесь себе вот что усвоить. Так называемый военный коммунизм был плох не потому, что был коммунизмом, а потому что входил в жизнь во время войны, делавшей невозможным проявление великих сторон коммунизма. С окончанием войны нужно было основу коммунистической системы оставить не тронутой, но, разумеется подлежащей усовершенствованию. НЭП не нужно было вводить. Он восстанавливает препятствия к социализму, которые мы только что уничтожили. Он искажал всю нашу социальную структуру. Теперь к социализму придется идти, выжигая каленым железом щупальца НЭПа, он, как спрут, просунул их во все без исключения области нашей жизни. А чтобы выжечь их, нужно, чтобы нам в этом не мешали».

Изумленный собеседник не смог удержаться от нагнетания «градуса вопросов»:

«— Введение НЭПа было ошибкой?

— Несомненно!

— *Значит, Ленин, вводя его, делал большую ошибку?*

— *А почему Вы думаете, будто Ленин не сознавал, что делал ошибку?* Представим все-таки, что ее мы поправили, НЭП выжгли. Есть ли у нас гарантия, что после этого будем спокойно существовать? Никакой. Пока в других странах существует капитализм, его система с нашей ужиться не может. Это аксиома. Ленин постоянно твердил: рядом с капитализмом мы жить не можем, либо он нас съест, либо мы его убьем. При этих условиях мировая революция делается основным условием самого нашего существования. Однако мысль о ней должна заполнять наше сознание не только по этой причине. Есть другая, еще более важная: если мы действительно настоящие коммунисты, настоящие интернационалисты, а не замаскированные националисты, тогда ограничиться, *замкнуться в установлении благ*

социализма в одной стране, мы не можем. Это было бы полной изменой интересам мирового пролетариата»¹.

Приведенный выше текст, как представляется, весьма наглядно демонстрирует, какой «породы» был этот человек, из какой материи создан, какие мысли бередили его разум.

Но это была несомненно незаурядная личность, человек с огромной волей, замечательными организаторскими способностями, умением найти исполнителей для той или иной задачи, разместить людей и при этом бесцеремонно, даже грубо давить на них, чтобы добиться результатов в самой трудной обстановке.

Считая нэп «передышкой» между этапами мировой революции, временным отступлением пролетариата перед «новым штурмом капитала», Г. Пятаков продолжал отдавать преимущество военно-политическим методам управления народным хозяйством, пробивавшим себе дорогу в партийном руководстве страны в период «после Ленина».

Как и другие «левые», он считал, что решение чуть ли не важнейшей социально-экономической проблемы – смычки пролетариата с крестьянством – возможно только через «укрощение» стихии рынка социалистической государственной промышленностью. Иллюстрацией этой позиции Георгия Пятакова может быть его выступление на XIII партийной конференции (январь 1924 года): «Если подходить к вопросу о плановом хозяйстве так (...) как к созданию плана всего народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется мы должны сказать: такого плана создать в настоящий момент, при наличии колоссального по размерам крестьянского хозяйства нельзя...»² Если мы своевременно не сумеем справиться с вопросом укрепления государственного хозяйства, – настаивал Георгий Леонидович, – если мы предоставим возможность стихии НЭПа развиваться так, как она развивается до сих пор, то мы рискуем, что в течение ближайших лет капиталистическое начало начнет «забивать» начало социалистическое, начнет душить наше государственное и кооперативное начало.

В этом выступлении – эмоциональном, острополемическом, довольно путаном – Г. Пятаков выразил и свое концептуальное понимание перспективы социалистического развития. Он, в частности, иронично утверждал: «Понятно, если кто-нибудь будет возражать,

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 248–250.

² Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): бюллетень. С. 20.

что нельзя построить в этом году социализм, – я спорить с ним не буду. Но нам надо со всей энергией давить в этом направлении»¹.

Понятно, что из таких соображений он исходил в своих действиях как хозяйственник, не смущаясь тем, что в результате с неизбежностью попадал в разряд оппозиционеров, оппонентов даже того, кто, собственно, явно благоволил к нему – В. Ленина. Так, он вместе с Н. Бухариным, Г. Зиновьевым, Г. Сокольниковым, Л. Каменевым и другими выступал за отмену, или ослабление введенной еще в ходе установления советской власти в 1918 году монополии внешней торговли. И аргументировалось это опять-таки введением нэпа и расширением торговых связей с границей. В. Ленину довелось потратить немало усилий, чтобы пресечь вредную тенденцию².

Однако еще более ярким и хорошо известным примером деятельности Г. Пятакова может служить так называемый «приказ Пятакова» – приказ № 394 по ВСНХ от 16 июля 1923 года.

Председателем Совета тогда являлся А. И. Рыков, к тому времени заместитель В. И. Ленина в СНК, невероятно загруженный работой в правительстве – ведь его глава все последние месяцы тяжело болел. В сложившихся обстоятельствах Г. Пятаков, в свою очередь, должен был исполнять главную роль (фактического руководителя) в ВСНХ. А одной из первоочередных задач его служебных обязанностей являлось развитие трестированной государственной промышленности. Еще 10 апреля 1923 года Совнарком утвердил «Положение о трестах», которое гласило: «Государственными трестами признаются государственные промышленные предприятия, которые действуют на началах коммерческого расчета с целью извлечений прибыли»³. В русле нэповской политики лежали и решения XII съезда РКП(б) (17–25 апреля 1923), направление на развитие товарно-денежных отношений, хозрасчета в промышленности.

«Приказ Пятакова», предписывавший «всем правлениям трестов и органам ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих промышленных предприятий наибольшую прибыль»⁴, соответствовал общему курсу, обуславливался

¹ Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): бюллетень. С. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 188, 220–223, 333–339, 563; Т. 54. С. 322–328; Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 577–579.

³ Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): бюллетень. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

логикой развития трестированной промышленности на пути расширения хозрасчета.

Однако в приказе не конкретизировались и не регламентировались способы получения прибыли госпредприятиями. Монополисты на рынке промтоваров, они взвинтили цены на свою продукцию. Одновременно резко упали и так довольно низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, прежде всего на хлеб. Разница стоимости промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства стала огромной, получив с легкой руки Л. Троцкого расхожее название – «ножницы цен». Возник крайне опасный «кризис сбыта», который был преодолен, главным образом, посредством снижения отпускных цен в промышленности. «Приказ Пятакова», явившийся попыткой – вопреки реальной экономической конъюнктуре – усилить централизованное руководство промышленностью за счет ограничения сферы действия рыночных начал, оказался серьезным экономическим просчетом, вызвал большое недовольство действиями правительства.

Как руководитель Центрального управления государственной промышленности ВСНХ, Г. Пятаков почти неизменно председательствовал на всех его заседаниях, совещаниях, выдвигал конкретные инициативы¹, естественно, обменивался многими документами, письменными мнениями на разной стадии их подготовки и оценок².

Время от времени он выступал с популяризацией важных решений в экономической области в печати, давал интервью. Так, 14 октября 1923 года «Правда» опубликовала пространную беседу с руководителем ЦУГПром, заместителем председателя ВСНХ, в которой обращают на себя внимание его планы: «С завершением трестирования промышленности, – сказал тов. Пятаков, – и изданием декретов о центральных и местных трестах созданы предпосылки для постановки на очередь проблемы управления промышленностью. В зависимости от ее разрешения разрешается и вопрос о схеме ВСНХ.

В соответствии с необходимостью построения реального плана гос. промышленности, основная задача управления промышленностью понимается нами как накопление, борьба за систему в промышленности, борьба за рентабельность промышленности. Таким образом, мы должны строить систему управления центральными промышленными предприятиями, как систему коммерческого управления.

¹ См.: РГАЭ. Ф. 2429. Оп. 5. Д. 5–9, 20, 77, 78, 157 и др.

² См.: В предчувствии перелома. Последние письма и записки Ф. Э. Дзержинского // Коммунист. 1989. № 8. С. 82.

В области промышленности надо различать тройкую роль государственной власти: регулирования, руководства и управления. В зависимости от этих задач и необходимо построить аппарат ВСНХ. ВСНХ должен объединить главное экономическое управление СССР и центральное управление государственными промышленными предприятиями СССР.

Т. Пятаков остановился на роли управления центральными промышленными предприятиями.

Вся работа центрального управления должна идти под углом зрения прибыльности государственных промышленных предприятий. Однако государство при известных условиях может пойти и на покрытие убытков предприятия, если в будущем рассчитывает получить с него прибыль. В центре внимания центрального управления должны стоять вопросы финансирования, как постоянного, как и текущего. Мы будем руководиться рентабельностью промышленности, преследуя ее не только, как конечную задачу, но и руководствуясь ею, как методологическим правилом. Только этим путем и можно внести порядок в систему гос. пром. предприятий в условиях товарного хозяйства и государственного капитализма».

Г. Пятаков полностью разделял взгляды близкого к Л. Троцкому экономиста Е. Преображенского – автора известного «закона первоначального социалистического накопления», согласно которому социализм (как и первобытный капитализм) должен строиться на базе «эксплуатации досоциалистических форм ведения хозяйства», ресурсом крестьянского и городского мелкобуржуазного хозяйства¹.

Конечно, такие взгляды находились в серьезном противоречии как с сутью новой экономической политики, так и с представлениями о тактике ее осуществления. Тогда, в 1923 году, они вызвали естественную и подчас довольно жесткую критику на заседаниях Совнаркома и Совета труда и обороны, где Г. Пятаков был постоянным участником. Интересно, что к подобной платформе в конце 20-х годов, после укрепления личной власти И. Сталина, присоединится большинство его окружения в ВКП(б), инициировав известный «прыжок в социализм», что предполагало форсирование процесса социально-экономических преобразований. Однако до этого было еще далеко, и Георгий Пятаков испортил немало нервов тем, кого он замещал на своем основном государственном посту: А. Рыкову (председа-

¹ Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. № 8. С. 92; Новая экономика. М., 1926. С. 57–58, 63–64, 101–102 и др.

тель ВСНХ до февраля 1924 года), Ф. Дзержинскому (до июля 1926 года), В. Куйбышеву (его заместителем Георгий Леонидович был до июля 1927 года).

В советском политикуме все знали, что Г. Пятаков и Е. Преображенский являются не только единомышленниками, но и друзьями. А в ВСНХ многие сотрудники наблюдали, как часто друзья, уединяются и ведут длинные беседы, очевидно, обсуждая, а может быть, и согласовывая точки зрения. Правда, их общие с Преображенским взгляды Г. Пятаков нередко облачал в собственные схемы, словесные оболочки. В результате иногда рождались более радикальные формулировки, а порой наоборот, – они были мягче, маскировали жесткость содержания.

Так, заместитель председателя ВСНХ требовал «высосать все до дна из дохода частных предприятий», а их накопления он демагогически преувеличивал до крайней степени; предлагал в максимальной степени извлечь «прибавочный продукт» из деревни, которая будто бы богатеет и экономически развивается быстрее, чем идет государственное социалистическое накопление; требовал все, по выражению Дзержинского, «загнать в основной капитал». Пятаков, как и Преображенский, стоял за повышение цен на промышленные товары. Когда ему указывали, что от высоких цен страдает не только деревня, не только крестьянство, но и рабочий класс, он отвечал, что этого можно избежать, предоставив рабочим ряд привилегий. Впрочем, иногда он добавлял, что будет не так уж плохо, если высокие цены на промышленную продукцию, ударив по рабочим, подгонят их, заставят увеличивать «производство прибавочной стоимости»¹.

Специалисты предполагали, что имевшая весьма важные последствия статья Г. Пятакова «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», опубликованная «Торгово-промышленной газетой» осенью 1924 года, была согласована с Е. Преображенским, как часть вынашиваемого двумя экономистами замысла (надо сказать, что Г. Пятаков всерьез ставил вопрос о недостатке оборотных средств для промышленности еще на XI съезде РКП(б))².

Заявив, что «воспроизводство капитала» есть «центральная проблема» основного хозяйства, Г. Пятаков акцентировал внимание на следующем: «Скажу заранее, что совершенно гладкое решение этого

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 220–221.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года. Стенографический отчет. С. 339–343.

вопроса мы едва ли найдем или, вернее, вполне гладкое его решение лежит в другой области – в плоскости включения хозяйства СССР в социалистическое хозяйство всего мира. При условии господства капитализма в других странах, для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий, решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами»¹.

Таким образом, Пятаков продолжал придерживаться своих прежних взглядов, пытался склонить на свою сторону и широкое общественное (в первую голову – профессиональное) мнение.

Вместе с тем в нужных случаях он, уже опытный деятель высочайшего ранга (хотя на первую, самостоятельную роль он так никогда и не вышел, если, конечно, таковой не считать руководство, причем дважды за карьеру, Государственным банком сначала России, а затем СССР), проявлял гибкость, осмотрительность, даже дипломатичность.

Эту его черту отмечали работавшие рядом с ним люди. Так, например, заместитель главного редактора «Торгово-промышленной газеты» Н. Валентинов несколько раз обращался к Г. Пятакову, чтобы тот завизировал подготовленные к печати материалы принципиального характера, проясняющие позицию ВСНХ (речь не шла об авторских, хотя бы и спорных статьях). Такая практика считалась тогда нормальной. К ней прибегали и редактор издания М. А. Савельев, и председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский, и другие.

Однако достаточно скоро Г. Пятаков перестал отвечать на просьбы Н. Валентинова и отказался впредь высказывать свои суждения о материалах, особенно в тех случаях, когда речь шла о спорных статьях. Н. Валентинову он объяснил, что тот якобы занимается провокациями и раскрыл сущность выдвинутого обвинения: «Вы человек с нюхом, – отметил заместитель Председателя ВСНХ. – Всякие партийные дела и внутрипартийные отношения вам известны гораздо больше, чем это полагалось бы беспартийному человеку. И вот, играя на некоторых внутрипартийных отношениях, вы занимаетесь явно провокацией. Например, посылаете ко мне статью, абсолютно не соответствующую моим взглядам, но близкую ко взглядам товарища Дзержинского. Одобрить такую статью я не могу; оставаясь в согласии с самим собой, должен указать: статью не печатать. Но тогда у меня получится, – и на это вы рассчитываете, – столкновение с Дзержинским. Это провокация. Возьмем другой пример – статья

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 221.

выражает мои взгляды, но не Дзержинского. На принесенной статье я кладу резолюцию: печатать. Получается вновь провокация, так как Дзержинский может сказать, что в органе ВСНХ я иду против него и заставляю печатать статьи, фактически с ним полемизирующие»¹.

В тот момент взаимопонимание не было достигнуто, хотя позднее Г. Пятаков изменил свое отношение к Н. Валентинову.

Описанный выше эпизод показывает, что заместитель руководителя ВСНХ, кроме всего прочего, действовал в системе координат, которая, кроме делового, неконъюнктурного подхода предполагала и участие во внутривластной борьбе, развернувшейся в высших эшелонах власти в 20-е годы. И то, что Г. Пятаков, по большому счету, никому не хотел уступать, вплоть до непосредственного начальства, подтверждается в его отношениях с Ф. Дзержинским. Кстати, если верить Н. Валентинову, Председатель ВСНХ со своей стороны «намекал» главному редактору «Торгово-промышленной газеты» М. А. Савельеву (кстати, хорошо знавшему Г. Пятакова еще с весны 1917 года), чтобы на страницах издания «не проявлялось в той или иной форме одобрение или поддержка *специфических* взглядов» его заместителя².

Но такая закулисная «возня» не могла иметь места при публичных столкновениях носителей отличных убеждений и взглядов. Тогда противоречия «вырывались» наружу и неизбежно достигали апогея. При этом каждая сторона искренне верила в свою правоту и ни за что не хотела уступать, считая свои взгляды несомненно более предпочтительными.

А проекты, рождающиеся в головах тех, кто стремился изменить мир, действительно не имели аналогов, были по-настоящему новаторскими, но истинность их могла быть подтверждена только грядущая практика.

Г. Пятаков был в числе первых из тех, кто на высоком государственном уровне поддерживал идею пятилетних планов, дал их подготовке реальный толчок. После обсуждения этих вопросов на совещаниях в отделах ВСНХ он сформулировал директиву дальнейших работ: «План развития промышленности есть стратегическая линия, следуя по которой мы через НЭП должны идти к социализму. План должен быть многолетний, но для начала нужно приняться за пятилетние перспективные планы, рабочие гипотезы в каждой ин-

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 242–243.

² Там же. С. 245.

дустрии. Не удовлетворяясь общими формулами, мы должны ясно определить, какой вид примет наша промышленность через пять лет. Это есть *исключительно волевая задача*».

Поясняя свою мысль, Пятаков бросил чрезвычайно характерную для него фразу: «Когда хозяйственники и работники ВСНХ будут работать над этой задачей, мне придется, в том почти уверен, неоднократно слышать, что, мол, эта или та задача *невозможна*. Заранее говорю, нужно сосредоточить внимание на аргументах в пользу исполнения той или иной задачи, а не на доводах в *невозможности* ее исполнения. У нас, у коммунистов, понимание невозможного отличается от понимания его некоммунистами. *Невозможное для них – для нас возможно*»¹.

Указания Г. Пятакова, оформленные в духе «волевых задач», вызвали резкое неприятие Ф. Дзержинского. Отвечая своему заместителю по существу, он сказал: «Наши заводы изношены, их производительность недостаточна, нужно строить новые предприятия, полностью реконструировать и расширять существующие. Однако недопустимо рассматривать это дело только как *волевою задачу*. Такой подход к вопросу грозит превратить его в безответственное проектирование или хуже – в авантюру. В планах мы должны считаться с наличностью наших финансовых и прочих средств, с реальной возможностью. Темп роста промышленности должен быть согласован с ростом и нуждами сельского хозяйства. В наших отношениях с деревней, в продуктообмене с нею, не должно быть места *эксплуатации* с расчетом, что она принесет нужные капиталы для увеличения основного капитала промышленности»².

Ф. Дзержинский решительно заявил, что не позволит при разработке пятилетних планов развития промышленности гоняться «за невозможным», вдохновляться подобными «директивами». Попыткам придать «воспроизводству основного капитала» характер «исключительно волевой задачи» препятствовало еще и то обстоятельство, что металлургия, как важнейший источник основного капитала, находилась в непосредственном управлении Ф. Дзержинского и не могла достичь желательного для Г. Пятакова темпа сверхразвития. Встретив сопротивление своим идеям со стороны Ф. Дзержинского, Г. Пятаков был поставлен перед выбором: подчиниться непосред-

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 233.

² Цит. по: Там же. С. 233–234.

ственному начальству, или уйти из ВСНХ. Но он считал, что вне промышленности нет захватывающей его работы. «Если бы, – сказал он однажды, – мне пришлось отойти от промышленности, я считал бы себя оскопленным». И Г. Пятаков подчинился. Однако это была видимость подчинения. Внутренне он не примерился. Отсюда его раздвоение, неискренность. В публичных речах, в печатных заявлениях он вроде бы не отходил от «линии Дзержинского», а в частных беседах ее полностью отвергал¹.

Естественно, подобных серьезных размолвок, столкновений за два с половиной года совместной работы случалось немало, и привели они к весьма печальному, даже трагическому финалу, а возможно, только в силу временного стечения обстоятельств получили по существу черную окраску. 20 июня 1926 года на Пленуме ЦК ВКП(б) после выступления Г. Пятакова, настаивавшего на своих прежних предложениях, слово взял крайне возмущенный, взволнованный Ф. Дзержинский. Он буквально вознегодовал после слов своего заместителя, утверждавшего, что «деревня богатеет, деревня нас обгоняет, промышленность от нее отстает» и что в этом состоит грозная опасность.

«Вот несчастье! – возмущался Ф. Дзержинский. – Наши государственные деятели представители промышленности и торговли проливают слезы о благосостоянии мужика. Нельзя индустриализоваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни»².

Опасаясь мелкобуржуазной «кулацкой» деревни, якобы развивающейся и укрепляющей свое благосостояние успешнее и быстрее, чем «пролетарский город», Пятаков и его сторонники хотели ее «перегнуть максимальным развертыванием гегемона», т. е. промышленности. Для этого Пятаков, по выражению Дзержинского, требовал «со всей присущей ему энергией *все средства, откуда бы они не шли, гнать в основной капитал индустрии*». «Загоняемые» в основной капитал средства должны, по Пятакову, получаться, в частности, от большого повышения оптовых цен промышленности. Дзержинский об этом и слышать не хотел. «Программа Пятакова, – буквально кричал он на пленуме, – за повышение оптовых цен бессмыслица, она антисоветская, антирабочая. Это ликвидация всей нашей борьбы за снижение розничных цен»³.

¹ Там же. С. 234.

² Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в 2-х т. М., 1977. Т. 2 [1924–1926]. С. 504, 505, 507.

³ Цит. по: Валентинов В. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 168.

Все, что накопело на душе у председателя ВСНХ, он вложил в эмоциональный жест в сторону Г. Пятакова, сопровождаемый словами: «Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности». Причем это было не спонтанным порывом, а глубоко осознанным, тысячи раз продуманным высказыванием. За три недели до своей кончины Ф. Дзержинский писал В. Куйбышеву, что Г. Пятаков вместе с Л. Троцким, Г. Зиновьевым и А. Шляпниковым «наверняка поведут партию и страну к гибели, потому не только “всем нутром” протестовал “против того, что есть”, неустанно воевал»¹.

Наверное, после такого публичного инцидента дальнейшая совместная работа была бы вряд ли возможной. Но случилось неожиданное, хотя и неотвратимое. Уже во время своего страстного выступления Ф. Дзержинский (а ругал он не только Г. Пятакова, но и других оппозиционеров, особенно Л. Каменева) очень горячился, нервничал, импульсивно подносил руку к сердцу, еле стоял, хватаясь за трибуну, шатался. Через три часа после этого его не стало. Паралич сердца.

Историографы не раз обращали внимание на то, что особо яростно Дзержинский реагировал именно на выступления своего заместителя, которое воспринял, очевидно, не только как профессиональный конфликт, но и человеческий вызов...

Вряд ли Г. Пятаков мог предположить, что его соперничество с непосредственным руководителем может закончиться так трагически. Тем более, он не мог желать этого. Просто считал, как и многие другие оппозиционеры, что последовательно должен бороться за то, во что верил.

И действительно, он неустанно, последовательно доказывал, что после отказа от военного коммунизма и введения нэпа «зародыш капиталистической системы вырос, окреп и грозит в дальнейшем развитии неисчислимыми опасностями только что складывающимся зачаткам социалистического хозяйства». Нэпу, полагал он, надлежит противопоставить подлинную коммунистическую политику, в этом Пятаков, несомненно, вдохновлялся идеями военного коммунизма: «Очередной нашей задачей является собирание всех государственных предприятий в одну систему государственного хозяйства, объединенного, сознательно, планомерно направляемого в ту сторону, которая нам необходима. Кто этого не понимает, тот не понимает, что в борьбе между частно-капиталистическим началом, которое развивается, и государственно-социалистическим – неизбежно поражение

¹ Лиходеев Л. Поле брани, на котором не было раненых. М., 1990. С. 170.

будет терпеть государственно-социалистическое начало»¹. Вслед за Лениным, выдвинувшим для совершенствования планирования предложение о придании законодательных функций Госплану, Г. Пятаков стоял за государственное планирование экономики. В записке, составленной Г. Пятаковым, Е. Преображенским, В. Смирновым и Н. Осинским и направленной в конце декабря 1923 года в Политбюро, ее авторы доказывают, что разрешение всех хозяйственных вопросов упирается в плановое начало, и вне планирования деятельность Политбюро перестает быть социалистической.

Надо, конечно, иметь в виду, что Г. Пятаков и Е. Преображенский, а также поддерживавший их Л. Троцкий замыслили создать некий властный орган для планирования экономикой страны в целом, некую структуру, аппарат, который будет все учитывать, давать директивы по всем вопросам, все «двигать» в соответствии с главной целью – направить развитие производительных сил по «социалистическому каналу».

Означало ли это неминуемое скорое свертывание нэпа и внедрение обновленной модели военного коммунизма, уверенно утверждать нельзя.

Но нельзя отказать и в последовательности (можно сказать даже упорстве) Г. Пятакова, действия которого были направлены на постепенное «продавливание» своей позиции. Он подписывал как документы фракционеров, в которых отражались и его взгляды, так и собственноручно подготовленные материалы².

Вместе с тем, совсем не хочется считать (во всяком случае для этого нет оснований), что усилия Г. Пятакова преследовали какие-то несправедливые цели, были неизменно ошибочными и заслуживают только критических, более того, негативных, оценок. Так, он стоял у истоков поисков методологии и методики налаживания плановой экономики в СССР. Такая работа велась в «Освоке» – «Особом совещании по воспроизводству основного капитала промышленности», образованном приказом по ВСНХ 21 марта 1925 года. Вскоре такая же комиссия, только в масштабах всего народного хозяйства была создана и в Госплане СССР.

Базой «Освока» являлись 30 производственных секций с задачей для каждой из них наметить «рабочие гипотезы», для выработки пятилетнего плана развития промышленности на время с 1 октября

¹ Валентинов Н. Наследники Ленина. С. 38–39.

² Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. М., 1990. С. 11–28, 122–132 и др.

1925 года по 1 апреля 1930 года. Это угольная секция, нефтяная, торфяная, горная, металлургическая, машиностроительная, цветных металлов, металлических изделий, автоавиастроения, электротехническая, хлопковая и др.

Наряду с названными были образованы и пять, так называемых, функциональных секций, задачами которых являлось исследование, разработка планов и постановка задач не для отдельных отраслей индустрии, а для всей промышленности страны. Это были секции финансово-экономическая, сельского хозяйства и его отношений с индустрией, секция транспортная, районирования промышленности, секция профтехнического образования и подготовки кадров.

На верху этой административной «пирамиды» находилось совещание представителей всех секций – пленум, венчал эту структуру президиум под председательством самого Г. Пятакова.

Он же употребил всю свою энергию и административные способности, чтобы запустить работу «Освока» «на полный ход». Никогда и никем не реализовывавшаяся до того прогностическая функция, на основе объективных оценок и расчетов, реалистичных и перекрестно сверяемых гипотез, учета возможных тенденций, оказалась добротным, в значительной мере интуитивно угаданным отправным пунктом и надежным фундаментом решения проблемы разработки перспективных планов.

Так, собственно, и родился первый сводный план развития промышленности на 1925/26 – 1929/30 гг., ставший предшественником, прототипом, своеобразной моделью для первых пятилетних планов, начавших реализовываться с 1928 года.

И как бы критически ни относились сегодня к феномену пятилеток, к плановой советской экономике, следует признать, что организационное начало сводных, перспективных планов явилось цементирующей и направляющей системообразующей силой народного хозяйства страны. И потому, в данном смысле, личные заслуги Г. Пятакова вряд ли следует ставить под сомнение.

3. С Троцким против Сталина

Хозяйственное строительство осуществлялось в СССР в условиях острейшей внутрипартийной борьбы. Переплеталась с ней и мировоззренческая позиция Георгия Пятакова. Специфическое понимание им экономических проблем и путей их решения определили его место в политических процессах 20-х годов. И это место во многом оказалось рядом с Л. Троцким.

Хотя знакомство этих двух далеко не рядовых личностей состоялось в 1910 году и спорадически продолжалось на протяжении следующего десятилетия, прочное сотрудничество установилось в конце гражданской войны. Именно тогда Георгий Пятаков вошел в круг не просто близких сотрудников Троцкого, но и стал личным другом едва ли не самого неординарного и скандального деятеля в руководстве РКП(б)–ВКП(б).

Сам Лев Троцкий позже вспоминал: «Борьбу с полуанархическими взглядами Пятакова на строение армии я повел тем способом, что дал ему сразу ответственное назначение, которое вынуждало его от слов перейти к делу (...). Административный смысл скоро подсказал ему, что надо применять те самые методы, против которых он вел словесную войну»¹. Можно только догадываться, о чем именно идет речь: возможно, о назначении комиссаром 42-й дивизии в ноябре 1919 года, возможно, о руководстве Академией Генштаба РККА, а скорее всего о 1-й трудовой революционной армии на Урале. Во всяком случае, именно с тех пор и до 1927 года Георгий Леонидович шел рядом с Л. Троцким.

Большое влияние на Пятакова оказали незаурядная эрудиция, высокий уровень общей образованности и работоспособности Троцкого. В этом человеке олицетворялись именно те черты и качества, которые, как чувствовал Георгий Леонидович, хотел иметь сам. Хотя он очень непросто, «с большим скрипом» поддавался под чужое влияние, немногих считал авторитетами, но импозантная, фееричная личность председателя Реввоенсовета, его блестящий ораторский талант, способность преодолевать преграды – не могли не привлечь склонного к революционному романтизму и еще достаточно молодого, но весьма энергичного, темпераментного политика.

Все это, а в идеологических вопросах – еще и общность взглядов на перспективы развития общества – стало основой более чем семилетней дружбы и сотрудничества Г. Пятакова и Л. Троцкого. Впрочем, Лев Давидович после долгих лет близости оценивал младшего товарища не очень высоко: «На Украине Пятаков имел значительное влияние, – писал Л. Троцкий в 1928 году, – и не случайно: это довольно образованный марксист, особенно в экономической области, и несомненный администратор, с запасом воли. В первые годы у Пятакова была и революционная энергия, которая быстро, однако, переродилась в бюрократический консерватизм»².

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1–2. М., 1991. С. 418.

² Там же.

В профсоюзной дискуссии конца 1920 – начала 1921 года, порожденной необходимостью резких изменений в организации и управлении обществом в условиях мирного строительства, Г. Пятаков, конечно, был солидарен с Л. Троцким. В конечном итоге в ходе дискуссии возникла платформа Троцкого–Бухарина, которые предложили план милитаризации рабочего класса, «огосударствления» профессиональных союзов, то есть превращения их фактически в производственные ячейки государства.

В этой дискуссии победа осталась за В. Лениным и его единомышленниками, которые рассматривали профсоюзы как массовую организацию трудящихся, «школу коммунизма». Платформа Л. Троцкого собрала незначительное количество голосов¹. Однако на карьере Г. Пятакова это особенно не отразилось: на X съезде партии он был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б)². То же произошло и на XI съезде РКП(б)³.

В ожесточенной борьбе за власть, разгоревшейся в последний год жизни В. Ленина, отошедшего от работы из-за усугубления болезни, лишенного возможности эффективно влиять на ход событий, Георгий Леонидович попробовал было маневрировать, но надолго его не хватило – занимать нейтральную позицию, пытаясь усидеть одновременно на «двух стульях», было ему несвойственно, он этого просто не умел. Когда к «тройке» (И. Сталин, Г. Зиновьев, Л. Каменев) присоединились Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский и В. Куйбышев, а позиции Л. Троцкого крайне ослабли, Г. Пятаков, как и почти всегда, не плыл по течению, не подстраивался под конъюнктуру, а поступал в соответствии с убеждениями.

Объективно ему было нелегко.

С одной стороны, на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года он был избран членом Центрального комитета партии⁴, что по тогдашним меркам, кроме всего прочего, было и выражением высшего доверия со стороны первых лиц государства.

А согласно решениям сентябрьского (1923 года) пленума ЦК РКП(б), он должен был войти в обновленный состав Реввоенсовета

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 103. Л. 2–3; Оп. 3. Д. 384. Л. 3.

² Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. М., 1963. С. 402.

³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961. С. 521.

⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 662.

республики – очень высокая должность в тогдашней политической иерархии. Во главе военного ведомства продолжал находиться Л. Троцкий – основная мишень И. Сталина. Последнему удалось склонить на свою сторону подавляющее большинство партийного руководства и низовых организаций. Следующим шагом как раз и планировалось ограничить влияние Троцкого посредством создания при главе РВС исполнительного органа, в который должны были войти С. Каменев, Г. Пятаков, Е. Склянский, М. Лашевич и, конечно, сам И. Сталин¹.

Лев Троцкий, хорошо осведомленный в тонкостях политических игр, разгадал задуманный маневр и самым решительным протестом (письмо к членам ЦК и ЦКК РКП(б) от 8 октября 1923 года²) сорвал его немедленную реализацию.

С другой стороны, обвиненный в чуть ли не самом страшном в то время грехе – фракционности, покушении на самое святое – единство партии, – Троцкий продолжал борьбу «на всех фронтах». Он, в частности, энергично поддерживал линию Г. Пятакова в деле преодоления кризисных явлений в экономике. При этом, по оценке Л. Троцкого, хозяйственные неурядицы явились результатом неправильной политики «триумvirата» (И. Сталина, Г. Зиновьева и Л. Каменева). Так два «архилевых» деятеля вроде бы объективно оказывались по одну сторону политических баррикад.

Пятакова долго уговаривать не пришлось. 15 октября 1923 года, окрыленный сообщениями о новых мощных вспышках классовых битв в Германии, он подписал «Заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б)³. Заявление стало первым коллективным документом, в котором группа видных хозяйственных и партийных деятелей осуждала экономический и политический курс Политбюро и ЦК партии, остро критиковала сталинский стиль руководства, а в сущности была попыткой подорвать растущее влияние И. Сталина.

Авторы документа «били в набат», предупреждая об угрозе бюрократического перерождения партии. «Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим, – говорилось в “Заявлении 46-ти”, – он убивает всякую самостоятельность партии, подменя партию подобранным чиновничьим аппаратом...»⁴

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 172.

² Там же. С. 165–173.

³ Там же. № 6. С. 189–193; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М., 1990. С. 86.

⁴ Там же. С. 189.

Так же остро в «Заявлении 46-ти» развенчивалась экономическая политика, которую проводило высшее партийное руководство: «Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК не сводящего концы с концами в сфере хозяйства, привел к тому, что мы, при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта (...) стоим (...) перед тяжелым общеэкономическим кризисом»¹. Авторы «Заявления» утверждали, что руководство РКП(б) не имеет долгосрочной индустриальной политики, а потому выдвинули требования энергичного планового развития индустрии, по возможности независимо от состояния сельскохозяйственного рынка; жесткой концентрации промышленности; решительных шагов к милитаризации труда; более суровой политики относительно крестьянства и т. д. Следовательно, в предлагаемых оппозицией радикальных решениях воплощалось стремление найти и привести в действие рычаги максимально быстрого развития государственной промышленности как единственно возможного пути развития народного хозяйства.

Конечно, каждый член оппозиции имел собственные подходы к решению этой задачи, в особенности это касалось проблемы пропорций: соотношения форм хозяйствования – что-то можно рационально организовать, а что-то, особенно на начальном этапе социалистического строительства, просто не успеть сделать, скажем, оперативно наладить эффективное управление досоциалистическим сектором экономики. Но, в целом, к объединению на единой платформе их влекла цель поиска наиболее перспективных вариантов движения вперед.

Так сложилась общепартийная «левая», или, по формулировке И. Сталина, «троцкистская» оппозиция, к которой в течение следующих четырех лет неизменно принадлежал Георгий Леонидович Пятаков. Характеризуя политическую борьбу того времени и собственно «левую» оппозицию, Л. Троцкий писал в 1932 году: «Борьба большинства Политбюро против Троцкого, начавшись в значительной мере как личный заговор, уже очень скоро развернула свое политическое содержание. Оно не было ни простым, ни однородным. Левая оппозиция включала в себя вокруг авторитетного большевистского ядра [кроме себя, Лев Давидович, безусловно, имел в виду и Георгия Пятакова, также фигурировавшего в ленинском “Письме к съезду”, ведь это позволяло создавать и у себя самого, и у окружения впечатления того, что среди наследников В. Ленина Троцкий остался

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 189.

не в одиночестве, а имел серьезного союзника. — В. С.] многих организаторов октябрьского переворота, гражданской войны, значительный слой марксистов из учащейся молодежи»¹.

Безусловно, Л. Троцкий сознательно накалял атмосферу в партии, что объективно могло привести к ее расколу. Особенно зримо это проявилось в ходе бурного обсуждения его статьи «Новый курс (Письмо к партийным совещаниям)», неожиданно появившейся в декабре 1923 года сразу после согласования позиций в Политбюро и Президиуме ЦКК, и сыгравшей роль своеобразного «фракционного манифеста». Обвинив руководство РКП(б) в перерождении, оппозиционер противопоставлял старым кадрам незрелую молодежь, льстиво называя ее «вернейшим барометром партии». Доказывая правомерность тезиса о неподчинении меньшинства большинству, он отстаивал необходимость и целесообразность существования фракций в РКП(б). Эти идеи популяризовались как в устных выступлениях, так и разъяснялись в специальных публикациях в «Правде» 28 и 29 декабря 1923 года.

Не будучи, очевидно, вполне готовым к такому стремительному развитию событий, сталинское ядро в партии не сразу прибегло к симметричным действиям, хотя, впрочем, и не очень растерялось, не стало долго тянуть с мобилизацией своих сил для обеспечения своего преимущества в ходе нового раунда борьбы.

Так, 1 января 1924 года газета «Коммунист» опубликовала упомянутую статью Л. Троцкого «Новый курс» (точнее, это была часть серии статей, объединенных общим названием). Статья состояла из трех частей: «Группировки и фракционные образования», «Вопрос о партийных поколениях» и «Общественный состав партии», далее следовали два примечания и постскрипtum, призванные, среди прочего, доказать, что с обнародованием этого материала, несомненно, волянили.

Там же был напечатан материал «Долой фракционность» (Ответ редакции газеты т. Троцкому), не очень уступающий по объему статье Л. Троцкого. Это был довольно обстоятельный, содержательный полемический текст (контртезисы); кроме того, было опубликовано примечание от редакции «Правды» (справка к постскриптуму статьи тов. Троцкого «Новый курс», «Вопрос о партийных поколениях») и еще одно примечание.

Все это, как представляется, заслуживает внимания. Ведь редколлегия не только объяснила приоритетность публикации резолюции ЦК

¹ Троцкий Л. Портреты. М., 1994. С. 142–143.

РКП(б) об очередных задачах экономической политики в номере от 25 декабря 1923 года, сослалась на технологические моменты, обусловившие задержку с опубликованием материалов оппозиционера, но и наверняка использовала небольшую, сознательно организованную паузу для подготовки аргументированного ответа Троцкому до выхода его статьи. Как видим, к дискуссии с «левой оппозицией» отнеслись весьма и весьма серьезно, ничего не пускали на самотек, надежно контролировали процесс обнародования информации в прессе.

Более того, были запущены и механизмы, призванные дискредитировать сторонников Л. Троцкого, обвинив их, ни много ни мало, в воинствующем антиленинизме и даже в организации закулисных заговоров, в заслуживающем всяческого презрения политиканстве; утверждалось, что еще в 1918 году они якобы планировали арестовать членов СНК, устранить В. Ленина с поста председателя правительства и заменить его одним из нынешних оппозиционеров. В фокусе внимания оказывался, прежде всего, Г. Пятаков.

15 декабря 1923 года И. Сталин опубликовал в «Правде» шокировавшую партийную общественность информацию: «Известно, например, что левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о смене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов. Часть нынешних оппозиционеров тт. Преображенский, Пятаков и др. входили в состав фракции левых коммунистов»¹.

На следующий день там же была напечатана более пространная статья, посвященная речи Г. Зиновьева 11 декабря, в которой дело было представлено следующим образом: «Тов. Бухарин на днях рассказал на собрании Красно-Пресненского района то, что должно стать известным всей партии, ибо это – факт гигантского исторического значения. Описав период нашей внутренней борьбы в связи с Брестским миром, тов. Бухарин сообщает, что в ту пору к ним, к фракции “левых” коммунистов левые эсеры (...) обратились с официальным предложением не больше и не меньше как о том чтобы арестовать Совет Народных Комиссаров с тов. Лениным во главе. А в кругах “левых” коммунистов серьезно обсуждался вопрос о новом составе Совета Народных Комиссаров, причем председателем имели в виду назначить тов. Пятакова. Это, товарищи, не анекдот, фракционная борьба внутри нашей партии была доведена да того, что левые

¹ Правда. 1923. 15 декабря. № 285.

эсеры, эти взбесившиеся мелкие буржуа, могли с известной надеждой на успех обращаться к части нашей партии с такими предложениями (...). Наши товарищи «левые» коммунисты, как рассказывает тов. Бухарин, отвергли предложение левых эсеров с негодованием. Однако, своему Центральному Комитету «левые» коммунисты об этом тогда не сообщили. И партия узнает об этом немаловажном факте только теперь, шесть лет спустя»¹.

Как видим, сюжет выстроен таким образом, чтобы отвести подозрения от Н. Бухарина, участника сталинского «ядра» и не раз прежде заявлявшего о самых дружественных отношениях с Г. Пятаковым.

Последний, естественно, не смог смолчать и 20 декабря направил вместе с коллегами – бывшими «левыми коммунистами» письмо в редакцию «Правды» (его подписали также ушедшие с государственных постов в марте 1918 года И. Стуков, К. Радек, В. Яковлева, В. Смирнов, М. Покровский, Е. Преображенский, В. Максимовский).

3 января 1924 года письмо было напечатано. В нем, в частности, говорилось: «Ввиду того, что дело изображается совершенно не так, как оно было на самом деле, в интересах восстановления исторической истины и в целях противодействия извращению истории нашей партии, мы бывшие активные участники фракции левых коммунистов, считаем себя обязанными изложить те два совершенно незначительных инцидента, которые могли бы подать т. Бухарину, а за ним т. Зиновьеву и Сталину мысль о якобы имевших место переговорах о свержении Совнаркома и об аресте тов. Ленина»².

Далее подобно излагались главные позиции «левых коммунистов» весной 1918 года по вопросам внутренней и внешней политики, описывалось их участие в принципиальной дискуссии об отношении к Брестским мирным переговорам и подписанному с Германией миру. Воспроизводился следующий эпизод: «Во время заседания ЦИК, происходившего в Таврическом дворце, когда Ленин делал доклад о Бресте, к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков. Во время разговора, который не только не имел характера каких-либо официальных переговоров, но не имел даже характера предварительного делового взаимно нащупывающего разговора, Камков, между прочим, полушутя сказал: “Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство. Ведь Ленин уйдет

¹ Правда. 1923. 16 декабря. № 286.

² Там же. 1924. 3 января. № 1.

и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова»¹.

«Разумеется, это не стенографическая запись слов Камкова, – подчеркивали авторы письма, – но они восстановлены в той мере, в какой вообще можно восстановить по памяти чужие слова, которым участники разговора и в момент разговора не придавали никакого серьезного значения. “Предложение” левых эсеров не только не было с негодованием отвергнуто, но оно вообще не отвергалось, так как не обсуждалось, ибо никакого предложения левых эсеров левым коммунистам не было.

Это первый случай. В этом случае ни о каком аресте или свержении Совнаркома даже левыми эсерами не упоминалось»¹.

Считая ситуацию проясненной, бывшие левые коммунисты изложили и то, что им было известно о втором случае, который вменялся им в вину.

«Позже, уже после заключения Брестского мира, тогда, когда Пятаков, Бубнов и Кассиор [так тогда писали фамилию С. В. Косиора. – В. Ф.] уехали на Украину, имел место второй случай, точно также не имевший абсолютно никакого значения. Тов. Радек зашел к тогдашнему Наркомпочтелю (нарком почты и телеграфа) – левому эсеру Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов. Прошьян смеясь сказал тов. Радеку: “Все вы резолюции пишете. Не проще бы было арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать тов. Ленина председателем Совнаркома”. Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин, как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая вас и нас (вас – левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну. Опять-таки это “предложение” не только не было левыми коммунистами отвергнуто, но оно так же не обсуждалось, как совершенно анекдотическая и смехотворная фантазия Прошьяна. Любопытно отметить, что еще в 1918 году, до восстания левых эсеров, когда после смерти Прошьяна тов. Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину и последний хохотал по поводу такого “плана”»².

Заканчивался текст словами: «Необходимо отметить, что оба эти случая до сих пор были неизвестны многим из нижеподписавшихся,

¹ Правда. 1924. 3 января. № 1.

² Там же.

хотя почти все из них входили в бюро фракции левых коммунистов и все были активными деятелями фракции. Это лучше всего свидетельствует о значении, которое имели эти «факты».

Сущность изложенного представляется весьма правдоподобным. Неприятный осадок остается от поведения в этой истории Н. Бухарина. Кажется, никому негоже опускаться до превращения в политические аргументы обыденных разговоров, может и просто шуточных, а может и провокационных. Однако недавний друг Г. Пятакова исходил из собственных целей и, судя по всему, не смущался в выборе средств. Сталинская команда жестко прессинговала оппонентов; примечательно, что до публикации письма «левых коммунистов» с ним «поработал» их бывший лидер. Бухарин дал следующее, не очень убедительное по существу, изощренное по изворотливости объяснение, которое было опубликовано в том же номере газеты, очевидно, для демонстрации демократизма партии и в надежде на смягчение впечатления от интерпретации «фактов»:

«В связи с письмом т. Пятакова, Стукова и других, считаю необходимым заявить следующее:

1. Я счел своей партийной обязанностью рассказать – в момент предложения левых эсеров для того, чтобы парализовать то идеологическое прилизывание событий брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции. Они изображали брестские времена в партии, как «верх демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волосок от раскола, а вся страна – на волосок от гибели. Если мы хотим хоть чему-нибудь учиться, мы не можем скрывать своих собственных прошлых ошибок.

2. Письмо товарищей по существу подтверждает то, что я говорил. Что тов. Ленин «хохотал» по поводу плана левых с.-р., – вполне вероятно. Но мы вместе с тов. Лениным хохотали и по поводу других, более серьезных вещей, когда хохотать над этим было уместно.

3. Я лично помню не те два случая, о которых говорят товарищи, а предложение, сделанное нам – если память меня не обманывает – в **Смольном институте**. Ни о каком **блоке** с левыми с.-р. я, кстати сказать, не говорил. Я говорил о таком обострении фракционной борьбы, что эсеры **осмеливались** делать нам подобные предложения.

4. То, что многие из подписавших вышеприведенное письмо товарищей не знали об этом предложении, доказывает как раз не «смехотворность» всей истории (ибо тогда-то ее б и растрезвонили «для смеха»), а ее серьезность.

5. Но тот же факт (т.-е. что «многим из подписавших» «оба случая до сих пор были неизвестны») делает смехотворным их письмо. Ибо, если

они до последнего времени ничего об этом не знали, то каким же образом они подписывают документ с изложением неизвестных им вещей и изображают из себя правдивых свидетелей? Не есть ли это пример фракционности, основанной на несообразительности? Вопрос о социальной подкладке этой несообразительности я оставляю в стороне»¹.

Как знать, может быть, в марте 1938 года, когда на процессе по делу об «Антисоветском правотроцкистском центре» уже сам Н. Бухарин окажется на скамье подсудимых, он будет вспоминать и, без сомнения, сожалеть о своем поведении в конце 1923 – начале 1924 годов. Ведь тогда обнародованная им информация обернется, в первую очередь, против него. В приговоре значилось: «Н. И. Бухарин и его сообщники имели целью убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров. Выполняя план заговора, левые эсеры в июле 1918 года с ведома и согласия Н. И. Бухарина подняли в г. Москве мятеж, а совершенное эсеркой Каплан 30 августа 1918 года покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом замыслов левых коммунистов во главе с Н. И. Бухариным»².

Но в процессе борьбы с Г. Пятаковым в 1923–1924 годах «откровения» Бухарина стали одним из «ударных» аргументов.

Судя по всему, подход И. Сталина и его ближайших соратников к борьбе за власть был более капитальным, лучше просчитанным, они учитывали самые тонкие нюансы, но одновременно использовали самые агрессивные, «проломные» методы.

Наверное, наряду с другими причинами, именно такой жесткостью в борьбе с политическими оппонентами хотя бы отчасти объясняется, полное политическое поражение «левых». Используя своих сторонников в руководстве партии всех уровней, добившись большинства на партийных собраниях и конференциях, сталинское крыло ЦК добилось почти единодушного осуждения «левой оппозиции»³.

Представленные на XIII партконференции (январь 1924 года) Г. Пятаковым – от имени оппозиции –поправки к редакции ЦК об экономической политике были «оглушительно провалены на голосовании»⁴. Большинство, сгруппировавшееся вокруг И. Сталина,

¹ Правда. 1924. 3 января. № 1.

² Цит. по: Реабилитация. Политические процессы 30-х – 50-х годов. С. 237.

³ Правда. 1924. 16 января; Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 319–324.

⁴ Там же. С. 323.

вело себя не просто самоуверенно, но даже развязно. Так, Г. Зиновьев высокомерно, менторски заявил по поводу предложений Г. Пятакова: «Это не поправки, а платформа, которая отличается от хорошей платформы тем, что она плоха. Больше ничего (...). Пятаков большевик. Но его большевизм еще незрелый. Зелено, незрело»¹. Конечно, в чем-то эти оценки приближались к ленинским, содержащимся в «Завещании». Однако контекст, тон, направленность были совершенно иными, звучали откровенно пренебрежительно, издевательски.

Конференция РКП(б) подвела итоги дискуссии, квалифицировав «троцкизм» как мелкобуржуазный уклон в партии. Это стало началом конца оппозиции «левых».

Стремясь разобраться в причинах такого исхода нешуточного противостояния, неистового столкновения недюжинных интеллектов, талантливых политиков, современный британский исследователь Саймон Пирани резонно заключает: «Оппозиция потерпела поражение, несмотря на широкую поддержку ее доводов о демократии. Свою роль сыграли интриги, охота на ведьм и предвыборные махинации, но были, тем не менее, и политические причины, по которым триумvirат добился поддержки, или, по крайней мере, невмешательства партийных низов. Руководство нейтрализовало обвинения оппозиции в том, что проводимая экономическая политика является уступкой классово чуждым силам – при помощи кампании репрессий против самых заметных капиталистических эксцессов НЭПа; оно мастерски использовало тот факт, что оппозиция не сыграла на угрозе уровню благосостояния рабочих, и лишило ее потенциальной поддержки со стороны рабочих-коммунистов; и оно же изобразило оппозицию раскольниками в момент, когда в Германии судьба мировой революции висит на волоске»².

Важнейшее сражение было проиграно, хотя приверженцы «левых» взглядов не сомневались в правоте своей позиции, и что она в конце концов победит. Так, на XIII съезде РКП(б) Е. Преображенский дважды в ходе своего выступления подчеркивал, что предложения Г. Пятакова, с которыми тот выступил на XIII партконференции, ее участники не поняли, и выразил уверенность в том, что положения, которые защищал его единомышленник: «...партия поймет, должна будет понять в самое ближайшее время, когда мы со всеми проблемами управления нашего хозяйства, как единого целого, встретимся на

¹ Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (б). Бюллетень.

² Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 319–320.

ближайших этапах нашей борьбы с частным и международным капиталом, как со злободневными проблемами. Это товарищи будут понять, и это будет проведено. (...) Это единственный путь, по которому организационно должно пойти наше хозяйство»¹.

Поражение фракционеров не привело к «организационным выводам». Л. Троцкий по-прежнему оставался членом Политбюро ЦК, а Г. Пятакова и на XIII, и на XIV съездах стабильно избирали членом Центрального комитета партии².

Принадлежность к оппозиции, склонность к постоянному противостоянию общепринятому курсу, характерные для всей политической биографии Георгия Леонидовича, были для него чем-то обычным, обязательным, своеобразной нормой. Интересное и, кажется, точное определение этой его черты дал Л. Троцкий: «Он примыкал вообще ко всем и всяким оппозициям, чтобы кончить чиновником» (в публикации, возможно, ошибочно – «чиновников». – В. С.)³.

Смолоду для Георгия Леонидовича внутренний протест против устоявшегося служил тем ферментом, который вызывал брожение во взглядах, сопротивление в действиях. Трудно привести пример когда чьи-то идеи – кроме идеи мировой революции – становились для Пятакова «его» идеями. Любые серьезные вопросы он пытался решать сам, по-своему, иногда ломился в открытую дверь, часто срываясь, набивая себе шишки. Одной из глубинных, важнейших причин его оппозиционности было неумное честолюбие. Сколько раз он стремился, и не без основания, к лидерству в руководстве Украины, и добивался своего. Но затем почти всегда терпел поражение...

Осенью 1924 года Л. Троцкий предпринял новую атаку на высшие эшелоны партийной власти, опубликовав к годовщине Октябрьской революции брошюру «Уроки Октября». Он доказывал, что главная роль в подготовке и осуществлении восстания в октябре 1917 года принадлежала ему – Л. Троцкому; В. Ленин скрывался в подполье, И. Сталин был задействован на решении второстепенных дел, а Л. Каменев и Г. Зиновьев вообще были противниками вооруженного восстания. И хотя в 1917 году позиция Г. Пятакова во многом объек-

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 190–192.

² XIII съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). Апрель 1924 года. Стенографический отчет. М., 1924. С. 591; XIV съезд Всероссийской Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 года. Стенографический отчет. М., 1926. С. 1025.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 417.

тивно сходилась с взглядами Л. Каменева и Г. Зиновьева, на этот раз он солидаризовался с Л. Троцким.

Бурная дискуссия вокруг «Уроков Октября» завершилась новым поражением Троцкого. Его обвинили в подмене ленинизма троцкизмом, вновь скомпрометировав в глазах партийной общественности. Репутации Л. Каменева и Г. Зиновьева был нанесен непоправимый ущерб, чем ловко воспользовался И. Сталин. Пока шла полемика, он сумел окончательно привлечь на свою сторону членов Политбюро Н. Бухарина, А. Рыкова, М. Томского, избавиться от опеки вчерашних соратников.

Дистанцирование Л. Каменева и Г. Зиновьева от И. Сталина привело к появлению так называемой «новой оппозиции». Главным тезисом оппозиционеров, было утверждение о невозможности построения социализма в СССР до победы мировой революции, оппозиционеры обвиняли руководство партии, прежде всего И. Сталина, в недооценке угрозы кулачества. Основная борьба «новой оппозиции» против сталинского большинства в ЦК развернулась на XIV съезде партии в декабре 1925 года, на котором оппозиция потерпела поражение. Г. Пятаков, так же как Л. Троцкий и другие его сторонники, не принимал участия в «новой оппозиции», ограничившись ее молчаливой поддержкой. А значит, продолжал оставаться мишенью для официальной критики. Правда, теперь, когда партия взяла курс на индустриализацию, его «левые» взгляды квалифицировались как политика «сверхиндустриализации».

Тем временем, к весне 1926 года в ВКП(б) снова оформилась оппозиция левого толка. На этот раз между Л. Троцким вместе с его в недалеком прошлом ожесточенными врагами Г. Зиновьевым и Л. Каменевым – против И. Сталина. С «легкой руки» последнего, а также Н. Бухарина, за которым успел закрепиться статус самого авторитетного идеолога и полемиста сталинского крыла, группировка получила название, по форме адекватное своей сути: «троцкистско-зиновьевская объединенная оппозиция».

«Перманентный» оппозиционер Г. Пятаков хоть и не видел в И. Сталине узурпатора власти, ловкого интригана, тем не менее не мог не стать активным участником и нового блока. Формула «с Троцким – против Сталина» была для Георгия Леонидовича не просто приемлемой, а в чем-то даже естественной. Он, не сговариваясь, солидаризовался с Л. Троцким в трактовке характера новой оппозиции, пытался оценить его «генеалогию»¹. На него похоже, не произ-

¹ Троцкий Л. К вопросу о происхождении легенды о «троцкизме» (Документальная справка) // Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 105–106.

водили впечатления ни устранение Л. Троцкого в январе 1925 года с поста председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора, ни выведение его из состава Политбюро в разгар оппозиционной борьбы в октябре 1926 года. Впрочем, иногда и «твердокаменный» Г. Пятаков склонен был проявлять осторожность и даже советовал Л. Троцкому вести себя осмотрительнее. Жена последнего Н. И. Седова-Троцкая в одном из писем рассказывала:

«Месяца за два, за три до нашей высылки в Алма-Ату (давно это было) происходили частые и бурные заседания Политбюро. Близкие товарищи и друзья собирались у нас на квартире в ожидании окончания заседания ПБ и возвращения Л. Д. с Пятаковым, чтобы узнать о происходящем. Помню одно такое заседание. Ждали мы их возвращения с нетерпением. Заседание затянулось. Первый пришел Пятаков, ждем, что он скажет. Он молчит, бледный, уши горят. Очень взволнован. Встает, наливает себе стакан воды, потом второй, выпивает. Вытирает платком пот со лба и говорит: “Ну, знаете, на фронте бывал, а такого не видел!” В это время входит Л. Д. Он [Пятаков] обращается к нему и говорит: “Ну зачем вы ему (Сталину) это сказали?! Ведь он вам этого не забудет, ни вам, ни вашим детям, ни вашим внукам!” Тогда это казалось таким далеким в отношении детей, особенно внуков. И никто, конечно, ни на минуту не сомневался в том, что надо было это сказать...»¹

Этот эпизод уже в 1935 году зафиксировал в своем дневнике и сам Л. Троцкий (после очередного напоминания жены) – тогдашние тяжелые пророчества Г. Пятакова, похоже, не были напрасными...²

Но в 20-е годы взгляды Л. Троцкого, других участников оппозиции в большинстве были созвучны пятаковскому настроению и порывам. Ему импонировало, что троцкистско-зиновьевская оппозиция имела ярко выраженную антисталинскую направленность, была одной из альтернатив «генеральному курсу» И. Сталина.

Мировоззренческой основой оппозиции оставалась идея мировой революции, которую продолжал исповедовать Г. Пятаков. Она полностью противоречила лозунгу, взятому на вооружение И. Сталиным и Н. Бухариным: построение социализма в одной, отдельно взятой стране. Вокруг этого лозунга, который оппозиционеры квалифицировали как самое убедительное доказательство дальнейшего отхода партийного руководства от ленинизма, от идеалов Октября, как признак перерождения партии, развернулась ожесточенная дискуссия.

¹ Троцкий Л. Д. Дневник и письма. М., 1994. С. 66–67.

² Там же. С. 115.

Как один из руководителей государственной промышленности, Георгий Леонидович участвовал в выработке экономической программы оппозиции. Имея прямое отношение к изначальной разработке пятилетнего плана, он выступал за приоритетное развитие тяжелой индустрии. При участии Г. Пятакова формулировались такие требования оппозиции, как повышение заработной платы рабочим, усиление налогообложения «новой буржуазии» – нэпманов и кулаков, поддержка сельских производственных кооперативов и тому подобное. Стержнем и основной целью работы было ускорение темпов развития промышленности любой ценой, что временами граничило с экономическим экстремизмом.

Главные предложения оппозиционеров в области экономики можно свести к следующему: незамедлительная индустриализация страны за счет налогообложения, в первую очередь предпринимателей-нэпманов и крестьянских богачей (что даст 150–200 млн рублей, а не 5, как было в действительности); закупки за границей промышленного оборудования в обмен на экспорт изъятого у кулачества зерна (автором этого принципа «товарной интервенции» был Г. Пятаков).

В целом троцкистско-зиновьевская оппозиция обвиняла сталинское руководство партии и государства в игнорировании задач классовой борьбы, которую вели пролетариат и крестьянская беднота в союзе с середняком против кулака, нэпмана и бюрократа; в росте зависимости государственной промышленности от кулацко-капиталистических элементов; в отходе от бедноты и батрачества как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне; в подмене социализма нэпом (на давнего тезиса «левых» «нэп не является социализмом»); в слиянии верхов партии с верхами нэпманской буржуазии; в бюрократическом перерождении партии.

На этом поприще Георгий Леонидович трудился, не переставая. Он, в частности, подготовил «Проект резолюции по хозяйственному вопросу» к XV партийной конференции и «Поправки к тезисам тов. Рыкова «О хозяйственном положении» (ноябрь 1926 года)»¹.

Объектом горячих дискуссий и причиной острых нападок оппозиции на И. Сталина и Н. Бухарина стал ряд серьезных неудач во внешней, точнее – коминтерновской, политике. В 1926 году потерпел досадное поражение Англо-Русский профсоюзный комитет, созданный по принципу «единого фронта» Коминтерном и левым крылом британских тред-юнионов. Комитет не сумел, в частности, предотвратить поражение общей забастовки в Англии.

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 2. С. 122–127.

Еще более тяжелыми – по своим последствиям – оказались провалы в 1927 году в Китае, когда руководство Коминтерна продолжало поддерживать Гоминьдан, просмотрев его сползание на антикоммунистические позиции, что привело к тяжелым поражениям революционного движения в стране.

Почти двухлетняя история существования, борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции и, в конечном счете, ее поражения достаточно сложна и запутана. В обстановке укрепления тоталитаризма, не имея легальной трибуны, возможности открыто разъяснять свои взгляды, а затем – и репрессий со стороны правительственных органов, оппозиция прибегла к нелегальным формам: организации типографий, выпуску листовок, проведения своих собраний.

В ответ усилилась критика оппозиционной платформы в печати, подкрепленная характерным для И. Сталина кадровым манипулированием. В частности, в июле 1926 года председателем ВСНХ стал активный сторонник И. Сталина, до этого – глава Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), член неофициальной сталинской «семьки» В. Куйбышев.

Это решение было нацелено на вытеснение Г. Пятакова с высокой позиции – поста заместителя председателя ВСНХ. Обращает на себя внимание сама процедура назначения, типично «аппаратная»: 29 июля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило назначение В. Куйбышева председателем ВСНХ, а 4 августа тот же орган принял предложение И. Сталина считать постановление от 29 июля утвержденным голосами всех членов ЦК¹, то есть в том числе и Г. Пятакова – как члена ЦК ВКП(б).

4. Зарубежная «ссылка»

Тогда же сталинское руководство решило произвести еще более существенную кадровую перестановку: перевести Г. Пятакова на дипломатическую работу, направить его представителем СССР в США или Канаду. Правящие круги США по неофициальным каналам сообщили об отказе в разрешении на въезд в страну Г. Пятакова как «человека, который осудил на смерть лучших граждан России». Имелось в виду председательство Георгия Леонидовича на процессе по делу партии эсеров летом 1922 года. Хотя приговор в отношении эсеровских лидеров был показательно-назидательным, и их не расстреляли, правительственные инстанции США демонстрировали свое реше-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 127.

тельное неприятие личности одного из известных, авторитетных деятелей ленинской генерации. А в феврале 1927 года Л. Троцкий, тогда уже на пороге окончательного поражения в борьбе с «большинством» ЦК ВКП(б), попытался оспорить или отклонить назначение Г. Пятакова.

«Посылка Пятакова в Канаду есть большая неосторожность после того, как Пятакова не пустили в США, как «человека, приговорившего к смерти лучших граждан России» (эсеров), – писал Л. Троцкий в личном письме тогдашнему председателю ЦК ВКП(б) Г. Орджоникидзе. – Ведь эта мотивировка, хотя бы и неофициальная, станет завтра общим достоянием Америки (значит и Канады). А ведь эта мотивировка вполне достаточна для эсеровского (вообще белогвардейского) террористического акта.

В Канаде я был. Уже в 1917 году там полиция была полна отбросов международной иммиграции (в том числе и иммигрантов из России). Думаю, что в самой Америке нетрудно создать газетную сенсацию по поводу того, что лицо, не допущенное в Нью-Йорк, пробралось в Канаду. Словом, – шаг архинеосторожный, особенно если принять во внимание, что иностранные журналисты в Москве не могут не знать всех пружин этого дела. Считаю необходимым обратить на это Ваше внимание»¹.

Было понятно, что Лев Давидович в интересах оппозиции пытался уберечь активного деятеля антисталинской оппозиции не столько от белогвардейского террористического акта в Канаде, сколько от «ссылки» его за океан.

Более определенно и открыто об этом говорил Г. Зиновьев на заседании Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и в специальном письме, прямо называя высылку Г. Пятакова и других оппозиционеров за рубеж «именно не по деловым, а по чисто фракционным соображениям»².

Г. Орджоникидзе ответил Л. Троцкому: «По существу дела никак не могу понять, почему Вы не говорили о “неосторожности”, когда Пятаков ехал в Америку, где он не имел бы прав дипломатического представительства, которые в известной мере ограждают каждого из наших товарищей, и почему Вы считаете уместным и возможным говорить о неосторожности посылки его в Канаду.

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. С. 186.

² Там же. Т. 4. М., 1990. С. 82–83.

(...) Прикрытое нежелание выполнить решение ЦК о поездке тов. Пятакова спекуляцией на «опасности» и т. д., что не имеет прецедента в нашей партии, – я не могу считать хоть сколько-нибудь лояльным и корректным по отношению к решениям ЦК. Таких нравов у нас до сих пор не было»¹.

Трудно сказать наверняка, но, возможно, вмешательство Л. Троцкого и Г. Зиновьева в какой-то степени и повлияло, поскольку Г. Пятаков был назначен торговым представителем Советского Союза во Франции. И. Сталин все же добился своего: один из очень серьезных его оппонентов был удален с главного поля боя.

На улицу Гренель в Париже, где размещались советские представительства, Георгий Леонидович прибыл 19 мая 1927 года. Новая работа была интересной и содержательной. Торговые представительства были наделены исключительными правами ведения экспортно-импортных мероприятий, поэтому открывалась возможность направить усилия на укрепление торгово-экономических позиций Союза ССР на международной арене, а также на осуществление того, что на языке оппозиции именовалось «торговая интервенция».

Вместе с Христианом Раковским – Полномочным Представителем СССР во Франции, прежним коллегой в правительстве УССР и нынешним соратником по оппозиции, Г. Пятаков возглавлял советскую делегацию на переговорах о долгах царского и Временного правительств, которые, хотя и не дали результатов, но остались положительным моментом в развитии советско-французских отношений.

Уже находясь на дипломатической работе во Франции, в мае 1927 года Георгий Пятаков подписал важнейший документ оппозиции – «Заявление 83-х» (он был представлен еще на июльском (1926 года) Пленуме ЦК), ставшее серьезным политическим вызовом И. Сталину, его окружению. В сентябре того же года Георгий Пятаков поставил свою подпись под «Заявлением 13-ти» – Проектом платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) (Кризис партии и пути его преодоления), в котором повторялись основные положения платформы 83-х и содержалось требование начать в преддверии XV съезда ВКП(б) широкую дискуссию в партии².

¹ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. С. 196.

² Там же. Т. 4. С. 109–174.

Центральным пунктом разногласий оппозиционеров с официальным курсом партии был тезис о невозможности победы социализма в СССР без поддержки мировой революции. «Неправильная политика, – говорилось в “платформе 83-х”, – ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа»¹.

Если партийное большинство под ускоренной индустриализацией понимало такие максимальные темпы, которые обеспечивали бы неразрывный союз пролетариата с основной массой крестьянства, не отрывали индустриализацию страны от сельскохозяйственной базы и обеспечивали более быстрый рост тяжелой индустрии, подтягивая отстающие отрасли легкой промышленности, то оппозиция считала необходимым проведение политики «сверхиндустриализации». Ее составными элементами объявлялись: усиление налогообложения крестьян – середняков крестьянства (в трактовке оппозиции это выглядело как снижение налогов на 50 процентов с бедняков); повышение цен на товары широкого потребления; изъятие оборотных средств из кооперации.

Политика налогового нажима на середняка, высоких цен на промтовары не только не способствовала бы упрочению союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, но и могла создать для него дополнительные трудности. Повышение цен на промтовары привело бы к автоматическому росту цен на продукты сельского хозяйства и понижению платежеспособности рубля. Наконец, изъятие значительной части оборотных средств из кооперации вело к усилению позиций частного капитала в торговле. Тем самым в лице «объединенной левой» оппозиции большинство ЦК столкнулись с тем, что всегда было характерно для троцкизма: проповедью леворадикальных установок, которые в принципе были неосуществимы, априори авантюры.

Это подтвердила, в частности, внутрипартийная дискуссия. Накануне XV съезда партии (1927 года) газета «Правда» в «дискуссионном листке» опубликовала тезисы ЦК по основным вопросам и контртезисы оппозиции. В ходе обсуждения этих материалов за тезисы ЦК во всех партийных организациях проголосовали 726 006 коммунистов, за контртезисы оппозиции – 4120 и воздержалось 2676 человек².

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 308. Л. 2509.

² Васецкий Н. А. Л. Д. Троцкий: политический портрет // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 45.

Объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция была обречена. За «антипартийные выступления» пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 года вывел Л. Троцкого и Г. Зиновьева из состава Центрального Комитета партии. А после попыток оппозиционеров устроить свои демонстрации в десятую годовщину Октября – 7 ноября 1927 года в Москве и Ленинграде решением ЦК и ЦКК 14 ноября они были исключены из партии. Накануне XV съезда ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, Г. Пятакова отозвали в Москву. На форуме он не присутствовал. Имя его практически не упоминалось. Единственно, Н. Бухарин в докладе «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала» в разделе «Колониальные вопросы и Коммунистический Интернационал» построил свой тезис о возможности поддержки пролетариатом борьбы буржуазии угнетенных наций на основе известной ленинской полемики с Г. Пятаковым в 1915–1916 годах¹.

За принадлежность к троцкистско-зиновьевской внутрипартийной оппозиции он как один из ее активных деятелей в числе 75-ти других был исключен из партии². Комиссии по вопросу об оппозиции, как докладывал съезду Г. Орджоникидзе, Г. Пятаков ответил: такие действия оппозиционеров, как нелегальные типографии и собрания, фракционные лозунги на демонстрации 7 ноября он не одобрял. Однако считал, что это было вызвано режимом в партии, который он осуждал. Платформу оппозиции расценивал как правильную, выражал даже уверенность, что к ней в конечном результате склонится вся партия³.

Что ж, нельзя не отдать должное его мужеству в принципиальном отстаивании собственной позиции, способности не подчиняться большинству, если для этого не было внутренних убеждений. В своей политической деятельности Георгий Леонидович всегда отличался твердостью, последовательностью, что в конфликтных ситуациях граничило с упрямством.

Как и другие оппозиционеры, Г. Пятаков открыто заявил о готовности подчиниться решениям съезда. В заявлении партийному форуму, под которым стоит его подпись, в связи с этим говорилось: «Мы ни в какой степени не желаем отрицать той доли ответственности, которая лежит на нас за обострение внутрипартийного положения: в

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б): Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Ч. 1. М., 1961. С. 661–664.

² Там же. Ч. 2. М., 1962. С. 1397.

³ Там же. С. 1393.

борьбе за свои взгляды мы стали на путь фракционности, (...) в ряде случаев прибегали к средствам, идущим вразрез с партдисциплиной. На этот путь нас толкнуло лишь глубокое убеждение в правоте и ленинском характере наших взглядов, наше стремление довести эти взгляды до сведения массы членов партии, те препятствия, которые мы встречали на этом пути, те нестерпимые для большевиков обвинения, которым мы подвергались»¹. Авторы заявления подчеркивали, что не могут отказаться от своих убеждений, но ради сохранения единства партии, заявляют съезду, что прекращают всяческую фракционную деятельность и распускают все фракционные организации. Однако партийный съезд не нашел в этом заявлении свидетельства «разоружения» оппозиционеров.

Так человек, который отдал партии, революции, делу социализма всю свою сознательную жизнь, все силы, весь талант, вдруг оказался в лагере, который называли так яростно и непримиримо – враждебный. Что может быть страшнее?!

Следовало обдумать все как следует, во всем тщательным образом разобраться и, не торопясь, искать выход, жить дальше.

Возможно, время, после исключения из партии, было для Георгия Пятакова самым тяжелым. Впервые в своей жизни революционера он поступал вопреки своим глубоким убеждениям, в определенном смысле переставал быть самим собой.

Мысли приходили разные. Иногда казалось: хватит, нужно оставить навсегда юношеский экстремизм (исполнилось ведь 37 лет!), действовать, как большинство (душу бередили воспоминания о прошлых поражениях и неудачах, а их было уже немало), не может быть у него монополии на истину – другие тоже немало понимают, разбираются в политике, ее тайнах.

Сомнения подпитывались и той атмосферой общего подъема, которая воцарилась в обществе: большинство людей с энтузиазмом воспринимали радикальные планы партии, искренне стремились претворить их в жизнь, не жалели сил для приближения будущего, которое представлялось им исключительно светлым, прекрасным. И если это не искусственно созданная видимость, возможно, руководство партии предлагало именно тот курс, который отвечает интересам масс? А если так, то возможно ли быть в стороне от таких важных процессов, в стороне от самой истории! Тем более что на протяжении последнего десятилетия Георгий Пятаков привык быть в эпицентре жизни громадной

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б): Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Ч. 2. М., 1962. С. 1596.

страны, которая непроторенными путями ринулась покорять вершины прогресса и в корне, будто бы мимоходом, изменяла всю геополитическую ситуацию, открывала новые мировые горизонты.

Он же и после съезда вынужден был оставаться вдалеке от Советского Союза, на второстепенной – по его масштабу – роли главы торгового представительства в Париже. Впрочем, наездами он бывал в Москве, более того на протяжении одной недели – 14 и 21 февраля – дважды встречался с глазу на глаз в кремлевском кабинете с И. Сталиным. Второй раз разговор продолжался полчаса¹. Его содержание неизвестно. Но трудно поверить, что собеседники не говорили о ситуации, в которой находился Г. Пятаков.

Вероятно, существовали и какие-то внутренние мотивации поведения Г. Пятакова в то время, а, возможно, все перечисленные причины в сумме обусловили его решение. Так или иначе, после затяжных нелегких размышлений, 28 февраля 1928 года Георгий Леонидович сделал отдельное, личное заявление о разрыве с оппозиционерами, с Л. Троцким, и попросил восстановить его в рядах Коммунистической партии².

Ожидать пришлось долго. То ли партийные чиновники хотели, чтобы человек, который жить не мог без масштабного, вдохновенного труда, каждый новый день нестерпимо мучился, наказанный вынужденной бездеятельностью.

А может быть, выжидали, проверяли – не сделает ли страстная, импульсивная, с обостренным чувством правды и справедливости натура какого-то опрометчивого шага, не проявит ли свой непокорный, мятежный, взрывной характер.

Однако от прежнего Георгия Пятакова уже мало, что оставалось. В нем будто что-то надломилось, погасло. Он вдруг стал совсем другим. Не то чтобы появились неискренность, беспринципность, компромиссность. Нет! Важнее всего, что в этом человеке в значительной мере был деформирован, а может, и разрушен стержень, подавлена воля, жажда борьбы, подорвана вера в созданные в мечтах, выстраданные с юношества идеалы.

Такие изменения достаточно быстро заметили многие из окружения, да и просто знакомые Г. Пятакова. Тогдашний заместитель главного редактора «Торгово-промышленной газеты», с которым раньше пересекались пути Георгия Леонидовича, Н. Валентинов (Вольский) в конце марта 1928 года имел возможность встретиться с руководите-

¹ На приеме у Сталина. Тетрадь (журнал) лиц, принятых И. В. Сталиным. М., 2008. С. 27, 28.

² Правда. 1928. 29 февраля.

лем советского торгпредства в Париже. Его Г. Пятаков в бытность в ВСНХ нередко приглашал «поболтать» – обсудить сложнейшие теоретико-экономические вопросы, а с переводом на дипломатическую работу пригласил с собой в Париж, где тот в 1928–1930 годах занимался изданием на французском языке журнала торгового представительства СССР «Экономическая жизнь страны Советов». Так что это была не случайная встреча, а спланированное свидание двух хорошо знакомых людей, в ходе которого можно довериться, открыть душу и быть уверенным в абсолютной конфиденциальности. В ходе непростого разговора, временами резкого, журналист высказал упрек одному из самых выдающихся – «виднейших» – оппозиционеров по поводу нехватки у него морального мужества, а также критические замечания по адресу упомянутого заявления в печати.

Хотя воспринимать воспроизведенный Н. Валентиновым по памяти ответ Г. Пятакова – несмотря на уверения, что по крайней мере самые главные положения переданы «почти со стенографической точностью»¹ – и нельзя как дословный (запись была сделана значительно позже, по памяти, а с учетом последующих событий – в контексте, явно рассчитанном на создание благоприятного имиджа самого автора, сначала большевика, а с 1904 года – меньшевика, а с 1930 года – политического эмигранта), все-таки имеет смысл обратиться к записи Валентинова.

Довольно необычно Н. Валентинов оценивает манеру Г. Пятакова излагать свои мысли. «У него все стоит на своем месте, – подчеркивал журналист, – подлежащее, сказуемое, прилагательное, весь синтаксис в порядке. Фиксация его речей легка (...). Его фразы, что редко бывает в разговорах, синтаксически были всегда так правильно составлены, что, если их перенести на бумагу, не потребовалось бы нигде, ни в одной делать какие-либо исправления или добавления слов для связи. Возможно, что такой характер и делал их хорошо запоминаемыми. Впрочем, на запоминание толкало и другое обстоятельство: Пятаков был выразителем оппозиционной идеологии, а от нее я весь отталкивался, считал опасной, враждебной. А то, от чего с неприятным чувством отталкиваемся, крепко западает в память. Действует инстинкт самоохраны. Некоторые разговоры с ним особенно запомнились...»²

Еще более примечательна переданная человеком с профессиональной памятью репортера речь Г. Пятакова – своей общей

¹ Валентинов Н. Разговор с Пятаковым в Париже // Слово. 1989. № 11. С. 23.

² Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 164, 277.

психологической достоверностью («ошеломляющей философией» – Н. Валентинов), которая довольно органично корреспондирует с логикой дальнейшего поведения Георгия Леонидовича.

Он, в частности, считал, что не меньшим «чудом», чем Октябрьская революция, было другое «чудо» В. Ленина – большевистская партия, которая не имеет «никаких исторических прецедентов, ни на какую другую партию не похожа ни своей организацией, ни своим духом, ни силой своего действия»¹. Обратившись к историческим победам, добытым под руководством коммунистов (от Октябрьской революции до создания СССР и хозяйственных успехов), Георгий Пятаков заключал: «Когда даешь себе отчет, что такое партия, что она сделала и делает, просто удивительным кажется ваш вопрос – почему вы так огорчены, что вас – Пятакова – исключили из партии. Почему вы так хотите как можно быстрее в нее вернуться?..

Большевизм является партией, которая несет идею воплощения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым. ...Настоящие большевики-коммунисты – люди особенной закалки, особенной породы, которая не имеет исторического подобия. *Мы ни на кого не похожи*. Мы партия, которая состоит из людей, которые делают невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем *его на самых себя*, и если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли сумеем за 24 часа выбросить из мозга идеи, с которыми носились годами. Вам это абсолютно не понятно, вы не в состоянии выйти из вашего узенького “я” и покориться дисциплине коллектива. А вот настоящий большевик это может сделать. Личность его не замкнута пределами “я”, а растворяется в коллективе, именуемом партией»².

Г. Пятаков утверждал, что он искренне отказывается от старых взглядов и даже осуждал тех, кто готов был лучше погибнуть, чем изменить своим идеалам. «Отказ от жизни, – утверждал он, – выстрел в лоб с револьвера – настоящие глупости перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорю. Такое насилие над самим собой чувствуется остро, болезненно, однако, прибегая к этому насилию с целью сломать себя и быть в полном согласии с партией и является сущностью настоящего большевика-коммуниста, до конца связанного с партией»³.

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 164, 277.

² Там же. С. 24.

³ Там же.

Георгий Пятаков беззаветно, почти фанатично верил в грядущие хозяйственные успехи коммунистической партии, советского государства, в неотвратимое (и не такое далекое!) торжество мировой революции. Он с неподдельным пафосом произнес: «В грядущей революции, неужели вы думаете, что я – Пятаков – не буду принимать участия? Где же тогда буду я? А ради какого черта я тогда жил? Неужели вы думаете, что в великом мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее? А вне ее – значит быть нолем. Чтобы быть в партии, принимать участие в ее рядах в грядущих мировых событиях – я должен отдать ей без остатка самого себя, слиться с ней, чтобы во мне не было ни одной частицы, которая бы не принадлежала партии, с ней несогласованной. И еще раз скажу, *если партия для ее побед, для осуществления ее цели – будет требовать белое считать черным – я это приму и сделаю это моим убеждением*»¹.

В очередной раз поражаешься, какой необычной фигурой был Георгий Пятаков, как эффектно, красиво он мог аргументировать свои выводы (конечно, Н. Валентинова они временами буквально шокировали, однако оставим это за скобками). И хочется, очень хочется верить испытанному большевику, что он остался таким же, как и в молодые годы, и в который раз изумиться самым достойным его добродетелям, в первую очередь его почти священной вере в революционные идеалы. Однако, по-видимому, бывают и такие жизненные ситуации, когда безукоризненную, казалось бы, логику, бесспорные аргументы, уступают латентным сомнениям, смутным ощущениям, которые не дают человеку согласиться с самыми разумными доводами.

Конечно, описанные рассуждения, а скорее – предостережения, это только штрихи к пониманию такой непростой личности, как Г. Пятаков.

Об этом следует помнить еще и потому, что существовали и более простые, поверхностные попытки объяснения трансформации Пятакова. Так, Лев Троцкий, согласно его воспоминаниям, предвидел возможные изменения в поведении младшего коллеги задолго до капитуляции оппозиции. В том же 1928 году он писал: «Года три-четыре назад [то есть в разгар оппозиционной борьбы «левых». – В. С.], когда Пятаков еще принадлежал к одной со мною группировке, я, шутя, предрекал, что в случае бонапартистского переворота Пятаков

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 24–25.

возьмет на другой день свой портфель и пойдет в канцелярию. Теперь я должен более серьезно прибавить, что, если это не произойдет, разве за отсутствием бонапартистского переворота, т. е. никак не по вине самого Пятакова»¹.

Нетрудно заметить, что и в данном случае яркий оппозиционер остается верным себе: выше всех ставит собственную персону, подчеркивает особые способности психоаналитика. Одного же из вчерашних близких сторонников, без сомнений, талантливую личность, откровенно унижает.

Нет! Георгий Пятаков был явно масштабнее, элементарно разумнее, мудрее.

Возвращаясь в этом контексте к записям Н. Валентинова, следует остановиться на ряде других примечательных деталей. Создается впечатление, что Г. Пятаков смог довольно искусно спровоцировать журналиста на замечания, которых тот сначала предусмотрительно пытался избежать, а затем не столько поддерживал диалог, сколько делал хорошо продуманное, безусловно, заранее подготовленное странное заявление, все фразы которого «были отшлифованы» «вроде бы он читал что-то написанное, притом с очевидным фанатизмом», и это заявление по объему было не меньше документа, опубликованного в «Правде», а по смысловой нагрузке более обстоятельным и содержательным.

Г. Пятаков решил потратить достаточно много времени и усилий на то, чтобы убедить собеседника в своей правоте. Здесь, думается, чрезвычайно важно было поведение Георгия Леонидовича при встрече: «Пятаков начал свой ответ сидя, потом встал и начал говорить, похаживая по комнате, то подходя ко мне, то отходя к окну, – записал Н. Валентинов. – И там, повернувшись ко мне спиной, не смотря на меня, вроде бы не только мне, а еще кому-то кроме меня, твердыми, отчеканенными фразами разяснял свою позицию, вернее сказать – скрытые основы своего мировоззрения»².

Вот это «еще кому-то кроме меня» весит в данном случае очень много и вряд ли нуждается в расшифровке. А чего стоит еще более прозрачная подсказка: если журналист «чересчур дипломатничает», «чересчур аккуратничает», в Москву, «куда следует» – «еще кому-то», может быть «настрочено» письмо с советом как можно пристальнее присмотреться к нему! Опять провокационный ход! Если же «гость»

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 417–418.

² Валентинов Н. Разговор с Пятаковым в Париже // Слово. 1989. № 11. С. 23.

пришел не от спецслужб (что было в общем-то не исключено), то ему стоит указать дорогу к ним.

То есть, опубликованное в «Правде» заявление могло получить дополнительное подтверждение через «нейтрального» курьера, который должен был донести его суть «куда следует, или хотя бы подать желаемый знак. И не исключено, что воссозданный эпизод не был единственным в своем роде. Возможно, просто он единственный, который был задокументирован.

Так или иначе, но Георгия Пятакова слышали в Москве. Сталин и его окружение, очевидно, также довольно быстро поняли, что бывший оппозиционер уже не опасен. Г. Пятаков не подвергся таким репрессиям и остракизму, как его коллеги по фракционной деятельности. Система решила использовать знания, опыт, способности «нового», «не грозного» Георгия Леонидовича. Да и где ей было взять специалистов-экономистов его уровня, его эрудиции и способностей для осуществления действительно гигантских хозяйственных преобразований, к которым приступили в советской стране в конце 20-х годов.

Глава IX. ПОСЛЕДНИЕ ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

1. На переднем крае сталинского хозяйственного штурма

Осенью 1928 года Г. Пятакову все-таки удалось перевестись из Франции, которую успел невзлюбить, в Москву. Он получил назначение на должность заместителя председателя Госбанка Союза ССР.

Бывший соратник по оппозиции Л. Троцкий воспринял новости весьма критически, он злорадно заметил, что Г. Пятаков «сейчас гораздо менее в партии, чем за неделю до своего исключения», тогда его и Г. Зиновьева, по крайней мере, заслушивала «часть партии». «Теперь они вынуждены молчать. Они не только не могут выступать с критикой, но даже и с похвалой»¹.

Очевидно, какая-то, а может, и немалая доля правды в этих словах действительно была. Впредь психологически надо было быть сдержаннее, гасить, хотя бы частично, свой внутренний огонь, усмирить бесшабашную искренность, памятуя о том, что прошлое всегда могут припомнить, «поставить в строку». Для беспокойного, темпераментного Г. Пятакова это означало очень нелегкую борьбу с самим собой.

Жил возвратившийся к государственным делам функционер высокого ранга более чем скромно.

Тот же Н. Валентинов, который посетил его в квартире в Гнездиновском переулке, так изобразил быт высокопоставленного государственного служащего: «Пятакова я нашел в убогой узенькой комнате, в которой располагалась кровать, тумбочка, стол и больше ничего (...). Он был болен, лежал в постели, покрытый изношенным, плохим одеялом, наподобие тех, которые бывают в тюремных камерах или казармах...»²

Однако быт для профессионального революционера никогда не был в числе приоритетов. А вот работать Георгий Леонидович мог незаурядно. Организатор, руководитель он был действительно бле-

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 34.

² Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 25.

стоящий. Поэтому вскоре стал председателем правления Госбанка Советского Союза. А 14 ноября 1929 года произошло долгожданное его восстановление в партии.

Настроение было приподнятым. И не только из-за перемен в личной жизни, общественном положении. Разбивая очередную, в этот раз – «правую» оппозицию (А. Рыков, Н. Бухарин, М. Томский), сталинское руководство все чаще заимствовало аргументы и методы из арсенала уже развенчанных не так давно «левых». Форсированную индустриализацию, которую в значительной мере осуществляли за счет «дани» с крестьянства, политику ликвидации кулачества и вообще всех остатков буржуазии Г. Пятаков воспринял как торжество собственных подходов и предложений. Следовательно, старые разногласия с И. Сталиным можно было считать преодоленными? Конечно!

И он безоговорочно ориентируется на генерального секретаря ЦК ВКП(б), считает его единственным в Политбюро, кому вообще только и можно подчиняться, потому что именно с ним теперь ассоциируется путь трансформации «невозможного в возможное».

Тем временем подоспел сталинский юбилей. 21 декабря 1929 года вся страна произносила здравницы в честь «вождя». В центральной прессе появились многочисленные статьи его соратников: Г. Орджоникидзе, Л. Кагановича, К. Ворошилова, В. Куйбышева, А. Микояна, М. Калинина, А. Бубнова. Георгий Пятаков, наверное, предпочел, бы не отставать от публичной демонстрации верноподданничества. Однако до него очередь дошла только через два дня, 23 декабря: в «Правде» была опубликована его статья «За руководство», которая походила на смесь покаяния за прошлые «грехи» с торжественной клятвой всем существом, во всем без исключения быть внутренне согласным с руководством партии – конечно со Сталиным во главе.

«Демонстрация ко дню 50-летия тов. Сталина имеет глубокий политический смысл, – писал Георгий Леонидович. – Партия проверила за эти годы не только свою линию, но и своих вождей. Вопрос о руководстве решен – таков главный, основной, решающий итог. Теперь ясно, что нельзя быть за партию и против данного Центрального Комитета, нельзя быть за Центральный Комитет и быть против Сталина. Я был против руководства и против т. Сталина. Это самая тяжелая в моей жизни политическая ошибка. Нет коммунистической партии без твердого руководства, как нет и не может быть диктатуры пролетариата без коммунистической партии. Линия партии и ее ЦК

показала свою правоту. Индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, борьба против классовых врагов – все это до того очевидно, что нет потребности доказывать»¹.

Апофеозом статьи была фраза: «Только безнадежные пакостники и ослепленные ненавистью к партии, могут толковать так, что речь идет о том, кого слушаться»².

Для Г. Пятакова, как видно, такого вопроса не существовало, потому что он свой выбор сделал, твердо заявил, кого именно он будет «слушаться».

И. Сталин же, напротив, продолжал не доверять Г. Пятакову после его восстановления в партии и возвращения на высокие государственные должности. Например, в письме к В. Молотову 2 сентября 1930 года генсек спрашивал: «Что поделявают в Госбанке Карклин, Кактынь и др.? Неужели во всем поддакивают Пятакову?», – и сам же в присущей манере отвечал: «Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу»³.

Внешне же И. Сталин проявлял себя по отношению к Г. Пятакову лояльно, мягко, даже уважительно. Георгия Леонидовича избрали делегатом с совещательным голосом на XVI съезд партии (июнь–июль 1930 года), который, в свою очередь, вновь избрал его членом ЦК ВКП(б)⁴. Все повторилось на XVII съезде ВКП(б)⁵. Вроде бы и не было XV съезда, исключения из партии, мук неопределенности...

Далее последовал ряд важных назначений: 18 октября 1930 года решением СНК Г. Пятакова утвердили председателем правления объединения Всехимпрома; 21 октября – членом президиума ВСНХ; 26 июля 1931 года – первым заместителем председателя ВСНХ СССР Г. Орджоникидзе, 15 октября – начальником планового отдела ВСНХ. В январе 1932 года Георгий Леонидович стал заместителем народного комиссара тяжелой промышленности СССР Г. Орджоникидзе.

¹ Правда. 1929. 23 декабря.

² Там же.

³ Цит. по: Красовицкая Т. Ю. Национальные элементы как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 годов). Документы и материалы. М., 2007. С. 388; См. также: Сталин И. В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 355.

⁴ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Ч. II. М., 1935. С. 1221.

⁵ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 680.

Можно сказать, что Г. Пятаков принадлежал к довольно узкому кругу лиц, с которыми более или менее постоянно общался И. Сталин. Так, в тетрадях (журналах) записей лиц, которых принимал генеральный секретарь ЦК ВКП(б), зафиксировано 70 случаев присутствия Г. Пятакова в кремлевском кабинете И. Сталина¹.

Впервые Пятаков был принят в кремлевском кабинете Сталина 14 февраля 1928 года, в последний раз – 13 августа 1936 года. Особенно частыми его визиты были в 1931 году – 23 раза, и в 1933 г. – 19 раз. В 1928 и 1930 году Сталин несколько раз беседовал с Пятаковым наедине. Впоследствии, как правило, они разговаривали в присутствии третьих лиц. Проходили совещания, решались злободневные вопросы. Бывали у Сталина в основном почти одни и те же партийные и государственные деятели – сподвижники генсека: В. Молотов, Л. Каганович, М. Калинин, К. Ворошилов, А. Микоян, С. Киров, П. Постышев, А. Розенгольц, Я. Рудзутак, В. Куйбышев, Я. Яковлев, Н. Крестинский. Реже, но всегда в одно и то же время, в кабинете вместе с Г. Пятаковым оказывались А. Вышинский, Г. Ягода, Н. Ежов...²

Но чаще других одновременно с Г. Пятаковым в совещаниях принимал участие Г. Орджоникидзе. Как известно, он считался одним из ближайших друзей И. Сталина. Однако ни вопросов, ни ревности у одного из ключевых министров правительства не вызывало, что так часто на самом высоком уровне возникала потребность считаться с мнением своего заместителя.

Очевидно, стоит задуматься, над еще одним немаловажным обстоятельством. Из всех своих соперников (такowymi И. Сталин, скорее всего, считал «пятерку», названную В. Лениным в «Письме к съезду») генсек, первое лицо в стране безусловно выделил Г. Пятакова. Об этом убедительно свидетельствуют те же записи о кремлевских посетителях «вождя народов». Л. Троцкого не принимали здесь ни разу. Л. Каменев и Г. Зиновьев были удостоены такой «честь» всего два раза – в 1928 и 1933 году. Н. Бухарин посетил первое лицо государства с 1929 по 1936 год тринадцать раз³.

Эти данные, думается, среди прочего, больше всего говорят о бесцеремонном, может быть, расчетливо-показательном и унижительном игнорировании И. Сталиным ближайших соратников В. Ленина.

¹ На приеме у Сталина. Тетрадь (журнал) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 784.

² Там же. С. 27–191.

³ Там же. С. 579, 618, 626 и др.

Стоит вспомнить, что в годы участия Г. Пятакова в троцкистских оппозициях его – так же, как Л. Троцкого и Г. Сокольникова – никогда не приглашали на предваряющие заседания Политбюро совещания у Сталина, на которых, по существу, предreshалось содержание принимаемых затем документов¹.

Теперь ситуация изменилась. Г. Пятаков проводил долгие часы в «первом кабинете» страны. И действовали в данном случае, наверное, совершенно иные факторы. Можно, как представляется, предположить следующее объяснение. И. Сталин был из тех людей, который приглашал для деловых разговоров лишь очень компетентных, крупных специалистов, людей, способных принимать эффективные масштабные, творческие решения, умевших брать на себя ответственность, наконец – эрудитов, интеллектуалов, просто грамотных, разумных руководителей, талантливых организаторов. Генсеку – при всех его недостатках – нельзя отказать в проницательности, в умении довольно тонко разбираться в людях, оценивать их способности; он выдвигал и прагматично использовал действительно лучших, поистине стоящих работников – исполнителей, харизматичных лидеров – для достижения как высоких общественных, так и личных целей.

Что и говорить, в годы первых пятилеток, когда приоритетной задачей, поставленной партий, была индустриализация, более того, считалось, что именно от ее успеха зависит судьба страны, судьба мировой революции, исход неизбежного военного столкновения двух миров, Г. Пятаков и объективно, и по воле (с разрешения) И. Сталина, стал одной из ключевых фигур хозяйственного строительства.

Он опять оказался в родной стихии, там, где больше всего и хотел быть. Не только близкое окружение, но и широкая общественность знала, что не существовало человека, более Георгия Леонидовича влюбленного в «процесс индустриализации», никто так не превозносил индустриализацию, не поэтизировал, не воспевал ее, не отдавал все свои силы. В этом он оставался неисправимым романтиком, безнадёжным идеалистом, мечтателем. «Наша партия – убежденно, пылко доказывал он, – нашла чудодейственное средство заставить советскую страну шагать вперед недоступными для других стран семимильными шагами. Это средство называется пятилетними планами. (...) С помощью этих планов мы сделаем невозможное возможным и в кратчайшее время станем самой сильной индустриальной страной в мире. Для меня это неопровержимая истина. А каждый день нашего существования,

¹ Волкогонов Д. Указ. соч. С. 243–244.

нашего укрепления и могущества, нашего влияния на мир – сокращает на 5–10 лет само существование капитализма. Мы идем вверх, капитализм вниз. Я убежден, что через 15–20 лет капиталистический мир будет представлять собой руины, охваченные революциями»¹.

Ситуация сложилась так, что именно Георгий Леонидович в Наркомате тяжелой промышленности стал ответственным за организацию аппарата отрасли. Именно он составлял и подписывал все директивы и приказы. Его рукой оставлена и окончательная правка на рукописях основных, самых ответственных документов, подготовленных Георгием Константиновичем Орджоникидзе², безусловно доверявшего Г. Пятакову самые сложные задачи создания новых предприятий и считавшего его «своей правой рукой».

Георгий Леонидович активно участвовал в реконструкции действующих предприятий, образовании новых отраслей промышленности, в частности химической, курировал работу Сталинградского тракторного и Горьковского автомобильного заводов. На него был возложен контроль над ходом строительства Днепровского металлургического комбината³. В 1934–1935 годах он непосредственно руководил выводом из прорыва предприятий цветной металлургии. Он много ездил по стране, не единожды побывал практически на всех крупных стройках первой и второй пятилеток.

И при этом успевал еще принимать участие в редактировании «Большой Советской Энциклопедии», возглавлять редколлегию «Советской химической энциклопедии», вместе с Максимом Горьким редактировать журнал «Наши достижения». Под его редакцией выходил альбом «СССР на стройке» (он был основателем их выпуска). Они выпускались на русском, английском, французском и немецком языках и были призваны пропагандировать всему миру грандиозные стройки первых пятилеток, запечатленные в сотнях, тысячах фотографий.

Темп жизни был просто невероятным. Подавляющая часть дня приходилась на работу. В своем служебном кабинете заместитель наркома часто ночевал. Большой отрадой была серьезная музыка, в которой он хорошо разбирался с ранних лет, однако теперь мог наслаждаться так редко.

На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года выступление Г. Пятакова при обсуждении доклада о втором пятилетнем плане длилось

¹ Цит. по: Валентинов Н. Указ. соч. С. 24.

² См.: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 1932. Л. 355; Д. 2. Л. 187.

³ Там же. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 4. Л. 64; Д. 9. Л. 262, 263; Д. 10. Л. 223 и др.

более часа¹. В отличие от других, он вел себя очень достойно, солидно. В частности, в выступлении уже почти не было ритуального усердного покаяния. Хотя, возможно, нотки вины проскакивают в тех местах речи, где бывший троцкист «добивает» троцкизм: «Партия и ее Центральный Комитет блестяще провели политику индустриализации, столь четко сформулированную на XIV съезде товарищем Сталиным, разгромив контрреволюционный троцкизм (...). "Индустриализм" троцкистов, не связанный с социалистическим подъемом сельского хозяйства и потому меньшевистско-гнилой, был по существу выражением неверия в практическую индустриализацию страны на деле, был плотью от плоти, кровью от крови контрреволюционной теории отрицания строительства социализма в нашей стране»².

В целом речь заместителя наркома тяжелой промышленности стала дельным, подробным докладом о развитии отрасли, ее состоянии и перспективах, с цифровыми выкладками, которые любил Г. Пятаков, с глубоким анализом неотложных хозяйственных проблем.

Газета «Правда» в дневнике съезда так передавала содержание выступления: «В яркой, изобилующей цифрами и примерами речи тов. Пятаков говорит о том, что во втором пятилетии тяжелой промышленности предстоит техническое перевооружение всего народного хозяйства, в то время как в первом пятилетии она, в известной мере, работала "на себя". В первую очередь, выдвигается задача обеспечения транспорта необходимым ему оборудованием. Громадной работы от тяжелой промышленности потребует дальнейшее развитие электрификации. Тов. Пятаков перечисляет различные предметы широкого потребления, которые в гигантски возросших количествах будет производить тяжелая промышленность (велосипеды, патефоны, радио, часы, посуда) и съезд встречает это перечисление громкими аплодисментами»³.

Заканчивая, Георгий Леонидович говорил, что пятимиллионный отряд рабочих тяжелой промышленности идет на завоевание новых социалистических рубежей, убежден в успехе и в надежде рапортовать на XVIII съезде партии: «Задачи, поставленные перед нами XVII съездом, нами разрешены»⁴. Но выступать Г. Пятакову на следующем партсъезде не пришлось...

¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 года. Стенографический отчет. М., 1934. С. 455–464.

² Там же. С. 455.

³ Вчера на съезде // Правда. 1934. 5 февраля.

⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. С. 464.

2. Прелюдия трагедии

Георгий Пятаков внес весомый вклад в формирование советской административно-командной системы управления. Благодаря и ему тоже каждый хозяйственный шаг воспринимался как фронтовая атака, возведение новостройки как бой, а выпуск первой продукции гигантов индустрии, флагманов пятилеток – чуть ли не как масштабная военная победа. Одним словом, и хозяйственная сфера была превращена в своеобразный плацдарм классовой борьбы. А значит, обязательно должны были быть победители, триумфаторы и враги, побежденные. Вот только в числе побежденных, а точнее жертв, оказались и те, кто в действительности не были ни врагами нового порядка, ни врагами народа, хотя именно так их называли, а потом долгие десятилетия не осмеливались отойти от очевидной неправды.

Среди последних был и сам Георгий Леонидович Пятаков.

Казалось бы, он имел шанс избежать трагического финала, на который были обречены многие его коллеги. Восстановившись в ВКП(б), Пятаков сторонился сугубо политической, идеологической деятельности. При случае он заявлял о безоговорочной поддержке курса партии и с головой погружался в хозяйственные дела.

Впрочем, крупная экономика, руководство промышленностью огромной страны – это, конечно, тоже политика. И еще какая! И здесь заместитель наркома тяжпрома также играл по принятым, точнее навязанным правилам, не давая оснований заподозрить его в том, что он их не разделяет, действует хотя бы в чем-то по принуждению – ведь всем была известна его едва ли не «врожденная» склонность к чрезвычайным мерам, силовым методам, штурмам в созидании нового порядка.

Вот только не верится, что с его природной мудростью и колоссальным опытом он мог принимать все происходящее за чистую монету, не мучиться бессонными ночами от осознания того, что далеко не все, что делается, соответствует его идеалам, его видению общественного прогресса. Скорее всего, он не мог понять, как получилось, что он не в состоянии, как раньше, противостоять решениям, которые не считает во всем верными, обоснованными, оправданными. Нестерпимо было осознавать, что он и сам невольно превратился в важный «винтик» механизма, вроде бы и крайне необходимой форсированной атаки невиданной социальной вершины, но осуществляемой далеко не всегда безупречными методами.

Может быть, именно тогда и началось раздвоение личности Г. Пятакова, не преодоленное до момента его последнего слова на неправедном фальсифицированном процессе, до последней минуты жизни.

Непосредственный участник и один из организаторов сталинского «прыжка в социализм», одна из самых важных и ответственных фигур в принятии и реализации масштабных решений, он потерял прежнюю уверенность в том, что он во всем поступает верно, «по правде» и «по совести», все более болезненно ощущал свою ответственность за причастность к просчетам, ошибкам, оборачивающихся бедами тех, ради которых не щадил себя, положил все силы, всю свою беспокойную жизнь.

С одной стороны, Г. Пятаков мог справедливо гордиться тем, что его идея пятилетних планов восторжествовала, казалось бы, в самом блестящем воплощении. Ведь они давали народу страны четкое представление о перспективных задачах, обеспечивавших прогресс во всех сферах жизни. От этого во многом зависело и будущее мировой революции, мысли о которой никогда не покидали пламенного борца за человеческое счастье.

Правда, осознание того, что мир с неизбежностью втягивается в подготовку к новой войне, где СССР надо будет отстоять и себя, и судьбы планеты (это убеждение так же было непоколебимым) придавало мыслям о будущем новое направление. Но и в таком контексте можно было уверенно говорить о достоинствах планов социалистического переустройства страны: индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции.

Вроде бы по душе неисправимому леваку были и взятые им темпы решения неотложных и благородных задач, массовый энтузиазм, с которым воспринимались самые дерзкие замыслы, смелые призывы, размах социалистического соревнования, движение ударников, новаторов, стахановцев...

И все же было немало оснований не впадать в эйфорию, более того – сомневаться, тревожиться.

Хотя Г. Пятаков был и сам сторонником «волевых» решений, максимального использования «человеческого фактора», его знания и опыт крупного экономиста, хозяйственника подсказывали, что подхлестывание производственных процессов, как и нажимные, принудительные методы имеют свои пределы, не могут использоваться как постоянные рычаги. Зарождались сомнения и относительно той же перекачки ресурсов из сельского хозяйства в индустриальное развитие страны, обеспечение любой ценой строительства промышленных гигантов.

Кто, как не ключевая фигура в Госплане, мог наглядно представить негативные последствия жесткого и быстрого свертывания рыночных отношений, вытеснения экономических методов управления

административными, негативного влияния максимальной концентрации сил и средств на развитии тяжелой промышленности на социальную политику, жизненный уровень трудящихся.

Откровенно пугало то, что под лозунгом «Кадры решают все!» практически на каждом предприятии выявляют «саботажников», «вредителей», «диверсантов», «агентов иностранных разведок», «врагов народа». Откуда им взяться, да еще в таком немыслимом количестве?

А больше всего терзало осознание бессилия – практической невозможности изменить вектор системно срабатывающей государственной машины. Угнетала перспектива.

В общем, конструктивного выхода не находилось.

В таком раздвоенном состоянии приходилось жить, мириться с тем, что представлялось объективно неизбежным. И нередко, даже вопреки собственной воле, играть по чужим правилам, пытаться и себя самого убедить в том, что это и твой выбор. К сожалению, подтверждений подобному поведению находится немало.

Вот только одно из них. 18 февраля 1934 года в «Правде» была напечатана огромная статья «Красноуральский медноплавильный комбинат, как он есть». Она была целиком построена на материалах так называемой «бригады Пятакова», направленной для изучения вопроса о состоянии дел на предприятии. Оценки были вполне в духе времени: «Вконец запутавшееся руководство до сих пор не сознает своей вины и своей ответственности за настоящее состояние завода, несогласно с отдельными выводами бригады тов. Пятакова, саботирует проведение в жизнь ее указаний.

Работу комбината и его руководства иначе как преступной называть нельзя.

(...) ¹/3 часть меди гибнет (...). В отвальные шлаки уходит руда с высоким содержанием меди (...).

Первоклассное оборудование находится в руках безответственных людей (...). На глазах у всех рабочих обворовывают. Недавно, во время пребывания на комбинате тов. Пятакова в Красноуральске, в рабочей столовой было обнаружено разжижение пищи. В столовых и магазинах жульничают¹.

Продолжая тему, печатный орган ЦК ВКП(б) 3 марта вышел с передовицей «Больше меди!». В ее основе вновь оказались результаты инспекции «бригады Пятакова» Красноуральского предприятия. Внимание читателей заострялось на многочисленных недостатках,

¹ Правда. 1934. 18 февраля.

выявленных не только в процессе ознакомления с состоянием дел на комбинате, но и в отрасли, в целом.

«Медная промышленность, несмотря на огромные капиталовложения, на новую технику, беспризорная в полном смысле, – отмечала газета. – Заработная плата, особенно на рудниках, организована так, как будто главное ее назначение заключалось в снижении производительности труда. Добыча медной руды является самым узким местом, тормозящим выплавку меди.

Производительная мощность медеплавильных заводов превышает план на десяток тысяч тонн, но безобразия так велики, что даже план не выполняется. Механизмы используются непроизводительно. Бесконечные аварии. Рабочий день загружен полезной работой меньше, чем наполовину.

Нет внимания к людям. Рабочие ведущих профессий – горняки, подземные работники – находятся в худших условиях, чем рабочие и служащие других категорий.

Неужели нужно было вмешательство ЦК, чтобы выяснить, что в бараках и квартирах рабочих – грязь, что рабочих обвешивают, обсчитывают, обворовывают?»¹

Как видим, в обеих публикациях используются штампы, характерные скорее для прокурорских обвинений тех лет, нежели для профессиональной экспертной оценки ситуации. И применяли их не только в официальной стилистике общений на самом высоком политическом уровне (нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе докладывал как раз в таком ключе о результатах деятельности «бригады Пятакова» на XVII съезде ВКП(б)²), но и на вполне реальных судебных процессах, набиравших обороты и направленных против саботажников, шпионов, мошенников – одним словом, открытых и замаскированных «врагов».

Таким образом, Г. Пятаков действовал «в духе времени», как органичный элемент государственно-репрессивной машины. И делал это осознанно. Он считал, что его место в классовой борьбе, которая согласно утверждениям Сталина, должна нарастать по мере социалистического строительства, на стороне политического руководства страны, генерального секретаря ЦК ВКП(б), а потому во время политических процессов над бывшими сообщниками по оппозиции он без колебаний выступал с их решительным даже гневным осуждением,

¹ Правда. 1934. 3 марта.

² Там же. 1 февраля.

поддерживал жестокие, в том числе смертные приговоры, приветствовал расстрелы.

Так, после оглашения обвинительного заключения по делу троцкистского центра (процесс Л. Каменева – Г. Зиновьева) Г. Пятаков опубликовал 21 августа 1936 года в «Правде» большую (на целый подвал) статью «Беспощадно уничтожить отвратительных убийц и предателей». Далее – квинтэссенция текста Пятакова (с сохранением авторской стилистики): «Трудящиеся всего мира знают и любят своего Сталина и гордятся им. (...) Страна наша под блестящим руководством ЦК и товарища Сталина в первую голову на всех парах пошла на невиданный подъем (...). Контрреволюционные взгляды и Троцкого, и Каменева, и Зиновьева (...) не имели ничего общего с линией Ленина, продолжателем и творцом которой в новых условиях был и остается тов. Сталин (...). Победила единственно правильная, единственно победная линия партии – линия нашего великого Сталина...» У бандитов, «которых вдохновляет Троцкий из-за границы», нет «никаких идей (...) одно голое, ничем не завуалированное, честолюбие и звериная ненависть к победной партии Ленина–Сталина (...).

Мне невыносимо стыдно, что и я в 1925–1927 годах шел вместе с этими бандитами... Вину свою за тогдашние тяжелейшие политические ошибки я нисколько не приуменьшаю и до этого времени остро осознаю (...) Я был виновен, что не понял партийного руководства, не понял верный путь развития социализма...» Когда понял, «пошел новым, верным путем, путем Сталина, которым с тех пор твердо и радостно иду вместе со всей партией...»

Безграничная напыщенность и самовлюбленность Троцкого, Каменева и Зиновьева привели их на отвратительный путь двурушничества, лжи, неслыханного обмана партии. «Их надо уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям (...). Товарищ Сталин, как всегда, прозорливо учил нас не терять революционную бдительность, не забывать, что классовый враг продолжает и будет продолжать любыми доступными ему средствами пытаться нанести любой вред диктатуре пролетариата (...). Враг наш в стране побеждающего социализма ловок. Он приспособливается к обстановке. Притворяется. Врет. Замечает свои следы. Втирается в доверие (...).

Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду (...). Честь и слава органам НКВД. Каждый из нас должен повышать свою бдительность, более проникательно присматриваться к своему окружению, чтобы помочь партии, помочь НКВД, этому разящему мечу в

руках диктатуры пролетариата, разоблачать агентуру классового врага и своевременно уничтожить ее»¹.

А на следующий день, 22 августа, в центральных газетах было опубликовано заявление прокурора Союза ССР А. Вышинского. В нем говорилось, что во время процесса по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» подсудимые Л. Каменев, Г. Зиновьев и И. Рейнгольд указали на М. Томского, Н. Бухарина, А. Рыкова, Н. Угланова, К. Радека, Г. Пятакова, Л. Серебрякова и Г. Сокольникова как на лиц, причастных в той или иной степени к контрреволюционной деятельности «центра». Прокурор дал соответствующее распоряжение о начале расследования деятельности названных лиц. В зависимости от результатов расследования Прокуратура должна была дать законный ход новому делу².

А рядом с заявлением предусмотрительно поместили резолюции собраний трудовых коллективов с требованием «до конца распутать весь преступный клубок», расследовать связи названных лиц с «троцкистско-зиновьевской бандой»³.

Появились и новые обвинения, которые не звучали на только что завершенном процессе: о шпионаже, о планах врагов расчленить Советский Союз, организовывать диверсии на военных предприятиях, других стратегически важных народнохозяйственных объектах и тому подобное. Откуда, казалось бы, было взяться таким шокирующим фантастическим обвинениям еще до официального заведения дела, тем более – до суда? А все было просто. Пока Г. Пятаков подыскивал самые обидные, разящие эпитеты, чтобы заклеить осужденных «негодяев-оппозиционеров», «отвратительных врагов», на него самого уже собирали досье (кое-кто из арестованных успел немало наговорить на своего коллегу, начальника – отсюда и «заимствовался» «компромат» «утечка информации» для прессы).

Каждый день вал таких публикаций нарастал. И вряд ли у кого оставались сомнения, что вскоре грянет новый громкий процесс и одним из его центральных действующих лиц будет Георгий Леонидович Пятаков.

Сам он, человек мудрый, опытный, с аналитическим умом, пожалуй, также вполне вероятно, подозревал, предвидел логику развития

¹ Правда. 1936. 21 августа; Рыбаков А. Тридцать пятый и другие годы // Дружба народов. 1988. № 10. С. 106.

² Там же. 1936. 22 августа.

³ Там же.

ближайших событий, их неотвратимый финал. Да и уровень информированности о том, что происходило в высших коридорах власти был, безусловно, весьма высок.

Единственное, что все же можно допустить, так это то, что до поры до времени он как бы отмахивался от неприятных реалий, не примерял их на себя. Увлеченный грандиозными планами, загруженный по горло бездной сложнейших хозяйственных дел, Г. Пятаков сам себя настраивал на совсем иную, деятельную, созидательную волну.

Теперь же в памяти всплывали картины, события и факты, которые раньше он не связывал со своей личной судьбой. Хотя, как человек чести, Георгий Леонидович искренне признавал свои прошлые «грехи», но считал их давно пройденным этапом и не очень беспокоился о том, что события, происходящие после убийства 1 декабря 1934 года С. М. Кирова, могут иметь к нему непосредственное отношение.

Однако именно с того момента началась интенсивная подготовка не только к идейному развенчиванию бывших троцкистов и зиновьевцев (а Г. Л. Пятаков, как известно, был в их среде далеко не последней фигурой, был исключен из партии в числе наиболее видных оппозиционеров), но и к репрессиям против них, более того, начались и серьезные практические действия. К 1936 году подготовительная работа получила довольно выразительные очертания и размах¹.

Так, 25 марта 1936 года народный комиссар внутренних дел Г. Ягода в письме к И. Сталину, ссылаясь на полученные при арестах и обысках сторонников Л. Троцкого данные, сообщал об усилении ими контрреволюционной деятельности и предлагал ужесточить преследование инакомыслящих².

Это письмо по указанию Сталина посылалось на заключение А. Вышинскому, который 31 марта 1936 года ответил следующее:

«ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ И. В.

Считаю, что тов. Ягода в записке от 25 марта 1936 года правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров.

Со своей стороны считаю необходимым всех троцкистов, находящихся в ссылке, ведущих активную работу, отправить в дальние лагеря постановлением Особого совещания при НКВД, после рассмотрения каждого конкретного дела. В этом же порядке считаю

¹ Реабилитация: Политические процессы 30–50 годов. М., 1991. С. 147–210.

² Там же. С. 216–217.

необходимым направить в лагеря и троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов.

С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть в подготовке террористических актов, в Военную Коллегию Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 года и высшей меры наказания – расстрела (...).

А. Вышинский¹.

В тот же день Г. Ягода направил всем начальникам УНКВД оперативную директиву, в которой говорилось:

«Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и друзей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников»².

20 мая 1936 года опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление, которое подписал Сталин. В нем указывалось: ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов, предложить НКВД СССР направить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет троцкистов, находившихся в режимных пунктах, и троцкистов, исключенных из ВКП(б), проявляющих враждебную активность и проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах Советского Союза. Всех арестованных троцкистов, уличенных в причастности к террору, предлагалось судить Военной Коллегией Верховного суда СССР с применением к ним высшей меры наказания – расстрела³.

Думается, что те события должны были подсказать Пятакову, что кольцо вокруг него неотвратно сужается. Об этом прямо можно было судить после ареста в ночь с 27 на 28 июля 1936 года его жены. При этом была изъята и «ушла в разработку» и его собственная переписка, а также некоторые материалы, относящиеся ко времени его участия в оппозиции до 1926 года. Г. Ягода незамедлительно доложил об этом непосредственно И. Сталину⁴.

К тому времени относится и начало активного сбора показаний от арестованных троцкистов «на Ю. Л. Пятакова» и других лиц, проходивших по данному делу.

¹ Реабилитация: Политические процессы 30–50 годов. С. 217.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 218–219.

В июле–августе 1936 года от обвиняемых по делу, так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, И. И. Рейнгольда и Е. А. Дрейцера были получены показания о существовании якобы еще и «параллельного антисоветского троцкистского центра».

10 августа 1936 года из Киева в ЦК ВКП(б) – Н. И. Ежову и в НКВД СССР – Г. Г. Ягоде было сообщено по телеграфу о показаниях арестованного Н. В. Голубенко (ныне он реабилитирован) о том, что Ю. Л. Пятаков якобы руководил украинским троцкистским центром. Об этих показаниях сразу же был информирован И. В. Сталин¹.

На следующий день Н. И. Ежов письменно доложил И. В. Сталину о разговоре с Ю. Л. Пятаковым:

«Тов. СТАЛИНУ

Пятакова вызывал. Сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. Зачитал показания Рейнгольда и Голубенко. Предложил выехать на работу начальником Чирчикстроя.

Пятаков реагировал на это таким образом:

1. Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано. Противопоставлять показаниям Рейнгольда и Голубенко, кроме голых опровержений на словах, ничего не может. Заявил, что троцкисты из ненависти к нему клеветуют. Рейнгольд и Голубенко – врут.

2. Виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены и безразлично относился к встречам с ее знакомыми. Поэтому решение ЦК о снятии с поста замнаркома и назначении начальником Чирчикстроя считает абсолютно правильным. Заявил, что надо бы наказать строже.

3. Назначение его обвинителем рассматривал как акт огромнейшего доверия ЦК и шел на это «от души». Считал, что после процесса, на котором он выступит в качестве обвинителя, доверие ЦК к нему укрепитя, несмотря на арест бывшей жены.

4. Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати.

Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК.

¹ Реабилитация: Политические процессы 30–50 годов. С. 218–219.

Проект постановления ЦК о назначении Пятакова – прилагаю.
II.VIII.36 г.
Ежов»¹.

В личном письме на имя И. В. Сталина от 11 августа 1936 года Г. Л. Пятаков показания на него назвал клеветническими и заверял, что бесповоротно рассчитался со своими прошлыми политическими ошибками, старается на деле проводить линию партии и готов умереть за партию и Сталина.

Несмотря на такое письмо, сбор обвинительных материалов против Г. Л. Пятакова и других будущих участников так называемого «параллельного центра» продолжался².

Непросто рационально объяснить весьма противоречивое поведение Г. Пятакова. Не хочется верить, что заявления об отношении к бывшим коллегам по оппозиции и жене продиктованы были только примитивным чувством страха, инстинктом самосохранения, причем любой ценой, даже потери чести и достоинства. Легче согласиться, что он не цеплялся за высокую должность заместителя наркома тяжелой промышленности – «слетать» с вершин власти или оставлять их по собственному желанию ему, как впрочем, и другим деятелям его поколения, было не привыкать.

Может он мыслил другими категориями, помрачавшими тогда его разум. Кажется, он просто был не в силах понять смысл происходившего. Для него оно было совсем непостижимо, абсурдно, в конечном итоге – дико. Он – Георгий Пятаков, революционер с самой юности, большевик с действительно героическим прошлым, партиец, до мозга костей преданный социалистическому делу, должен погибнуть от того, чему верой и правдой служил всю сознательную жизнь, на что положил все силы, весь недюжинный талант...

Его просьбы оставили просто без внимания. Опросом членов ЦК ВКП(б) 10–11 сентября 1936 года было принято решение об исключении Г. Л. Пятакова из состава ЦК и членов ЦК ВКП(б). И уже в ночь на 12 сентября, официально находящегося в командировке на Урале, его в Свердловске арестовали, естественно – без санкции прокурора.

Представляется немаловажным обратить внимание на то, что, по большому счету, речь уже в тот момент шла не об отдельной лично-

¹ Цит. по: Реабилитация: Политические процессы 30–50 годов. С. 219.

² Там же.

сти. Ее весьма расчетливо «вплетали» в канву более масштабных явлений и процессов.

29 сентября 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло по широко применявшейся тогда практике опросов (т. е. без заседаний, обсуждений, заслушивания мнений) постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которое было подписано И. В. Сталиным. В нем говорилось:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии.

Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые раньше высланы»¹.

Установка И. В. Сталина на разоблачение «подлинного троцкистского центра», подписанная им директива Политбюро ЦК о необходимости расправы с троцкистами свидетельствуют о том, что перед органами НКВД в откровенно обнаженном виде была поставлена прямая задача: организовать «громкий», «показательный» процесс над наиболее видными в прошлом участниками троцкистской оппозиции. Нечего было сомневаться, что Г. Л. Пятакову, имя которого упоминалось в постановлении, отводилась особая роль.

3. «Подследственный»

В известном смысле Георгий Пятаков, в свои 46 лет, испытавший несколько меньше арестов, чем другие большевики (Ф. Дзержинский, Н. Скрыпник, Л. Красин, Я. Свердлов, да и тот же И. Сталин), мог все же считать себя в данном качестве не совсем новичком. Вспоминались 1912–1913 годы, печально известная «Лукияновка». Да и со шведской тюрьмой, пусть ненадолго, довелось познакомиться в 1916 году.

И вот третий раз.

¹ Там же. С. 221.

Вообще-то, тюрьма есть тюрьма. Но многое было по-другому, совсем по-другому.

В историографии неоднократно описывались следственные действия по делу, которые велись ускоренным темпом, необъективно, с грубейшими нарушениями законности, с морально-психологическим и физическим давлением.

На первых допросах и очных ставках (с Г. Сокольниковым, Н. Голубченко, В. Логиновым и др.) Пятаков обвинения отвергал, виновным себя не признавал¹. Так удалось продержаться 33 дня.

Затем, постепенно он начал соглашаться, что еще с 1928 года якобы давал указания Ю. Коцюбинскому, Н. Голубченко, В. Логинову, Я. Лифшицу, также тогда исключенным из партии, о необходимости возвращения в ряды ВКП(б) с тайной целью воссоздать в Украине троцкистский центр («украинскую ветвь троцкистской организации»), передавал полученные от Л. Троцкого и его сына Л. Седова директивы относительно организации террора против руководителей партии и правительства, в частности против С. Косиора и П. Постышева, проведения вредительских акций².

Что же касается других показаний (например, об антисоветской деятельности Пятакова, пытками вырванных у других подсудимых), он их категорически отклонял, держался уверенно и твердо. А инициаторы процесса стремились получить от испытанного большевика свидетельства (и как можно больше!) о деятельности придуманного ими, т. н. «параллельного троцкистского центра», причем не только на периферии, в Украине, но и в центре страны, чтобы придать его действиям всесоюзный масштаб. Не отрицая более обвинений по этой части, Г. Пятаков «подтверждал», что по его указаниям террористические группы якобы были организованы в Москве, Западной Сибири, на Урале, в других регионах, хотя не знал ни состава таких групп, ни конкретных заданий, в разработке преступных планов не участвовал.

Историки, публицисты, писатели, психологи, политики и, в принципе, все, кому приходилось знакомиться с материалами по этому делу, размышлять над ходом громких политических процессов 30-х годов, в которых без труда просматриваются очевидные фальсификации, низкопробные подделки, выявляются «нестыковки»,

¹ Архив Службы Безопасности. Учетно-архивный отдел. Следственный фонд. Д. 38488. Л. 16–128.

² Там же. Л. 134, 138–139 и др.

«неувязки», больше всего удивляются самооговорам, собственным «признаниям» подследственных. Ведь именно на этих признаниях – «царице доказательств» – в итоге и выстраивалась практически вся аргументация вменяемой вины, определялись приговоры.

Так, один из зарубежных авторов, который на протяжении долгих десятилетий стремился постичь внутренние, тайные пружины этого феномена, Артур Кёстлер в автобиографическом произведении «Невидимая литература» выделил специальный сюжет с красноречивым названием «Стальные люди». Уважаемый автор пишет: «...признания обвиняемых на московских процессах кажутся одной из крупнейших загадок современности. Почему старые большевики, – руководители и герои революции, так часто игравшие со смертью, что сами себя называли “покойниками на каникулах”, – почему, спрашивается, они признавали этот кошмарный бред, леденящий кровь? Если даже не принимать в расчет тех, кто, как Радек, просто-напросто спасал свою шкуру, тех, кто был деморализован, как Зиновьев, тех, кто надеялся выгородить родных, как, например, Каменев, по слухам, страстно любивший своего сына, то ведь были же среди них и “стальные” – люди типа Бухарина, Пятакова, Мрачковского, Смирнова и других, с десятками лет революционного стажа, ветераны царских тюрем и ссылок, и вот их патетическое-безоглядное отречение от себя представлялось необъяснимым...»¹

Как представляется, существует лишь единственно возможное объяснение: зная характер и биографию этих людей, мы можем высказать предположение о непреклонной вере многих из них в то, что подтверждая нелепые, заведомо ложные обвинения в свой адрес, они в последний раз (хоть и ценой своей жизни) служат делу большевизма, революции, социализма (вспомним пятаковское: если партии нужно будет выдать белое за черное, я сделаю это, не задумываясь!).

Правда, как и другие, Г. Пятаков должен был быть убежден, что его поведение подчинено действительно высокой общественной цели, благородному идеалу. В ином случае договориться с ним было трудно, практически невозможно. Например, генерал НКВД Александр Орлов, который не вернулся из заграничной командировки и этим сохранил свою жизнь, знавший многое о процессах 30-х годов не понаслышке, рассказал об этом на страницах своих произведений. «Я почти уверен, – писал он, – что если бы среди “второй половины” арестованных большевиков объявился человек, способный противо-

¹ Литературная газета. 1988. 3 августа.

стоять своим тюремщикам, то этим человеком был бы Пятаков. Поэтому меня очень удивило, что он сравнительно легко сдался...»¹

В этом пункте и мемуаристы, и исследователи сходятся на том, что особую роль в деле Георгия Леонидовича сыграл Серго Орджоникидзе. Правда, версии и оценки здесь расходятся, вплоть до диаметрально противоположных.

Так, согласно утверждению А. Мильчакова, И. Сталин, зная об определенных противоречиях между наркомом тяжелой промышленности и его заместителем, способствовал углублению разногласий и в то же время сам оказывал давление на Г. Орджоникидзе (в частности, лично давал задание честным партийцам знакомить Серго с документами НКВД, требовал подписать санкцию на арест Г. Пятакова), однако из этого ничего не вышло². Версия сомнительна по многим позициям. Возникают вопросы: для чего Сталину нужно было заниматься вербовочными, по сути, вопросами или добиваться санкций, без которых и он, и НКВД давно обходились.

С. Гинзбург отстаивает точку зрения, согласно которой И. Сталин побаивался авторитета Г. Орджоникидзе в партии и стране, возможного выступления последнего против верховной власти и искал пути влияния на него. В связи с этим, якобы с целью психологического давления, Г. Орджоникидзе был приглашен на допрос уже «обработанного» Г. Пятакова (на нем вроде бы присутствовал сам И. Сталин и некоторые другие партийные руководители), где бывший заместитель наркома полностью сознался во вредительстве в отрасли, которой ведал Серго³.

А. Орлов доказывает, что все происходило совершенно иначе: «Однажды вечером в НКВД приехал Серго Орджоникидзе и выразил желание переговорить с Пятаковым. Ежова, к тому времени сменившего Ягоду, не было на месте. Его заместитель Агранов, поколебавшись, позвонил во внутреннюю тюрьму и приказал доставить Пятакова к нему. Орджоникидзе двинулся навстречу вошедшему Пятакову, явно желая обнять его. Пятаков уклонился и отвел его руки.

– Юрий! Я пришел к тебе как друг! – воскликнул Орджоникидзе. – Я выдержал из-за тебя целый бой и не перестану за тебя бороться. Я говорил о тебе *ему*... [то есть Сталину. – В. С.].

¹ Комсомольская правда. 1989. 6 июля.

² Мильчаков А. «Писать все-таки надо!...» // Смена. 1988. № 13. С. 6–7.

³ Гинзбург С. З. О гибели Серго Орджоникидзе // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 95–96.

После этого вступления Орджоникидзе попросил Агранова оставить его вдвоем с Пятаковым. Их разговор продолжался с глазу на глаз¹.

Конечно, о содержании разговора остается только догадываться. А. Орлов считает, однако, что он оказался решающим для последующего развития событий и предлагает свой вариант их логики: «Вели Орджоникидзе коварную игру с Пятаковым под давлением Сталина, или был искренним?». Последующий ход событий должен был дать ответ на этот вопрос.

Итак, Пятаков, по-видимому, решил довериться Орджоникидзе. Он подписал ложное признание, в котором подтверждал, что, воспользовавшись поездкой в Берлин в декабре 1935 года, написал оттуда письмо Троцкому, который находился тогда в Норвегии. Пятаков якобы спрашивал директив Троцкого об оказании финансовой поддержки заговорщикам внутри СССР. Далее он подтвердил, что получил ответ Троцкого: тот сообщал, что им достигнуто соглашение с германским нацистским правительством. По этому соглашению немцы обязались вступить в войну с Советским Союзом и помочь Троцкому захватить власть в СССР. За это Троцкий обещал отдать немцам территорию Украины и предоставить ряд экономических уступок. В связи с этим соглашением Троцкий требовал в письме к Пятакову, чтобы антисоветское подполье усилило свою вредительскую деятельность в промышленности².

Возможно, принимая «игру», Георгий Леонидович, помимо прочего, подписывал абсолютно абсурдный документ в расчете на здравый смысл, на реакцию общественности. Если так, то он существенно просчитался. На общественное сознание, по крайней мере в Советском Союзе, средствами массовой пропаганды оказывался столь мощный прессинг, что места для сомнений в официальной информации у подавляющего большинства населения не оставалось. Материалы следствия выдавались за доказанную истину и «вполне серьезно» квалифицировались как достоверные факты. 8 октября 1936 года в передовой статье «Докатились...» «Правда» так передавала суть вышеприведенных «признаний»: «Троцкистские организации за рубежом кишат шпионами и агентами буржуазии. Они нашли здесь для себя благоприятную среду. Факты и откровенные признания ряда выдающихся троцкистов [имена не назывались, однако сомнения ни у кого не оставалось, что один из них – Георгий Пятаков. – В. С.] по-

¹ Комсомольская правда. 1989. 6 июля.

² Там же.

казывают, что эти мерзавцы не только за страх, но и за совесть выполняли службу шпионов и диверсантов в Советском Союзе во славу своим империалистическим и фашистским хозяевам, в надежде на ускорение своего прихода к власти. Став на позицию пораженцев относительно Советского Союза, троцкистская агентура по шпионажу и диверсиям уже заранее рыла яму для трудящихся СССР, стремясь облегчить победу империалистических и фашистских войск в предстоящей войне против нашей страны»¹.

Идейно-психологическое давление нарастало, пресса изо дня в день сообщала, что подследственные признали очередные свои «преступления». «По прямой директиве Троцкого и его доверенных людей – Пятакова, Муралова, Дробниса – исполнители дьявольских замыслов ставили своей задачей срыв стахановского движения, возмутить рабочих, вызывать в них недовольство», – пугала «Правда»². А через три дня она же предсказывала: «Имя Пятакова отныне будет заклеено как имя мерзкого двурушника, террориста, агента гестапо. Оно стоит рядом с именами самых отвратительных предателей и реставраторов капитализма – Троцкого, Каменева, Зиновьева, Смирнова»³.

К третьей декаде января 1937 года режиссеры спектакля, именуемого «процесс параллельного антисоветского троцкистского центра» решили, что все готово: ведущие, актеры, публика уже созрели для того, чтобы действие состоялось, а в его успехе они были уверены.

20 января 1937 года Прокуратура Союза ССР сообщила о «новых преступлениях Троцкого и его банд». Шла речь о том, что на процессе в августе 1936 года подсудимые не сказали всей правды, рассчитывая унести с собой в могилу тайну о троцкистском «параллельном центре», который продолжал действовать. Якобы наряду с Г. Зиновьевым, Л. Каменевым, И. Смирновым и другими вели свою преступную работу глубоко законспирированные Г. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Л. Серебряков. Но и этот «параллельный центр» контрреволюции успешно разоблачили органы НКВД.

«Правда» за 21 января рядом с передовицей «Вперед, к коммунизму!», посвященной годовщине смерти В. Ленина, поместила редакционную статью «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники Родины», в которой истолковывалось сообщение Прокуратуры. «Изменники (...) ставили своей задачей ускорить военное нападе-

¹ Правда. 1936. 8 октября.

² Там же. 1936. 20 ноября.

³ Там же. 1936. 23 ноября.

ние на СССР в расчете на его поражение в войне, – писал орган ЦК ВКП(б). – По заданию Троцкого они организовали шпионаж, вредительство на важнейших предприятиях, готовили и осуществляли диверсионные акты, чтобы ослабить оборону нашей страны». Авторы статьи объясняли, что именно объединило в одной группе «изменников» таких в целом разных людей, как Г. Пятаков, К. Радек, Л. Серебряков, Г. Сокольников: эти имена были сопутствующими всем «фракционным, оппортунистическим, контрреволюционным выступлениям против большевистской партии».

Такой была у организаторов кампаний против «врагов народа» «неумолимая логика исторических фактов: кто встал на путь защиты капитализма, против пролетарской революции [так задним числом квалифицировалось участие названных лиц в оппозициях. – В. С.], кто пошел с буржуазией против рабочего класса, тот неминуемо получит все язвы капитализма, усвоит его разбойничью “мораль”»¹.

По всему было ясно – наступает решающий момент. К нему готовились основательно. В частности, было составлено три варианта обвинительного заключения. Все они направлялись на просмотр лично И. Сталину и неоднократно переделывались по его указаниям. Н. Ежов и А. Вышинский пересылая второй вариант И. Сталину, 9 января 1937 года в сопроводительном письме указывали:

«Направляем переработанный, согласно Ваших указаний, проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольникова, Радека и других...»

Именно этот вариант обвинительного заключения был отредактирован лично Сталиным.

Кто мог после этого изменить в документе хотя бы запятую?!

В личном архиве государственного обвинителя А. Вышинского исследователи обнаружили записи, сделанные им в ходе беседы с И. Сталиным в связи с подготовкой к процессу по делу, так называемого, «параллельного антисоветского троцкистского центра». Из них видно, что Сталин давал конкретные оценки обвиняемым, характеризовал их как людей, якобы всю жизнь боровшихся против В. Ленина, подчеркивал, что они пали ниже Деникина, Колчака и Мамонтова и представляют из себя банду преступников.

Сохранилась и схема обвинительной Вышинского по делу, так называемого, «параллельного центра», в которую Сталин своей рукой внес исправления и дополнения, содержащие политические установки и оценки.

¹ Правда. 1937. 21 января.

Все это доказывает, что предварительное следствие, подготовка к суду и сам судебный процесс по делу, так называемого, «параллельного антисоветского троцкистского центра» проходили под личным руководством и контролем И. В. Сталина, его доверенных лиц¹.

4. Центральная фигура процесса

23 января 1937 года в полдень в Колонном (Октябрьском) зале Дома Союзов в Москве открылся судебный процесс по делу «Антисоветского параллельного троцкистского центра». Военная коллегия Верховного суда Союза ССР начала рассмотрение обвинения Пятакова Ю. Л. (так в официальном документе – его привыкли называть «товарищ Юрий», и судьи допустили ошибку. – В. С.), Радека К. Б., Сокольников Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова М. И., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. О., Ратайчака С. А., Норкина Б. И., Шестова О. О., Строилова М. М., Турока И. Д., Гроше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В. в измене Родине, шпионаже, диверсиях, вредительствах и подготовке террористических актов (речь идет о преступлениях, предусмотренных статьями 58^{1а}, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР).

Вел заседание председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. Ульрих. Государственным обвинителем был Прокурор Союза ССР А. Вышинский. Защиту осуществляли члены Московской коллегии адвокатов И. Брауде, Н. Комодов, С. Казначеев.

Именно в этом зале в то время, когда партию и государство возглавлял В. Ленин, проходили партийные съезды. Именно здесь он, Г. Пятаков, делегат многих съездов, получил широкое признание, здесь ему оказывали почет и уважение, именно здесь его впервые избирали членом Центрального комитета РКП(б)...

А теперь в этом же зале он сидит на скамье подсудимых. И сотни глаз (чтобы заполнить зал публикой, в трудовых коллективах отбирали самых «надежных») смотрят на него даже без сочувствия, напротив, не скрывая негодования, возмущенно, враждебно. Хватит ли сил выдержать, сыграть свою роль в этом «театре абсурда» до конца?

Присутствующий (приглашенный!) на суд знаменитый немецкий писатель Лион Фейхтвангер буквально «по горячим следам» так описывал атмосферу заседаний: «Помещение, в котором шел процесс, невелико, оно вмещает, примерно, триста пятьдесят чело-

¹ Реабилитация: Политические процессы 30–50 годов. С. 224–225.

век. Судьи, прокурор, обвиняемые, защитники, эксперты сидели на невысокой эстраде, к которой вели ступеньки. Ничто не разделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал, скорее, обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это больше походило на дискуссию, чем на уголовный процесс, — дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло. Создалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым (...) спортивным интересом, выяснить с максимальной точностью все происшедшее»¹.

Невероятной, жуткой показалась Лиону Фейхтвангеру откровенность, с которой обвиняемые непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям. «Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в залах суда фотографирование и записи на граммофонные пластинки. Если бы мировому общественному мнению предоставить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то не верящих стало бы гораздо меньше.

(...) Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один — с циничной интонацией, другой — молодежато, как солдат, третий — внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый — как раскаивающийся ученик, пятый — поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы»².

Процесс широко освещался в печати — публиковались ежедневные отчеты. В том же году Наркомат юстиции СССР через юридическое издательство издал сводный отчет, составленный по текстам газет «Известия ЦИК СССР» и «Правда» с дополнением из материалов судебно-технической экспертизы³.

¹ Фейхтвангер Л. Москва 1937 // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 242–243.

² Там же. С. 243.

³ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С. 258.

То, что происходило в Доме союзов на протяжении последних восьми дней января 1937 года, десятки и, даже, сотни раз становилось предметом исследований специалистов различных областей науки, а также публицистов в годы перестройки, во время развенчивания тоталитарной системы СССР, то есть на протяжении вот уже более чем четверти века. Самым тщательным образом была изучена не только главная канва судебного действия, но и мельчайшие его детали, их комбинации, высказано предположение о том, что осталось «за кадром», — одним словом, создана литература, в которой при необходимости или желании можно найти ответ на множество вопросов, которые могут встать перед самым придирчивым читателем. Поэтому нет смысла воссоздавать здесь, на этих страницах, весь ход процесса, ограничимся лишь эпизодами, связанными с Г. Пятаковым.

Георгий Леонидович стал центральной фигурой судебных заседаний, именно ему была отведена «главная роль». Среди обвиняемых он имел самую богатую политическую биографию и до ареста занимал один из самых крупных государственных постов, был действительно крупномасштабным деятелем.

Сразу после своего исключения из партии на XV съезде он одним из первых начал бороться за восстановление членства в ВКП(б), что стало сигналом и примером для других, а при желании могло быть истолковано как умышленное действие, направленное на консолидацию бывших оппозиционеров (то есть имело еще одну, тайную цель), создание организационных ячеек — центров, групп и др.

Как один из самых крупных деятелей разгромленной троцкистской оппозиции, он имел больше, нежели другие, шансов возобновить контакты с Л. Троцким (переписка, личная встреча), быть координатором действий эмигрантских и внутренних антикоммунистических сил.

На своем высоком посту заместителя наркома тяжпрома Георгий Леонидович мог действительно оказывать решающее влияние на процесс социалистического строительства в целом: от выработки экономической политики до ее конкретного воплощения в жизнь на отдельных объектах, прежде всего, конечно, стратегически важных.

Да и авторитет Г. Пятакова в стране, среди самых широких слоев населения еще с ленинских времен был подлинным, заслуженным выдающимися делами, а не должностями. Поэтому можно было рассчитывать на «поучительный эффект», если мнимые, приписываемые ему «вождистские амбиции» выдать за истинные и квалифицировать как реальную борьбу за смену партийно-советского руководства ради реставрации старого общественного строя.

Поэтому-то Георгий Леонидович возглавлял список подсудимых, был первым номером – недаром позже процесс именовали еще процессом «Пятакова–Радека». Ему было отведено центральное место и в официальном обвинительном заключении, и в обвинительной речи Прокурора СССР А. Вышинского, и в ходе допросов других подсудимых.

После оглашения обвинительного заключения суд начал допрос обвиняемых и свидетелей. Первым на утреннем заседании 23 января отвечал на вопросы Генерального прокурора Г. Пятаков. Допрос продолжался и на вечернем заседании¹, изредка прерываемый обращением к другим лицам, которые, как правило, должны были подтверждать то, в чем сознался «преступник № 1», или уточнять мелкие детали.

Похоже, что Г. Пятаков заранее заучил слова, которые должен был произнести согласно предназначенной ему роли. Так, иногда он говорил даже о том, о чем его прямо не спрашивали, хотя все произнесенное однозначно усугубляло его вину, осложняло и без того незавидное положение. Например, передавая содержание письма Л. Троцкого, в котором тот якобы ставил задачи перед оппозиционерами, Пятаков сообщал: «Первая задача – это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. – И зачем-то добавлял: Понятно, что “всеми средствами” надо было понимать, в первую очередь, насильственными средствами»².

Или сам завел речь о создании «украинского троцкистского центра», о личном руководстве им, хотя никаких реальных фактов привести не смог.

Зачем-то Георгий Леонидович приписал себе и К. Радеку сомнительную инициативу создать наряду с основным троцкистским (троцкистско-зиновьевским объединенным) блоком параллельный (запасной) центр³.

Можно догадаться, что до начала судебного процесса состоялась не одна репетиция заседания, и имевший великолепную память Г. Пятаков хорошо запомнил слова роли, к которой его принудили. А Вышинский (весь процесс он вел по существу сам), судя по всему, кое-что из деталей мог запомнить и передавал не совсем точно так, как на предварительном следствии.

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 24–49.

² Там же. С. 28–29.

³ Там же. С. 29, 31, 32.

Держался Г. Пятаков спокойно, отвечал взвешенно, четко (убедительно «вел свою партию»), и тем также выделялся среди других обвиняемых. Это бросалось в глаза, прежде всего специалистам. Так, британский юрист Дадлей Коллард отмечал: «Пятаков, без сомнения, является «главой» всей шайки. Даже сейчас он ведет поединок умело, не подтверждая ни одного факта и не разоблачая ни одного имени больше, чем вынужден это делать»¹.

По-своему увидел картину допроса на суде Лион Фейхтвангер: «...Пятаков, господин среднего роста, средних лет с небольшой лысиной, с рыжеватой, старомодной трясущейся острой бородой, стоял перед микрофоном, и как он говорил – будто читал лекцию. Спокойно и старательно он повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности. Он объяснил, указывал вытянутым пальцем, напоминая преподавателя высшей школы, историка, выступающего с докладом о жизни и деяниях давно умершего человека по имени Пятаков и стремящегося разъяснить все обстоятельства до мельчайших подробностей, охваченный одним желанием, чтобы слушатели и студенты все правильно поняли и усвоили»².

В ходе процесса Георгий Леонидович несколько раз допускал отступления от заранее заготовленного текста, чем нарушал «сценарий» А. Вышинского. Особенно часто это происходило в тех случаях, когда речь заходила о конкретизации отдельных фактов, связь между которыми со всей очевидностью была «шита белыми нитками». Вот, например, фрагмент стенограммы заседания от 23 января (допрос подсудимого Пятакова):

«Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все происходило по нашим указаниям и моим, в частности. Установка давалась, но я не могу конкретно сказать, что я давал указания провести именно такую или такую диверсию».

«Твердая рука» прокурора возвращала ход разговора к отрепетированному тексту, но непокорный подсудимый опять пытался избежать уточнений относительно его указаний о конкретных злодеяниях:

«Вышинский: А относительно Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это также слишком конкретно...»

¹ Литературная газета. 1988. 10 августа.

² Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 244.

Подсудимый явно пытался «сбивать» ход слушания. Подтвердил, что давал указания – в соответствии с «директивами Троцкого» – с началом войны «тем или иным способом» выводить из строя кемеровские предприятия. На «наводящий» вопрос, говорилось ли об определенных средствах, отвечал, что не может точно вспомнить.

Чтобы вернуться к «сценарию», прокурор А. Вышинский нейтрализовал наивную попытку Г. Пятакова, обратившись к «более послушному» подсудимому – Б. Норкину, который сразу с готовностью подтвердил: да, было сказано ясно, что в момент войны необходимо подготовить выведение оборонных объектов из строя путем поджогов и взрывов; нечего беспокоиться о том, что при этом погибнут люди, это неизбежно и даже желательно: ответственность ляжет не на исполнителей диверсионных актов, а на руководителей партии и государства.

«Несговорчивый» Г. Пятаков был вынужден соглашаться: да, такие разговоры имели место¹. Но все же одно дело – разговоры, а уже совсем другое – конкретное указание об организации конкретной диверсии. Вообще, в голове просто не укладывалось, что практически все «командиры промышленности» представляли в общественном мнении как вредители, а Г. Пятаков оказался первым среди них.

Горько было слушать Георгию Леонидовичу утверждения, что он не столько заботился о возведении в рекордные сроки гигантов советской индустрии (которые, между прочим, и доньше нередко являются флагманами экономики на постсоветском пространстве), сколько разрабатывал хитроумные планы разрушения тяжелой промышленности, в частности, помешать синхронности ввода в строй основных и подсобных производств на Мариупольском, Ново-Енакиевском, Криворожском, Горловском комбинатах, на коксохимических заводах, что, в результате существенно сказывалось на эффективности функционирования производственных мощностей, сдерживало налаживание выпуска оборонной продукции и тому подобное (так говорил, в частности, свидетель В. Логинов)². Бывший заместитель наркома тяжелой промышленности не протестовал.

Не возражал он и тогда, когда доходило до курьезов. Хотя у многих на памяти была инспекция «бригадой Пятакова» медеплавильных предприятий, которая получила очень широкую огласку

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937). С. 29.

² Там же. С. 81.

и завершилась довольно жесткими выводами, результатом чего стало увеличение объемов производства меди в стране; на втором московском процессе об этом вроде бы забыли. Напротив, отставание от плановых задач в производстве меди стало одним из обвинений Г. Пятакова во вредительской деятельности. На допросах Георгий Леонидович не без иронии заметил, что вредительская работа в данной отрасли велась так грубо и бесцеремонно, что он вынужден был сказать руководителю Средне-Уральского медно-плавильного завода Жарикову, чтобы тот работал аккуратнее и «прятал концы в воду».

Но где там было до адекватной реакции на иронию или стеснения от курьезов...

Организаторов процесса не могли «вывести из равновесия» даже очевидные конфузы, до которых доходило по вине все того же «высокомерного шутника» Г. Пятакова.

Ему предложили «сознаться» в том, что во время своей командировки в Берлин в декабре 1935 года он не удовлетворился письменными инструкциями Троцкого, а летал для личной встречи с ним в Норвегию. Причем А. Орлов, который пользовался информацией из источников, близких к высокопоставленным лицам, считал инициатором легенды о поездке в Осло самого И. Сталина. Когда последнего убедили, что путешествие поездом выглядело бы слишком неправдоподобно, поскольку в действительности заняло бы недопустимо много времени, он настоял на том, что для свидания Г. Пятаков мог воспользоваться немецким самолетом. Так все обстояло или нет, проверить невозможно.

А Георгий Леонидович отрицать не стал, и на первом же судебном заседании официальный обвинитель изложил вымышленную историю¹. Однако случилось непредвиденное: буквально через день, 25 января 1937 года в норвежской газете «Афтенпостен» появилась заметка: «Совещание Пятакова с Троцким в Осло выглядит совершенно неправдоподобным. (...) Он будто бы прибыл самолетом на аэродром Хеллер. Однако персонал этого аэродрома утверждает, что никакие гражданские самолеты в декабре 1935 года там не приземлялись»².

Однако режиссеры фарса заставили Георгия Леонидовича подтвердить факт полета в Норвегию в зале суда. «Действующие лица» разыграли эпизод следующим образом:

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937). С. 11.

² Цит. по: Комсомольская правда. 1989. 6 июля.

«Вышинский: Подсудимый Пятаков, скажите, пожалуйста, вы летали на аэроплане в Норвегию для встречи с Троцким? Вы не знаете, на каком аэродроме вы снижались?

Пятаков: Около Осло.

Вышинский: Никаких не встречалось затруднений при спуске или при допуске аэроплана на этот аэродром?

Пятаков: Право, я не могу сказать. Я был возбужден необычайностью поездки и не обращал на это внимания...»¹

Государственному обвинителю такой ответ показался уклончивым и, чтобы ни у кого не зародилось сомнений, он настаивает:

«Вышинский: Вы подтверждаете, что вы спустились на аэродром вблизи Осло.

Пятаков: Возле Осло. Это я помню.

Вышинский зачитывает справку: Консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел настоящим доводит до сведения прокурора СССР, что согласно полученной полпредством СССР в Норвегии официальной справки, аэродром в Хеллере, вблизи Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы. (Пятакову) Это было в декабре?

Пятаков: Так точно»².

Вот так. Норвежцы ответственно заявляют всему миру, что на аэродроме в Хеллере ни один самолет не приземлялся, а им отвечают, что в принципе аэродром может принимать самолеты. Очевидную асимметрию «не замечали» и того же требовали от других.

Однако упрямые норвежцы не сдавались. 29 января уже другая газета «Арбейдербладет», орган правящей социал-демократической партии, напечатала еще одно сообщение: «Сегодня, в ответ на запрос корреспондента газеты “Арбейдербладе”, управляющий аэродромом в Хеллере Гулликсен сообщил по телефону, что в декабре 1935 года там не приземлялось ни одного иностранного самолета»³.

Наверное, если бы суд стремился установить истину, он мог бы подойти к интересовавшему его вопросу и с другой стороны: небезынтересно было бы выяснить, а мог ли Л. Троцкий принимать в обозначенное время «советского гостя»? «Гражданин мира», которому далеко не все, да и то с трудом соглашались выдавать визы,

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 156.

² Там же.

³ Цит. по: Комсомольская правда. 1989. 6 июня.

чувствовал себя в Норвегии далеко не комфортно, связав себя обязательством перед правительством страны не вести политической деятельности. Поселиться вынужден был в деревне Воксхолле, возле Хоннефосса, примерно в 50 километрах севернее Осло. Тогдашние посетители «изгнанного пророка», в том числе зарубежные вояжеры, биографам известны¹. Но Г. Пятаков среди них не значится, даже в по данным невероятно щепетильного в таких делах И. Дойчера. Более того, дотошный автор «докопался» до такой подробности: «Как раз накануне рождества Троцкий вместе с Кнудсенем [хозяин дома, у которого поселился российский эмигрант. – В. С.] и несколькими молодыми норвежцами отправились в дикий горный район к северу от Хоннефосса, надеясь, что несколько дней физических упражнений на свежем воздухе улучшат состояние его здоровья [Л. Троцкий долго болел. – В. С.]. Дату поездки следует запомнить: год спустя на процессе Радека и Пятакова Вышинский утверждал, что именно в это время Пятаков тайно встретился с Троцким, а сам Пятаков признался, что прилетал в Осло самолетом из Берлина и прямо с аэродрома на автомобиле отправился на встречу с Троцким. Эти утверждения были опровергнуты норвежскими властями, которые подтвердили, что ни один немецкий самолет не приземлялся в аэропорту в Осло в конце декабря 1935 года и в течение нескольких месяцев до и после этой даты. Спутники Троцкого доказали, что никто не мог приехать на автомобиле туда, где они находились с Троцким [подчеркивание мое. – В. С.]. «Зима была исключительно суровой. Местность, не имевшая дорог, полностью покрыта снегом и скована арктическим льдом. Мы, – утверждали они, – помним это очень хорошо, ибо как-то во время поездки Троцкий попал в ловушку из снега и льда. Мы были на лыжах, а он был неважным лыжником, и поэтому мы должны были организовать целую спасательную операцию и были очень обеспокоены»².

Да, книга И. Дойчера с этими свидетельствами увидела свет в Лондоне в 1963 году. Однако устроители процесса «параллельного троцкистского центра» не только не стремились ничего исследовать, они не желали заниматься этим в принципе. Им нужно было торопиться, ибо, согласно сценарию, время, отведенное на процесс, заканчивалось, так что прокурор в пространной речи клеймил подсудимых как мог, не особенно беспокоясь о соответствии реальных фактов

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 341–344.

² Там же. С. 345–346.

его утверждениям. Тем более что следователи поработали «творчески», «вдохновенно» и наряду с выдумками и наговорами искусно вложили в уста Г. Пятакова и слова, которые действительно говорил Л. Троцкий (а затем и те, которых он не говорил).

Авторы-составители «признаний» Пятакова имели возможность позаимствовать суждения Л. Троцкого из «Бюллетеня оппозиции», выходившего за границей. Г. Пятаков, например, описывая – по предложению А. Вышинского – свою вымышленную встречу с Л. Троцким, «свидетельствовал»: «Во время беседы он (Троцкий) меня прерывал, бросал всякие въедливые словца и реплики относительно примиренчества, непонимания обстановки, к примеру: “Живете по-старому”, проявлял признаки недовольства. Когда дошло до вредительства, он взорвался целой филиппикой: “не можете оторваться от сталинской пуповины, все воспринимаете сталинское строительство за социалистическое”»¹.

Последний тезис о том, что осуществляемое под руководством И. Сталина строительство не является строительством социализма, действительно принадлежал Л. Троцкому. Он его открыто доказывал и пропагандировал на протяжении многих лет.

На этом основании авторы сценария и режиссеры второго московского процесса вменяли Л. Троцкому и обвинение в разрушении социалистического строя в СССР. Действительно, если Л. Троцкий говорит и пишет (что, на самом деле, имело место): «Социализм в одной стране построить невозможно», «Крах сталинского государства абсолютно неминуем», то почему тот же Л. Троцкий не мог сказать и такое: «Капитализм выходит из кризиса, начинает крепнуть, и долго терпеть последующее усиление, особенно военной промышленности, обороноспособности советского государства мы не можем. Военные столкновения неминуемы, и если мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры». Поэтому вредительство – не просто метод борьбы троцкизма в СССР, но и вполне естественно, вытекает из самой сущности позиции Л. Троцкого – логика устроителей процесса очевидна.

Подобным образом легко было вложить в уста Л. Троцкого и латинскую поговорку: «Что не исцеляют лекарства, то исцеляется железом, что не исцеляется железом, то исцеляет огонь», – которую якобы привел Л. Троцкий на прогулке с «агентом троцкизма в СССР» Ромом в Булонском лесу. Разве это не служит доказатель-

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 158.

ством того факта, что Л. Троцкий стремится к уничтожению социализма в СССР, ликвидации «сталинского государства»¹?

Как можно было этому не верить? Ведь о реальных взглядах и действиях Троцкого миллионы людей в Советском Союзе могли судить лишь по тому, что писала официальная пресса. А говорил об этом – публично, и, казалось, искренне один из ближайших соратников Л. Троцкого в 20-е годы, в настоящее время – «разоблаченный враг» Г. Пятаков, который, оказывается, поддерживал контакт с Л. Троцким, более того, злодействовал под его руководством.

Под давлением следствия Г. Пятаков показал, что во время служебных командировок в Берлин в 1931–1932 годах он три раза встречался с сыном Л. Д. Троцкого – Л. Л. Седовым, с которым его свел И. Н. Смирнов, и получал от него устные директивы Троцкого по возобновлению оппозиционной борьбы. В конце 1931 года возвращавшийся из Берлина А. А. Шестов передал ему полученное от Седова письмо Троцкого, в котором якобы предлагалось объединить все антисталинские силы, устранить И. Сталина и его ближайших сподвижников, противодействовать мероприятиям советского правительства и партии.

Такого рода признания делали и другие участники процесса, в частности К. Радек.

Однако в распоряжении органов следствия не имелось ни одного письма Троцкого или Седова к участникам, так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» – так же, как и их ответов. В деле нет и любых других объективных данных, которые бы подтверждали существование таких писем.

Не был принят во внимание, в частности тот факт, что осужденный по данному процессу И. Н. Смирнов, на которого сослался Г. Л. Пятаков, никаких показаний по вопросу о письмах, вообще не давал – следствие это «не интересовало».

Происходило это вовсе не от «невнимания» или непрофессионализма. Кому-кому, а советскому руководству, пристально следившему за процессом, было хорошо известно, что после высылки в 1929 году Л. Троцкого из Советского Союза органы ОГПУ–НКВД вели тщательное наблюдение за деятельностью его и Седова, фиксировали их поездки, встречи и связи, знали содержание значительной части переписки, которую они вели, но никаких встреч, никакой переписки и других форм связи Л. Троцкого и Л. Седова с лицами, осу-

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 158.

жденными по делу, так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», зафиксировано не было.

Сам сын Троцкого в статье о «кемеровском процессе», опубликованной за границей в 1937 году, назвал свидетельские показания Я. Н. Дробниса о встрече Пятакова с ним, Седовым, в Берлине «чистейшим вымыслом».

После опубликования показаний Пятакова и Радека на процессе Л. Троцкий 25 января 1937 года сделал американской прессе официальное заявление, в котором категорически отрицал выдвинутые против него обвинения и всякую связь с кем-либо из подсудимых. Следует добавить, что и Г. Пятаков, и К. Радек после своего разрыва с троцкистской оппозицией получили унижительные, оскорбительные оценки от Л. Троцкого в мировой печати, он публично выразил свое недоверие им; понятно, что дальнейшие личные контакты были просто невозможны.

Опять-таки, никого из «ведущих дело», это не смутило. Напротив, на основе всей суммы «доказательств» (хотя с юридической точки зрения, кроме самих признаний и самооговоров, у обвинения никаких доказательств не было) А. Вышинский без тени сомнения пришел к выводу о «преступной деятельности» троцкизма, который «давно уже превратился в передовой и злостный отряд международного фашизма», в «штурмовой отряд фашизма, один из отделов фашистской полиции», «в отряд простых бандитов, шпионов и убийц, которые целиком предоставили себя в распоряжение иностранных разведок, окончательно и бесповоротно превратились в лакеев капитализма, в реставраторов капитализма в нашей стране»¹.

Естественно, в персональных обвинениях А. Вышинский на первое место поставил Георгия Леонидовича, отвел ему большую часть своего выступления: «Начнем, конечно, с Пятакова, после Троцкого первого атамана этой бандитской шайки. Пятаков не случайный человек среди троцкистов. Пятаков, до сих пор упорно и умело маскировавшийся, всегда был и есть старый враг ленинизма, враг нашей партии и враг советской власти»².

Обосновывая это утверждение, прокурор довольно подробно остановился на всей политической биографии Георгия Леонидовича, представил ее год за годом — под одним углом зрения: подсудимый всегда был против В. Ленина и И. Сталина, против советской власти, социа-

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 168, 169, 172 и др.

² Там же. С. 178.

листического строительства, замахивался на смещение обоих вождей с наивысших государственных должностей и замены их своей персоной.

«15-й год, 16-й год, 17-й год, 18-й и 19-й, и 20-й, и 21-й, и 23-й, 26-й и 27-й – больше десятилетия Пятаков неизменно защищает троцкистские позиции, ведет открытую борьбу против Ленина, против генеральной линии партии и против Советского государства.

1926-й–1936-й год – это второе десятилетие почти непрерывной, но уже тайной подпольной борьбы Пятакова против Советского государства и нашей партии, борьбы, которую он вел систематически и, не покладая рук, пока, наконец, не был пойман с поличным, не был уличен, не был посажен на эту скамью подсудимых, как предатель и изменник»¹.

Нет смысла останавливаться на юридических и логических недостатках выступления А. Вышинского, в котором идеологический и политический компоненты по большей части подменяли правовые, на передержках и подтасовках, к которым он прибегал. Просто попутно достаточно заметить, что обвинительный жанр в исполнении прокурора СССР достиг чрезвычайных высот, стал своеобразным бесстыдным «демагогическим искусством», демонстрацией немыслимой словесной эквилибристики.

Чего только стоит, скажем, следующий пассаж из речи А. Вышинского: «Только в такой среде, которую создали Пятаковы и Радеки, – эти беспринципнейшие, окончательно отпетые люди, использовавшие свое высокоответственное положение в советской государственной системе для обустройства своих позорных, грязных и кровавых преступлений, и могли оказаться в числе, так сказать, троцкистского актива, такие авантюристы и проходимцы, как Ратайчаки, Князевы, Шестовы, Арнольды, Строиловы, Граше...

Пятаков знал, кого выбирал. Ратайчик пробирается к большим чинам... Он начальник Главхимпрома!..

Если бы у Пятакова не было никаких других преступлений, только за одно то, что он этого человека подпустил ближе одного километра к химической промышленности, его надо было привлечь к самой суровой ответственности»².

А если так, то о какой снисходительности в отношении Г. Пятакова может идти речь, если его обвиняют в многочисленных, еще более страшных деяниях!

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 180.

² Там же. С. 177–178.

Слушая А. Вышинского, Г. Пятаков, наверное, не раз вспоминал о встречах с Генеральным прокурором СССР в тесном кругу в сталинском кабинете¹. А сколько раз они могли сидеть или стоять рядом на различного рода официальных мероприятиях, поднимать ритуальные бокалы, что-то говорить, улыбаться, смотреть друг другу в глаза...

Конечно, больше всего взоров было устремлено на одного из лидеров партии и страны. В памяти всплыл эпизод, когда он, Г. Пятаков, вместе с В. Лениным, Л. Троцким, Г. Зиновьевым, Л. Каменевым, Ф. Дзержинским, М. Калинин, К. Ворошиловым, Г. Орджоникидзе, М. Фрунзе, В. Куйбышевым, С. Кировым, А. Бубновым и другими членами и кандидатами в члены ЦК РКП(б) единогласно поддержали на Пленуме ЦК 3 апреля 1922 года избрание И. Сталина генеральным секретарем ЦК партии. А еще первые их разговоры один на один перед своим покаянным публичным заявлением о решительном осуждении оппозиционеров о желании восстановления в партии, при решении вопросов о назначении на высокие государственные должности...² Правда, затем эти беседы прекратились. В последний раз они виделись в кремлевском кабинете ровно за месяц до ареста. Кроме И. Сталина и Г. Пятакова тогда присутствовали Л. Каганович, К. Ворошилов, Г. Орджоникидзе и Н. Ежов³. Возможно, уже тогда все они знали, что компромат накапливается, и с ним систематически знакомят главу государства.

Напряженность в зале заседаний, искусственно нагнетаемая, поддерживалась шумным ажиотажем извне: отовсюду из громадной страны приходили тысячи телеграмм, гневных писем с выражением возмущения поведением обвиняемых, с решительными требованиями строжайших наказаний. В эту шутовскую кампанию были втянуты все слои населения, и рядовому гражданину было сложно разобраться в подлинных мотивах процесса, иметь собственное объективное отношение к тому, что происходило в Доме союзов. Многие больше доверяли не столько официальным версиям, сколько позиции известных, уважаемых, авторитетных людей, которые считались народной совестью. Это, безусловно, учитывалось и принимались соответствующие меры. Так, участия группы писателей в судебном заседании первого дня процесса оказалось достаточно, чтобы уже на следующий день в «Правде» появился их материал под красноречивым названи-

¹ На приеме у Сталина. С. 92, 94, 147 и др.

² Там же. С. 27, 28, 32.

³ Там же. С. 191.

ем «Шпионы и убийцы». Мастера слова, «инженеры человеческих душ» нанизывали один язвительный эпитет на другой, чтобы выразить всю глубину своего пренебрежения к подсудимым и заключали: «Щедрин, Гоголь, Достоевский, изображавшие самые омерзительные картины человеческого падения, не смогли бы нарисовать образ такого предателя и циника, двуличного политикана, как Пятаков или Радек, как Сокольников или Серебряков.

Ненавидимые всеми народами нашей страны, они понесут заслуженную кару и мы, вместе со всеми честными людьми, требуем беспощадного наказания для торгующих родиной изменников, шпионов и убийц»¹. И подписи: А. Фадеев, А. Толстой, П. Павленко, Н. Тихонов, Бруно Ясенский, Л. Никулин.

Даже Н. Крупская не смогла остаться в стороне от массивированной пропагандистской кампании и в той же «Правде» не пожалела красок, чтобы заклеить «злостных врагов трудящихся»².

В такой атмосфере терялись даже те, кто был способен к критическому мышлению, занимал независимую позицию. Так, в последний день процесса своими впечатлениями в периодике поделились Лион Фейхтвангер и Мартин Андерсен-Нексе. Они приветствовали идейный разгром троцкизма за границей и в СССР как торжество справедливости и демократии, одобряли характер и результаты деятельности судебных органов СССР. И, забегая вперед, следует отметить, что никакие последующие опровержения, очевидные фальсификации не поколебали убеждений известных общественных и культурных деятелей в правильности того, что происходило в последнюю декаду января 1937 года в Москве. Лион Фейхтвангер, в частности, сравнивая первый и второй московские процессы, отмечал, что о процессе Л. Каменева и Г. Зиновьева у него создалось впечатление по материалам прессы, он показался театральной инсценировкой, поставленной с каким-то жутким искусством. «Когда я, — продолжает писатель, — присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под воздействием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда означает правда»³.

¹ Правда. 1937. 24 января.

² Там же. 27 января.

³ Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 236–237.

Лев Троцкий, который был вынужден уехать из Европы и перебраться в Мексику, следил за московским процессом из-за океана. Он заметно нервничал. Сначала заявлял, что имеет убедительные документы о «невиновности Пятакова и его товарищей»¹. Затем, после признания подсудимыми своей вины, Л. Троцкий стал утверждать, что эти признания стали результатом применения страшных пыток и под действием каких-то «сильнодействующих наркотиков». В одной статье политический эмигрант характеризовал фигурантов процесса как людей «благородной души», «горячих и искренних старых большевиков», а в другой раз ругал Пятакова и его коллег, обзывая «ничтожествами, людьми, лишенными воли»².

На завершающем этапе московского процесса обвиняемые получили возможность обратиться к суду с последним словом. Георгий Пятаков говорил четко, ясно, последовательно. Внешне – вряд ли уверенно и убедительно, чувствовалось, что в душе он терзался, сдерживал себя, чтобы «не выйти за рамки». Подсудимый № 1, который отказался от защитительной речи, избрал для последнего слова, достаточно благородную, как ему казалось, логику. Он не стал опровергать выдвинутые против него обвинения, кроме одного: в том, что сейчас является идейным троцкистом, не избавился от своих прежних взглядов и настроений.

Георгий Леонидович не просил о помиловании. Он заявил, что примет любой приговор, будет считать его справедливым, что самым большим, самым страшным наказанием для него стало осознание своей вины. Именно поэтому он согласился подтвердить все выдвинутые обвинения, раскаивался в троцкистском прошлом и утверждал, что освободился от невыносимого груза недостойных поступков³.

Революционер с большим стажем, огромным опытом, он решительно отклонил возможные подозрения, будто бы его признания были сделаны под пытками или из страха. Поверив в законность поступательного развития советского общества, побед социализма и, желая содействовать объективным историческим процессам, он нашел необходимым сделать свой вклад в подрыв троцкизма как теории и практики, как пособника реакционных сил⁴.

¹ Правда. 1937. 6 февраля.

² Сейерс С., Канн А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 335.

³ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 222–224.

⁴ Там же. С. 222.

Последними словами Георгия Леонидовича Пятакова, которые он адресовал судьям, были: «Я слишком остро сознаю свои преступления, и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады.

Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной воле, потерявший свою партию, не имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя.

Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание того, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым»¹.

Судьям не пришлось долго мучиться с определением вины подсудимых, с выбором меры наказания – уже все было предreshено и вовсе не в зале суда. Военная коллегия Верховного суда СССР по делу антисоветского параллельного троцкистского центра 30 января 1937 года вынесла приговор: Г. Сокольников, К. Радека, В. Арнольда и остальных тринадцать обвиняемых во главе с Г. Пятаковым приговорить к смертной казни – расстрелу. Все приговоренные к высшей мере наказания сразу обратились в Президиум ЦИК Советов СССР с ходатайством о помиловании. На следующий день ходатайство было отклонено и приговор приведен в исполнение.

Так завершился земной путь Георгия Леонидовича Пятакова, едва ли не самой сущностной чертой которого оказались беспокойство, перманентная борьба, поразительные победы и сокрушительные поражения, головокружительные взлеты и бесславные падения.

5. Поверженный соперник

После смерти Г. Пятакова остались члены семьи: жена – Дитяева (иногда встречается: Дитятева. – В. С.) Людмила Федоровна, дочка – Рада, 14 лет и сын Юрий, 8 лет. Наверное, хотели, чтобы партийный псевдоним отца стал родным именем сына и «юрьевская» эстафета продолжалась...

Не случилось. Довольно скоро семью «врага народа» выселили из квартиры, которая еще не так давно была очередным поводом для восхваления Сталина. Этим с особым рвением занимался Карл Радек, талантливый публицист, который на процессе шел «вторым номером» и своей угодливостью, прислужничеством добился сохранения жизни, а по-конформистски вел себя и ранее. Вот он и «обыграл»

¹ Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 224.

факт переселения одного из самых крупных советских государственных функционеров в новую квартиру. Лавры достались, как водится, «вождю». «Коба – человек поразительный! – наигранно–очаровано и восхищенно восклицает популярный публицист. – Он узнал, что новый заместитель наркома ютится в крошечной квартирке, и приказал перевести его семью в роскошные апартаменты, обставленные чудной мебелью... Вот так Коба относится к тем, кто честно разоружился и порвал с оппозиционерами, поняв чудовищную сущность Троцкого...»¹

Теперь о доброте и гуманизме Кобы (И. Сталина) никто не вспоминал.

Жена Георгия Пятакова также была репрессирована. Ее следы затерялись в страшных лабиринтах ГУЛАГа. Писательница Евгения Гинзбург вспоминала, что именно ее в лагерях почему-то нередко принимали за жену Пятакова².

О судьбе детей Георгия Пятакова вообще ничего не известно. Вряд ли она сложилась счастливо.

Приговор Верховного суда и приведение его в исполнение власть использовала для развертывания мощной идеологической кампании против антисталинских элементов, укрепления принципов тоталитарного режима. Меры были традиционными: громкие передовицы («Сделать все выводы из процесса» – «Правда»³), многочисленные корреспонденции из различных регионов, резолюции собраний, митингов с выражением поддержки курса ВКП(б) и осуждением врагов советской власти. Заголовки также стали привычными: «Будем охранять вождей, как флаг на поле битвы», «Понесли заслуженное наказание», «Врагу народа Троцкому – не убежать от нашего суда», «Смерть Иуде – Троцкому», «Приговор – воля народа», «Страну социализма сумеем защитить!», «Воля народа выполнена», «Благодарим славных чекистов» (это еще не все материалы только одного номера⁴, а сколько их было вообще!..).

Примером использования в прессе обвинительных криминальных стереотипов может служить появившаяся буквально через четыре дня после пресловутой казни статья героя Октября, бесстрашного революционера Н. Крыленко «Враг народа – Троцкий» (обвинения в

¹ Цит. по: Семенов Ю. Ненаписанные романы // Нева. 1988. № 6. С. 68.

² Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 1990. С. 217.

³ Правда. 1937. 2 февраля.

⁴ Там же. 1937. 30 января и др.

«троцкизме» считались наиболее тяжкими, потому и по поводу только что завершившегося процесса публикация своей главной мишенью продолжала считать самого заклятого врага И. Сталина). Среди немыслимого нагромождения инсинуаций – организация *«убийств и террористических актов»* с применением одновременно той же тактики убийств по отношению к тем своим соратникам, которые проявляли колебания, посылка их на смерть под угрозой смерти от других своих агентов – таковы якобы методы «работы» Троцкого и его агентуры. Деятельность последних, как утверждалось, отличалась неслыханным вероломством, стремлением под лицемерной личиной двурушника проникнуть на важные участки в политике и экономики – при помощи Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова, Дробниса, Богуславского и других¹.

Нагнетая страсти, провоцируя массовый психоз, Н. Крыленко весьма прозрачно предрекал грядущие события: «Верховный суд приговорил к расстрелу главных пособников, клеветов и агентов врага народа Троцкого. Пятаков и Серебряников, Муралов, Дробнис и др. – расстреляны. Шпионы и предатели, диверсанты и изменники, контрреволюционеры и агенты японского и германского фашизма понесли должную кару, но враг народа Троцкий еще жив и живы еще и продолжают свою подлую работу в нашей стране еще не раскрытые его агенты, которых нельзя различить от прямых и ничем не прикрытых разведчиков, диверсантов и шпионов.

(...) Народы всего мира в великих битвах завтрашнего дня сметут с лица земли, как былинку, врага народа Троцкого и его шайку, где бы она не притаилась, какие бы новые козни ни злоумышляла, какими бы новыми предательствами, изменами и подлыми делами она им не грозила...»²

Даже Серго Орджоникидзе не раз публично слал проклятия в адрес казненного «негодая» – «троцкиста» Г. Пятакова – и сожалел, что не проявил достаточную бдительность, не разоблачил врага, который находился с ним рядом, влиял на расстановку кадров, принятие принципиальных решений и тому подобное³.

Буквально на следующий день после расстрела своего заместителя, Орджоникидзе, выступая на приеме делегации инженерно-технических работников и их жен в Наркомате тяжелой промышленности, за-

¹ Известия. 1937. 5 февраля.

² Там же.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 156. Л. 6–9, 12 и др.

являл: «В этой огромной борьбе ваш отряд социалистических борцов занимает самое почетное место. Вы знаете сколько у нас “друзей”, не только – будь они прокляты – фашисты за границей, но вы имели возможность читать и слушать процесс этой дряни – агентов германского фашизма, которые пытались продать нашу родину японцам и германцам. Будь проклят этот враг нашей родины – Иудушка Троцкий и его представители – Пятаков, Радек, Сокольников и прочая сволочь!

(...) В списках негодяев вы видите Пятакова, Радека, Сокольникова, Муралова и прочих шпионов. Это говорит о чем? Это говорит о том огромном напряжении сил, которые проявляет враг, чтобы побить нас.

Враг всеми силами ловчится, чтобы найти своих агентов в нашей стране»¹.

Вместе с тем в историографии бытует мнение о том, что С. Орджоникидзе имел возможности, которыми, однако, не воспользовался, чтобы заступиться за Г. Пятакова, как не решился он на подобный шаг в отношении К. Радека, а также Л. Каменева и Г. Зиновьева.

Правда, предпринимались попытки и иначе представить реакцию Г. Орджоникидзе на расстрел Г. Пятакова. Юлиан Семенов опубликовал версию, о которой узнал от старого партийца Федора Петрова. Тот рассказывал, что, узнав о приговоре Георгию Пятакову, Серго вроде бы вспылал. Н. Ежов заверял наркома тяжелой промышленности, что его бывший заместитель жив, обещал даже встречу с ним после выздоровления. Г. Пятаков якобы «перенес шок после фарса, разыгранного норвежцами [?! – В. С.]»².

Ф. Петров утверждал, что Георгий Леонидович сознательно согласился рассказать о скандально известном полете в Осло с подачи Серго и тем «прокричал о своей невинности из тюремной камеры», дал понять всему миру о фальшивой сущности процесса. Это разгневало И. Сталина, который отказался принять Г. Орджоникидзе по его просьбе. И тогда нарком, вроде бы решил выступить с обличительной речью на очередном, февральском пленуме ЦК ВКП(б), начал даже готовиться, однако смерть при загадочных обстоятельствах не позволила реализовать замысел.

¹ Орджоникидзе Г. К. Добить врага и следить чтобы он к нам не проник! Речь на приеме делегации инженерно-технических работников нефтеперерабатывающей промышленности и их жен в наркомтяжпроме 1 февраля 1937 года // Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи 1918–1937. М., 1945. С. 466.

² Лиходеев Л. Поле брани, на котором не было раненых. М., 1990. С. 6.

Во что в этой версии верится — так это в то, что Серго Орджоникидзе, очевидно, не мог спокойно перенести потерю друзей, с которыми довелось жить и бороться плечом к плечу десятки лет, убеждаться не раз в их честности, порядочности, преданности благородным идеалам.

Остальные суждения, о которых шла речь выше, требуют подтверждения, чего до этого времени никто не смог сделать.

Нелишне заметить, что соратниками И. Сталина в ранг «государственной политики» фактически были возведены недоверие и подозрительность, осознанно провоцируемые и поддерживаемые в массах советских людей, веривших, что на каждом шагу их подстерегают вредители, шпионы и диверсанты. Об этом красноречиво свидетельствует доклад «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-троцкистских агентов», с которыми член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов выступил на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК ВКП(б). Обильно используя материалы недавно прошедшего процесса по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», он говорил:

«В течение ряда лет из месяца в месяц группы вредителей и диверсантов, сидевших на боевых участках нашей промышленности, делали свое преступное дело, все более наглея от своей безнаказанности. Мы не можем при этом забывать о том, что эти преступления были лишь подготовкой, лишь пробой сил в отношении более крупных и опасных для нашей страны ударов в дальнейшем. По заданиям Троцкого—Пятакова вредители, диверсанты и шпионы из их компании готовили нанесение главных ударов к началу войны (...).

В Наркомтяжпроме сидел заместитель наркома Пятаков, оказавшийся вредителем-диверсантом. Но, как известно, и в НКПС вредитель Лившиц был на посту заместителя наркома. В Наркомлесе вредитель Сокольников также был заместителем наркома, а до того сей шпион был, как известно, заместителем наркома по иностранным делам... Вредителем оказался бывший начальник Цудортранса Серебряков (...). Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма»¹.

¹ Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937. С. 9, 16, 53.

Такого рода материалы издавались массовыми тиражами, а содержащиеся в них демагогические установки воспринимались в тех условиях, естественно, как партийные и государственные директивы¹.

К сожалению, и десятки лет, прошедших после реабилитации тысяч и тысяч репрессированных в сталинскую эпоху, официально-го признания судов над «врагами народа», инспирированными партийным и советским руководством страны, нет-нет, да и появляются публикации, авторы которых не только не учитывают научных, правовых реалий, не только игнорируют их, но и, по существу, считают правомерными вынесенные тогда смертные приговоры, повторяют абсолютно недопустимую, неприемлемую для здравого смысла логику и даже фальшивую стилистику инициаторов и исполнителей массовых преступлений. Так, Аким Арутюнов, не устающий искать и тиражировать мыслимый и немыслимый «криминал» на В. Ленина, коммунистическую партию (в значительной мере его «достижения» собраны в скандально-спекулятивном двухтомнике, изданным в серии с красноречивым названием «Досье без ретуши»²), дошел до того, что перечислил имена большевиков – «предателей России», якобы вступивших в секретные связи с германскими властями, что повлекло за собой губительные последствия. «Это прежде всего, – подчеркивает А. Арутюнов, – вожди партии и комиссары – Ульянов (Ленин), Троцкий, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Коллонтай, Фрунзе, Раскольников, Крыленко, Дыбенко, Володарский, Ганецкий, Козловский, Крушавич, Радек, Подвойский, Данишевский, Урицкий, Менжинский, Луначарский, Преображенский, Иоффе, Фабрициус, Раковский, Пятаков». Далее он перечисляет еще двадцать две фамилии масштабных деятелей (всероссийского масштаба) и 117 «исполнителей разных уровней», завершая пассаж примечательным заявлением: «А скольких имен предателей мы еще не знаем! И кем после всего этого считать большевиков и их вождя, определившего свою партию как “ум, честь и совесть нашей эпохи”»³.

Обращает на себя внимание то, что среди перечисленных нет имени И. Сталина (Джугашвили). Удивительно, но и среди серьезных исследователей встречаются те, кто полностью доверяют измышлениям, подобным арутюновским, и более того, используют их с целью

¹ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 230.

² Арутюнов А. А. Ленин. Личностная и политическая биография. (Документы, факты, свидетельства). Издание второе, дополненное и уточненное. М., 2003. Т. 1. Великий экспериментатор. С. 480; Т. 2. Красный якобинец. С. 480.

³ Он же. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 111.

доказать, будто бы «КПСС выродилась в мафиозную организацию», являлась вредоносным придатком, паразитировавшем на обществе, средоточием проходимцев, лицемеров, проныр, карьеристов, хищников, лстецов, взяточников, террористов и предателей»¹.

Отмеченное весьма печально, поскольку трудно поверить, что пропаганде эпохи массового террора и репрессий вообще можно доверять.

Можно было смолчать, как вынужден был поступать некогда лучший друг Г. Пятакова Николай Бухарин. Главный редактор одной из самых крупных и влиятельных советских газет – «Известий» (до этого он многие годы возглавлял «Правду» – важнейший рупор борьбы с оппозиционерами), он, несомненно, понимал (обязан был понимать), что где-то на очереди жертвы обязательно будет он. И не только потому, что, просматривая и визируя очередной номер печатного органа, находил: на процессе Г. Пятакова – К. Радека его имя упоминается так часто, в таком контексте, что месть власть предержащих его не минует. Логику развития событий предугадать было несложно: он, Н. Бухарин тоже обречен только потому уже, что был соратником В. Ленина и, подобно Г. Пятакову, объективно мог быть реальным соперником И. Сталина. А тот не мог допустить реализации такой перспективы, как, впрочем, и простить прошлого.

На московские процессы, массовые репрессии, в первую голову против руководящего ядра большевиков, сложившегося в послереволюционные годы, не мог не отреагировать Л. Троцкий. В своем рупоре «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» среди других сталинских жертв он, естественно, назвал и Г. Пятакова, сопроводив изложение вопиющих фактов пространном комментарием. Среди прочего он, самый опасный враг Сталина отметил: «Ни один вменяемый человек не верит больше тому, что сотни старых революционеров, вожди подпольной большевистской партии, руководители гражданской войны, революционные советские дипломаты, военачальники Красной Армии, главы 30 национальных советских республик, все сразу, как по команде, стали агентами фашизма. Нью-Йоркская Комиссия расследования, состоящая из безупречных и беспристрастных людей, признала, после 9 месяцев работы, московские суды самой грандиозной фальсификацией в человеческой истории. Сейчас вопрос состоит не в доказательстве того, что Зиновьев, Каменев, Смирнов, Пятаков, Серебряков, Сокольников, Радек, Раковский, Крестинский, Тухачевский и сотни других пали жертвой

¹ Дьяков Ю. Л. Идеология большевизма и реальный социализм. М.–Тула, 2008. С. 130–131.

подлога. Это доказано. Вопрос состоит в объяснении того, как и почему кремлевская клика могла решиться на такого рода чудовищный подлог. Ответ на это вытекает из всего предшествующего. В борьбе за власть и доходы бюрократия вынуждена отрубать и громить те группы, которые связаны с прошлым, которые знают и помнят программу Октябрьской революции, которые искренно преданы задачам социализма. Истребление старых большевиков и социалистических элементов среднего и младшего поколения является необходимым звеном антиоктябрьской реакции»¹.

И позднее этот неистовый критик И. Сталина не раз возвращался к анализу московского процесса над Г. Пятаковым, К. Радеком и другими, опубликовал ряд статей: «Начало конца», «Социализм и большевизм (К вопросу об исторических и теоретических корнях Четвертого Интернационала)» и другие. Их лейтмотивом стала почти афористическая формулировка: «Сталинизм стал бичом Советского Союза и проказой мирового рабочего движения. В царстве идей сталинизм – ничто. Но зато это грандиозный аппарат, эксплуатирующий динамику величайшей революции и традицию ее героизма и победоносности. Из творческой роли революционного насилия в определенный исторический период Сталин с отличающей его эмпирической ограниченностью сделал вывод о всемогуществе насилия вообще»².

Однако И. Сталин был именно тем и, может быть, единственным человеком (не хочется верить, что у него были искренние единомышленники), который, пожалуй, мог втайне торжествовать после процесса, тихо радоваться смерти Георгия Пятакова. Да, в этом весь И. Сталин. В борьбе за личную власть он устранил еще одну важную помеху. Из пяти отмеченных В. Лениным наиболее вероятных претендентов на роль его преемника в партии и государстве (конечно, кроме самого И. Сталина) наиболее грозный, самый опасный – Л. Троцкий давно был изгнан из СССР, вынужден скитаться по заграницам, осесть в конечном итоге в далекой Мексике. Этим судебным процессом ему был нанесен еще один сокрушительный удар, после которого не уже мог сколько-нибудь эффективно влиять на события в СССР. Л. Каменев и Г. Зиновьев, несмотря на их интеллектуальные способности, сильными политическими бойцами никогда не были, и их первыми убрали с политической арены, уничтожив физически.

¹ Троцкий Л. Д. Продолжает ли еще советское правительство следовать курсом, усвоенном 20 лет тому назад // Антология позднего Троцкого. М. С. 586.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59. С. 2–3.

Не обладал чертами характера, необходимыми для такой острой борьбы в ВКП(б) и СССР, какая разгорелась в середине 30-х годов, и Н. Бухарин. Кампания против него, по мнению И. Сталина, будет выиграна сравнительно легко.

А вот Георгий Пятаков казался крепким орешком, с которым справиться не так-то легко. От него можно было ожидать сюрпризов, серьезного сопротивления, принимая во внимание хорошо известный характер перманентного оппозиционера, для которого не существовало безусловных авторитетов.

Поэтому устранить с поля сражения такую фигуру, как Г. Пятаков, да еще, как оказалось, и без особых осложнений – это была большая победа И. Сталина.

Достаточно весомыми вырисовались и ее идейно-психологические последствия. К тому времени уже стало привычным в прессе, «на людях» приписывать генеральному секретарю ЦК ВКП(б) наряду с другими заслугами и идею пятилеток, и авторство мобилизующих, громких лозунгов вроде того, что нет в мире таких крепостей, которых бы не могли взять большевики. Хотя на самом деле соратники Г. Пятаков, работавшие с ним рядом, хорошо знали, что пятилетние планы, перспективное планирование вообще являются, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав этой книги, плодом деятельности «Освока» – «Особого совещания по воссозданию основного капитала промышленности», – созданного по инициативе Георгия Леонидовича в структуре ВСНХ еще в 1925 году, а затем перенесенного в Госплан СССР¹ (не зря же Н. Валентинов в своих мемуарах посвятил весьма обширную главу проблеме «Пятилетние планы и роль Ю. Л. Пятакова»²). Как хорошо знали и характерное именно для того же Георгия Леонидовича утверждение, которое он часто повторял с первой половины 20-х годов: «У нас, у коммунистов, понимание невозможного отличается от понимания его не коммунистами. Невозможное для них – для нас возможно»³. И. Сталин осуществил перефразировал его в 1931 году... Однако об этом все быстро забудут, а те, кто будет помнить, будут бояться назвать даже имя «врага народа», все, что с ним связано.

Так Георгий Пятаков стал одной из первых жертв 1937 года, который в нашу отечественную историю вошел под черным зловещим знаком.

¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С. 234–243.

² Там же. С. 216–262.

³ Там же. С. 233.

Казалось бы, можно было на этом успокоиться. Но, судя по всему, И. Сталину было мало смерти Г. Пятакова. Он хотел, чтобы о его сопернике навсегда оставалось лишь негативное представление.

Эту задачу призвана была выполнить книга «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». На титуле значилось, что издание осуществлено под редакцией и одобрено ЦК ВКП(б). В историографии не раз высказывались предположения, что без личного участия И. Сталина в ее подготовке не обошлось, а в тех условиях и не могло обойтись. Книга увидела свет в 1938 году и с тех пор переиздавалась на разных языках более 300 раз, а общий тираж составил гигантскую цифру – более 70 млн экземпляров.

И. Сталин обладал поистине злой памятью. Г. Пятакову, как и всем другим оппозиционерам, особенно из узкого ленинского круга, он (а, может быть, угодливые авторы-историки, работавшие над книгой, ставшей, согласно специальному постановлению ЦК партии, обязательной для изучения в системе образования и политической учебы) «припомнил» все негативное (как действительно имевшее место, но существенно преувеличенное, так и вымышленное), ни одним добрым словом не обмолвившись хотя бы о каких-либо позитивных деяниях большевиков.

Тут и неприятие Апрельских тезисов В. Ленина, выступления против ленинско-сталинской позиции на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), противодействие одобрению Брестского мира, причастность ко всем оппозиционным выступлениям. Естественно особый акцент делался на «планах» устранения (убийства) В. Ленина, И. Сталина, Я. Свердлова, Ф. Дзержинского¹.

И нельзя сказать, что усилия И. Сталина, его пособников не оказали влияния на представление о личности Г. Пятакова.

Со страниц «Краткого курса» сталинские, по существу, оценки десятилетиями переходили в неизменном виде на страницы тысяч исторических трудов. И даже после разоблачения культа личности И. Сталина отношение историков к Г. Пятакову почти ничем не изменилось. Об этом наиболее ярко свидетельствуют учебники по истории КПСС и СССР, в том числе многотомные, фундаментальные издания.

В новейшей историографии существенных подвижек в этом также практически не произошло. Так что мстительный расчет И. Сталина, как оказалось, оправдался.

¹ История Всероссийской Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945. С. 182, 206, 208, 276–277, 331 и др.

В ДОПОЛНЕНИЕ К ИЗЛОЖЕННОМУ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Кому-то история представляется не таким уж сложным предметом исследования. Наверное, такое впечатление не в последнюю очередь складывается из опыта ее школьного и вузовского изучения: даты, события, деятели, дихотомичные оценки – хорошо/плохо, иногда, впрочем, в сопровождении паллиативных предостережений, что не следует однозначно судить о сложных по своей природе явлениях и процессах.

И все же во множестве случаев остается (просто не может быть иначе) место для тех или иных сомнений не только относительно воспроизводимой и почерпнутой, главным образом, из книг картины прошлого, но и известная, иногда подспудная неуверенность в строе, логике, правильности собственных представлений и мыслей о далеком и недавно пережитом историческом опыте.

На подобные темы немало размышляли разные люди – от блестяще образованных, всесторонне подготовленных профессионалов-ученых, глубоких мыслителей до простых обывателей, нередко берущихся смело, бескомпромиссно судить об истории, порой со скуки, безделья, или, на худой конец, отыскивая какую-то опору для объяснения занимаемых позиций, самоутверждения в правоте поведения, оправдания совершаемых поступков.

В 1979 году мне, тогда молодому еще, по существу, начинающему, исследователю довелось принимать участие в научной сессии, проводившейся в Тбилиси Центральным Комитетом Компартии Грузии совместно с Институтом истории партии при ЦК Компартии Грузии – филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Сессия была посвящена 90-летию со дня рождения Лаврентия Иосифовича Картвелишвили – видного партийного и советского деятеля, судьба которого отчасти оказалась связанной с Украиной. Получив образование в Киеве, Л. И. Картвелишвили – член большевистской партии с 1910 года – занимался активной политической деятельностью, в 1917 году принимал участие в установлении советской власти в Украине. Он был делегатом I съезда КП(б)У и ряда последующих

форумов, а с конца 20-х годов избирался членом Политбюро и Оргбюро, был вторым секретарем ЦК Компартии Украины. Затем была работа на самих высоких постах на Кавказе, в Сибири и, наконец, трагическая участь, постигшая в 1937–38 годах многих представителей его поколения.

После официального заседания с участием представителей широкой общественности, делегаций из ряда союзных республик, состоялась пышный торжественный прием. Он проходил в зале, где на самом видном месте над праздничным столом висели портреты с которых на гостей смотрели И. Сталин и Л. Картвелишвили.

Больше всего меня поразили речи (точнее, по кавказской традиции, красивые тосты) очень высоких участников собрания, среди них убеленных сединами почтенных гостей, лично знавших изображенных на портретах политиков. Почти с актерской выучкой, картинно вздымая руки к небу, демонстрируя высшую степень смятения, растерянности, они практически в один голос повторяли: «Необъяснимо, непонятно, как могло случиться, что два таких выдающихся человека, умных и светлых, являвшихся личными друзьями, дошли до таких отношений, что один из них пал жертвой, относимой на счет другого. Так не должно было быть!»

Я воспринимал происходившее с внутренней досадой, трудно было сдерживать разочарование – чтобы не показать его и тем не обидеть присутствующих. Считал, что являюсь свидетелем недостойного, низкопробного фарса, где торжествуют лукавство, неискренность, конъюнктурное притворство. Удивляясь, я думал: ведь эти, гораздо более опытные, нежели я, несравнимо больше повидавшие и пережившие люди, не могут, не должны вести себя столь фарисейски. Кому, как не им, знать, что попытки уравнять палача и жертву в высшей степени аморальны. Разве не ясно, что оправдания преступлений И. Сталина быть не может...

Время от времени упомянутый эпизод всплывал в памяти. Однако по мере профессионального развития, приобретения опыта, постепенно уменьшалось, уходило решительное осуждение тех людей, которые остерегались категорично-простых, однозначных формул и схем. Речь вовсе не о солидаризировании с их первоначально эпатировавшей меня позицией. Просто со временем приходило осознание, что в реальной жизни все сложно, противоречиво. И приблизиться к пониманию ее сущности возможно лишь стремясь к адекватному этой сложности уровню мышления. И чем системнее анализ набора (суммы) факторов, поддающихся изучению, тем, оказывается, многоаспектнее, многослойнее представление о прошлом, когда наряду

с постигнутым, разгаданным, убедительно истолкованным остаются эпизоды, в которых концы с концами, как говорится, не всегда сходятся.

...Рационально объяснить многое в общественной жизни подчас, кажется, не под силу, какой бы совершенной логикой и научным исследовательским инструментарием не доводилось оперировать.

Уже более или менее обстоятельно зная биографию Г. Пятакова, представляя себе, какую зловещую роль в его судьбе, жизни тысяч честных, преданных своей родине, народу людей сыграл А. Вышинский, я в очередной раз тяжело пережил охватившие меня чувства растерянности, смутной горечи даже и собственную вину (хотя вразумительно объяснить себе свою причастность к этому недоразумению не мог), когда читал надпись, выбитую золотом на черной табличке, закрывавшую урну с прахом бывшего Генерального прокурора СССР. И где?! В Кремлевской стене, на «красном погосте», как назвал В. Маяковский место коллективного захоронения героев и жертв революции.

Голову неотступно сверлила, больно жгла мысль: а где могила Г. Пятакова, как и захоронения многих и многих тысяч репрессированных, среди которых столько подлинных героев и жертв революции? Наверное, этого никогда и не удастся установить.

Почему все настолько невероятно переплетено и перепутано? Почему и через столько лет «не на своих местах»?

Как же иногда несправедлива история!.. И не только в воспроизведенном эпизоде с субъективной окраской.

В ряду других выделяется не столь давняя встреча, оставившая в душе тяжелый осадок. Я работал директором Украинского института национальной памяти. Как-то секретарь сообщила, что пришел посетитель довольно преклонных лет. Фамилия его Логинов (довольно распространенная) в тот момент мне ничего не говорила, он просил его принять. Я тут же его пригласил.

Нетвердым шагом, опираясь на инвалидную палочку, в кабинет вошел действительно очень пожилой человек, скромно представился пенсионером и, как-то с опаской поглядывая вокруг, начал сбивчивый разговор о жизни, о себе. Я внимательно слушал. Оказывается, его отец, Владимир Федорович Логинов – большевик с 1917 года, член Киевского комитета РСДРП(б), делегат второго и ряда последующих съездов КП(б)У, избирался членом ЦК республиканской парторганизации, работал на высоких партийных и государственных должностях, был одним из ключевых организаторов создания отече-

ственной химической промышленности, в частности работал управляющим трестом «Кокс».

Только в этот момент я сообразил, что речь идет об одном из участников процесса так называемого «параллельного троцкистского центра». Тогда, на основе прежде всего показаний В. Логинова, Г. Пятакову приписывалась роль организатора и руководителя украинской ветви подпольной троцкистской организации.

Визитеру я сознался, что, к сожалению, знаю о деятельности его отца немного и поинтересовался о цели визита. Тот ответил, что просит моего содействия в публикации статьи об отце. На стол легли пожелтевшие от времени машинописные листы. Естественно, я пообещал ознакомиться с рукописью и затем продолжить общение. Предложил перезвонить через несколько дней (свой номер телефона он почему-то не захотел оставить ни мне, ни в приемной) или, если позволит здоровье, зайти. Сын В. Логинова сказал, что у него сохранились редкие, практически неизвестные фотоснимки отца и ряда его коллег (перечислял действительно известные фамилии), чем очень меня заинтересовал (как бы в доказательство одну такую фотографию он показал). На прощание я подарил свою книгу о Г. Пятакове. Как мне показалось (может быть, только показалось), собеседник несколько смутился.

Больше мне с ним увидеться не доводилось. Не думаю, что из-за моей книги, из-за единственного упоминания в ней о В. Логинове, точнее о его ложном свидетельстве, которым на процессе оперировал А. Вышинский. Ведь в монографии В. Логинов еще дважды фигурирует в связи с его серьезным вкладом в дело организации партийного подполья в Украине в 1918 году, в подготовку образования КП(б)У. Хотелось бы думать, что посетитель, которого я желал бы хоть еще раз увидеть, и сегодня жив и здоров. Впрочем, в таком возрасте все может быть.

После некоторых колебаний я отказался от мысли самому его разыскать. Если он отказался от своих планов, наверное, есть какие-то, может быть и достаточно веские, резоны. Но ведь и мне, по существу, нечего было ему сказать, нечем порадовать. Что и говорить – ведь объективно я оказался в весьма сложном положении. Рукопись статьи сына Логинова была подготовлена, скорее всего, в конце 50-х – начале 60-х годов, на волне разоблачения культа личности Сталина после XX съезда КПСС, но не была в то время опубликована. В ней В. Логинов характеризовался как кристально честный большевик, честнейший и порядочнейший человек, отдавший жизнь делу рево-

люции, торжеству социализма и совершенно необоснованно ставший жертвой сталинских репрессий.

Я понимал, что у материала, написанного в таком однолинейном ключе вряд ли в настоящее время есть надежная перспектива публикации, а переписывать (переделывать) его с обязательным изучением дополнительного объемного пласта источников из-за загруженности другими, также достаточно важными делами, да и по ряду соображений (прежде всего, из-за особого – скрывать нечего – отношения к Г. Пятакову) не мог, да в общем-то и не хотел. Однако все же считал нужным что-то предпринять в ответ на просьбу сына Логинова (ведь сколько таких, как он, стремящихся хоть на исходе жизни восстановить справедливость, оставить более объективную память о своих родных и близких!). Я размножил рукопись и предложил, как исходный материал, знакомым журналистам в несколько изданий разного направления. Просил отнестись повнимательнее, «нажимал» на возраст и состояние сына. Надежды были небольшие, но все же положился на удачу: а вдруг кто-то положительно отреагирует, заинтересуется сложной, трагической судьбой Логинова – ведь личность то действительно неординарная: он входил в круг управленческой элиты («высшей номенклатуры») своего времени, общался с многими известными политиками и хозяйственниками, участвовал в значительных событиях отечественной истории. А в предложенном материале есть неплохая основа, по крайней мере отправные точки, да и в общем-то ясная канва для «раскрутки» увлекательнейшей публицистической интриги.

Однако расчет не оправдался – все коллеги под разными предлогами предпочли дистанцироваться от «неудобного» материала.

Для меня же произошедшее послужило импульсом для новых непростых размышлений. Среди них и такие. Может быть, сегодня мы все (себя я, естественно, не исключаю) предпочитаем не докапываться до истины о том, что происходило в относительно продолжительный период отечественной истории, целой ее эпохи? Остерегаемся? А может, мы все еще не готовы сделать это на серьезном научном уровне?

И в первом, и во втором случаях, сознательно избегая категоричных обобщений, я пришел к выводу, что при оценке состояния исторической науки мысли приходят не вполне оптимистические.

Значит, предстоит еще немало потрудиться, чтобы воссоздать эти непростые, противоречивые страницы истории. Без этого правдиво, реалистично оценить свершенное поколением Г. Пятакова, определить их место в цивилизационной поступи, постичь смысл жизни,

борьбы, принесенных жертв будет невозможно. Надеюсь, что последние слова не будут восприняты как дежурная банальность.

Искренне хотелось бы, чтобы сын В. Логинова успел получить достоверный, убедительный, развернутый ответ на вопрос, кем в действительности был его отец; как по справедливости оценить его, а также его друзей, коллег, побратимов, равно как соперников и недругов поведение; непредвзято и объективно охарактеризовать стремления и свершения, просчеты, ошибки и преступления действующих лиц исторического процесса.

Но не менее важно, чтобы не только конкретное лицо или его сверстники получше познакомились с обстоятельными, обоснованными суждениями и разумными выводами о мало известных широкой публике страницах отечественной истории. Чрезвычайно важно, чтобы максимально реалистичный подход к прошлому лежал в основе исторической памяти каждой новой генерации людей.

Однако приходится с сожалением констатировать: даже попытка хотя бы единожды упомянуть имя Г. Пятакова в новейшем школьном учебнике вызвала непримиримо-отрицательную реакцию части украинских политиков, ориентированных на них преподавателей и ученых.

При этом совершенно очевидно, что подавляющее большинство из них совершенно не обладая объективной информацией (просто были лишены возможности ее получить), демагогически оперируют стереотипами, заимствованными из арсеналов идейно-политического противоборства давно минувших дней.

Осознание того, что только научно-реалистическое историческое знание может рационально питать формируемую социальную память приходящих поколений, накладывает на гуманитариев чрезвычайную ответственность, определяет их особую общественную роль.

Как представляется, сегодня вряд ли можно безоговорочно утверждать, что мы всегда находимся на высоте задач, выдвигаемых временем, запросов, диктуемых как насущными, так и самыми высокими потребностями общественного развития. Отсюда обостряющееся чувство профессионального долга и е стремление как можно глубже постигать прошлое, прилежно усваивать его уроки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Становление характера	17
1. Семья	17
2. Училище	21
3. Анархо-бунтарство	24
4. Увлечение марксизмом	28
Глава II. В поисках берега	32
1. Среди киевских социал-демократов	32
2. Партийные будни	38
3. Определение позиции	41
4. Под неусыпным жандармским оком	46
5. Секретарь Киевского комитета РСДРП	50
6. Арест. Следствие. Суд	60
Глава III. К новым масштабам партийной деятельности	71
1. Кругосветная «Одиссея»	71
2. Европа. Первые разногласия	74
3. В эпицентре внутрипартийных разногласий	81
4. На острие злободневных дискуссий	93
Глава IV. В революционном водовороте	108
1. Вдохновитель оппозиционной платформы	108
2. Лидер киевских большевиков	127
3. Председатель Киевсовета	145
4. Комиссар российского Госбанка	157
5. «Левый коммунист»	162
Глава V. Секретарь первого ЦК Компартии Украины	171
1. Детерминанты решений	171
2. Таганрогское совещание	182

3. На первом партийном съезде	199
4. Какой быть партии?	223
5. На острие повстанческой стихии	238

Глава VI. Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины

248

1. Обусловленность восстановления советского правительственного центра	248
2. За восстановление власти Советов	252
3. Правительственный кризис. Отставка	263

Глава VII. Новые взлеты и падения

272

1. Снова секретарь ЦК КП(б)У	272
2. Очередные фиаско.	277
3. На фронтах гражданской.	288
4. В труде, как в бою	302

Глава VIII. Перманентный оппозиционер

311

1. «Выдающийся и преданный работник»	311
2. Вице-президент ВСНХ	324
3. С Троцким против Сталина	338
4. Зарубежная «ссылка»	354

Глава IX. Последние превратности судьбы.

366

1. На переднем крае сталинского хозяйственного штурма	366
2. Прелюдия трагедии.	373
3. «Подследственный»	383
4. Центральная фигура процесса.	390
5. Поверженный соперник.	406

В дополнение к изложенному (вместо заключения)

416

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА “Политическая энциклопедия”

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН

Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75 ст. м. «Марьиная Роща»

КИОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
тел. +7 (499) 126-94-18 ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА

Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15
тел. +7 (495) 694-50-07 ст. м. «Пушкинская»,
«Смоленский рад», «Театральная»

интернет-магазин
издательства
<http://www.rosspen.ru>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Научное издание

История сталинизма

Солдатенко Валерий Федорович

Георгий Пятаков:
оппонент Ленина, соперник Сталина

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Е. Ю. Коновалова*

Корректор *В. С. Батченко*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 17.05.2017.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 661

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6